

Annotation

Радужный хозяин примет любых гостей: званых, незваных, добрых и наоборот, никогда ведь заранее не узнаешь, кто переступит твой порог. Бывает, приходят и те, кто норовит исподтишка или силой занять хозяйское место, полагая чужую жизнь лишь полем для собственной беспечной игры. Впрочем, такому гостю рано или поздно укажут на дверь, будь он хоть демоном, хоть богом. Потому что в этом доме уже есть один хозяин: человек.

Горные дороги бога

*Все на свете вершится за плату:
Где-то больше отдашь, где-то меньше.
День за днем неизбежные траты
И мужчин настигают, и женщин.
Кто-то прячет кошель, чтобы вдвое
Уплатить изначальную подать,
Перепутав свое и чужое.
Кто-то честно расходует годы,
Силы, страсти, надежды, измены,
Но ни капли, ни щепоти лишней!
Ведь и тот, и другой знают цену
Всем минутам отмеренной жизни.
Помнить каждый свой счет до монетки —
Дело дельное. Дело благое.
Но и в мире расчетов нередко
Можно встретить... Изгоя? Героя?
Он улыбчивым будет. И хмурым.
И беспечным. И полным сомнений.
Ночью. В полдень. Под вечер. Наутро.
С болью. С песнями. Но неизменно
Без сокровищ, принцесс и драконов:
Подвиг — радость шальных одиночек.
Он живет по простому закону:
Если можешь, то делай.
И точка.*

Шаг первый

Где-то здесь...

Места заключения всегда похожи друг на друга чем-то неуловимым, но успешно добирающимся до того уголка сознания, который лучше других умеет отчаиваться. И если вовремя не отвернуть в сторону, не постараться уйти с дороги безжалостно накатывающего страха, можно потерять все, чем обладал. Или, что еще хуже, потеряться.

Керр Крон со-Логарен знал это правило наизусть, однако, когда дело дошло до практического применения знаний, с удивлением понял: не так-то просто самому исполнять собственные приказы. Вот учить — да, значительно проще. А еще проще командовать, нашлось бы только кем. Впрочем, в том, что касается обилия послушных подчиненных, человеку, носящему на груди золотой знак, жаловаться точно было бы грешно. Да, все еще носящему, и это, пожалуй, удивляло даже больше, чем внезапно накатившее ощущение бессилия перед равнодушным лицом обстоятельств.

Керр дотронулся кончиками пальцев до полотняной складки, в которой пряталось драгоценное, тяжким трудом заслуженное звено. Он и сам не смог бы себе объяснить, зачем делает это время от времени. Чтобы снова и снова убеждаться: оно все еще тут? Или чтобы однажды не обнаружить под рукой затейливо сплетенную металлическую фигурку и наконец вздохнуть спокойнее?

Стыдно было признать, но сирота, волей случая и мановением руки высокопоставленных персон поднявшийся над многими не менее достойными жителями Дарствия, втайне надеялся, что рано или поздно наглухо закрытая тюремная дверь откроется и через нее войдет тот, кто наделен правом возвращать блудные Звенья обратно. В цепь, которую, как гласит легенда, сковал лично первый Дарохранитель Логарена. Конечно, после расставания с золотым знаком Керра могла ждать только немедленная и неотвратимая смерть, но умереть он не боялся. Куда более страшной казалась возможность вновь услышать хорошо знакомые приказы и... покорно подчиниться.

Любая служба со временем изматывает, а та, что приходилось исполнять золотозвеннику, и вовсе не помышляла щадить своих исполнителей. Он устал почти сразу же, на втором или третьем году обретения высшего чина, но даже усталость и прочие утомительные чувства скоро померкли перед простым и ясным фактом: из замкнутого круга Цепи миротворения можно выйти только ногами вперед. Правда, как быстро выяснилось, смерть еще надо заслужить, вымолить или украсть, ведь к услугам Звеньев предлагались все возможные средства как защиты, так и нападения.

Керр уже довольно давно старался избегать употребления причудливо выглядящих и еще более странно пахнущих зелий, благо имел право почти никому не разьяснять причины своих решений и поступков. А пока рядом находилась Элса, избегать предписанных процедур было совсем просто. Но она могла уйти и ушла, едва возник подходящий случай. Не захотела принимать золото, счастливица...

Светильник, закрепленный в решетчатой корзинке, мигнул. Значит, прошло еще три или три с половиной часа. И если сложить их с теми, что минули прежде, получаются новые полные сутки. Девятые.

Вряд ли тюремщики желали таким образом сообщать Керру о течении времени, но приносить в камеру настоящий огонь явно побоялись. А с другой стороны, оставлять узника

в темноте было еще опаснее. Мало ли что может учудить?

Впрочем, чудить золотозвенник как раз не собирался, несмотря на все, что случилось несколько дней назад. О нет, разумеется, ему до смерти было любопытно узнать, от чего именно лицо Андарышло багровыми пятнами, когда подруга детских лет, срываясь на визг, пролаяла приказ об аресте. Кое-какие догадки конечно же имелись, но Керр хотел все знать точно. Потому что от точности зависело единственное решение, которое он должен был принять: продолжать жить или отправляться на поиски смерти.

В дверном замке что-то звякнуло, натужно проскрипело, настороженно смолкло, и прошла почти минута, прежде чем к бледному гнилушечьему свету добавился другой, живой и горячий. Свет факела, дрожащий за спиной человека, слишком хорошо знакомого Керру. Человека, который мог оказаться в стенах Паучьего гнезда только в одном из двух случаев, причем оба вызывали вопросы, и весьма тревожные.

Золотозвенник даже невольно подался вперед, словно это могло помочь лучше разглядеть нежданного посетителя и особенно складки его камзола в том самом месте на груди...

Знак был там.

Керр снова оперся спиной о стену, пытаясь понять, успокоило ли его увиденное или, напротив, разволновало еще больше. А старый знакомец, качнув ладонью в сторону кого-то из тех, кто оставался вне поля зрения узника, переступил порог камеры.

Надо сказать, входил он осторожно, несвойственно своему возрасту и тем более своему нраву. Да и длинноносое лицо, пожалуй, никогда не выглядело настолько сосредоточенно-напряженным. Даже когда Киф Лефер оказывался в обстоятельствах, из которых не знал, как выбираться. А сейчас создавалось впечатление, что Цапель, наоборот, четко представлял, что нужно делать, и пусть это его не радовало, зато решимости он был полон. Под завязку.

— Какими судьбами? — спросил Керр, стараясь не слишком внимательно смотреть на вошедшего, потому что допускал: смотрит не он один, а значит, не только он может заметить то, что должно оставаться тайным.

Киф выдержал паузу, на протяжении которой по-прежнему немигающе изучал лицо своего начальника, временно отстраненного от несения службы, и глухо сказал, оставляя заданный вопрос без внимания и вместе с тем отвечая на него полнее, чем можно было пожелать:

— Вас ожидают.

Уточнений конечно же не последовало, но и так было понятно: длинноносый пришел вовсе не с дружеским визитом. Впрочем, это снимало хотя бы один камень с души Керра. Больше всего прочего золотозвенник опасался, что Кифа тоже лишат свободы передвижения, а может, и кое-чего еще. Кое-чего, с недавних пор необходимого парню для продолжения жизни. А уж дальше все зависело от фантазии тюремщиков. Правда, она зачастую быстро сводилась к одному и тому же представлению, малоприятному как для участника, так и для вынужденного зрителя.

— Извольте поторопиться, — вдруг добавил Цапель, и тон его голоса заметно понизился.

В обычное время подобный сигнал призывал быть готовым к началу действий, сейчас же...

Керр охотно поднялся на ноги, стряхивая со штанин соломинки, и сделал ровно столько шагов, чтобы оказаться немногим дальше, чем на одной линии с Кифом.

— Не дури.

До двери прошептанные слова не должны были долететь, а вот до слуха того, кому предназначались, добрались беспрепятственно, в этом золотозвенник был уверен.

— Шагайте!

Керр выполнил приказ, ступая под низкие своды узкого коридора. В таком двоим людям было не разминуться, не задевая друг друга, но и здесь не обходилось без стражников, молчаливо замерших в нишах по обе стороны через каждые двадцать шагов. Впрочем, эти люди находились на своих постах вовсе не для того, чтобы бросаться в погоню за беглецами: их задачей было опускать решетки, многократно перегораживающие проход, и... оставаться на месте, потому что путей к отступлению предусмотрено не было. В каком-то смысле именно эти несчастные и являлись настоящими узниками самых глубоких подземелий Наблюдательного дома, тех, что уходили далеко-далеко от стен угрюмого здания.

Первый раз попав сюда еще в самом начале службы, Керр задавался вопросом, как долго человек может выносить бесконечное бдение в полутьме, способное в любой миг закончиться гибелью. Потом перестал, особенно познакомившись с действием некоторых зелий, сваренных исключительно для употребления безымянными стражами.

— В коридоре ничего не предпринимаем, — торопливо шептал Киф, выбирая момент, когда оказывался примерно в серединной трети расстояния между нишами. — Но на выходе будьте готовы... Ко всему, что может случиться.

Золотозвенник очень хотел повторить предупреждение, произнесенное еще в камере, но сейчас слова улетели бы вперед вместе с потоком воздуха, разогнанного особыми насосами, позволяющими беспрепятственно дышать глубоко под землей. Поэтому пришлось ждать, пока коридор, медленно приподнимающийся на всем пути следования, закончится круглой площадкой с куда более широко разнесенными друг от друга стенами. И одной-единственной дверью.

Здесь просто обязаны были быть устроены наблюдательные глазки и всевозможные слуховые устройства, но это было и последнее место, пригодное для разговора, а значит, приходилось рисковать. Керр шагнул назад, едва не наступив на носки сапог своего конвоира, и шепнул еще раз, молясь и надеясь, что движение губ останется незамеченным:

— Только по моему приказу.

Сзади раздалось быстро стихнувшее возмущенное сопение, и золотозвенник удовлетворенно улыбнулся.

Он мог бы многое сказать Кифу, но не был уверен, что тот поймет поведение своего бывшего наставника. Керру было плевать на камеру, полутемные голодные сутки и все остальное. Но то, что прячется за закрытой дверью...

О, он готов был дорого заплатить, чтобы заглянуть туда! Отдать жизнь, да и вообще отдать все что попросят, только бы удовлетворить свое любопытство. А самое главное, чтобы удостовериться, что все предыдущие шаги, в том числе и сделанные в глухой тишине узкого коридора, вели в верном направлении.

— Ну что же они тянут...

Керр, в отличие от своего сопровождающего, предпочитающий без надобности не сотрясать воздух словами, усмехнулся.

Конечно, тянут. Не могут иначе. Дверь открывается с помощью давления воды, а раз длинноносый совсем недавно проходил через нее, запорные сосуды могли и не успеть вновь наполниться донужной отметки. Впрочем, Кифу простительно не знать таких тонкостей:

даст Бож, это будет его первое и последнее посещение подземного лабиринта.

Еле уловимое шипение прозвучало ровно за вдох до того мгновения, как менее выдержанный из двоих золотозвенников мог решиться на совершение глупостей. Створки разъехались в разные стороны, и Керр невольно зажмурился, встретив взглядом дневной свет.

Все входы в подземелье, как правило, располагались в тихих уголках столицы: неприметных домах с обширными и малоухоженными садами, глухих кварталах, граничащих с крепостными стенами, и прочих укромных местах, где жило мало людей и могло оказаться еще меньше любопытствующих зевак. Но имелись и исключения, выводящие прямоком на третий этаж одного из особых крыльев Наблюдательного дома.

За дверью не оказалось ни одной живой души, только комната с высокими окнами, за которыми вовсю светило солнце, подбиравшееся к зениту, но даже Киф, явно предполагавший встретить здесь внушительную охрану, не успел удивиться или заподозрить неладное. Дверные створки, находящиеся по правую руку от золотозвенников и выглядящие вполне привычно по сравнению с предыдущими, услужливо распахнулись, и голос, должно быть еще в материнской утробе привыкший командовать, велел:

— Входите!

Вот оно. Сейчас все выяснится. Сейчас все решится...

Нетерпение качнуло Керра в сторону открывшейся двери, но полного шага не получилось: плечо хрустнуло под цепкими пальцами длинноносого.

— Я не смогу вытащить тебя оттуда.

— Знаю.

— Но из этой комнаты еще можно уйти.

— Знаю.

— Ты сказал: только по твоему приказу. Так приказывай!

Золотозвенник улыбнулся, одновременно радуясь и печалясь тому, что Киф не видит сейчас его лицо.

— Мне нужно быть там.

— Ты понимаешь, что, скорее всего, не вернешься?

Он понимал и это, и многое другое. А еще лучше он знал, что будущее имеет значение только для божественных наблюдателей, глядящих на мир с небес, а человек должен жить настоящим. Керру нечасто удавалось применять это простое наблюдение к собственной жизни, но сейчас именно оно оказалось бы как нельзя кстати.

— Я все еще жив, верно?

— Это может закончиться в одно мгновение.

— Любая жизнь когда-нибудь кончается.

— Ты хочешь умереть? — недоуменно и слегка обиженно спросил откуда-то из-за спины Киф.

— Конечно нет. Я всего лишь хочу кое-что узнать.

— И кому будет нужно твое знание, если оно исчезнет вместе с тобой?

— Оно нужно мне, парень. Мне. Больше всех других. Ты поймешь. Когда-нибудь.

Эти слова вряд ли что-то объяснили длинноносому, но тот разжал пальцы, буркнув:

— Делай как хочешь.

И Керр, отправляясь навстречу уже порядком заждавшемуся настоящему, снова улыбнулся. Потому что впервые за многие годы и в самом деле поступал именно так, как

того хотел.

Можно сказать, зала была пуста: два человека и одно кресло на голых каменных плитах только подчеркивали ее внушительные размеры, но не наполняли собой и сотой части неожиданно огромного пространства, скрывающегося за скромной дверью.

Стражи при входе не наблюдалось, однако, стоило Керру перешагнуть порог, створки захлопнулись, отрезая путь к отступлению. Надо сказать, не единственный: далеко впереди виднелась еще одна дверь, правда, до нее еще нужно было добраться, а золотозвеннику почему-то не верилось, что подобное намерение будет легко осуществить. Даже если люди, присутствующие в комнате, не станут мешать.

Он предполагал увидеть целое судилище, непременно с участием разгневанной Андары и ее многочисленных заступников и приспешников, а вместо этого подошел, намеренно чеканя шаг, к странно выглядящим, но явно находящимся на своих местах незнакомцам. Впрочем, один из них, старик, сидящий в неприлично широком кресле и все же занимающий его почти целиком, не нуждался в представлении. О его статусе красноречиво говорила цепь, тяжело спускающаяся на грудь и разноцветно поблескивающая поверх темной ткани старомодного камзола.

Любой ювелир, которому показали бы это украшение, горестно схватился бы за голову и вынес бы нелестный вердикт о создавшем его мастере, потому что звенья, составлявшие цепь, были чудовищно разными. Во всех смыслах.

Да, металл, из которого они ковались, во все времена назывался золотом, но привычной глазу желтизны здесь было маловато. Совсем светлые, почти белые, густо-красные, отчаянно-рыжие, что называется, на любой вкус, звенья отличались друг от друга не только цветом. По некоторым было заметно, что они совсем новые, едва вышедшие из-под молота, и в то же время их непосредственные соседи явно помнили прошедшие века, вполне возможно, близкие к основанию Дарствия. А еще каждое из звеньев могло быть в любой миг разомкнуто, чтобы покинуть цепь.

Когда-то, не так и давно, если припомнить, Керру была вручена как раз одна из этих причудливых загогулин. Причем обошлось без торжественности и прочих приличествующих знаменательному событию пышных церемоний: просто молча поставили на стол маленькую шкатулку. Предложили. И он мог отказаться, что самое забавное. Мог повернуться, уйти, и никто не сказал бы слова против.

Часть 1.2

А ведь уйти хотелось. Хотя бы в отместку за то, что самый важный в жизни момент, как тогда представлялось, был безнадежно испорчен нарочитой будничностью происходящего. Он-то представлял себе, что получит звено из рук самого...

Только потом, ловя обрывки сплетен и сказок, витающих под сводами Наблюдательного дома, Керр понял, что однажды обязательно встретится с кователем Цепей. Уже вне зависимости от своего желания: когда придет время возвращать имущество, которым пользовался, истинному владельцу. И возможно, урочный час вот-вот должен был наступить.

Глаза старика были прикрыты в полдневной дреме, а может, морщинистые веки вовсе не желали открываться по пустякам, и, когда золотозвенник подошел к креслу, кователь оставался по-прежнему недвижимым. Могло даже показаться, что он давно отошел в мир иной, и надо было очень внимательно присматриваться, чтобы все же уловить мерное движение грудной клетки, заметное исключительно по мерцанию звеньев, разными боками попадающих под свет свечей.

Окон здесь не было. Ни одного. И тем страннее выглядела эта огромная комната, особенно по сравнению с предыдущей, не нуждавшейся в дополнительных светильниках. Зато на свечи здешний хозяин не скупился: они крепились на стенах так густо, что их огоньки сливались в одно цельное кольцо. В свою собственную жаркую цепь...

Второй из незнакомцев, стоявший за креслом кователя, вышел вперед, только когда Керр оказался на расстоянии нескольких шагов. Молодой, чуть ли не моложе Кифа, он тем не менее выглядел так, что вопрос о его возрасте возникал лишь для того, чтобы тут же бесследно исчезнуть. Возможно, этому способствовала одежда, такая же старомодная, как и стариковская, но явно пошитая совсем недавно. А может быть, причиной иллюзорной древности была усталость, облюбовавшая каждую черточку юношеского лица. Усталость, не свойственная молодости. Впрочем, глаза смотрели зорко, даже поблескивали, и в какое-то мгновение золотозвеннику подумалось, что зайчики свечного пламени тут вовсе ни при чем.

Первой фразой должно было прозвучать излюбленное всеми дознавателями: «Догадываетесь, зачем вы здесь?», и Керр давно уже придумал с десятков подходящих ответов, но домашние заготовки пропали втуне, потому что юноша скрестил руки на груди, чуть наклонил голову, словно намеревался боднуть собеседника, и спросил:

— Итак?

Невинный вопрос перевернул все с ног на голову. Теперь получалось, что это золотозвенник по собственной воле и дерзости пришел сюда, чтобы весьма занятых людей отвлекать своими...

А чем, собственно?

— Что вы хотите услышать?

— То, что вы захотите сказать, — охотно пояснил юноша, поправляя прядь темных волос, сползшую на лоб.

Понятно было лишь одно: если прощание с жизнью и намечалось, то вряд ли на ближайшие часы, потому что из троих человек, находящихся посреди просторного зала, ни один никуда не торопился.

— Ну же, не смущайтесь! Я мог бы задавать вопросы, но ведь вам привычнее говорить без понуканий, не так ли?

Смушение? Этого чувства Керр не испытывал настолько давно, что забыл о его существовании. И все же старомодно одетый юноша был прав: что-то очень похожее грузом висело сейчас на кончике языка золотозвенника, мешая вступить в привычную словесную игру. Что-то странно близкое к робости. Хотя с чего тут робеть? Спящий в кресле старик не представляет никакой угрозы, мальчишка — тем более. Так откуда же взялась вдруг эта странная слабость в ногах?

Однако, как бы то ни было, пропустить атаку в самом начале схватки не стыдно. Особенно если она помогает перейти из защиты в нападение.

— От одного вопроса я бы точно не отказался. Если позволите.

— Хорошо, — кивнул юноша, правда, облегчить задачу Керра даже не попытался: — Почему вы нарушили правила?

Обвинение? Что ж, пусть. Без вынесенного приговора оно ничего не значит.

— Потому, что нужно было действовать быстро.

— Хотите сказать, годами сочинявшиеся инструкции существенно замедляют дело?

Спрошено было не с издевкой, которую можно было ожидать, а с искренним интересом, окончательно запутывающим происходящее. Керр готовился к натиску, отповеди, необходимости оправданий, а получил вполне приятельскую беседу. Вот только это дружелюбие пугало почему-то намного сильнее, чем обычный допрос.

Человек в старомодной одежде хотел что-то узнать, но не для следствия, а для себя самого. Потому что, похоже, обладал необходимыми правами.

— Не всегда. Но бывают случаи... Да, бывают, — уже увереннее повторил золотозвенник.

— Если вас не затруднит, опишете их. Не сейчас, потом! — махнул рукой юноша. — Время на бумажные занятия еще найдется. Итак, требовалось действовать быстро? Хорошо. Согласен. Проведение приказа по всем уровням — тягомотина, знаю. Но это нарушение было лишь первым из всех прочих. Или я ошибаюсь?

Бесцеремонно подвинув руку старика, он присел на подлокотник кресла, словно хотел показать, что готов слушать дальше. Всю историю, какой бы долгой она ни была.

— Выбор исполнителей стал мне ясен, как только выяснилось, где именно скрывается беглянка. Та южная провинция отличается особым отношением к демонам и производным от их плоти и крови, поэтому отправлять кого-то из Звеньев на поиски я счел неразумным.

— И тогда в Катралу отправились охотник на демонов и человек, уволенный со службы по достижении граничного возраста, — задумчиво протянул юноша. — Это, по-вашему, разумное решение?

— Да.

— Поясните.

— Охотник умеет управлять своими возможностями и не вызывать подозрений до момента, когда нужно начинать действовать. А Смотритель, о котором вы вспомнили... У него есть одно значительное преимущество перед многими людьми, если не перед всеми.

— Было.

Невинная поправка прозвучала именно с той долей равнодушия, которая заставила Керра вздрогнуть и хрипло переспросить:

— Было?

— Он впустил в себя демона, — объяснил юноша, с явным удовольствием наблюдая за застигнутым врасплох собеседником.

— Он... этого не может... ни один демон не смог бы...

— Вы плохо слушаете. Впрочем, могу понять: волнение и все такое. Я сказал «он впустил в себя демона», а не «его захватил демон». Улавливаете разницу?

Вот это новость!

Последнее, что знал золотозвенник, была просьба о помощи, отправленная Иттано. И никаких подробностей, кому и какая именно помощь понадобилась. А потом в исполнении озлобленной женщины прозвучал приказ об аресте. Конечно, судя по ярости бритоголовой Андары, на другом краю Дарствия должно было случиться нечто из ряда вон выходящее, но чтобы настолько...

Зато теперь понятно, о чем просил охотник. Только все это очень плохо.

Неужели он не смог справиться сам? Верится с трудом. Как бы ни поступил Смотритель, чем бы ни было продиктовано его странное решение, против Иттана ему было не выстоять. Ни при каких условиях. И тем более если уж принятие демона было осознанным...

Их обоих ждала только скорая смерть.

— Вижу, известие вас расстроило? Не волнуйтесь, все уже кончено. По крайней мере, в отношении ваших посланников.

Конечно, кончено. Один попросту мертв, а второй...

Неужели с ним тоже что-то случилось?!

— По свидетельству Андары Присс со-Логарен разделение человека и демона прошло успешно. Правда, не совсем так, как предполагала сия достойная женщина. Вернее, совсем не так. Вам что-нибудь известно об исследованиях Цепи одушевления по вопросу управления демонами?

Керр кивнул, проглатывая очередной десяток заковыристых ругательств.

— И что вы о них думаете?

Вопрос снова был задан тоном, выражающим неподдельную заинтересованность, как будто юноша собирался принять какое-то важное решение, а потому нуждался в большом количестве мнений. Причем очень разных.

— Они могут помочь в войне с демонами, — выдавил золотозвенник сквозь зубы.

— Слишком осторожное заявление. Вас чем-то беспокоят эти новинки?

— Да.

Подтвердив вслух выстраданное предположение, Керр умолк. Впрочем, ненадолго. Всего лишь до следующего, еще более заинтересованного:

— Итак?

Пожалуй, его впервые так подробно расспрашивали о вещах, не допущенных к повсеместному упоминанию. Конечно, в мимолетных беседах то одно, то другое Звено невзначай намекало о далеко продвинувшихся исследованиях синих мантий, словно ожидая реакции, но Керр не торопился показывать свое истинное отношение к деяниям Андары. Даже сейчас. Даже если бы ему пообещали, что следующий ответ решит, жить золотозвеннику или умереть.

Даже выстраданный и ненавистный ответ:

— То, что создает Цепь одушевления, сравнивает наши силы.

Человек, присевший на подлокотник кресла, правильно понял настроение собеседника, потому что спросил теперь уже напрямую:

— Что же в этом плохого?

— Оно сотрет грань между человеком и демоном. — Золотозвенник никогда не говорил о своих опасениях при свидетелях и не доверял бумаге, поэтому произнесенные слова даже ему самому вдруг показались нелепыми, но он все равно упрямо повторил: — Сотрет грань.

Юноша потер согнутым указательным пальцем щеку:

— А может быть, таков и должен быть конец пути? Слияние, полное и безоговорочное. Люди, наделенные почти божественной силой... Разве не замечательное будущее?

Он размышлял отстраненно, уже почти безо всякого интереса, скорее обреченно, будто перекресток сотни дорог превратился в тупик, по которому можно пройти еще несколько шагов, но потом только и останется, что разбить голову о стену. А еще он делал дурные выводы, возможно, именно потому, что многого не знал, и Керр многозначительно напомнил:

— Демонов не хватит на всех.

— А если хватит? — задумчиво предположил юноша. — Представьте, что их окажется ровно столько же, сколько людей. И каждый получит по своему собственному послушному исполнителю желаний. Чем не счастье?

О такой возможности Керр никогда не думал. По одной простой причине, понятной любому человеку, но именно поэтому часто остающейся в тени высокоумных рассуждений.

— А что потом? Будут рождаться новые люди. Непременно будут. Как поступать им?

— Ждать своей очереди.

— Терпение присуще не всем из нас. Вряд ли сын согласится подождать, пока отец умрет своей смертью и передаст фамильного демона по наследству. Так ведь и вся жизнь может пройти... Мимо.

Юноша прищурился, но его глаза каким-то необъяснимым образом все равно продолжали сверкать, пожалуй, даже ярче, чем прежде, когда в них отражались огоньки свечей.

— А вы терпеливы?

— Не знаю, — честно ответил золотозвенник. — Мне еще не предоставляли такого выбора. Предоставят — пойму.

— Что поймете?

— Какой я на самом деле.

— А есть варианты? — В голосе собеседника снова прорезался интерес.

— Надеюсь однажды оказаться человеком. Когда это понадобится.

— Человек... — Юноша встал и почему-то повернулся к Керру спиной, но и не подумал закончить беседу. — Что вы слышите в этом слове?

— Ничего особенного.

— Но оно чем-то важно для вас?

Никакого обвинения. Никакого наказания. Уже довольно долгое время было понятно, что наступивший день вовсе не Судный, только золотозвенник отчетливо чувствовал: настоящей казнью станет именно прекращение этого мучительного разговора. Совсем скоро. И если он не успеет услышать...

Нет, он должен успеть совсем другое. Успеть сказать.

— Каждый, кто живет в этом мире, — человек. У демонов тоже есть свой мир. По крайней мере, должен быть, иначе бы они никогда не помогали бы друг другу. И не воевали бы между собой. Но их мир не здесь. Он где-то... в другом месте. Там, куда нет хода людям. А если мы вынуждены жить только здесь и сейчас, значит...

— Значит?

Он все еще не оборачивался, но узкая спина, казалось, натянулась струной в ожидании ответа.

— Значит, последнее слово в любом споре остается за человеком. И только за ним.

— Кажется, это называется верой? — предположил юноша с непонятной нерешительностью в голосе.

— Да. Я верю. В людей.

Сказанное было правдой только наполовину. А может, меньше чем на треть. Но в конце концов, даже если он мог верить всего двоим в целом свете, она пока еще оставалась с ним, вера. Безграничная. И необъяснимая настолько, насколько ей обычно полагается быть лишенной разумных оснований.

Темноволосая голова качнулась, то ли кивая, то ли смертельно устав находиться на шее. А потом прозвучало скучное:

— Вас ждут дела.

Керр растерянно приподнял брови, забывая, что его гримасу все равно не увидит тот, кому она предназначалась. И конечно, не сдвинулся с места.

— У вас ведь много дел? Так идите к ним. Они ждут, — повторил юноша.

— Одна минута ничего не решит, — упрямо возразил золотозвенник.

— Думаете? — Он все-таки обернулся и снова сверкнул взглядом. — О чем мы еще не поговорили?

— Что случилось в Катрале?

— То, чего вы и добивались. Ваши посланники обнаружили беглянку. Правда, их усилиями до нее стало добраться еще сложнее, чем прежде, но это и к лучшему.

— К лучшему?

— Вы, конечно, знаете, что она одержима демоном. Только вряд ли догадываетесь, в чем состояло желание этой женщины много-много лет назад.

Намек был неприкрытый, и все же не слишком ясный, чтобы быстро добраться до разгадки собственными силами, поэтому золотозвенник спросил прямо:

— В чем?

— Она хотела жить вечно, — улыбнулся юноша. — Надеюсь, теперь вы можете представить себе всю... ценность этой одержимой.

О да, Керр представлял. Сотни лет жизни означали сотни лет... знаний. Обо всем. О тех же демонах, к примеру.

— И вы говорите, что теперь до нее не добраться?

— Что, заманчивая цель? — подмигнули золотозвеннику. — Пусть таковой и остается. Вам она не нужна.

— Но если кто-то еще узнает о...

— Вы же верите в людей, верно? Так дайте им возможность сказать свое слово.

— Каждому? — удивляясь собственной дерзости, уточнил Керр.

— Почему бы и нет? — пожал плечами юноша. — А демоны скажут свое. Как сумеют.

— В одном и том же споре?

— Все, идите уже, идите! — Он взмахнул руками, словно прогоняя золотозвенника прочь. — Никто не умер, если хотите знать. Этого достаточно?

Керр поклонился, чувствуя, что почему-то просто обязан это сделать, и отправился обратно. Туда, где его возвращения ждал длинноносый и весьма нетерпеливый молодой

человек. Наверное, ждал. В это, по крайней мере, очень хотелось верить. А даже если и нет...

Все свершилось так, как и было задумано. Но, как и всякое прошлое, оконченный разговор теперь не имел ни малейшего значения перед переминающимся с ноги на ногу будущим, которое вот-вот должно было получить приглашение войти в жизнь золотозвенника. В так и не прервавшуюся, но совершенно новую жизнь.

И сейчас...

Белое солнце в зените выгоревшего неба. Белые стены домов под бурой черепицей, растрескавшейся от монотонной бесконечной смены дневной лихорадки на ночной озноб и обратно. Лица, обтянутые кожей так плотно, что кажется: щелкнешь по ней пальцами — зазвенит. Впрочем, не жара в этом виновата. Разве только та, что скрывается в сердцах, мечтавших об отмщении и дождавшихся исполнения своей мечты.

— Властью, врученной мне...

Ее голос взмывает над площадью как птица, чтобы мгновением позже опуститься, накрыв всех присутствующих незримыми крыльями. Сильный, звенящий, как колокол, полный умиротворенной уверенности в правильном настоящем и праведном будущем.

Благороднейшая из благородных, блистательная Эвина Фьерде расцвела за прошедшие дни, как розовый куст. С чего вдруг? Она счастлива, вот и все объяснение. Счастлива тем, что обрела потерянное божество. Немногие мужчины смогли бы сейчас набраться смелости обратить на себя внимание некоронованной повелительницы Катралы, и всего лишь единицы дошли бы в своей дерзости до того, чтобы предложить женщине, вознесенной над толпой, спуститься вниз, на ложе, успешно уравнивающее всех в праве, дарованном нам от рождения.

Часть 1.3

Да, лишь немногие избранные. А я, вместо того чтобы завидовать или гордиться, смотрел на ту, что однажды по собственной воле разделила со мной ночь, и никак не мог понять, получил ли один из нас тогда хоть немного удовольствия.

Если бы пришлось вспоминать, легко назвал бы все места остановки своих пальцев во время путешествия по оливково-золотой коже. От первого до последнего. Припомнил бы все стоны, то ли тревожившие, то ли волновавшие мой слух. По минутам перечислил бы наши движения. Но даже самый искусный пыточный мастер не вырвал бы из меня признания о веренице чувств, наверняка неоднократно проносившихся по той спальне над нами и внутри нас.

Она достаточно красива и вполне умела, чтобы доставлять удовольствие. С виду. А кроме вида, у меня больше нет ничего общего с женщиной, стоящей на возвышении над помостом, где вскоре должно свершиться первое главное событие в жизни обновленного города: приговор и его исполнение.

Собственно, меня и привело на площадь перед кумирней только это.

Казнь. Смерть. Единственный доступный способ испытать сильные чувства. Ведь, в конце концов, подсудимый покушался на мою жизнь? Несомненно. Он враг, и я что-то должен почувствовать, когда его настигнет возмездие.

Надеюсь, что почувствую.

— Всем вам известны прегрешения стоящего здесь человека. И что же может послужить ему достойной карой?

Такие игры хороши, когда у судии есть возможность действовать по собственному усмотрению. Или когда осужденный преступник рассчитывает на снисхождение. А бывший верховный бальга, впрочем не лишенный пока своего багряного знака отличия и примелькавшегося всем горожанам черного как ночь одеяния, ничего не боялся и ничего не ждал.

Это было хорошо видно и по его лицу, уже запредельно равнодушному, и по расслабленным плечам. Наверное, если бы удалось заглянуть за спину Иакину Кавалено, я бы увидел и совершенно спокойно разжатые пальцы. Желал ли он умереть сегодня? Вряд ли. Но просить о помиловании или отсрочке казни не стал бы. Чтобы не давать повода для торжества своей давней противнице. Хотя... Ей больше не были нужны никакие поводы.

Обретение Катралой нового ийани прошло без меня, и слава Богу. Думаю, мне трудно было бы смотреть на коронацию или что еще здесь полагалось творить при восшествии демона на престол. Потому что мучительно было бы понимать: все те несколько дней, смешавшие воедино жизнь, смерть, любовь и ненависть, прошли зря. И шрамы, оставшиеся на телах и душах всех участников странного спектакля, были получены без толку.

Зачем меня притащили в этот пышущий страстями город на окраине Дарствия? Зачем вынудили вступать в сражения, то одно, то другое? Чтобы найти демона-беглеца, а потом благоговейно возвести его на престол?

Нет, не понимаю. И даже не вижу смысла пытаться понять.

— Смерть.

Одинокий голос посреди тишины. Робкий. Подрагивающий. Первая ласточка, за которой непременно последует воронье.

— Смерть!

Прошло не более минуты, а скандировала уже по меньшей мере половина площади. Вторая напряженно молчала, хотя сейчас ей следовало бы справиться с собственной гордыней и подыграть крикунам. Чтобы, к примеру, не оказаться следующей мишенью. А впрочем...

Рокот толпы все нарастал и нарастал, но оборвался мгновенно. По мановению руки женщины, покинувшей свое высокое место.

— Благодарю вас за изъявление вашей воли. И благодарю тех, кто отказался от права решать чужую судьбу. Все вы одинаково нужны Катрале и одинаково важны для нее. Каждый из вас выберет сам для себя свое будущее: с городом он двинется дальше или без него. Никто из вас не будет осужден, что бы ни решил. Но этот человек... — Эвина шагнула к блондину, без малейшего интереса наблюдавшему за колыханием людских лиц под помостом. — Ему я более не позволю решать ничего.

Должно быть, Иакин Кавалено повернулся к благороднейшей из благородных, задавая взглядом недоуменный вопрос: с моего места наблюдения такие подробности оставались незамеченными. Зато ответ прекрасно услышали все.

— Я могла бы казнить тебя. Могла бы сделать это собственными руками. — Длинный нож, выдернутый из ножен в складках юбки, недвусмысленно приблизился к шее блондина. — Но тебя ведь никогда не пугала смерть, ни своя, ни чужая. Было бы так просто подарить тебе такой же красный платок, какими твой отец некогда усеял улицы города...

— Так подари, — чуть рассеянно предложил бывший верховный бальга, и в его голосе мне почудилась надежда.

— Это был бы слишком грубый подарок, — улыбнулась Эвина и шагнула к краю помоста. — Я подарю тебе кое-что другое.

Неладное почувствовали все, начиная от блондина и заканчивая мною. Но сегодня на главной городской площади правил бал только один человек.

— Ты будешь жить. И будешь смотреть, как живут другие. Как счастливо цветет Катрала, вернувшаяся к истокам своего могущества. И тебе ни на минуту не позволят отвести взгляд!

Иакин Кавалено осознал уготованную ему участь, наверное, еще до того, как отзвучал приговор. Но только когда звон последнего слова затих над толпой, хрипло рыкнул:

— Ты веришь в это? Ты думаешь, что все эти люди прониклись тем же блаженством, что и ты, прислуживая демону? Ошибаешься! — Он повернулся к толпе: — Ну, кто таит на меня злобу? Кто хочет отомстить за смерть своих родичей и друзей? Милости прошу!

Блондин шагнул вперед. Шагнул слишком широко, чтобы оставаться на краю сколоченных досок. Шагнул туда, где еще мгновение назад не было видно и крохотного места, свободного от человеческих голов, а упал...

На брусчатку.

Люди расступились. Поспешно разошлись в стороны и дружно отшатывались, едва Иакин Кавалено пытался к ним приблизиться. Должно быть, он повредил себе ногу при падении, а может, и другие части тела: со своего места я не мог разглядеть даже белобрысой макушки, хотя попробовал привстать на цыпочки. Затодвигающуюся проплешину посреди толпы видел очень хорошо.

— Тебе не позволят отвести взгляд, — царственно повторила Эвина Фьерде и щелкнула пальцами, подзывая слуг.

* * *

Сказать, что я был разочарован, значило бы нагло солгать.

То единственное, что в ближайшее время могло помочь вернуть прошлые чувства или хотя бы запалить искру новых, было у меня бесцеремонно отобрано. Да, я понимал, что назначенное наказание куда больше подходило верховному бальге, собиравшемуся утопить в крови не один город мира, но это не утешало. Мне нужна была смерть, а не намеки на нее. Чистая, простая, искренняя...

Он выпрыгнул из тени подбалконного закутка и приглашающе поманил меня к себе. Правой рукой, потому что в левой держал нож.

Улица шириной в четыре шага. Близкие повороты с обоих флангов. Нависающий над головами балкон. Что можно предпринять?

Метнуться в сторону, за угол, один или другой, туда, откуда слышатся голоса людей и где нападающий всяко будет стеснен в своих возможностях.

Качнуться, повиснув на решетке балкона, и пустить в ход ноги.

Прижаться к стене, удерживая между собой и противником как можно большее...

Расстояние?

Нет. Оно мне не нужно. Не сейчас. Может быть, больше никогда.

Шагнуть навстречу, скользнуть по брусчатке так далеко вперед, как только сможешь. Оказаться настолько рядом с мутным лезвием, что оно следующим движением рассекает воздух всего лишь на волосок от твоего тела. Поймать чужую руку, отводя стальную угрозу чуть в сторону, но не слишком далеко. Обнять пальцы противника на рукояти так, чтобы они не посмели отпустить оружие, а то еще зазвонит ненароком, привлекая ненужных свидетелей. Сжать кулак и нанести удар.

В подбородок, чтобы тело вытянулось струной.

Под ребра, чтобы скрутилось в комок.

В скулу, чтобы...

А, неважно. Третий удар — уже куда достанешь.

— Достаточно?

Он кивнул, шумно выдыхая воздух, ненадолго задержанный болью в легких. Высвободил руку, сунул нож за голенище сапога и несколько раз сжал и разжал смятые моим прикосновением пальцы.

Я тоже вытолкнул застоявшийся воздух из легких и поправил капюшон куртки, под которым еще на площади прятал свои сивые пряди от взглядов зевак. Конечно, мое лицо тоже должно было быть им знакомо, но, разлученное с другой важной деталью, вряд ли могло обратить на себя пристальное внимание.

— А хорошо ведь, — глубокомысленно заявил Натти, нахлобучивая на рыжую голову шляпу, слетевшую во время поединка. — И хорошо весьма!

* * *

— Уверен?

Один узкий проулок сменился другим, но этот шел уже навстречу солнцу, и жаркие лучи ухитрялись время от времени добираться до наших подбородков.

— А у тебя самого имеются сомнения? — чуть недоуменно спросил рыжий. — По мне, так все просто замечательно. И можно наконец заняться нашими общими делами.

Я мельком взглянул на стену, вдоль которой шел, и неожиданно замешкался на перекрестке двух совершенно противоположных мыслей.

С одной стороны, хотелось шагнуть ближе, почти прижаться к желтоватой каменной кладке, то ли прикрывая спину от внезапной атаки, то ли намереваясь мгновение спустя оттолкнуться и, может быть, взлететь на нависающий над макушками балкон. Но в то же время любое приближение к неподвижному и непреодолимому предмету резко сократит количество действий, которые можно предпринять в случае нападения или защиты.

Так где же я должен оказаться, если обстоятельства потребуют?

Ближе?

Дальше?

Понятно, что решение обязательно пришло бы само собой, возникни необходимость вообще что-то решать, но эта постоянная и мучительная неопределенность меня тревожила. Вот уже десять дней кряду.

— Не молчи.

— Я не молчу. Я подбираю слова.

— А зачем ты их ронял? — невинно распахнул глаза Натти.

Конечно, он шутил. Слава Богу, шутки от насмешек я отличать не разучился. И даже отлично помнил, что эта была далеко не первой в мой адрес. Но, Боженка меня подери, как я относился к ним раньше? Сейчас лишь виновато улыбнулся в ответ. А тогда, в прошлом? Точно знаю: все было иначе.

Хуже?

Лучше?

— Думаю, ты поймешь. Должен понять. Все это... не совсем я.

— Продолжай! — азартно поощрил рыжий.

— Я никогда не действовал так. В таком духе. Наверное, потому, что не умел. Меня всю жизнь учили другому поведению в подобных обстоятельствах, а теперь...

Он перебил несмелое признание, казалось чуть задохнувшись от волнения или другого похожего чувства:

— Появились новые умения?

— Да. Они кажутся моими собственными, родными, я могу их применять, и ты даже говоришь, что успешно, но...

Мои пространные объяснения оборвали коротким и самодовольно уверенным объяснением:

— Печать демона.

Я не имел ни малейшего понятия о том, что скрывают за собой эти два слова, но по спине, навстречу струйке пота, вдруг начал подниматься к загривку тревожный холодок.

— Печать?

— Правильнее было бы называть это свойство «отпечатком», но тогда звучало бы не так таинственно, — подмигнул Натти. — Не переживай, ты не первый и не последний. Такое встречается. Иногда.

Заключительное слово было произнесено с той нарочитой небрежностью, которой обычно сопровождаются разговоры об очень важных, но неприятных вещах.

— Оно проходит?

В ответ рыжий старательно спрятал свой взгляд от моего, благо шляпа позволяла сделать это легко и просто.

— Когда демон попадает в человеческое тело... Раньше считали, кстати, что только в душу. Знаешь, я догадывался, что все происходит немного не так, как меня учили, а та

бритоголовая только подтвердила. Они вовсе не бесплотны и, оказываясь внутри, начинают нас менять.

— По своему подобию?

— Хороший вопрос, — многозначительно отметил Натти. — Если по своему, то, значит, и сами они похожи на нас. В том мире, откуда приходят. Но речь не об этом. Демон меняет человеческое тело, только если исполняет желание. Вон те же Сосуды могут годами носить в себе сотни демонов и при этом ничуть не меняться!

— А ты?

— Что я?

— В тебе тоже есть демоны. Они исполняют твои желания, разве не так?

— Исполняют, конечно. Но я никогда ничего не желаю всерьез и надолго. — Он щелкнул пальцами по краю капюшона, сталкивая плотную ткань с моего лба. — Как и ты делал, до недавнего времени.

— Уходишь от ответа.

— Ну если и ухожу, то совсем немножко. Изменения в моем теле обратимы. Когда нужда в демонических силах пропадает, все возвращается на свои места. Этому можно научиться, поверь. Но этому нужно учиться, — добавил он, выделяя интонацией слово «нужно».

В прошлом рыжий очень редко говорил мне правду. Впрочем, будто бы и не врал никогда, даже если того заманчиво требовали происходящие события. Единственное, что я уяснил, познакомившись со странным человеком, играющим в непонятные игры: каждое его слово могло оказаться истиной. И услышанное сейчас как раз претендовало на эту непростую роль.

Учиться, значит?

— Постой. Хочешь сказать, желание не обязано быть одним-единственным? И у каждого человека есть шанс исполнять снова и...

Ладонь Натти плотно прикрыла мои губы.

— Я бы попросил тебя забыть все услышанное. Сразу и навсегда. Если бы это было возможно. Скажу только: это моя тайна. Понимаешь? И она должна остаться моей.

Он мог бы просто промолчать, посмотрев мне в глаза. Впрочем, за предостережение, произнесенное вслух, я, пожалуй, был даже благодарен.

Вот она, самая страшная тайна даров ийани. Или да-йинов, как их называют поближе к столице. Посвященных приучили думать, что лишь по счастливому стечению обстоятельств и благодаря невероятно сильной жажде исполнения мечты можно добиться желаемого. Один раз за всю жизнь. А выходит, все совсем наоборот. Нужно только наловчиться желать особым образом, и к твоим услугам будут все демоны мира!

Разумеется, это знание не должно стать общим достоянием. Потому что синих искорок на всех тогда уж точно не хватит. А еще потому, что достаточно появиться одному человеку со множеством желаний, и наступит хаос — это я могу утверждать на собственном опыте. В течение любого дня по моему сознанию проносилось совсем недавно столько желаний, что, научись я их исполнять, мир вокруг меня встал бы с ног на голову и вертелся бы волчком, пока...

Пока не разобьется.

И разве я один такой из многих тысяч человек, населяющих Дарствие? Сомневаюсь. Думаю, есть мечтатели намного изобретательнее. Наверное, среди них даже найдется тот,

кто сможет пожелать...

— Это великая сила.

— О чем и говорю, — хмуро подтвердил Натти.

— А если вложить ее в руки особого человека? Вернее, человека с особыми желаниями?

— Например?

— Ну... Я не задумывался нарочно.

— А стоило бы.

Мысленно я согласился попробовать. Подумать. Обязательно. А пока предположил первое, что пришло в голову:

— Он мог бы пожелать, чтобы мир стал лучше.

Рыжий совсем остановился, впрочем проследив, чтобы поблизости от места нашего разговора не виднелось окон и дверей, и сдвинул шляпу на затылок.

— Что значит «лучше»? По-твоему, этот мир совсем плох?

Не надо было давать волю фантазии. К сожалению, я понял это только сейчас, услышав вопрос, на который ответа у меня попросту не было и не могло появиться, пока заново не научусь разбирать, какая ерунда из происходящего представляется мне хорошей, а какая — плохой.

— Не повторяй чужих слов, если не понимаешь их смысла.

— Извини.

— Что тебя вообще надоумило так сказать?

Он был удивлен не на шутку. Даже встревожен. И я попробовал его успокоить:

— Само собой всплыло.

— Всплывает обычно... Ну да ладно. Тебе подумалось, что, если научить кого-то достойного многократному исполнению желаний, все вокруг сразу станет хорошо?

Хорошо. Или хотя бы правильно. А еще можно будет пресекать все неприятности до того, как они вознамерятся случиться.

— Что-то в этом роде. Неправильно думаю?

Натти отвел глаза и совершенно серьезно сказал:

— Правильно.

— Тогда почему...

Я осекся, не закончив вопрос. Но ответ все-таки получил:

— Почему никто за все эти столетия не пожелал ничего стоящего? Потому, что все мы люди. И исполненные желания несут в себе отражения нас самих. Но не только нас. Понимаешь?

Да, демоны тоже вносят свою лепту. И еще неизвестно, кто больше участвует в воплощении мечты в реальность. Мой опыт подтвердил: все возможно. Но, пожалуй, я больше не рискнул бы проверять, насколько далеко способны завести желания. Особенно искренние.

— Со мной случилась та же беда?

— Она самая.

— Но ведь теперь демона во мне нет. Почему же тогда...

— Изменилось твоё тело, исполняя желание. Изменилось то, что находится здесь, здесь, наконец, здесь. — Палец рыжего поочередно указал на мои ноги, руки и голову. — Отпечаток всегда остается после извлечения. Другое дело, что от силы желания зависит глубина проникновения. Легче всего тем, у кого и желания-то никчемные: почти не замечают изменений в себе.

Конечно. Если хотелось чего-то неясного, и результат будет смутным. Может, вовсе неощутимым. Но меня волнует совсем другое:

— И все же это проходит?

Натти качнул головой:

— Мне такие случаи неизвестны.

Я ждал этого ответа. Как осужденный ждет приговора, о содержании которого легко догадаться заранее. От первого и до последнего слова.

— Отпечаток мешает тебе?

Если не считать того, что мир внутри меня кажется навечно разделенным надвое...

— Не смертельно.

— Я бы хотел тебе помочь. Правда. Не знаю как. А может, и не умею.

— Ничего. Справлюсь.

— Надеюсь, — чуть неуверенно сказал рыжий и тут же, видимо, чтобы избежать дальнейших расспросов, сменил тему: — Ходил смотреть на казнь?

Странный вопрос. Застать меня врасплох в переулке, выходящем с главной площади, мог только тот, кто знал, откуда и куда я иду.

— Казнь не состоялась.

— И это тебя огорчило?

Теперь он спрашивал настойчивее, чем прежде, словно моя сегодняшняя прогулка имела некое особое значение. Впрочем, врать все равно было ни к чему.

— Да.

— Хотел увидеть его кровь?

— Не отказался бы.

— Могу провести тебя к нему.

— Зачем?

— Отомстить. Поквитаться. Или как там еще это обычно называется? Будет несложно.

Я посмотрел прямо в карие глаза, то ли и впрямь ничего не понимающие, то ли наигранно невинные.

— Поможешь его убить?

— Ну да. Если тебе нужно. Ты же хотел увидеть его смерть, да?

Наверное, никто и никогда не получал такого дорогого и совершенно бесполезного подарка. Захотелось смачно выругаться и одновременно скорбно вздохнуть.

— Хотел. Увидеть.

— Так пошли.

— Увидеть. Не убивать.

— Хм. — Он о чем-то недолго подумал и кивнул. — Хорошо, сам все сделаю.

Чудеса продолжались, но мир, полный такого услужливого волшебства, меня почему-то не радовал.

Наверное, мне нужно было слишком многое. Или вовсе не то, что с таким рвением предлагали. Легко было представить, как бывший верховный бальга корчится на полу камеры, истекая кровью, но эта картинка даже в воображении не вызывала ни малейших чувств. Независимо от того, чья рука нанесла смертельный удар.

Я прислонился спиной к стене дома.

Раздвоение не ослабевало, а, напротив, усиливалось. Меня тянуло раскрыться навстречу обстоятельствам, раствориться в них, а потом попытаться собрать себя заново, сначала, непременно ошибаясь и тщательно исправляя ошибки. И в то же время мне отчаянно требовалось что-то вроде кокона, в котором можно спрятаться, отгородиться от любого проявления внешнего мира, закрыться, закрыть хотя бы глаза...

Я сполз по стене вниз. На корточки. Спрятал лицо в ладонях.

Спокойнее, конечно, не стало, но по крайней мере одна половина меня получила небольшое удовлетворение. Надеюсь, не самая главная.

— Тебе плохо? Ну да, конечно, «глотка» ведь больше не действует... — Натти присел рядом и деловито принялся советовать: — Постарайся дышать коротко-коротко, так, чтобы воздух не проходил глубже рта. И очень быстро. Видел, как собаки спасаются от жары? Примерно так же попробуй делать.

— Мне не плохо. То есть мне плохо, но по другой причине. Жара тут ни при чем.

— Вот теперь ты меня точно напугал! — признался рыжий. — А ну, рассказывай!

Откуда-то пришли обрывочные воспоминания о том, что раньше я бы ни за что не стал посвящать настырного собеседника в свои сокровенные переживания. Пришли и ушли обратно, ничего не объяснив. Наверное, я не доверял Натти. Но почему? На этот вопрос ответа в памяти не сохранилось.

— Я странно себя чувствую.

— Есть боли? Головокружение?

— Ничего похожего. Это другое. Совсем. Я хорошо помню все, что произошло. Помню прошлые события, достаточно давние. Ну как все помнят. Но я... не знаю, как к ним относился.

— В смысле? — опешил рыжий.

— Взять хотя бы Эвину. Мы с ней...

— Провели ночь, — услужливо подсказал Натти.

— Скорее, утро. Неважно. Я помню все, что мы делали. До последней детали. Но я не знаю, понравилось мне это или нет!

— Э-э-э... — Он почесал кончиком пальца висок. — То есть как?

— Чувств не осталось. Совсем. И не только по отношению к ней. Собственно, я хотел увидеть казнь, чтобы... Не получилось. И да, спасибо за предложение помочь.

— Неужели Андара напортила? — задумчиво спросил себя рыжий. — Быть того не может. Я бы заметил, если бы что-то пошло не так.

— Ты не виноват. И та бритоголовая тоже. Вообще никто не виноват. Я сам все так сделал.

Карие глаза округлились.

— Сам?

— Когда демон исполнил желание и мы стали единым целым, был момент, когда он... Захотел взять верх. А я испугался. Или заупрямился. В общем, неважно. Я дрался и победил. Загнал его в клетку. Вот только на ее строительство как раз и ушли все чувства, которые у меня были. Знай я заранее, что случится, не стал бы ими жертвовать. Лучше бы умер.

— Почему?

Я поднял взгляд вверх, к раскаленному голубому небу над крышами Катралы.

— Потому, что сейчас я смотрю на весь этот мир и не понимаю, зачем он мне нужен.

* * *

В доме верховного бальги было пусто и тихо, в точности так, как при хозяине. К чести жителей города, никто из них даже не помыслил разграбить или разрушить строение, напоминавшее о малоприятных событиях прошлого и настоящего. Может, потому, что грабить было толком нечего, а может, попросту побрезговали прикасаться к камням, хранящим следы дыхания человека, ненавидящего демонов. В любом случае меня сумрачный покой ничуть не беспокоил, Натти и вовсе отсутствовал в городе долгое время, вернувшись только сегодня, а Лус, вернее, демон, занявший девичье тело, дни напролет проводил с новоиспеченной правительницей Катралы. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Чтобы дать начало чему-то другому.

— Так и жил здесь? — спросил рыжий, окидывая взглядом унылую комнату.

— Угу.

— А постельки получше не нашлось? Уверен, хозяйева спали куда как слаще.

— Не поверишь: даже не искал. К тому же это ты мне выбора не оставил.

Натти негодуяще плюхнулся на кровать:

— Я?!

— Сбежал тогда из дома того старика. Вот и пришлось брать что дают. Скажи хоть, почему сбежал? А то буду думать дурное.

— Думай-думай, — разрешил Натти. — Думать — дело полезное. Надо было отлучиться. Ненадолго, но в такое местечко, где меня никто не видит и не слышит. Чтобы своим демонам очередную колыбельную спеть. Я на рассвете вернулся, и зрелище, надо сказать, передо мной предстало пугающее.

— Только не говори, что волновался за меня. Не поверю.

— А чего было волноваться? — Он растянулся на постели во весь рост. — Труп твоего видно не было, значит, нашел способ выторговать по крайней мере несколько дней жизни.

— И выручать меня не собирался.

Я не спрашивал, и он не стал отвечать. Только проворчал:

— Лучше себя самого все равно никто никогда не выручит.

Истинная правда. Весь опыт моей службы сопроводителем это подтверждал. Ведомые,

полагающиеся только на тех, кто стоит у них за спиной, очень часто заканчивали жизнь намного раньше предписанного срока. Погибали. По собственной беспечности. Потому что защитить можно лишь того, кто сам заботится о своей защите.

Ну и хватит об этом.

— А сейчас где пропал?

Рыжий утомленно прикрыл глаза:

— Навещал столицу.

Десять дней на дорогу туда и обратно? Вполне достаточно, если пользуешься порталами. Правда, вряд ли человеку, выступившему чуть ли не против всей Цепи одушевления, позволили воспользоваться обычными средствами перемещения. А это значит...

Я внимательно взглянул на лицо Натти.

Морщин не было. Новых уж точно. А те, что бороздили кожу еще совсем недавно, разгладились до почти неприметных линий.

— И как это тебе удалось?

Он удивленно нахмурился, но быстро сообразил, что я имею в виду, и зевнул.

— Легко!

— А в прошлый раз...

— Тащить кого-то, да еще издалека, намного труднее, чем самому прыгать по порталам, — пояснил Натти. — Поэтому в команде обычно не меньше трех «маяков»: втроем как раз справляются без особого утомления. А я один тогда, скажем так, немного надорвался. Но сейчас уже все в порядке. И моих сил вполне хватит, чтобы...

Она вошла без предупреждения. Не подумала постучать костяшками пальцев о косяк или хотя бы кашлянуть. Для юной девицы, воспитанной в строгих правилах, такое поведение выглядело бы вопиюще непозволительным. Если бы вошедшая, конечно, была только девицей, а не носила заодно в своем теле непонятно чей, но совершенно точно мужской дух.

Да и серо-желтая рубашка на Лус была мужской: в доме бальги женщинам полагались исключительно темные одежды, а сейчас выход на улицу в подобных цветах мог бы стать самоубийственным. Хоть жители Катралы и пребывали в радостном настроении по поводу воцарения нового демона на старом престоле, раны, нанесенные бальгерией, обещали зарости шрамами ох как нескоро.

— Мерзкая жара! — Девушка стянула с головы кружевную накидку и взмахнула ею, как веером, пытаясь всколыхнуть стоячий воздух комнаты. — И как здесь можно жить?

— А мы и не живем, — сказал Натти, подкладывая руки под голову.

— Ну да?

— В моей... — начал было рыжий, но, мельком взглянув на меня, поправился: — В нашей вотчине лето гораздо приятнее. Да и зима тоже.

На лице Лус отразилось сомнение.

— И снег бывает?

— Иногда столько нападает, что думаешь: лучше бы его вовсе не было.

Демон присел на край кровати, задумчиво морща лоб.

— Значит, это большой мир?

— На размеры не жалуемся, — подтвердил рыжий.

— А есть в нем места, где люди не живут, потому что там нельзя жить?

— Сколько угодно.

Брови Лус сдвинулись, превратившись в единую прямую линию.

— И нет почти никаких отличий... — прошептали чуть подсохшие на солнце губы.

— Отличий от чего?

Черты девичьего лица напряглись, становясь непривычно жесткими, но тут же расслабленно оплыли, возвращая облику Лус прежнее невинное очарование.

— От моего мира.

За все десять дней, прошедшие с мига разделения, нам троим еще не выпадал шанс спокойно посидеть вместе и поговорить о важных вещах: слишком много нашлось дел у каждого. Натти шатался в неведомых даях, я привыкал к своему нынешнему состоянию, демон дневал и ночевал над ворохом бумаг. Но что самое странное, никто из нас даже сейчас не стремился к обстоятельному разговору, словно не желал знать ничего сверх уже известного. Словно несколько новых подробностей могли стать препятствием на намеченном пути.

К чести демона, он набрался решимости первым:

— Мы живем в таком же мире, как вы. Выглядим так же. Думаем, поступаем, ошибаемся. Вы, попав туда, не увидели бы ничего нового и непонятного. Кроме одного. В нашем мире повсюду творятся чудеса.

— Какого рода? — деловито спросил рыжий.

— Разного. Можно летать, можно делать что-то из ничего, из полнейшей пустоты. Можно исцелять смертельные раны или вообще жить вечно. Многое можно. Только такая способность дорого стоит.

— Требуется жертва?

— Да.

— Кровавая?

Со стороны могло показаться, что Натти подшучивает над да-йином. Но я, наслушавшись рассказов о том, какое обучение проходят охотники на демонов, видел за его насмешливыми вопросами совсем иное. Он искал что-то по-настоящему общее для обоих миров. Наверное, чтобы точнее понять, почему они когда-то впервые соприкоснулись между собой.

Личико Лус брезгливо сморщилось, но белокурая голова кивнула:

— Не без этого. Хотя кровь льется нечасто. Не чаще, чем здесь. Мой мир наполнен волшебством до краев, только обычный человек не может им пользоваться. Попробуйте представить: вокруг вас снуют чудеса, любые, какие только можно вообразить, но вам не под силу до них дотянуться.

Не знаю, кто как, а я себе это представлял. Легче легкого. С тех самых пор, как исполнил чужое желание, старательно притворившееся моим.

— А однажды вдруг оказалось, что к волшебству все же можно прикоснуться. Правда, для этого нужно на время покинуть свой мир, чтобы оказаться в вашем. И те, кто возвращался обратно, сами становились чудом. Обретали власть над внутренними и внешними стихиями.

— Всемогущие обычно пробуют установить свой собственный порядок, — заметил рыжий. — И он вряд ли должен прийти по вкусу всем остальным. Но тогда ваш мир погряз бы в бесконечных войнах, уничтожая себя, а поток синих звезд по-прежнему не иссякает.

— И не иссякнет, — вздохнул демон. — Потому что мы живем спокойно и... скучно.

— Скучаете от чудес?

— Те, кто возвращается и получает волшебную силу, перестают что-либо желать. Они становятся своей же бледной тенью, годной на то, чтобы делать великие вещи, но не видящей в них ровным счетом никакого смысла. Прочие люди сторонятся их. Ненавидят. Боятся. А иногда пытаются помешать возвращению беглецов. — Он рассказывал монотонно, будто бы бесстрастно, вот только за каждым словом отчетливо звенел колокольчик печали. — Чтобы попасть в ваш мир, мы проходим через «врата мечты», вдыхая пыльцу с крыльев особой бабочки. Причем уходит только сознание, а тело остается. Оно не стареет, не умирает, всегда готовое принять хозяина обратно. И все же его можно уничтожить. Сжечь, к примеру. Много лет назад огневые бунты вспыхивали по всей империи... Потом их научились предотвращать. Но сотни, а может, и тысячи тел погибли безвозвратно.

— Значит, все эти души до сих пор находятся в нашем мире? — переспросил Натти.

— Если не пробовали вернуться. И если им повезло остаться, — осторожно добавил демон.

— Их имена есть на карточках?

Белокурая голова снова утвердительно качнулась.

— И конечно, с ними нет смысла говорить о возвращении?

— Думаю, что нет. Ведь им некуда возвращаться. Кого-то можно попробовать соблазнить возможностью обрести волшебство в родном мире, но эти... Не знаю, что с ними делать.

— Сделать выбор за них, что же еще? — И рыжий снова не шутил, хотя улыбался во весь рот.

— Убить? — выдохнули губы Лус.

— Или позволить им попасть в лапы бритоголовых. Третьего не дано, — подытожил Натти. — Мне это нравится не больше, чем тебе, но либо демоны уберутся восвояси, либо навечно станут добычей Цепи одушевления.

Он все говорил правильно. Если смотреть с того холма, на котором мы все стоим. А если подняться на соседний или спуститься в ложбинку...

— Либо Цепь откажется от своих намерений.

Два карих взгляда, странно похожих друг на друга, вонзились в мое лицо.

— Ты понимаешь, о чем говоришь? — грозно спросил Натти.

Еще минуту назад не понимал, а потом все внезапно разложилось по полочкам. Головоломка решила сама собой.

— Вполне. Можно уничтожить демонов. А можно разобраться с синими мантиями. По мне, так эти ягоды все на один вкус.

Он выволок меня в коридор, подальше от Лус, прижал к стене и хрипло проговорил, чуть ли не касаясь моих губ своими:

— Еще одно подобное предложение, и убийства в самом деле начнутся! С тебя.

Такого проявления чувств в исполнении Натти я не помнил. Ярость, смешанная с отчаянием, никогда не входила в число его спутниц, даже мимолетных.

— Не понимаю.

— Да все ты понимаешь! А если нет... — Рыжий вдруг скривился, как будто собирался всплакнуть. — Тебя стоит запереть. Покрепче. И навсегда.

В колодце памяти плеснулись картинки прошлого, как раз на тему «запереть». Комнаты без окон. Шипящие плевки факелов на каменный пол. Безжизненные лица стражников. Все это уже было со мной. Вот только что я чувствовал тогда? Страх? Отчаяние? Злость?

Возможно, это нужно повторить. Если хоть одно чувство сможет вернуться.

— Я сказал что-то не так?

Он отодвинулся назад, словно намеревался рассматривать меня с ног до головы.

— Ты правда не видишь разницы?

— Какой?

— Между демонами и людьми?

Я честно попытался сравнить тех и других, вспоминая смесь ощущений, наполнившую меня после исполнения желания. Отличий не нашел, как ни старался.

— А разве она вообще есть?

— Должна быть. Для тебя — должна! — Последнюю фразу рыжий почти провыл.

Я попробовал еще раз, напрягая память, воображение и все, что еще оставалось при мне. А потом растерянно признался:

— Не вижу.

Натти прижался спиной к противоположной стене коридора, запустил обе пятерни в свою лохматую шевелюру и забормотал:

— Этого не может быть! И это все осложняет... Помощь понадобится в любой миг. Много помощи. Столько, сколько удастся заполучить...

Я догадывался, что мои невинные признания имели какое-то особое значение, раз так сильно расстроили рыжего, но, как ни силился, не мог понять причину его отчаяния.

Все ведь так просто. Есть демоны, не желающие или не способные убраться домой. Есть люди, которых надо оградить от опасности. И есть люди, которые могут переловить всех демонов. С корыстной целью исполнения своих личных желаний. Можно вышвырнуть демонов прочь, обрекая на окончательную смерть, а можно разрешить остаться, только для этого придется малость проредить ряды бритоголовых, искореняя особенно рьяных. Но и в том, и в другом случае придется уничтожать тела.

Человеческие. А значит...

— Смертей все равно не избежать. И гибнуть все равно будут люди.

Рыжий согласился, хотя и через силу:

— Люди. Да. Люди, понимаешь? Люди, не кто-то еще! Те, в ком сидит демон, уже не могут так называться!

— Почему? Ведь демона можно извлечь.

Натти тряхнул головой:

— Можно. Только не всегда. И не всегда безопасно. Думаешь, если бы я не ошивался рядом, Андара бы с тобой церемонилась? Да ни минуты! Выжала бы, как тряпку, и бросила. Пока желание не исполнено, шансы есть. После... Проще убить, быстро и безболезненно.

В этом я не мог быть уверен, даже пройдя через процедуру извлечения. Да, боль была, но все участники остались в живых, стало быть, возможность вернуть все на круги своя существовала до самого последнего мгновения.

— И где же разница между ними? Ты сам постоянно признаешь, что многим синим мантиям не место среди живых. Ведь признаешь?

Он молчал долго. То ли безоговорочно сраженный моими доводами, то ли раздосадованный ими.

— Хорошо, попробуем поговорить по-другому. Люди и демоны — две армии, сражающиеся друг с другом. И те, кто впускает в себя да-йинов, переходят на сторону врага. Это понятно?

— А, хочешь сказать, что, какими бы ни были люди, их все равно нужно защищать?

Карий взгляд подтвердил мое предположение. Без слов.

— Просто потому, что они люди?

— Иначе нет смысла жить.

Да, смысла нет. Я слышу эти слова, но пока не чувствую их. Ни капельки. Наверное, нужно время. Много времени. Сколько лет мне понадобилось, чтобы расставить оценки? Полжизни. Неужели пройдет еще столько же, прежде чем я...

Смогу снова стать человеком.

Смогу ли?

— Прости.

— За что извиняешься?

— Мне трудно. Или, наоборот, легко. Не знаю. Ты говорил об армиях... Я готов воевать. Но обе эти стороны для меня на одно лицо.

— Я заметил, — скорбно признал Натти.

— Раньше было по-другому, я помню.

Он посмотрел на меня, напряженно о чем-то думая, и вдруг сказал:

— А знаешь, лучше забыть.

— Забыть?

— Да. — Рыжий решительно выпятил подбородок. — Забудь. Если прошлое не вызывает у тебя любви или ненависти, значит, по-настоящему его и не было. Или оно случилось не с тобой.

Это было бы нетрудно, отставить воспоминания в сторону. Но среди них попадаются совершенно особые.

— А все то, что я умею? Тоже стоит забыть?

— Старое оружие выкидывают, когда им становится невозможно сражаться.

Прозвучало совершенно серьезно. Так серьезно, что заставило задуматься, правда, лишь на мгновение. Пока в конце коридора не возникла фигура Лус.

— Если вы надолго уединились, хоть скажите. Пойду тогда займусь чем-нибудь полезным.

— Не надо. Мы закончили.

— Уверены?

Я утвердительно кивнул, Натти тоже качнул головой, но скорее неопределенно, и задал встречный вопрос:

— У тебя-то все готово?

Демон пошелестел бумагой в объемистом кошельке:

— Старушка вспомнила достаточно много. Даже если сможем найти только половину, можно считать, затея удалась.

— Отлично! Тогда давайте посмотрим, с чего начинать.

Карту расстелили прямо на полу, потому что подходящего стола поблизости не нашлось. Работа и впрямь была проделана большая: на полувывцветших пятнах лесов, полей, рек и гор, там, где виднелись названия поселений, во многих местах темнели свежие чернильные пометки. Кое-где короткие, обозначающие только число, кое-где состоящие из нескольких слов. К своему удивлению, у надписи «Веента» я прочитал многозначительное: «Больше трех дюжин».

— И что, они на самом деле все там живут?

— Почему бы и нет? — пожал плечами рыжий. — Та, за которой мы сюда пришли, провела в столице не один год. И похоже, даже не один век.

— Не понимаю, как всех их до сих пор не выловила Цепь одушевления.

— Как, как... В любой цепи всегда найдется слабое звено, готовое на предательство. Хотя бы ради денег. Или ради того, чтобы заполучить силу демонов. Да мало ли может быть поводов? Простая обида способна сделать друзей врагами.

— Слабое звено, говоришь?

Одно такое нам совсем недавно встретилось. Юноша, страстно желавший стать охотником на демонов. А когда выяснилось, что желание не может осуществиться в изначальном виде, обида перекроила его по-своему, едва не доведя события до беды.

Цепь сильна, пока все ее звенья крепко держатся друг за друга. Но если хотя бы одно разомкнется...

— Их может оказаться много, — добавил Натти, пристально глядя мне в глаза.

Да, много. В каждом городке — своя цепочка власти, иногда совсем коротенькая, иногда запутанная намертво. Они должны быть где-то и кем-то связаны воедино, эти обрывки, но кто знает, что происходит на самом деле?

Я еще раз посмотрел на карту:

— И куда мы отправимся сначала? Будем бросать монету?

— Нет, — ответил демон. — Я уже выбрал место.

Он указал пальцем куда-то в холмы над долиной реки Таолы и прочитал:

— Руаннас.

Мне это название не говорило ни о чем.

— Большой город?

— Нет, насколько я помню, — сказал рыжий.

— Ты там бывал?

— На ваше счастье, да.

— При чем тут счастье?

— При том, что я смогу вас туда отправить.

Услышанное меня порядком насторожило. Наверное, даже не понравилось, но ощущения, эхом растворившиеся в сознании, были пока еще слишком слабы.

— Нас? Это означает то, о чем я подумал?

— Ну да, — кивнул он. — Вы пойдете вдвоем.

— А что будешь делать ты?

— Вернусь в столицу. Затишье рано или поздно должно закончиться, и грех упустить из виду первую волну бури. Ничего, вы справитесь! — подмигнул мне Натти и добавил: — Я в вас верю.

Лучше бы сначала спросил у нас, верим ли мы в свои силы. И вообще, способны ли верить после всего, что пережили за последние дни вместе и порознь.

— В провинции всякое может случиться. Особенно с непрошеными гостями, — попробовал я намекнуть на сомнительность принятого рыжим решения.

— Вы справитесь, — твердо повторил он, но в его уверенности мне почему-то послышалось отчаяние.

Понятно. Есть причины, чтобы отделаться от нашего общества. Вот только насколько серьезные? Попробуем узнать.

Я скрестил руки на груди:

— Тогда отправляй. Чего зря время терять?

Рыжий вздохнул и потянулся, расправляя плечи.

— Не отсюда.

— Есть разница?

Вместо пояснения он огрызнулся:

— Кто из нас будет открывать портал, я или ты?

Я так и не изучил все проходы и переходы дома верховного бальги, а вот Натти будто знал их наизусть: до обеденной залы, знакомой мне по совместным трапезам с семьей Кавалено, мы добрались чуть ли не вдвое быстрее, чем в сопровождении вечно недовольной Танны.

На длинном столе не было никакой посуды, зато лежали другие вещи. Две стопки одежды и плотно набитый кошель — не слишком ли мало для путешествия? Я хотел было спросить об этом вслух, но рыжий, словно догадываясь о назревающем вопросе, поднял и вручил один из комплектов демону.

— Нужно переодеться. Вот там есть комната, где тебе никто не будет мешать.

На лице Лус возникло растерянное недоумение, но Натти сурово пояснил:

— В нашем мире женщина раздевается перед мужчинами лишь в нескольких случаях. А у вас?

Демон беззвучно выругался и отправился в указанном направлении, сердито комкая одежду. Я потянул со своей стопки рубашку.

— Мне тоже стоит уединиться?

— Если не хочешь поговорить.

Да, он и раньше очень часто предугадывал мои намерения. И кажется, меня это раздражало, только неясно почему: это же так удобно, когда тебя понимают с полуслова. Значит, что-то еще прикладывалось к доверительному тону и внимательному взгляду. Но что?

— Ты не хочешь идти с нами?

— Хочу.

— Не можешь?

— Было бы просто так ответить, — признал Натти. — Но неправильно.

— Тогда ответь сложно, — предложил я, избавляясь от просоленной потом и

высушенной жарким солнцем одежды.

— Помнишь Керра?

Человека из разряда «такие не забываются»? Конечно. Впрочем, рыжий не стал ждать моего ответа:

— Он послал нас сюда в обход других командиров. Без договоренностей и прочих многословных ритуалов своей службы.

— Торопился?

— Возможно. Но не только. Ему было важно не позволить кому-то еще добраться до этой старухи. Кому-то, кроме нас.

— Почему?

— Пока не знаю. Надеюсь узнать. Но как бы то ни было, его решение оказалось опасным для него самого.

Обычно такие огороды городят, когда точно не знают, что произошло. А воображение очень часто преувеличивает угрозу. Или вовсе вытаскивает ее из ниоткуда.

— Что с ним?

— Мне намекнули, что он отстранен от службы.

— А что говорит он сам?

Карий взгляд заметно помрачнел.

— Я не разговаривал с ним. Не смог до него добраться.

Ого, а вот это уже первый раскат грома, тихий, пока еще глухой и далекий, но предвещающий грозу. Если охотник на демонов потерпел поражение, что же делать всем остальным?

— Его спрятали?

— Скорее, упрятали. В особую тюрьму. Под Наблюдательным домом.

Моего удивления хватило только на короткое:

— Хм.

— Знаешь, что это за место? — с надеждой спросил Натти.

— Нас туда не пускали.

Он разочарованно кивнул. Мол, спасибо за помощь, хоть помощи и не получилось. Но я продолжил:

— Нас им пугали.

— Как это?

Я начал застегивать пуговицы длинного кафтана, с каждой словно возвращаясь на год назад.

— Чтобы стать сопроводителем, нужно было усердно трудиться. Но иногда усердия оказывалось мало. Мы уставали. Сильно. Так, что некоторые часы и дни проживали, что называется, на зубах. И случались моменты, когда хотелось сдать все. Бросить все. Уйти восвояси. В первый такой момент в моей жизни я и услышал о Паучьем гнезде.

— Ну и название... — выдохнул Натти.

— Подходящее, если верить байке, что нам рассказали. Не знаю, собирались ли нас напугать или просто хотели предупредить, но своей цели добились: из тех, кто учился вместе со мной, почти все дошли до получения чина.

— Почти?

— Несколько человек все-таки исчезло. Нам сказали, что их отчислили, но сказали так многозначительно... В общем, понимаешь как. В Паучьем гнезде содержатся самые опасные

для Дарохранителя люди. Только он отдает приказ о помещении кого-либо в эту тюрьму. И только он отпускает. А сбежать оттуда невозможно, потому что каждый коридор охраняется многими десятками особых солдат. Стражниками, которые ни на минуту не покидают свои посты.

— Как такое возможно?

— Подробностей нам не рассказывали. Но одного намека на то, что любой из нас может стать одним из тех несчастных, не видящих дневного света, да и света вообще... Лично я не захотел проверять, правда это или сплетня.

— Значит, туда не пройти, — задумчиво подытожил рыжий.

— Из живых никто не пробовал. А мертвые уже не расскажут.

— Плохо.

— С размером не угадал? — переспросил я, ерзая плечами под кафтаном.

— А? Нет, сидит отлично, — успокоил меня Натти. — Плохо совсем другое.

Я сделал вид, что не слышу. Взвесил в руке кошель, открыл, наткнулся взглядом на связку жетонов и футляр из тех, что используются для хранения подорожных.

— Больше нам ничего не понадобится?

— Посмотрите сами, когда прибудете. Денег хватит. Должно хватить.

— Что там за края?

— Не помню. У меня не было времени изучить их.

— У тебя никогда нет времени.

— У вас оно тоже на исходе, время отдыха перед большой работой.

Я с сомнением посмотрел на рыжего:

— Большой?

— А я думал, тебя удивит слово «работа», — усмехнулся он.

С чего вдруг? Меня никогда не пугал труд любого рода. Даже хуже: если бы мне вдруг кто-то сказал, что с сегодняшнего дня трудиться да и вообще больше ничего делать не придется, я бы не знал, как жить дальше.

— Это было нечестно, — заявил демон, появляясь из дверей комнаты в шелковом шуршании юбок. — Помощь оказалась бы мне весьма кстати.

— Наймете служанку, если понадобится, — подсказал Натти. — Или супруг будет помогать одеваться.

Глаза Лус округлились.

— Супруг?

— Ну да. Вам удобнее всего путешествовать, как мужу и жене. Меньше вопросов.

Целесообразность сего решения, похоже, не слишком убедила демона, и рыжий, улыбаясь во весь рот, добавил:

— Не беспокойся насчет исполнения супружеских обязанностей, Ханнер не будет их с тебя требовать. Хотя бы потому, что не знает, нравится это ему или нет.

Рот Лус начал возмущенно открываться, но прежде, чем мы стали слушателями каких-либо возражений, Натти быстро шагнул вперед и заключил девицу в свои объятия.

Моя память сохранила все подробности открытия порталов, через которые мне довелось проходить, и я ожидал чего-то подобного, неспешного, хоть сколько-нибудь торжественного, с мерцанием воздуха, со смещением красок, а увидел лишь, как руки рыжего сжимались все сильнее, обнимая пустоту, пока не коснулись его же собственных плеч. В какое мгновение демон исчез из видимости, мне даже не удалось заметить. Наверное, в самом начале, сразу

же после того, как круг объятий сомкнулся.

— Что, слишком просто? — спросил Натти, ухмыляясь.

— М-да, простовато, — признал я, продолжая разглядывать охотника на демонов, который так запросто строит порталы.

— Это легче, чем тащить кого-то издалека. Ну и конечно, демона так перемещать намного удобнее, чем человека.

— Значит, со мной будут трудности?

— Не беспокойся, все получится. К тому же ты в какой-то своей части все еще демон благодаря печати, так что много сил не потребуется. Ну как, готов?

Он впервые спросил меня об этом. Беспокоился? Хотел снять с себя хотя бы часть ответственности? Возможно. Но ко всему прочему он явно пытался освободиться. Для дальнейших действий.

— Не лезь в Паучье гнездо.

— О чем ты? — делано удивился рыжий.

— Не лезь. Завязнешь.

— Я и не собирался.

— Эту паутину не разорвать.

— Обещаю, что рвать ничего не буду.

Его слова прозвучали вполне искренне, но за ними явно что-то скрывалось. Я это понимал, и он понимал не хуже. Впрочем, мы оба были уже взрослыми мальчиками и вот-вот собирались поделить общие игрушки поровну. Ну или хотя бы кто сколько сможет унести с собой.

— Ну что, обнимемся перед дорогой?

Шаг второй

Где-то здесь...

Тот, кто никогда собственноручно не следил за порядком и чистотой, не придает им должного значения. Тот, кто по долгу службы или иной весомой причине изо дня в день прилагает все возможные и невозможные усилия, чтобы изничтожить пыль, песок, плесень и прочую грязь, неизбежно попадающую в людные места, почти всегда пребывает в тени собственной работы. И потому весьма удивляется, если кто-то вдруг называет его имя среди ночи.

Луван Дотт со-Веента, хоть и дожил до третьей дюжины лет, никак не мог обзавестись тем, о чем мечтал с юности: выводком детей. Причем мешала вовсе не слабина по мужской части или иные телесные препятствия. Наследников ведь должна рожать и воспитывать жена, любимая или за неимением чувств уважаемая, но прежде, чем она станет таковой, ее еще нужно постараться заполучить у судьбы. А судьба младшему распорядителю покоев Наблюдательного дома упорно не благоволила.

Потому, когда в темной тишине ночи кто-то вдруг зашептал ему в ухо, Луван сразу понял: дело нечисто. Уж в чем в чем, а в чистоте он толк знал! Пусть метла и мокрые тряпки — не меч и щит, но, чтобы махать ими, тоже нужна немалая сноровка, натягивающая мышцы всего тела крепкими канатами. Жаль только, что в постель младший распорядитель орудия своего труда не брал.

— Луван Дотт?

В голосе склонившегося над кроватью человека не слышалось угрозы, но одновременно не имелось ничего, способного обнадежить и успокоить. Луван подумал, что можно бы попробовать соскользнуть на пол, прикрываясь покрывалом, позвать на помощь и юркнуть под кровать, чтобы выиграть время. Но не успел он даже шевельнуться, начиная претворять в жизнь наспех придуманный план, как лишился своего главного козыря: вязаное полотнище взлетело в воздух и упало уже где-то далеко за пределами досягаемости.

— Луван Дотт? — повторил свой вопрос ночной гость.

Младший распорядитель судорожно кивнул и зачем-то зажмурился, хотя в густой темноте прикрытых ставен все равно было почти ничего не разглядеть.

— Завтрашним утром тебе назначена работа?

Луван снова кивнул, не разжимая век.

— Где?

— По западной галерее и в оконечном зале.

— Что приказано?

— По полу выскрести плитки, расчистить швы и забить в них шелковые шнуры.

— Это еще зачем? — удивился незнакомец.

— Положено так. Дабы поступь сиятельных персон ничем не омрачалась.

— Поступь, говоришь?

Луван приоткрыл один глаз.

— Так известно же, что камень то и дело щербится, а если в такую щербину хоть чей-то каблук попадет, оправданий слушать не будут — снимут голову, и все.

— Суровая у тебя работа.

— А то, — согласился младший распорядитель.

— И небось платят за нее скупо?

Луван промолчал, хмуро засопев.

Платили и правда мало, но главным в такой незавидной службе была не оплата, а возможность при случае вернуть в разговоре, что служить ходишь каждодневно в Наблюдательный дом, а не абы куда.

Ночной гость выпрямился, чуть взбаламутив застоявшийся воздух.

— Шнуры, значит... Да еще и шелковые. Ну живут же люди!

— Так не всякие, — поддакнул младший распорядитель, почувствовав, что дышать стало чуточку полегче, в том числе и потому, что страх отступил назад вместе с незнакомцем. — После полудня снова все вынимать придется и складывать на хранение. До следующего раза.

— И часто такие разы бывают?

— Да вот накануне был. Суток еще не прошло. Знали бы, все оставили бы как есть.

— К какому часу ты должен закончить свою работу?

— Да как рассветет, все должно быть готово.

— Что ж, работай тогда на совесть.

Неожиданное напутствие стихло вместе со всеми прочими звуками, выдающими присутствие в комнате чужого человека, и только тогда Луван Дотт ощутил, что начал замерзать. Вставать с постели было боязно, и младший распорядитель пролежал еще несколько минут неподвижно, ожидая либо какого-то очередного вопроса, либо удара, который милосердно избавит его от утреннего ползания на коленях по холодным каменным плитам. Но ни первого, ни второго не случилось.

Как, впрочем, не случилось и продолжения прерванного сна, потому что из-за ставен, приоткрывшихся чуть больше, чем нужно, мерно отстучала пять раз колотушка ночного сторожа.

* * *

Разумеется, шерстяная ткань не могла сравниться с шелком глубиной синих переливов, но Андара Присс со-Логарен решила, что лишняя скромность в предстоящей встрече помешать не может. Из всего обилия слухов, описывающих человека, с которым золотозвеннице предстояло в скором времени вести обстоятельную и весьма важную беседу, наиболее часто повторяющимися и потому, скорее всего, самыми близкими к истине были те, что упоминали крайнее равнодушие к одежде, особенно богатой и пышной. И пусть веры подобным рассказам обычно немного, обидно оступиться, только-только добравшись до вершины.

Вершина?

Да. Она самая.

Андара смежила веки, чтобы спрятать глаза от ослепительного сияния, преследовавшего ее во сне и наяву последние несколько дней. С того самого часа, как за спиной пронырливого Керра закрылись двери, ведущие напрямик в Паучье гнездо.

Нет, она не испытывала к давнему знакомому злобы или ненависти. В конце концов, они вышли из одного приюта, и лишь они двое из многих своих сверстников получили шанс попасть на дарственную службу с самых юных лет. Даже радовались вместе своему успеху. Сначала. А потом все пошло наперекосяк.

Керр вечно опережал ее, оказывался хоть на минуту, но раньше там, где королевой обстоятельств должна была стать Андара. Благодарение Богу, что в какой-то день их дороги

разошлись далеко в стороны, и золотозвенницу даже посетила надежда, что вот теперь, когда никто больше не топчется рядом, будет проще достичь зыбких, но заманчивых целей. Ан нет, противник снова оказался тут как тут, не растерявший наглости и набравшийся еще большего самодовольства.

Это был первый раз, когда она замерла на месте, задохнувшись от мучительной ярости. И это был первый раз, когда промедление стало победой.

Если бы знать раньше! О, Андара вела бы себя как примерная девочка, позволяя Керру собственными руками копать свою могилу. Сколько времени и сил было потеряно на бесцельную и бессмысленную гонку, когда следовало всего лишь присесть на краешек скамьи и смиренно подождать своей очереди...

И очередь настала!

Золотозвенница поправила еще одну складку на синей мантии, не последнюю, увы: рядом топорщились еще две, но двери уже распахивались перед женщиной. Двери будущего, славы и торжества.

Как и многие люди, лишённые детства в окружении любящей семьи, Андара всегда старалась дотянуться до самой верхней ветки, хотя и на нижних можно найти множество вкусных, а главное, вполне спелых плодов. Имей золотозвенница охоту и склонность к дружеским беседам, она наверняка бы не раз услышала народную мудрость, что от высокого начальства лучше держаться так далеко, как только возможно, но мудрая милость Боженки прошла мимо женщины, рвущейся в высоту подобно птице. А потому встреча с Дарохранителем представлялась Андаре венцом всей предыдущей жизни. Блистательным венцом, разумеется.

Зал показался нестерпимо огромным той, что проводила свои дни в клетушках, перегороденных шкафами и столами с тысячами разноцветных сосудов. Впрочем, он и в самом деле был достаточно велик, даже для человека, привыкшего к простору, а единственное кресло посреди только удачно подчеркивало внушительные размеры помещения.

Единственное кресло и единственный человек.

Да, где-то там, вдалеке, у других дверей и у тех, что закрылись за спиной Андары, стояли стражники, но Дарохранитель, словно нарочно напоминая о своем высоком, ни для кого недостижимом чине, находился в полном одиночестве.

Пока он сидел в кресле, трудно было что-то сказать о росте и пропорциях тела, зато одежда, как и предполагала золотозвенница, оказалась неприметной, темной, странно старомодной, особенно шляпа с кружевным пологом, полностью закрывающим лицо. А вот голос, прозвучавший из центра зала, поразил своей звонкостью, очевидной молодостью и нарочито покровительственными нотками:

— Подходите сюда, дорогая!

Андара не стала мешкать и спустя сорок почтительных шагов склонилась в поклоне перед человеком, держащим в своих руках судьбы всех подданных Логаренского Дарствия.

— Ну не надо так гнуть спину! Право, еще наклоняетесь... Итак, дорогая моя, вы желали мне что-то сообщить? Я слушаю вас.

Золотозвенница не ожидала, что действовать придется вот так, прямо с порога, и с трудом подавила в себе желание рассыпаться в приличествующей случаю лести и прочих фразах, непременных при общении с людьми, облеченными властью большей, чем наделен ты сам. Возможно, надо было быть терпеливее. Возможно, следовало прислушаться к голосу

опыта, еще никогда не подводившего свою обладательницу. Но жажда признания достижений давно уже стала для Андары сильнее и важнее осторожности.

— Я много лет изучаю демонов, эрте. Но не то, откуда они берутся, а то, как они попадают в человеческое тело и что происходит затем.

— Насколько я понимаю, не вы одна занимаетесь такими исследованиями? — невинно заметил Дарохранитель, и золотозвенница невольно прикусила язык.

— Разумеется, нет, эрте! Множество людей денно и нощно, не покладая рук...

— Но вы чем-то отличаетесь от них.

Слова не прозвучали вопросом, и это чуть обнадежило Андару на продолжение рассказа:

— Издавна принято было считать, что демоны бесплотны. Что это чистый дух, который невозможно заключить хоть в какие-то границы. И от которого невозможно защититься.

— Вы думаете иначе?

— Я знаю это, — гордо подняла подбородок золотозвенница.

Кружево на шляпе качнулось то ли от вдоха, то ли от выдоха.

— Знание предполагает не только слова, но и действия, не так ли?

— Да, эрте. Я изучала тела людей, подвергшихся влиянию демонов, и обнаружила, что в них произошли изменения. Различные в каждом случае, но все, от первого до последнего, свидетельствующие о том, что человеческая плоть каким-то образом вошла во взаимодействие с пришлым духом.

— Вы близки к богохульству, дорогая моя, — предостерегающе поднял палец Дарохранитель, и Андара снова поспешно склонилась в поклоне.

— Это открытие ужаснуло и меня, эрте, но, поскольку законы божии не подлежат сомнению, я пришла к выводу, что демон — это вовсе не дух. Да, он бесплотен в наших ощущениях, однако человеческим чувствам подвластны не все глубины мира... Я пробовала много разных способов и однажды обнаружила щипцы, которыми могу ухватить демона, вытащить его из тела и заставить быть покорным любой воле.

Она немного лукавила, говоря только о своих заслугах, но справедливо полагала, что умершим во имя благого дела будет намного меньше пользы от заслуженных почестей, чем живым.

— Разве нечто подобное с успехом не используется Цепью одушевления на протяжении уже многих лет?

Золотозвенница всегда знала, что этот вопрос прозвучит. И к счастью, теперь у нее имелись доводы, позволяющие сокрушить замшелые традиции.

— Старые методы требуют много больше затрат, эрте. Для них необходимы Сосуды, а такие устройства, как показали недавние события, необычайно уязвимы и могут отпустить своих узников в самый неожиданный момент.

— Но извлеченный демон все равно должен где-то находиться, чтобы им можно было пользоваться, ведь так? Стало быть, вы изобрели какой-то другой Сосуд?

Андара подавила торжествующую усмешку. Пусть человек, носящий титул Дарохранителя, и был умен, он не мог себе даже представить всей величественности сделанного открытия.

— О нет, эрте. Я научилась особым образом обрабатывать содержимое. А сосуд... Это может быть простая склянка, главное, чтобы стекло было потолще и не разбилось до нужного срока.

Золотозвенница раздвинула складки мантии, доставая кошель, а из него — небольшой флакон, казалось наполненный серебристо-синим сиянием.

— Что это такое?

— Эссенция демона. Его суть, лишенная всех недостатков и опасных для человека свойств.

— Любопытно...

Дарохранитель чуть подался вперед, разглядывая смиренное подношение, и Андара мысленно поздравила себя с победой.

— Несколько капель этой жидкости властны наделить человека всем, чем ему заблагорассудится. Главное, не навсегда.

— Как это возможно? Вы говорили, что когда демон попадает в человеческое тело, то меняет его. И изменения, насколько я понимаю, остаются до самой смерти, иначе вы не смогли бы их изучать... Что же тогда делает ваша эссенция?

— Она тоже меняет нашу плоть. Но меняет лишь на то время, пока находится внутри, и это еще одна возможность успешно управлять.

— Кем?

— На все ваша воля, эрте. — Золотозвенница с притворной покорностью опустила взгляд.

Нет способа подчинить себе мужчину надежнее, чем позволить ему что-то решить самому, — это Андара успела узнать на собственном, пусть и невеликом опыте. А человек, сидящий перед ней в кресле, некогда отказался лишь от своего имени, но вовсе не от пола.

— И насколько прочен этот сосуд? — после долгого молчания спросил Дарохранитель.

— Прочность не имеет значения, эрте. Даже если сосуд разобьется, то, что находится внутри, уже не выпустит демона на свободу. Собственно, это уже не демон. — Она встряхнула флакон, заставив жидкость заискриться еще сильнее. — Зерно, перетертое в муку. Оно никогда не сможет прорасти новым колосом, но зато в силах насытить страждущих.

— Не сможет прорасти? — Вопрос прозвучал совсем глухо, словно слой кружева на шляпе вдруг сам по себе стал втрое толще.

— Раньше мы ничего не могли поделать с демонами: они приходили, когда пожелают, и уходили, если не попадали в наши Сосуды. Теперь они не смогут уйти. И в конце концов та бездна, из которой они появляются, будет вычерпана до дна!

Она больше не могла сдерживать торжество, хотя пока и не ощущала поддержки. Главное было произнесено, а остальные детали, такие, к примеру, как нарастающая сухость в голосе Дарохранителя, казались вдохновленной женщине несущественными.

— Вы, должно быть, знаете, что моя личная стража тоже использует силу демонов в своем служении?

— Разумеется, эрте.

— Но только полученную старыми, как вы их называете, способами. Все, что вы рассказали, заслуживает внимания, дорогая моя. Но слова — это всего лишь слова. А как насчет дела?

— Все, что пожелаете, эрте, — поклонилась Андара, кусая губы от нетерпения.

— Ваш флакон... Он равен по своим возможностям целому демону?

— Не просто равен. Превосходит.

— Отлично. Надеюсь, вы согласны проверить его в деле?

О таком предложении Андара могла только мечтать. До этой минуты.

— Сочту за честь.

— Как насчет того, чтобы выставить своего бойца против моего?

— К этому нет никаких препятствий.

— Начнем немедленно?

Если бы человек в кресле не был правителем огромной страны, золотозвенница решила бы, что с ней собирается поспорить непоседливый мальчишка. Но она и сама уже не могла бороться с собственным азартом:

— Позвольте позвать моего человека. Его плоть чиста от зелий, ручаюсь. И от всех прочих умений, полагающихся воину.

— Зовите!

К дверям Андара летела как на крыльях. И меднозвенник, послушно ожидавший свою начальницу у порога зала, легко смог бы поклясться, что никогда еще не видел ее столь счастливой.

— Сколько вам требуется времени? — спросил Дарохранитель, поднимаясь из кресла.

— Не больше минуты. Эссенцию достаточно проглотить и представить, что хочешь от нее получить.

— В единственном роде?

— Нет, эрте, и это свойство тоже выгодно отличает плод моего труда от возможностей природных демонов. Можно пожелать сразу нескольких качеств, только бы они были чем-то связаны между собой.

— Что ж, прошу вас! — приглашающе махнул рукой первый человек Логаренского Дарствия.

Андара повернулась к своему сопровождающему и положила ладони на узкие плечи.

Часть 2.2

Этот юноша не был рожден для битв. Возможно, определенное воспитание и тщательно подобранные занятия могли бы сделать из него подобие солдата, но в тускло-серых глазах не хватало главного. Желания сражаться. И кто угодно счел бы затею золотозвенницы нелепой и заранее обреченной на провал.

Кто угодно, не подозревающей об истинной силе сияния, заключенного внутри маленького флакона.

— Сейчас ты выпьешь это и пожелаешь стать непобедимым воином, — шепнула Андара, глядя глаза в глаза дрожащему от волнения меднозвеннику. — Я знаю, ты часто наблюдаешь за тренировками во Внутреннем дворе и наверняка изучил уже все приемы защиты и нападения. Твое тело повторит их во сто крат лучше, поверь! От тебя требуется лишь одно. Желание. Сильное настолько, насколько сможешь. Думай о том же, о чем думал там, на галерее, всякий раз, когда один солдат побеждал другого. Ты хотел оказаться на его месте? Конечно, хотел. И теперь можешь это сделать!

По нарастающей рассеянности взгляда было понятно, что сознание юноши поплыло и сейчас готово было принять в себя даже самого настоящего демона согласно старым, набившим оскомину методам. Золотозвенница еще не испытывала эссенцию так, как ей того бы хотелось, но была уверена в успехе. Уверена так сильно, что в какой-то момент поймала себя на мысли, что, если ее боец окажется лучшим, Дарохранитель останется без какой-либо защи...

— Пей! И не забывай о том, что я говорила.

Меднозвенник послушно опрокинул в рот содержимое флакона. Серебристо-синее сияние на мгновение осветило изнутри кожу юного лица, потом словно провалилось вниз и более ничем уже не выдавало своего присутствия в человеческом теле. Со стороны никаких изменений заметно не было, однако первый же шаг, который юноша сделал, переступая с ноги на ногу, заставил сердце Андары замереть в предвкушении триумфа.

— Мой боец готов, эрте, — почтительно поклонилась она, как полагала, в последний раз в своей жизни перед кем-то опуская голову.

— Замечательно! Теперь я должен выставить своего...

Он обошел вокруг кресла, будто раздумывая, на ком остановить свой выбор.

— Ты! — Рука Дарохранителя вытянулась в направлении дальней двери. — Тот, что справа! Иди к нам.

Стражники, охраняющие покой правителя Дарствия, были похожи друг на друга ростом, осанкой и бесстрастным выражением лиц, как близнецы. Как сопроводители, которых Андара брезгливо считала расходным материалом в своих исследованиях. Потому и сейчас, оказавшись лицом к лицу с человеком, давным-давно и успешно лишенным собственной воли, золотозвенница не могла сдержать презрительной усмешки.

— Вас что-то развеселило, дорогая моя?

— О нет, эрте. Я с нетерпением жду исхода поединка. — Она поспешно опустила взгляд, только теперь начиная понимать, что иногда поклон может оказаться намного полезнее гордости, выпрямляющей спину.

— Что ж, не будем более медлить. — Дарохранитель снова сел в кресло и хлопнул в ладоши. — Начинайте!

Андара и сама нарочно не принимала сегодня никаких зелий, делающих зрение острее и быстрее, а потому не ожидала, что сможет хоть что-то рассмотреть, когда в дело вступят демонические силы. Однако, словно вопреки ее предположениям и расчетам, сражающиеся предпринимали все возможное, чтобы показать себя самому обычному человеческому взгляду. Вернее, один из них. Тот, что пришел от дальних дверей.

Отойдя на десяток шагов от кресла, стражник застыл, как на своем предыдущем посту, и не шевельнулся, даже когда синяя мантия меднозвенника превратилась в вихрь, полностью скрывший внутри себя человеческое тело. Воздух зала послушно поспешил следом за набравшим невиданную скорость бойцом, остудил бритую кожу на затылке Андары и всколыхнул кружево шляпы Дарохранителя. По скрученным теням можно было понять, где мгновение назад находился нападающий, но угадать, куда он направится дальше...

Нет, это решительно невозможно!

Первое движение стражник сделал неожиданно для зрителей, и со стороны оно походило на простую перемену ног, уставших от долгого пребывания в одном и том же положении, да передергивание плечами, затекшими от напряжения. Но в следующий же миг неясные пляшущие тени рухнули на пол ворохом мятой ткани, между складками которой можно было разглядеть лицо человека, явно недовольного случившимся.

Конечно, он поднялся на ноги и снова вошел в вихрь, слизывая кровь с разбитой губы. И мгновением позже красные капли выступили уже на коже стражника, по-прежнему не проявляющего чудеса воинской подготовки, но, судя по всему, ухитряющегося увернуться от непритворных атак.

Клубок теней прошелся по залу взад и вперед, каждый раз дотрагиваясь до не теряющего спокойствия воина Дарохранителя и взрезая то одежду, то кожу. Золотозвенница хотела бы крикнуть юноше, чтобы тот прекратил играть и показал все, на что способен, но догадывалась, что именно сейчас, поглощенный обретенной силой, он вряд ли способен видеть и слышать кого-то, кроме своего противника. А тот, казалось, не просто делал вид, а и вправду не замечал назойливую осу, крутящуюся вокруг и жалящую все сильнее и сильнее.

Меднозвенник вовсе не играл. Сражался в полную силу, всеми известными ему приемами и с яростью. Но это стало понятно лишь тогда, когда стражник вдруг присел на одно колено, потянулся к стыку каменных плит пола, схватился за воздух, как показалось Андаре, и потянул его на себя.

Один сгусток теней столкнулся с другим, отлетел было назад, потом почему-то снова подался вперед и затрепыхался, как птица, пойманная в силоч. Прошло совсем немного времени, и движение стихло, вновь превращая сизый вихрь в человека, лежащего на полу и спутанного по рукам и ногам шелковыми шнурами.

Золотозвенница возмущенно прикусила язык. То, что она видела перед собой, не должно было случиться, потому что...

Потому что просто не могло произойти!

— Полагаю, испытание можно считать оконченным? — бесстрастно осведомился Дарохранитель, и равнодушие в его голосе кольнуло Андару сильнее, чем это смогли бы сделать ехидство, превосходство или сочувствие.

— Да, эрте.

Вот теперь самым разумным было бы поклониться, но спина отказывалась гнуться. Совсем.

— Я бы предложил вам забрать своего подчиненного, но, увы, ни его собственная, ни

чья-либо воля больше не помогут ему следовать за вами.

— Эрте?

— Полагаю, он мертв. А что скажете вы?

Золотозвенница опустилась на колени рядом со скрюченным телом, раздвинула складки синей мантии и стиснула зубы так сильно, что они хрустнули.

Шелковые шнуры не просто оплели всего меднозвенника редкочейистым, но крепким коконом. Они врезались в плоть повсюду, где только смогли, передавливая крупные кровеносные сосуды. Юноша умер, еще будучи вихрем. Если бы он сумел остановиться сразу, как только почувствовал на себе путы, возможно, ему удалось бы уцелеть, но азарт сражения не позволил принять верное решение вовремя, и странная шелковая сеть затянулась туже, чем можно было себе представить. Так туго, что кожа меднозвенника начала плавно и густо наливаясь синевой.

— Вы там не уснули, дорогая моя?

Он по-прежнему не насмешничал, и это было самым болезненным.

Андара поднялась, медленно расправила складки своей мантии и спросила, не поворачивая головы к креслу:

— Мне следует удалиться?

— Как вам будет угодно, — все с тем же равнодушием разрешил Дарохранитель. — С одним только условием...

Многоточие было слишком многозначительным, и золотозвенница вздрогнула. Но на то, что она услышала дальше, не хватило бы и самой лихорадочной дрожи.

— Ваши исследования, дорогая моя, крайне интересны. И столько же крайне сыры, если вы понимаете, о чем я говорю. Дело поправимое, спору нет. И вы конечно же все доведете до совершенства, но... Несколько позже. Сейчас вам нужно отдохнуть, собраться с мыслями, набраться сил. Повременить со рвением. Но не беспокойтесь о сохранности своих открытий: на время вы передадите их в надежные руки. Сегодня же. Вам все понятно?

Колени предательски подкашивались, звали свою хозяйку за собой, на пол, к ногам Дарохранителя, чтобы молить... Или умолять. Зато сознание, остающееся на редкость холодным и ясным, подсказывало Андаре, что подобное проявление слабости не приведет ни к чему, кроме бесполезных синяков и ссадин.

— Как пожелаете, эрте.

Она не стала кланяться. Пусть за эту дерзость ее ждало какое-нибудь страшное наказание, золотозвенница не испытывала страха. Ни капельки. Все внутри Андары было выжжено обидой столь отчаянной, что на другие чувства не хватало даже воображения.

Он велел все отдать...

Отдать! Часы, дни, месяцы, проведенные в мрачных кельях. Бессонные ночи, наполненные беспощадными раздумьями. Кожу, многократно сожженную едкими зельями. Слух, разодранный в клочки криками, в которых не было ничего человеческого...

Она могла жить иначе. Могла нежиться в постели до восхода солнца. Могла принимать почести, заслуженные и, что еще слаще, украденные у других. А вместо того трудилась не покладая рук. И ради чего? Чтобы однажды добровольно отдать все тому, кто не видит в ее исследованиях пользы?

Дарохранитель не мог не понимать, чего она добилась. Он все увидел яснее, чем можно было бы представить. Почему же отвернулся? Почему отмахнулся от ее драгоценного дара? От дара, который мог бы изменить весь мир?

Если бы Андара умела плакать, то рыдала бы в три ручья. Но на счастье или на беду, холодные, как сталь, глаза оставались сухими на всем протяжении пути в то крыло Наблюдательного дома, где располагались владения синих мантий. И с каждым шагом клинок отчаявшегося взгляда закалялся все больше и больше.

Она решительно переступила порог кельи, по дороге сметая полами одежды десяток склянок со стола, так некстати подвернувшегося на пути. Звон и позвал их, верных слуг, отмеченных серебряными знаками на густо-синей ткани. Всего трое, больше она никого не допускала до своих исследований. Осторожничала, да и не желала делиться славой с кем ни попадя. Была бы на то ее воля, действовала бы и вовсе в одиночку, но лишние руки...

Руки были нужны. Особенно такие сильные и умелые, как у троих мужчин, глядящих сейчас на свою повелительницу во все глаза.

— Что-то случилось, эрте? — спросил один из них, самый молодой, но все же разменявший больше лет, чем меднозвенник, запутавшийся сегодня в шелковой паутине.

— Мои старания получили награду, — улыбнулась Андара, догадываясь, что движение ее губ скорее походит на звериный оскал.

Их взгляды светились надеждой недолго. Ровно три удара сердца, а потом начали тухнуть.

— Сегодня все это заберут. — Она обвела рукой пространство кельи. — Все. Заберут от меня. Но это не страшно, правда? Я всегда смогу вернуть потерянное назад. Все смогу вернуть... Кроме вас. Потому что вас заберут тоже.

Если золотозвенница и лгала, то самую малость, а потому лица у троих мужчин в синих мантиях застыли как маски.

— Заберут куда-нибудь подальше вместе с тайной, которую вы знаете. А как обычно хоронят тайны?

Она посмотрела каждому в глаза. По очереди, медленно переводя взгляд от одного к другому.

— Но вы еще можете уйти. Пока есть время. Уйти, унося с собой сотворенное всеми нами чудо в мир, или остаться, чтобы навечно спрятать его и себя под могильной плитой. Я не буду приказывать или просить... Выбирайте сами. Но не медлите!

Они опустились на колени одновременно и склонили головы перед той, которую почитали святее Боженки, и Андара Присс со-Логарен снова улыбнулась. На этот раз почти счастливо.

— Вы знаете, что нужно взять, остальное найдется в вашей памяти. Вы можете сделать с этими знаниями все что захотите, главное, чтобы вы выжили и сохранили их. Как угодно. Любыми жертвами. И ваше деяние не останется неоплаченным!

Они собрались быстро, сложив в объемистые кожаные сумки едва ли сотую часть склянок, пузырьков и инструментов, что были на столах и в шкафах кельи. И тоже не стали кланяться, уходя, только взглянули на золотозвенницу тем самым взглядом, что даже слепец назвал бы последним. А когда за ушедшими закрылась дверь, Андара удовлетворенно сложила руки на груди, чтобы в следующую минуту засучить рукава.

Зелья и прочее необходимое для получения эссенции еще оставались здесь, но порядок действий никогда и нигде не записывался, кроме как в головах ее учеников. И в ее собственной конечно же. Зато золотозвенница знала, как прятать свои тайны.

Капля жидкости из одного флакона, капля из другого, щепоть искристого порошка, тепло свечного пламени — нехитрый рецепт, зато надежный. Андара встряхнула

полученную смесь в склянке трижды, пока последние крупички не растворились, и раздвинула мантию на груди.

Можно было и проглотить приготовленное зелье, оно все равно подействовало бы, но золотозвенница слишком часто становилась свидетельницей того, как самые сильные яды, принятые внутрь, простейшим образом извлекались обратно до того, как успевали причинить намеченный вред. А кожа тоже годится для отравления, к тому же в некоторых местах под ней кровь бежит так близко...

Когда дверь распахнулась от решительного пинка, склянка уже была опустошена, и Андара, зябко кутаясь в мантию, мысленно отсчитывала время до беспамятства, в которое собиралась удрать от стражников, и...

— Снова ты?!

Она не хотела выставлять свои чувства напоказ, но не сдержалась, увидев знакомую сивую шевелюру и глаза, всегда глядящие с этим бесконечно наглым, бесцеремонным, отвратительным всепониманием старшего брата. Он должен был гнить сейчас в тюрьме, но вместо того находился здесь, стоял посреди кельи, с каким-то странным сочетанием снисхождения и сожаления оглядывая окрестности, потревоженные недавними сборами.

— Где они, Андара?

— Кто?

Золотозвенница хотела бы удивиться делано, но в последний момент поняла, что и в самом деле не понимает, о чем идет речь. Уже не понимает.

— Твои приспешники. Ты ведь предупредила их? Ты помогла им бежать?

Ему явно не понравилось происходящее, и Андара улыбнулась, хотя не представляла, кому и в чем совсем недавно помогла.

— Что ты велела им сделать?

Его слова жужжали как надоедливые пчелы. Золотозвенница тряхнула головой, будто это могло отогнать их прочь. Тряхнула и, словно продолжая движение, повалилась на пол, внезапно ставший для нее одним целым с потолком и стенами.

Керр Крон со-Логарен не стал наклоняться и проверять, жива ли его давняя знакомая или испустила дух. Не успел: сзади, из коридора, раздались шаги и голос, приглушенный затейливым кружевом, но узнанный золотозвенником сразу же, как только прозвучали первые слова.

— Она все-таки сглупила?

— Да, — ответил Керр и, повернувшись, добавил: — Мой повелитель.

— Прискорбно. — Юноша, прячущий лицо под старомодной шляпой, переступил порог и остановился над безмятежным телом Андара.

— Вы дали ей возможность выбирать? — спросил золотозвенник.

— И она выбрала, — подтвердил Дарохранитель.

— Ее выбор может принести много бед.

— Помнится, недавно вы говорили мне, что каждый должен сказать свое слово в споре?

— Да, мой повелитель. Но сейчас...

— А разве что-то изменилось?

— Вам может быть причинен вред.

— О да. Я это сознаю, не беспокойтесь. Скажу даже больше: она уже имела возможность мне навредить. И не скажу, что не пыталась это сделать. Когда показывала, к примеру, на что способна эссенция демона.

— Мой повелитель!

— Но я поступил так, как вы. Позволил сказать свое слово тому, кому было что сказать. — Дарохранитель щелкнул пальцами над плечом. — Иди-ка сюда! И будьте добры объяснить оба, наконец, зачем понадобился весь этот маскарад.

Исполнения приказа пришлось ожидать дольше, чем это предписывали придворные правила, но один из стражников все-таки выдвинулся вперед, под яркий свет немигающих ламп, и пряди волос на настороженно склоненной голове засияли трехцветьем.

Часть 2.3

И сейчас...

Бездна открывшегося портала была бархатной. Или бархатистой? Она ведь не пеленала путешественников по рукам и ногам, как мне представлялось раньше. Нет, она ласково увлекала за собой, шелестя незримыми крыльями, струилась вдоль тела прохладными ручейками, играла в пятнашки, мимолетно дотрагиваясь и тут же отдергивая свои длани, но звонкое эхо прикосновения все длилось и длилось, оставаясь со мной...

Внутри меня.

Наверняка во многом была виновата печать демона, исковеркавшая мою плоть, безжалостно заточившая под себя то, что поддавалось изменению. Во многом, но далеко не во всем.

Странное пространство портала и прежде, в первые посещения, казалось мне живым, но теперь я ощущал это в полной мере. И больше ни капельки не боялся того, что чувствую, наоборот, словно пытался впитать происходящее в себя. Полностью. Так, чтобы захлебнуться.

Память охотно делилась со мной старыми впечатлениями, раскрываясь веером то на одной, то на другой странице. И я сравнивал. Не то, что тогда на самом деле испытывал, а всего лишь факты, сухие и скучные. Но их было достаточно для простого и невероятно очевидного вывода.

Злом или добром являются для моего мира демоны, неважно, потому что дар, который они вручают людям, невозможно оценить. Они ведь приносят с собой чудеса. Да, изначально рождающиеся в дебрях нашего воображения. Но сколько таких желаний умирало и гнило бы внутри каждого из нас, если бы не существовало легенды о Ночи синих звезд и если бы мы не надеялись, пусть даже самыми потаенными глубинами своей души, однажды поймать в ладони искорку, пришедшую из неведомых далей?

Я ничего не знал о существовании демонов, пока судьба не швырнула меня в гущу нелепых и страшных событий, но все, чему меня учили, все, что мне помогали и позволяли делать с собственным телом, не стало бы возможно без участия детей иного мира. Наверное, когда-то я ненавидел это. И конечно же когда-то страстно любил. Но вереница чувств, оставшихся в прошлом, не меняет главного, а только все ближе подталкивает к простодушному вопросу...

Неужели скоро ничего чудесного в человеческом распоряжении не останется?

Можно трястись в карете по городам и весям, тратя месяцы на путешествие, которое прежде занимало несколько минут.

Можно надрываться, совершенствуя свое тело старыми, как мир, способами, чтобы совершать подвиги, а потом однажды перейти предел дозволенного и превратиться в никчемную рухлядь.

Конечно, мы не умрем, утратив шанс сотворить чудо, ведь когда-то демонов наверняка не было, а люди все равно жили и продолжали свой род. Мы будем искать новые пути возвышения и низвержения, это точно. Такова уж наша природа. Но чудеса...

Чудес больше никогда не будет.

Со временем важные подробности прошлого забудутся, и следующим поколениям уже не придется злиться и проклипать предков. Никаких имен в памяти не останется. Никаких

деяний, одни только сказки, слушая которые молодежь будет крутить пальцем у виска, потому что в новом мире прежних героев и чудовищ уже не появится. Народятся свои, разумеется, куда ж денутся. Мелкие. Скучные. Обыденные. Такие, какие заслужит будущее, сонно дремлющее сейчас в моих ладонях.

Но ведь части демонов все равно некуда уходить, верно?

Объятия портала разомкнулись, с явной неохотой отпуская меня обратно в мой мир. А может, это я не хотел прощаться с очередным привычным, но одновременно невероятным и восхитительным чудом. Однако где-то кто-то по-прежнему принимал решения за меня, и оставалось лишь послушным ручейком вливаться в происходящее.

Оставалось расправить плечи, возвращая в прежнее напряженное состояние кисель мышц, за время путешествия почти отвыкших от вечной тяжести пребывания на земле. Проверить застёжки одежды, чтобы те ненароком не раскрылись в самый неподходящий момент. Положить ладонь на кошель, удостоверившись, что все вещи добрались до места назначения в целостности и сохранности, повернуться и...

Ткнувшись коленями в пол рядом с явно бессознательным, но отнюдь не неподвижным телом.

Ее потряхивало столь же ощутимо, как в лихорадке, только заметно реже, и каждый приступ дрожи проходил странно тяжелой волной от макушки до пяток. До каблуков туфель, елозящих по начисто выметенным каменным плитам. Пальцы скребли пол, словно ища опоры или стремясь вырыть нору, в которой можно было бы укрыться. Глаза были не просто закрыты, а зажмурены с такой силой, что от их уголков в стороны расходились морщины, уместные на лице пожилой женщины, а вовсе не юной девушки.

Нагги говорил, что демонов легче проводить через портал, чем людей? Увиденное свидетельствовало об обратном.

Хуже всего было то, что она не издавала ни звука, только коротко и прерывисто дышала, будто боялась сделать лишней, а тем паче глубокий вдох. Больше всего было похоже, что там, в пространстве портала, случилось нечто, до смерти напугавшее... Но вот кого из них? Демона или плоть, в которую он сейчас был заключен?

Нужно сделать выбор. Первый. Окончательный. На чьей стороне вступать в бой.

Нужно решиться. Или просто вспомнить то самое решение, с которого все и началось?

Я сгреб Лус в охапку, поднимая с пола, пусть чистого и даже не холодного, но все-таки малоприятного для лежания. Прижал к себе, чуть покачивая, как мать баюкает дитя, и стараясь попадать в такт волнам дрожи, чтобы подхватывать трепещущее тело на самом гребне и опускать вниз исключительно своей волей, а не волей невесты почему случившегося припадка.

— Успокойся, девочка. Что бы ни произошло с тобой только что, оно уже закончилось. Все. Полностью. И я не позволю ему вернуться.

Буря утихала медленно, уходя в те дали, откуда явилась, и с каждой волной, откатывающейся от берега, дыхание девушки становилось заметно глубже и ровнее. А потом карие глаза открылись, только почему-то не захотели встретиться со мной взглядом.

— Что это было?

Ресницы дрогнули.

— Что случилось в портале?

Она попыталась выкарабкаться из моих объятий. Неудачно. Конечно, я держал крепко, но это была только половина причины. Самая простая и легко устранимая, в отличие от

своей второй части.

— Что там...

Я не закончил вопрос, услышав шелест воздуха за своей спиной. Дверь открылась совершенно бесшумно, а это в сочетании с тщательно убранной комнатой, предназначенной для приема путешественников, наводило на мысль, что местное хозяйство старательно содержится в порядке.

Плохая новость. Меня сейчас куда больше устроила бы компания раздолбаев вроде той, погибшей в Литто, добрая им память. Порядок — слишком двусмысленный признак для обстоятельств. Слишком неудобный. Зато есть возможность выиграть немного времени, чтобы перевести дух:

— Да помогите же, не стойте столбом! Моей супруге стало дурно в вашем хваленном портале!

* * *

Короткая борода пожилого мужчины, сидящего напротив меня, была расчесана волосок к волоску. При желании можно было пересчитать их все до единого, как и завитки древесных узоров на выскобленной и до блеска натертой воском столешнице. Стена за спиной сереброзвенника была девственно пуста, но столь же старательно ухожена, как и вся комната. Как и коридор, по которому мы пришли сюда. Как и...

Первое и самое невинное предположение оказалось ошибочным: порядок, царящий в Наблюдательном доме Руаннаса, был не просто данью уважения службе, а чем-то большим. Чем-то весьма пугающим.

Перья для письма расставлены по цвету и длине в пять разных стаканчиков, выстроенных шеренгой, как на параде. Листы бумаги сложены один на другой так точно, что кажутся единым целым. Приемные книги в шкафу толпятся корешок к корешку, строго по номерам, выведенным чернилами на потрепанной, но свежесмазанной гусиным жиром коже. Камзол застегнут на строгую линию пуговиц, несмотря на легкую духоту воздуха, с утра изрядно уже нагретого солнцем. Складки кружева на манжетах уложены одна к одной и словно только вышли из-под умелых рук гладильщицы.

Я уже встречал нечто подобное. В той, прошлой жизни. И если мне не изменяет память...

— Будьте любезны предъявить ваши бумаги, эрте.

Речь без единого изъяна. Произношение каждого звука четкое, натренированное. Как будто мужчине кучу лет подряд больше нечем было заниматься, кроме как...

— Разумеется.

Он отвинтил крышку от футляра с подорожной, аккуратно положил на стол, справа от себя. Вынул и расправил скупо исписанный лист. Вгляделся, чуть щуря водянисто-голубые глаза.

— Супружеская пара Мори со-Литто. Путешествуете по семейным надобностям?

— По ним самым.

— Можете рассказать подробнее?

Он переписал все, что было в подорожной, слово в слово, буква в букву. Не удивлюсь, если даже скопировал особенности почерка того, кто приложил руку к сему поддельному документу.

— Моя супруга исполняет волю покойного брата.

— И в чем заключается его воля?

Придумать цель шатания от одного города к другому было нетрудно. Где-то она, конечно, могла показаться странной, но только не в живущих по дедовскому укладу краях срединного Дарствия.

— Нужно доставить послания некоторым людям. Так сказать, попрощаться за умершего. В вашем городе мы надеемся найти одного из адресатов. Это возможно сделать с вашей помощью?

Он кивнул, дав рассмотреть лысину на макушке и остатки волос, причесанные не менее тщательно, чем борода.

— В наследственных книгах есть записи о многих прошлых и нынешних жителях Руаннаса. Назовите имя, которое вам нужно.

Вот и первое маленькое затруднение. Имен я не знаю. Ни единого. Зато легко могу объяснить свое неведение:

— Не мне. Супруге. Мы с ее братом... не слишком ладили. И не посвящали друг друга во многие вещи. Надеюсь, ей уже стало лучше. Она не слишком сильна телом, но я не предполагал, что даже портал окажется для нее настоящим испытанием.

— Такое случается, — сухо подтвердил сереброзвенник. — Идемте, я провожу вас к жене. К вашей очень красивой жене.

Последние слова прозвучали странно. Чужеродно. Как будто приложились к речи моего собеседника нарочно. Как будто хотели о чем-то мне сообщить, но не знали другого способа.

На мое счастье, Лус и впрямь выглядела изможденной, словно совсем недавно перенесла тяжелую болезнь. А на вопрос, может ли говорить, кивнула с таким страдальческим видом, что убедила бы в своей немогущности самого придиричивого и сомневающегося наблюдателя.

— Итак, вы следуете воле ваших родственников? Похвально. Достоинственно всяческого уважения.

— Семейные узы всегда остаются при нас, что бы ни случилось. Такую верность нельзя не чтить, — ответил демон, и мне показалось, он вовсе не уклонялся от прямого ответа, а говорил о том, что его занимало на самом деле.

— Вы можете сейчас назвать имя человека, которого ищете? Не хочу навредить состоянию вашего здоровья, но чем скорее его услышу...

— Миттан Лек со-Руаннас, — торопливо выдохнули губы Лус.

Любопытно. Ему так не терпится встретиться со своим сородичем? Значит, должна быть веская причина. Просто обязана. И надеюсь, менее опасная, чем та, что вызвала лихорадку.

— Ты все запомнил? — обратился сереброзвенник к юноше в синей мантии, стоящему у изголовья кровати, предоставленной в распоряжение Лус.

— Да, эрте.

— Имя знакомое. Упоминание о нем должно быть где-то недалеко. В последних книгах.

Меднозвенник поклонился и отправился выполнять поручение. Неспешно, с чувством достоинства, но и не мешкая. Как хорошо вышколенный слуга или вымуштрованный солдат, и это тоже удивляло, поскольку в любом Наблюдательном доме звенья Цепи одушевления всегда задирали нос перед всеми остальными. Либо он еще слишком молод, чтобы набраться должной наглости, либо...

Обстоятельства обступали меня все плотнее, и их сужающийся круг успешно нагнетал тревогу. На ровном и пока еще довольно пустынном месте.

— Оставлю вас вдвоем. Результаты изысканий будут переданы по готовности. Без промедлений.

Он ушел, держа спину прямо, словно проглотил палку, и только тогда Лус рывком села на постели.

— Ну наконец-то! Сколько можно было где-то ходить? Тот, молодой, все время пялился на меня не отрывая глаз. Я даже боялся пошевелиться лишней раз.

Напуган? Нет, вряд ли. Скорее похоже на всплеск раздражения. Недоволен моими действиями? Так я еще ничего не сделал.

— Почему?

— Мало ли... Они же умеют находить демонов?

Ну вот, теперь ищет пути отступления. Прячется за первым попавшимся и лишь отчасти уместным объяснением. Придется чуть поколыхать почву под его ногами... В смысле под ножками кровати.

— Умеют. Но ищут, только если хотят найти. Кстати, о поисках. Имя, которое ты назвал. Кто он? Вернее, кто тот демон, что занял его тело?

Лус качнулась, и я списал это движение на слабость, потому что не хотел думать о возможном обмане.

— Я знал его. Дома. И он знал меня.

— Надеешься, что и сейчас вы оба узнаете друг друга?

— Уверен.

Его ответ мне не понравился. Своей искренностью. Я видел всего одного демона, сам будучи в измененном состоянии, но видел лишь свет, наполняющий тело. А глаза у нас были тогда одни на двоих, значит...

Он не врет, да это ему и не нужно. Он просто не говорит мне всего, что мог бы.

Остается спросить самого себя: а хочу ли я знать больше, чем успел узнать к этой минуте?

— Хорошо. Дождемся ответа и пойдем искать твоего приятеля.

Карие глаза сверкнули красноватыми огоньками.

— Ты собирался сказать вовсе не это.

Все же боится? Меня? Ерунда. Я ничем не могу ему угрожать, даже если бы очень сильно постарался. Все, что мне доступно, это уничтожить тело Лус. И это последнее, что я решился бы сделать.

— Возможно.

— Что-то случилось, пока я был здесь?

— Что-то случилось намного раньше. В портале.

Лицо Лус слегка посерело.

— Случайность. Минутная слабость.

О да. Именно слабость. Вот только откуда она взялась?

— Неужели?

— Ты не веришь мне. — Он сказал это утвердительно, с нажимом, тоном, не допускающим возражений.

А должно быть иначе? Пусть думает что хочет. Чувства, потерянные мною и пока не обретенные вновь, не имели никакого значения после того, как выбор состоялся.

Две армии. Две противоборствующие стороны. А знамя над головой может виться всего лишь одно. Или вовсе никакого.

— Я буду рядом. Обещаю.

* * *

Юный меднозвенник справился со своей работой быстрее, чем можно было надеяться: не успел я подтянуть шнуровку корсажа на платье Лус, заботливо распущенную для большей свободы дыхания, как нам торжественно вручили лист бумаги, спрятанный меж обтянутых тканью дощечек папки.

— Тот, чье имя вы назвали, некоторое время назад скончался. Сейчас в городе живет его сын, и если пожелаете встретиться с ним... Я нарисовал, как пройти к его дому, если двигаться прямо отсюда.

— Очень любезно с вашей стороны.

Он кивнул, принимая заслуженную благодарность, шагнул в сторону, не поднимая головы, но не ушел, а дождался, пока мы покинем комнату, и когда я переступал порог, пропустив вперед Лус, тихо, но внятно произнес:

— У вас очень красивая жена.

Если его начальник выдавливал те же самые слова сквозь зубы, то этот говорил почти виновато, словно просил прощения. Дважды повторенное не могло быть случайностью, но что оно означало, мне пока было даже не предположить.

В Руаннасе нас встретило лето, ничем не похожее на яростную жару Катралы. Да, и здесь солнце грело, но лишь пробиваясь через густую листву деревьев над тенистыми аллеями, ползущими вверх по склону большого пологого холма к густо-зеленому пятну то ли парка, то ли обширной рощи. Наблюдательный дом находился чуть ли не у самого подножия, почти на самой нижней линии строений, опоясывающей холм, и это тоже не прибавило моим ощущениям спокойствия.

Так не должно быть. Не положено. Власть всегда находится в центре, а не на отшибе. Если только...

Я всмотрелся в шапку зелени на вершине. Определенно там виднелось что-то вроде дома, возможно, не одного. Далеко наверху. У кого же достало смелости или дерзости оставить при себе наилучшее место в этом городе? Кто смог поспорить с Цепями и выиграть спор?

— В какую сторону идти? — сухо спросил демон.

— Сейчас узнаем.

Я раскрыл папку, подставляя нарисованный план солнечным лучам.

— Туда.

— К самому верху?

В девичьем голосе прозвучало сомнение, помноженное на недовольство. Ну да, могу себе представить, как неудобно подниматься в гору, когда вокруг твоих ног норовит обвиться широкое полотнище. Но не я выбирал этот наряд. И это тело, если уж на то пошло.

— До вечера управимся.

— До вечера... — фыркнул демон и, подобрав юбки, быстрым шагом направился в указанную на плане аллею.

Я не стал торопиться следом. Задержался, чтобы еще раз окинуть взглядом окрестности и убедиться в том, что беспокойство вызвано именно увиденным, а не сменой жары на привычно мягкую, хоть и тоже теплую погоду. Неудивительно, что Лус успела убежать вперед, и прохожие, время от времени попадающиеся по пути, скорее всего не принимали нас за пару. По крайней мере, на меня почти не смотрели, а вот на мою «супругу»...

Я ни разу не пытался оценить тело девушки, так или иначе спасшей наши жизни, с точки зрения красоты. Наверное, Лус была привлекательна, если два человека подряд это отметили, а все прочие провожали ее долгими взглядами. А может быть, ее платье, туго облегающее грудь и талию, казалось местным жителям чем-то вызывающим или непристойным, потому что встретившиеся мне женщины были одеты весьма странно.

Нет, они тоже носили платья, правда, носили с видимым трудом. То ли дело было в грубости ткани, то ли в покрое, но одеяния горожанок, казалось, двигались отдельно от них, скрывая все, что только можно скрыть. Головы у всех были повязаны платками, не позволяющими разглядеть цвет волос, а сверху, видимо для надежности, были нахлобучены еще и широкополые шляпы. В большом городе человек, одетый подобным образом, сразу вызвал бы подозрения и обвинения в том, что желает спрятаться от кого-то или чего-то. В маленьком... Они ведь наверняка все знают друг друга. К чему же тогда эти прятки?

Тропинку, уходящую от аллеи направо, мы пропустили. Пришлось возвращаться и раздвигать плети вьюнка, пышно усыпанного бело-розовыми цветками, только тогда нашим взглядам открылась нитка каменных плит, петляющая между высокими и совершенно непроглядными из-за густой листвы кустами.

— Сюда? — спросил демон.

— Если верить рисунку, сюда.

Он снова двинулся вперед первым, словно желая показать, что не нуждается в моей помощи. И в моем обществе тоже. Я не стал спорить, но теперь невольно ускорил шаг: жил ли здесь одержимый или уже нет, встречу двух старых знакомых грех было пропустить.

Кусты сменились кустиками, а потом и вовсе перешли в некую смесь грядок и клумб,

подводя к низенькому дому, рядом с которым во свежевскопанной земле что-то то ли искал, то ли прятал молодой человек лет двадцати, крепкий, загорелый, в штанах, закатанных до колен, и рубашке, чьи рукава были либо выпороты, либо вовсе никогда не вшивались в проймы.

Лус остановилась, оборвав шаг, но не произнесла ни слова. Ждала, пока незнакомец поднимет голову и обернется. Я тоже ждал. И дождался, только сам не понял, что именно вижу перед собой.

Лицо молодого человека задрожало всеми чертами, а в глазах отразилось что-то весьма похожее на ужас. В первые мгновения. Потом его взгляд блеснул слезами, губы приоткрылись, а руки, испачканные в земле, потянулись к девушке, все еще неподвижно стоящей посреди цветущих клумб.

— Либ?

Это походило на всхлип, и я только потом догадался, что он не плачет, а произносит имя. Незнакомое мне, но, видимо, очень много значащее для демона, сменившего старое тело на молодое.

— Либ? Это правда ты?

Он двинулся к Лус. Медленно. Качаясь из стороны в сторону, как будто идет по мостку через ущелье. И на лице садовника все время менялись чувства. Какую-то их часть я мог угадать, смысл и название других не мог даже предположить, но и узnanного хватало, чтобы понять: без любви здесь не обошлось.

— Это ты?

Я не видел, что творится на девичьем лице, но голос, произнесший первые ответные слова, дрожал не меньше, чем сердце того, кого демон искал и нашел:

— Нет. Она лишь похожа на Либ. Очень похожа.

— Тогда кто ты? Ты ведь не просто так пришел сюда, ко мне. Ты знал, куда идешь.

— Да. Надеюсь, что знал. Как живешь, Глоди?

Он тоже остановился. Замер. Всмотрелся в девичье лицо еще раз, будто за прошедшую минуту там могло появиться нечто новое. И спросил снова, но теперь почти робко:

— Конран?

Вместо ответа Лус шагнула вперед и сжала плечи незнакомца так, как этого никогда не сделала бы девушка.

— Конран...

По загорелым обветренным щекам побежали струйки воды. Соленой. Прямиком из уголков растерянных глаз.

— Как живешь, Глоди?

* * *

В дом меня не пригласили. Пришлось зайти самому, наплевав на вежливость и законы местного гостеприимства, вряд ли позволяющие переступить порог чужого дома без согласия хозяина. Наследник одержимости некоего Миттана Лека, по всей видимости, тот самый сын, о котором говорил меднозвенник, сидел за столом, сцепив пальцы в замок и глядя на них так упорно, будто намеревался разжать их силой взгляда. Лус стояла рядом и тоже смотрела куда угодно, только не на цель поисков, достигнутую без особого труда.

Наверное, так всегда бывает, когда встречаются люди, давно не видевшие друг друга. Вроде им есть и что рассказать, чем поделиться, о чем вспомнить, но времени прошло слишком много. Целая вечность, последняя капля которой унесла с собой надежды и

стремления.

— Вы уже поговорили или только собираетесь?

— Кто это? — спросил молодой человек, чуть ли не испуганно вздрогнув от звука моего голоса.

— Он со мной, — скупое пояснил демон по имени Конран.

— Зачем? Он же уже польвованный.

Занятое словечко. Значит, так они называют тех, чье желание исполнено?

— Это неважно. Поверь, он не причинит тебе вреда.

Меня окинули оценивающим взглядом. С нехорошим таким оттенком, напоминающим брезгливость. Впрочем, от демона трудно было ожидать другого отношения. Тем более, по его мнению, я уже был ни на что не годен.

— Поверю. Если это говорит мне старый друг, не могу поступить иначе.

— Почему ты ушел сюда?

— Ты знаешь.

— Разве?

— Ты помнишь, какой это был день?

Лус нахмурила брови.

— Мне не называли точную дату. Я был тогда... немного занят.

— С племянницей? — уточнил демон, откликающийся на имя Глоди.

— Да. И мне не было ни до чего дела, так что... Прости, если сможешь.

— Смогу, — кивнул тот, наконец разжимая изрядно побелевшие пальцы. — Потому что мне тогда тоже не было дела. Ни до чего. И ни до кого больше.

— Ты...

— Я не мог оставаться. Понимаешь?

Он понял. Конран. Понял что-то, о чем не спешил говорить вслух.

— Она вернулась. Нужно было только подождать.

— Подождать... — Молодой человек звонко хлопнул по столу ладонями. — И многие дожидаются? Ты же сам видел, сколько из них решают проснуться! Я не мог ждать. У меня не было на это сил.

— У твоей матери тоже.

— Мама?

— Она печалилась по тебе. Я редко бывал у вас после... всего, что случилось. Но даже дурак понял бы, чем все закончится.

— Мама... — Демон Глоди явно был потрясен. Но все же не настолько сильно, как в саду, когда увидел девушку, похожую на ту, чье имя звучало как всхлип.

— Наверное, она не хотела увидеть, каким ты вернешься. Ты же собирался вернуться? Собирался? — Лус наклонилась над столом, заглядывая в глаза молодому человеку.

Тот отодвинулся бы назад, если бы хватило ширины лавки.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— У тебя ведь нет больше причин тут оставаться. Либ вернулась, слышишь? Да, она изменилась, но и ты, когда вернешься, станешь...

— Бесчувственным истуканом.

— Нет. Не говори так, — скривилось девичье лицо.

— Разве это неправда? Или хочешь сказать, она сейчас такая же, как прежде?

— Нет. Но, когда ты вернешься, вам будет легче понять друг друга.

— Легче, чем раньше? — улыбнулся молодой человек.

— Она была слишком юной. Совсем ребенком.

— Прекрасным ребенком.

— Да. Но она просто пока не могла понять...

— И потому убежала?

Лус устало присела на лавку.

— Не знаю. Спрашивать было бесполезно.

— Она сбежала, чтобы не пытаться понять. Струсила.

— Ты ее обвиняешь?

Могу поспорить, демону по имени Конран не понравилось объяснение, предложенное его знакомым. Да и вообще между этими двумя не ощущалось чего-то подобного привязанности, словно в прошлом они были скорее соперниками, чем друзьями.

— Нет. Конечно нет! — ответил демон по имени Глоди. Ответил слишком поспешно, на мой вкус.

— Прошло всего несколько лет. Там. А здесь?

— Здесь... — Молодой человек усмехнулся. — Я едва не сбился со счета.

— Это твое второе тело?

— Да, и такое же бесполезное, как первое. — Он встал, качнулся с ноги на ногу, словно за время сидения его мышцы затекли. — Пойдем посмотрим на сад.

По узким дорожкам между грядками он шел ловко, не хуже ярмарочного канатоходца, и заметно морщился, когда юбки Лус, недостаточно высоко подобранные, задевали густую бахрому разноцветных растений, поднимающуюся слева и справа.

— Он был садовником, тот человек. Хорошим садовником. И у него было желание... — Глоди сплюнул, прицельно запуская слюну куда-то в глубь изумрудно-зеленой поросли на очередной грядке.

Это было сделано нарочно, с какой-то целью, которую я не знал, но о которой почти догадывался. Следовало остановиться, собраться с мыслями, застыть, позволяя обстоятельствам наконец-то догнать меня и пропитать, как губку, но именно остановиться я не мог. Что-то бесцеремонно тянуло меня вперед. Что-то заставляло следовать за Лус, внимательно присматриваясь ко всему происходящему на пути следования, но не давало оглянуться...

Оно уже было. Оно приходило ко мне. Ощущение. Чувство раздвоенности. Под нависшим над головами балконом, в извилистых переулках Катралы. Совсем недавно. И его сила была достаточно велика, чтобы не помышлять о других вариантах действий. Пресловутая печать демона снова решила заявить о себе? Будем надеяться, вовремя.

Он остановился у дальней грядки, подбирающейся к зеленой изгороди, этот садовник поневоле, и брезгливо махнул рукой, указывая на причудливые переплетения тонких стеблей, усыпанных крохотными лиловыми цветами и стручками.

— Вот что его волновало больше всего на свете. С утра до вечера он думал только об этом. И мечтал... Сводил меня с ума своими мечтами!

Лус рассеянно спросила:

— Он мечтал о горошке?

— Да. Каждый день. Его желанием было... — Тут демон по имени Глоди сплюнул снова, правда, совсем не на ту зелень, что колыхалась у наших колен. — Самый нежный горошек в мире. Можете себе представить? И мне нужно было исполнить это желание.

Любим способом. Ты ведь знаешь, каково это, когда они требуют исполнения?

Вопрос, как, впрочем, и все остальные фразы садовника, предназначался не мне. Меня не замечали. То ли не хотели видеть, то ли не видели. Наверное, из-за печати. Из-за того, что любому демону в округе было за милую душу ясно, что место в моем теле уже когда-то было занято. И это казалось мне...

Несправедливым. Обидным. Оскорбительным.

Как только ощущения наши себе выражение в словах, пространство вокруг снова поплыло. Оно больше не состояло из двух разных миров, как тогда, на дворе дома верховного балги, но отсутствие границ не делало его единым целым, а память отчаянно брыкалась в ответ на мои попытки выудить из нее хоть что-то полезное.

Это был я и не я одновременно. Одна моя часть, может, всего лишь треть, не видела ничего дурного в том, чтобы оставаться вечной тенью, другая требовала к себе внимания, полагая, что заслуживает его больше, чем кто-либо другой, а еще один кусочек...

Наблюдал. Не особо таясь, но и не вылезая на передний план. Пристально, с непонятными чувствами, и все же как угодно, только не равнодушно. Он ждал чего-то или что-то искал. Вне меня. Какой-то знак, получив который можно будет начать действовать. По-своему.

— Хочешь взглянуть?

Садовник взял один из стручков за кончик, коротким ножом отрезал от упругого стебля и осторожно раскрыл на две половины. Внутри, как и полагалось, лежали горошины вполне обычного вида, светло-зеленые, глянцево блестящие на солнце. Лус протянула руку, намереваясь взять одну из съедобных бусин, но, едва ее пальцы дотронулись до гладкой кожицы, горошина лопнула и растеклась лужицей.

— И правда нежный.

Демон по имени Глоди швырнул вскрытый стручок в заросли горошка.

— Оно стоило того? Стоило исполнения?

Вопрос повис в воздухе, а мне почему-то захотелось улыбнуться.

Ну да, у каждого из нас свои желания, и вовсе не обязательно разумные или полезные. Но да-йины все равно должны их исполнять, хотя бы они того или нет. Переступая границу нашего мира, они становятся пусть не навсегда, но жизнь за жизнью...

Слугами. Не слишком верными, зато послушными, пока все условия сделки не будут выполнены.

Где-то вдалеке раздались переливы колокольного звона, и садовник, прислушавшись, недовольно мотнул головой:

— Мне нужно отойти. Ненадолго. Засвидетельствовать почтение хозяину. Скоро вернусь.

— Хозяину? — задумчиво повторил демон по имени Конран, глядя на удаляющуюся спину своего приятеля. — Это еще кто такой?

Кусты, оплетающие своими ветками изгородь, поддались неохотно, но все же позволили нам освободить небольшие отверстия для наблюдения. Пока мы возились с зеленой преградой, звон колокольчиков становился все громче, и когда наконец стало возможным выглянуть наружу, нашим взглядам предстало весьма занятное зрелище.

По аллее несли паланкин. В таком способе передвижения не было ничего странного на тесных городских улицах, но там, где просторно, знать обычно предпочитала конные экипажи, а не услуги носильщиков. Особенно когда требовалось больше двух человек, а этих

было целых шестеро. Хотя меньшее количество вряд ли справилось бы с громоздким, задрапированным многими футами ткани сооружением. А колокольчики оказались прикрепленными вовсе не к паланкину, как можно было подумать. К носильщикам. И судя по тому, что они выводили одну сложную мелодию на всех, требовалось шагать в определенном ритме, иначе музыки не получилось бы.

Таких причуд я раньше никогда не видел. Даже в Веенте, даже в исполнении самых сумасбродных городских богачей. Но звенящей процессии в конце концов можно было найти объяснение, а вот люди, выстроившиеся по обе стороны аллеи...

Они стояли у калиток своих домов. Видимо, семейства в полном составе, начиная от стариков и заканчивая грудными детьми на материнских руках. Стояли, склонив головы, словно не смея взглянуть на покачивающегося в паланкине самодовольного мужчину средних лет в одежде, расшитой золотыми нитями. И даже когда он проплывал мимо, оказываясь далеко впереди, не смели пошевелиться.

— Что за обычай? — спросил демон, отпуская ветки, тут же становящиеся плотным занавесом.

— Впервые вижу.

Он кивнул, подобрал юбки и пошел обратно к дому, правда, не торопясь. А в какой-то момент и вовсе остановился где-то посреди поля грядок и повернулся ко мне:

— Так ничего и не спросишь?

— А должен?

Карие глаза утвердительно мигнули.

— Хорошо. Только придумаю о чем. Сейчас-сейчас...

— Смеешься?

— Даже не начинал.

— Ты слушал наш разговор? Что ты услышал?

Ему определенно что-то было нужно. От меня. И выглядело это несколько непоследовательным, если вспомнить те слова. Про веру.

— В твоём мире у тебя есть родственница. Племянница. И этот че... Он был в неё влюблен. Настолько, что, когда она решила попутешествовать, отправился следом. Трогательная история. Я что-то упустил?

Он молчал с минуту, выжидаяюще глядя мне в глаза, потом вздохнул и сказал:

— Это второе его тело.

— У тебя твоё тоже не первое.

— Да, но... — Лус куснула губу, отчего та стала ещё ярче. — Он перешел в сына того человека. Понимаешь, что это значит?

Его и правда что-то тревожило. Беспокоило настолько, что демон настойчиво пытался найти союзника в лагере врага. Или хотя бы увериться, что наши выводы совпадают. Но я всего лишь следовал сейчас за ним. За его размышлениями. И ни при каких условиях не мог добраться до финала раньше.

— Для меня, возможно, ничего.

— Да, наверное, ничего...

Он повернулся ко мне спиной. Постоял на месте. Снова обернулся:

— Он не собирался возвращаться.

— Он же искал свою возлюбленную.

— Искал? — Демон усмехнулся. — Он выращивал горошек, разве непонятно? А когда

вырастил, оказался уже слишком стар для поисков. Или вовсе забыл о них. Но возвращаться не стал. Даже когда тело было уже при смерти, он хладнокровно дождался последней минуты, чтобы перейти от отца к сыну.

— Думаешь?

— Ваши желания... Они крепко нас держат. Очень крепко. Нельзя сделать ни шагу в сторону с назначенного пути. Но когда они исполняются, мы обретаем свободу. Получаем обратно свою волю. Никто не мешал ему вернуться, понимаешь? Но он не стал этого делать.

— Надеялся продолжить поиски в новом теле?

— Я хотел бы в это поверить. Очень хотел бы. Пожалуйста, посмотри в записи, которые нам дали... Сколько времени прошло со дня смерти старого садовника?

Я раскрыл дощечки и пробежал взглядом по выписке из наследственной книги. Потом еще раз. И еще.

— Ну? Сколько? — нетерпеливо переспросил демон.

— Пять лет.

— Целых пять лет!

— Возможно, они требовались ему на исполнение нового желания, — предположил я.

— Если он не был дураком... А Глоди дураком никогда не был, уж можешь мне поверить! Любой из нас, собираясь остаться в этом мире, готовит себе тело на замену. Вот эта девушка, к примеру. Ее растили как раз для такого дела. И воспитывали, уничтожая волю. Полностью. Из нее делали пустоголовую куклу. Конечно, у того мерзавца было больше возможностей, но...

Вот почему Лус всегда так странно себя вела. Почему все время спрашивала, что она должна делать. Он и верно был мерзавцем, ее воспитатель. Удачливым и успешным. И то, что девушка нашла в себе силы принять одно-единственное решение...

Настоящее чудо. Причем чудо, в котором демоны не смогли наследить.

— Должно быть, его сыну было совсем немного лет, когда все случилось. И у него было вдоволь времени, чтобы добиться послушания.

— Пусть так, — кивнул я. — Но не это главное, правда? Не это важно для тебя.

— Не это, — качнулась белокурая голова Лус. — Важно другое. Он не вернулся. Когда стало понятно, что поиски невозможны или бесполезны, он должен был...

— Ну вот, последняя неприятная обязанность на сегодня закончилась! — довольно объявил демон по имени Глоди, присоединяясь к нашему немногочисленному обществу.

— А что ты должен был делать? — невинно спросил демон по имени Конран, ясно показывая, что не верит своему старому приятелю.

— Поклониться влиятельному человеку, — уклончиво ответил садовник.

Карие глаза Лус смотрели вопросительно, но дальнейших объяснений мы не дождались. Зато вдруг получили приглашение.

— Я совсем забыл, как надо принимать дорогих гостей... Пойдемте, угощу вас кое-чем особым. Такого в этом мире вы больше нигде не найдете!

Обещанное угощение оказалось вином, запечатанным в пузатом кувшине.

— Я разлил его в прошлом году, — гордо сообщил демон по имени Глоди, осторожно снимая восковую оплетку. — Должно уже было созреть окончательно.

И созрело, по всей видимости: едва горлышко кувшина освободилось от пут, воздух комнаты пронизали струйки аромата, который и впрямь не был похож ни на что, знакомое мне прежде. А вот лицо Лус мечтательно просветлело.

— Неужели каинна? Настоящая?

— Ну как я мог сделать настоящую? — развел руками садовник. — Всего лишь попытался приблизиться, найти похожую ягоду... Почти получилось.

Хм. Еще один довод в пользу сомнений Конрана. Его приятель не просто не делал попыток искать кого-то, а тратил свое время совсем на другие вещи. Свое уже свободное от чужой воли время.

— Пить нужно медленно, маленькими глотками... Да что я тебе рассказываю? Ты и сам все знаешь! — подмигнул демон по имени Глоди, по очереди подвигая к нам стаканчики из лакированного дерева.

Пахло заманчиво. Почти одурманивающе.

— За встречу! — провозгласил садовник, пригубливая вино и шумно вдыхая ноздрями густой аромат.

Лус последовала его примеру, блаженно зажмурившись.

— Если отличия и имеются, то я их не чувствую. Знатная каинна!

— А вы не хотите попробовать? — Демон словно впервые заметил мое присутствие. — Это вино императоров. Другого шанса, поверьте, вам не представится.

Я поднес стаканчик ко рту, и в памяти всплыла совсем свежая картинка.

Меня уже угощали вином. По-дружески. С самыми лучшими намерениями. И что из этого получилось?

— Пожалуй, воздержусь. Не знаю, кто такие императоры, о которых вы говорите, но мне явно до них далеко.

— Как хотите, — пожал плечами садовник, а в следующую минуту капли драгоценного вина полетели мне в лицо.

За такой поступок, что в нашем мире, что в любом другом, наглецу полагается воздавать по заслугам, и я шагнул к обидчику, но на моем пути невесть откуда вдруг появился стол. Прямо на уровне глаз, и даже выше. Да, намного выше. А вдохом спустя моему взгляду и вовсе оказались доступны только пол да покрытые коркой высохшей грязи сапоги.

— Ты прав. Далекое тебе до императоров. И с каждым мгновением будет становиться все дальше! — хохотнул демон по имени Глоди. — Вкус получился похожим, я старался, как мог. А вот последствия...

Он прошел мимо меня туда, где должна была сидеть Лус, но когда я смог повернуть голову, то с удивлением увидел девичье лицо примерно на том же уровне, что и свое. На полу. С закрытыми глазами.

— Демону оно не повредит, — продолжил садовник разговаривать сам с собой, потому что явно не рассматривал меня в качестве собеседника, а своего приятеля отправил в беспмятство. — Сделает смирным и послушным на время. Хотел бы увидеть здесь Либ... Только настоящую, а не эту наглую подделку! Думал разбередить мне сердце воспоминаниями? Добился своего. Только зачем, Конран? Зачем? Она всегда пряталась за твоей спиной, пока могла. Прикрывалась твоим именем. Думала, это меня остановит... Останавливало, да. Пока я не понял, что тебе наплевать на нее. Что она ничего для тебя не значит. И нужно было только выбрать удачный момент... Но знаешь... — Он наклонился над телом Лус, позволяя мне увидеть свой профиль. — Знаешь, она ведь тоже догадывалась. Чувствовала, что настоящей помощи от тебя не дожидаться. Поэтому и сбежала.

— Подлец, — тихо прошептали девичьи губы.

— О, я был в ярости! Представляешь, каково это, преследовать день за днем и в

последний миг упустить желанную добычу? Я не мог не отправиться следом, иначе какой же из меня охотник? Думал, что смогу ее настичь сразу же... Просчитался. Час времени нашего мира может обернуться здесь месяцем, если не повезет, а мне не повезло. Да подвернулся еще и этот упертый старикан!

Садовник поднял неподвижное тело, оставляя в поле моей видимости только подол платья.

— Он заставил меня делать то, что я раньше терпеть не мог. И заставлял так долго, что однажды я почувствовал к этому вкус. А потом все начало получаться! Все, как мне хотелось. И сейчас получится.

Тяжелые шаги перенесли его через порог, на посыпанную мелкими камешками площадку перед крыльцом.

— И тебе лучше будет смириться поскорее, иначе... Не получишь удовольствия!

Раскатистый хриплый смех растворился в шуме листвы где-то за дверьми дома. Где-то далеко, вместе с девичьим телом, которое я обещал защищать. А мне ведь нужно идти следом...

За ней.

За ним.

За ними.

Пол не желал расставаться с моим лицом: удалось лишь немного приподняться, чтобы не елозить носом по шершавым доскам. Ноги не слушались. Не желали отталкиваться. Оставались лишь руки, пальцы на которых согнулись один раз и больше не могли изменить свое положение.

Больно не было. Ничуть. Но ощущение сознания, отделяющегося от плоти все дальше и дальше, оказалось намного омерзительнее нытья всех ран, что я получал прежде. Меня словно свеживали, не удосужившись сначала убить. Слой за слоем медленно снимали сначала кожу, а потом принялись за мышцы. За каждое волоконец...

В саду дело пошло живее. Наверное, потому, что крюками занемевших пальцев удавалось цепляться за дощечки дорожки. Иногда вырывая их с корнем из земли, в которую они были старательно вдавлены, но чаще помогая продвигаться вперед. Куда именно, я уже не видел: перед моими глазами почти сразу же после порога наступила ночь. Пронизанная звездами, не дававшими света.

Кафтан держался недолго, до первой пуговицы, отлетевшей в сторону. Потом распахнулся совсем, оставляя между моей грудью и землей только тонкое полотно рубашки. Конечно, его хватило ненадолго. Наверное, всего на несколько шагов, для меня показавшихся милями. А зелени вокруг явно становилось все больше и больше...

Она обступала со всех сторон. Лезла в лицо. Хваталась за руки, за полы одежды, за щиколотки, тормозя мое и без того не слишком быстрое движение. И в какой-то момент я понял, что добрался до своего предела.

Говорят, умирать лучше всего, глядя в небо. Чтобы встретиться взглядом с богами за мгновение до того, как душа отлетит ввысь. Я не верил в эту чепуху и не понимал ее смысла, но все же собрал последние силы, чтобы перевернуться.

Зрение так и не вернулось, но если под спиной была земля, то где-то в противоположной стороне явно должно было находиться небо. И наверное, на нем было солнце. Такое же душное, как в Катрале, иначе почему моя глотка начала вдруг так стремительно пересыхать?

И оно с каждым вдохом жарило все сильнее. Так сильно, что где-то поблизости, наверное, всего лишь в шаге от меня разгорелся костер. По крайней мере, дрова затрещали. Много-много крохотных дров.

Шаг третий

Путь был проделан длинный, и его еще можно было проследить по заломанным стеблям и развороченным краям грядок. От самого дома почти до изгороди. До горошковых зарослей. Оставалось немного, всего несколько футов, чтобы выбраться на улицу, вот только силы закончились так некстати. Или беспамятство догнало ровно на этом месте. Задержало, опрокинуло, накрыло тяжелым плащом, примостилось рядом...

Полежало и ушло.

Ничего не болело. Внутри. А вот кожу тянуло и саднило, словно она вдруг стала мне немного мала. И настойчиво хотелось почесать, особенно грудь и шею.

Кафтан изрядно пострадал, прежде всего от близкого знакомства с землей и садовыми дорожками. Рубашке тоже не слишком-то повезло: висела наполовину влажными, наполовину затвердевшими, как камень, складками, взметнувшими в воздух изрядную понюшку пыли, когда я начал стаскивать с себя испорченную одежду, чтобы добраться до особо нуждающихся в почесывании мест. Правда, когда оголиться все же удалось, подумалось, что можно было бы и подождать с раздеванием. Ради сохранения душевного спокойствия.

Они были рассыпаны по всему телу причудливыми узорами, смутно повторяющими линии кровеносных сосудов, тех, что покрупнее. Бусины, переливающиеся всеми оттенками лилового. Как они держались за кожу, было непонятно, но, когда я попробовал сжать и отодрать хотя бы одну из них, ничего не вышло. Шарик расплющился до тонюсенькой скользкой пленочки и вытек из пальцев, чтобы, оказавшись на свободе, тут же вернуть себе прежнюю форму.

Все это мне что-то напоминало. Что-то недавно виденное...

Я оперся ладонями о землю, чтобы подняться, и уши едва не заложило от оглушительного треска. Повсюду вокруг меня были рассыпаны то ли чешуйки, то ли скорлупки, в которых лишь при долгом и внимательном рассмотрении можно было опознать иссохшие остатки стручков. Тех, что еще совсем недавно висели на вьющихся стеблях горошка. Самого нежного на свете, если, конечно, демон верно понял и тщательно выполнил желание старого садовника.

Демон. Растения. Желание. Плевков. Тайные питомцы Элсы. Жидкости измененного тела...

Знания, старые и вновь приобретенные, закружились хороводом, чтобы в какой-то момент резко затормозить и, столкнувшись, слиться друг с другом в единое и довольно стройное объяснение происходящего. Точно так же выращивали бражки и растения для всевозможных зелий, используя...

Хотя чем именно одержимый поливал эти грядки, я не имел ни малейшего желания предполагать, а вот избавиться от порождения чужого мира был не против, но пока не видел иного способа, кроме как снять с себя кожу. Правда, без нее было бы несколько затруднительно продолжать жить и, что особенно важно, действовать. Например, наконец-то встать на ноги и двинуться к дому, поскольку события явно не собирались ждать меня даже лишнюю минуту.

Мы оказались у порога почти одновременно, но если я старался двигаться, не издавая лишнего шума, то садовник ни от кого не таился, шел, насвистывая отнюдь не печальную

песенку, и чем-то позвякивал. Как выяснилось, кошельком, полным монет. Мешочком, который выпал из пальцев, разжатых болью, когда острие лопаты вонзилось вновь прибывшему чуть ниже коленного сгиба, как раз прямо под закатанную штанину.

Разъяренный вой мог бы привлечь ненужное внимание к происходящему, вот только я сильно сомневался, что кто-то придет садовнику на помощь, даже если расслышит крики сквозь плотные завесы сочной зелени. Да и демон, похоже, не ожидал никакой подмоги, потому что на четвереньках дополз до кошелька и, не поворачиваясь, швырнул его в мою сторону.

— Забирай! Все забирай!

Сражаться одержимый не собирался. Скорее, намеревался пробраться в дом, к своей любимой отраве, и надеялся, что монеты успешно отвлекут грабителя на это время. Поэтому весьма удивился, почувствовав холодную острую сталь на икре другой ноги.

— Что тебе надо? Еще денег? Хорошо, я сейчас их принесу. Или сам сходи: они в доме, там, в задней комнате...

— А еще там наверняка найдется несколько кувшинов с дивно пахнущим вином, от которого никто не сможет отказаться.

Он не узнал мой голос, потому что почти не слышал его прежде, зато намек не мог не понять. И все же, когда обернулся, искаженное болью лицо отразило куда больше удивления, чем страха. Особенно при виде россыпи лиловых шариков на моем теле.

— Не знаю, о чем ты думал, когда растил тот горошек... Или о чем думал человек, чье желание ты исполнял, но помимо нежности у этого растения оказалось полным-полно других свойств. Полезных, как выяснилось. В определенных обстоятельствах.

— Невозможно... — выдавил из себя садовник, во все глаза глядя на давнее дело рук своих, помешавшее осуществлению дела нынешнего.

Оно было скучным, то, что неумолимо надвигалось на нас обоих. И я с удовольствием позволил скуке разлиться в собственном голосе:

— Что, не все и не всегда идет как задумано?

— Пусть ты и выжил, это ничего не изменит!

Я тоже так думаю. О многих вещах. Изменить прошлое ведь вообще невозможно, так что тут наши мнения счастливо совпадали. Что же касается будущего...

— Разве?

— Ты ведь хочешь узнать, что случилось с тем... с той девчонкой?

Теперь он смотрел на меня почти торжествующе. Видимо, решил, что настало время игры по его правилам. Вот только козыри у демона на руках имелись не самые выигрышные.

Я охотно подтвердил:

— Хочу. — А потом, немного подумав, добавил: — И узнаю.

Он ответил так, как и следовало ожидать, — попытался перейти в наступление:

— Я не собираюсь тебе помогать!

А я и не рассчитывал узнать у демона что-то важное. В большинстве ответов он наверняка бы солгал, а у меня не было времени копаться в куче дерьма, чтобы выбрать из нее жемчужины. Но то, что могло быть похоже на правду, надо было заполучить. Любыми способами, желательно, скорыми и действенными.

— Неужели?

— Сейчас начнешь пугать меня смертью, да? Так вот, не трать силы понапрасну: я не боюсь умирать. Ты ведь знаешь, кто я? Смерть всего лишь вернет меня домой. Вернет с

таким могуществом, которое ты даже не можешь себе представить... Давай не медли! Я так соскучился по дому!

Его слова были похожи на правду. В том, что касалось отсутствия страха. Боль смерти можно потерпеть, если следом тебя ждет воскрешение. А если нет?

Я снял с крюка у двери моток тонкой веревки, которым, наверное, подвязывали кусты. Растянул витки пошире, потом бросил на ступеньку и ударил острием лопаты, разрубая волокна. Демон насмешливо предположил:

— Собираешься меня связать?

— Почти угадал.

Лопата была наточена превосходно: прошла через коленный сустав легко, без малейшего напряжения. Садовник снова взвыл, провожая взглядом отрубленную ногу, скатившуюся по ступенькам вниз, и проскрипел сквозь зубы:

— Ты ничего этим не добьешься!

Как знать. Передо мной ведь стояла не одна лишь цель разговорить несговорчивого собеседника. А вторая... Вторую я благополучно достигал. Удар за ударом.

— Посмотрим.

Он отпрянул назад, но не ушел от новой встречи со сталью. Прокусил губу, стараясь справиться с новым приступом боли, а потом, глотая кровь, растерянно простонал:

— Зачем ты это делаешь? Я же сказал, что не боюсь смерти!

Да, и это представляло для меня проблему. Правда, не настолько большую, как если бы речь шла о человеке, живущем на свете один-единственный раз.

— А я и не собираюсь тебя убивать.

Перерубить локти оказалось еще проще, и демон почти не трепыхался, когда я туго перетянул веревкой обрубки усеченных мною конечностей. Только смотрел, дико расширив глаза, и спрашивал, повторял раз за разом:

— Что тебе от меня нужно?

Когда я закончил, его лицо почти посерело, но кровь остановилась вовремя, и скорая смерть садовнику не грозила, а потому можно было наконец поговорить по душам.

— Ответы.

— Я ничего тебе не скажу!

— Возможно. Но я все-таки попробую спросить.

Он стиснул зубы, стараясь смотреть на меня гордо и неприступно. Вот только большая часть его гордости лопнула как мыльный пузырь, когда прозвучал первый вопрос:

— Тебе известно о существовании Цепи одушевления? Должно быть известно, она ведь так охоча до вас, демонов.

Ответ мне на самом деле требовался только один. А вот поугатать противника лишний раз было весьма кстати.

И он испугался:

— Зачем ты заговорил о ней?

— Затем, что тамошние умельцы придумали одну интересную штуку... — Я присел на крыльцо рядом с искалеченным телом. — Устройство, которое вытягивает демона из человеческого тела. Очень действенное, испытал на себе.

— И что с того? Так случалось и раньше, мне рассказывали.

— Раньше демона помещали в Сосуд. В целости и сохранности. Подозреваю, что такое заточение не казалось вам приятным, но оно давало шанс когда-нибудь освободиться.

Сосуды ведь очень хрупкие...

— К чему ты клонишь?

— Такие хрупкие, что могут разбиться в любой миг, и сталью их не укрепишь. А терять узников жалко, правда? Вот синие мантии и решили, что проще не наращивать толщину стен тюрьмы, а лишить заключенных желания бежать. Вообще лишить каких-либо собственных желаний.

Он корчился от боли, но слушал. Внимательно.

— Не знаю, как именно и что они делают, но от демонов в их руках остается одно лишь чистое могущество. Ваша сила, лишенная всего остального, что вы приносите с собой. Безмозглая и послушная сила.

— Ты сам это придумал или кто подсказал?

Садовник пытался бодриться, но зерна страха уже были посеяны в его душе. Или том, что ее успешно замещало.

— Я не буду тебя убивать. Слишком ценная добыча, чтобы вот так просто от нее отказаться. Лучше я доставлю тебя к мастерам Цепи одушевления, а уж они позаботятся о том, чтобы ты никогда не вернулся домой. Смерть не самое страшное в этом мире, согласен. Намного страшнее вечная жизнь, лишенная для тебя малейшего смысла.

— Ты лжешь!

— Хочешь проверить?

Я верил в то, о чем говорил, наверное, поэтому и показался демону убедительным. Но он даже в самой сумасбродной своей фантазии не смог бы предположить, что в моей жизни смысла тоже немного. И станет еще меньше, если Лус пропала навсегда.

Садовник недолго принимал решение:

— Что тебе нужно?

— Ты знаешь.

Я оперся спиной о дверной косяк и прикрыл глаза, наслаждаясь ласковым теплом вечернего солнца.

— Видел дом на вершине холма? Девчонка там.

— Для чего?

— Ты знаешь, — съехидничал демон, повторяя мои же слова, но благоразумно не стал продолжать насмешничать. — Местный землевладелец любит красоту во всех ее проявлениях. Особенно воплощенную в юных девственницах.

Как все просто. Но подобная простота лишь подчеркивает омерзительность происходящего.

— Он щедро заплатил тебе?

— Не слишком. Меньше, чем мог бы. Но я сделал бы все и даром.

Я это понял еще тогда, слушая проникновенные речи над девичьим телом. Но все же спросил:

— За что ты ненавидишь своего старого друга?

— Мы никогда не были друзьями!

Похоже на то. Жаль, что все выяснилось так поздно и так бесповоротно.

— И конечно, у этого богатея полно охраны?

— А ты сам как думаешь?

Даже не глядя на демона, можно было понять, что он довольно скалится.

— Думать я буду позже. Когда позабочусь о тебе.

— Давай!

Он вытянулся, зажмуриваясь и запрокидывая голову так, чтобы горло можно было перерубить одним ударом. Сжался, когда лопата звякнула о камень, но, поскольку ничего не произошло, распахнул глаза снова, как мне показалось, слегка раздосадованно.

— Почему ты медлишь? Остались еще вопросы? Тогда спрашивай!

Вопросов и впрямь имелась целая куча, но задавать их не было смысла. В доме на холме есть охрана? Верю. Но вряд ли садовник, даже оказывающий хозяину услуги особого рода, знает о ней все в подробностях. Точно так же, как и о планировке самого дома, ведь дело этого слуги — копаться в земле, а не шаркать по паркету.

О да, демон мог бы ответить! Насочиняв то, что есть и чего нет. Но мне сейчас больше нужна была помощь, а брать в помощники тварь, предавшую не просто сородича, а близкого знакомого, почти родственника, я не собирался. Брезговал. Так, самую малость.

— У тебя в хозяйстве мешки водятся? И сменная одежда тоже не помешает.

* * *

Денег в кошельке и правда оказалось немного. Мелочь. Несколько серебряных кругляшей и пригоршня меди. В столице с таким богатством можно было протянуть дней пять, не больше, да и то если не слишком зарываться с желаниями. А ведь местный хозяин не бедный человек, если судить хотя бы по его наряду. Жадный? Что ж, бывает. Хотя настоящий жадина не стал бы устраивать тягомотные колокольные процессии, чтобы принять поклоны своих...

Слуг? Ну да, кто-то из них явно служил в доме на холме. Но тогда довольно было бы лишь одной согнутой спины, зачем тащить на улицу всех домочадцев? Особенно несмышленных детей. Хотя как раз несмышлеными они не выглядели. Стояли, в точности повторяя поведение родителей, и даже не пытались спорить. Впрочем, загадки местного общества меня волновали мало. А вот медленно, но неуклонно заходящее солнце тревожило скорым приближением ночи. Потому что именно по ночам обычно...

На стук в дверь Наблюдательного дома открыл давешний паренек в синей мантии. Итак, здесь нет даже стражи на входе? Совсем плохо дело.

— Что вам угодно?

— Увидеть твое начальство и сообщить ему, что...

— Вас предупреждали, — скорбно прервал мою речь появившийся в коридоре серебровзвенник. Камзол начальника единственного подчиненного по-прежнему был застегнут на все пуговицы, несмотря на позднее время, располагающее к более свободной одежде и заслуженному за день отдыху.

— О чем именно? О красоте моей жены?

— Догадаться было несложно.

Разумеется. Местный житель понял бы все с полуслова. А вот человеку, прошедшему почти всю жизнь с рождения в городе, живущем по не самым благодушным, но все же законам, было трудно представить самодурство захолустного богача во всем его великолепии.

— А выразиться яснее было сложно?

Я подпустил в голос скандальных ноток, и это сработало.

— Пройдемте внутрь. Негоже разговаривать на пороге, — поджал губы старикан.

— Что вы собираетесь делать? — спросил я, не дожидаясь, пока серебровзвенник опустится в свое кресло.

— Ничего. И вам не советую.

— Как прикажете это понимать?

— Местный... хозяин, — старик откинулся на спинку кресла, так и не позволив спине хоть немного расслабиться, — любит женщин. Особенно тех, которые ему не принадлежат. Но он не причиняет им вреда, не беспокойтесь! Всего лишь...

— Всего лишь насилует, — закончил я оборванную мысль, и, видимо, грубее, чем это намеревался сделать он сам.

Серебровзвенник сморщился, будто произнесенное слово и впрямь казалось ему отвратительным, но коротко кивнул:

— Это неприятно. Но не смертельно.

— Может быть, — согласился я. — Но вред, причиненный телу, оставляет свои следы и в душе. А я не хочу однажды войти к жене и увидеть ее в петле.

— Подобных последствий можно избежать...

— Но легче не допускать их возникновения. Или я ошибаюсь?

Старик то ли недоволен, то ли виновато качнул головой:

— Не ошибаетесь. Только сейчас ваша правота...

— Бессмысленна? Бесполезна? Пусть. Но помимо нее, есть еще и права. Права добропорядочного жителя Дарствия.

Он скривился так, будто проглотил чашку уксуса одним махом.

— Я исправно плачу подати в казну. Этой платы мало? Тогда прямо скажите сколько. Сколько я должен вам заплатить за исполнение обязанностей дарственной службы, на которой вы находитесь?

Только два удара всегда достигают цели: нанесенный со всей чистотой и невинностью помыслов и бьющий в заведомо известное, самое уязвимое место противника. Мои слова прятались под личиной первого, тогда как на деле являлись именно вторым.

Часть 3.2

Слепящий глаза порядок в стенах Наблюдательного дома, удачно скрывающий ветхость и скудость обстановки, в сочетании с варварскими привычками местного господинчика подтверждали нелестный и, возможно, весьма болезненный для сереброзвенника вывод: над этим клочком земли Цепи не имели никакой власти. Да, в Катрале горожане тоже обходились своими силами, но здесь, в срединном Дарствии, при сохранении полнейшей благопристойности...

Он промолчал, хотя впился пальцами в подлокотники, и это огорчало еще сильнее.

— Вы ничего не сделаете. Потому что не можете сделать.

— Не могу. — Его признание прозвучало еле слышно, как последний вздох умирающего.

Теперь молчал я. Так долго и настойчиво, что сереброзвенник не выдержал:

— Считаете меня трусом и подлецом? Ваше право! Но только как бы вы поступили на моем месте? Когда я впервые прибыл сюда, все казалось привычным, местный народ вел себя приветливо и тихо, никаких трудностей не возникало, пока... Он дал мне понять, кто здесь хозяин. Поверьте, безо всякого снисхождения к моему чину и моим годам.

— Вы могли запросить поддержку.

— Мог. И просил. Думаете, я сидел сложа руки? Устал писать одни и те же строки, а ответа все не приходило! Потому что письма никуда не отправлялись.

— Вы пользовались услугами местных письмоносцев?

— Поначалу. Когда еще на что-то надеялся. Потом отправил своего человека. Одного из двух. А на следующий день его тело оказалось на моем пороге, и сверху... на груди...

— Лежало ваше письмо.

Он ни подтвердил, ни опроверг мое предположение, просто сидел и смотрел на свои пальцы, скрюченные то ли возрастом, то ли внезапным приступом сердечной боли. Смотрел с таким отвращением, словно на них еще была свежа кровь гонца.

— Мне позволили отправлять только отчеты о том, что все благополучно. Месяц за месяцем...

— Вы не пытались уйти?

— Куда? — Сереброзвенник поднял на меня страдальческий взгляд. — Если бы дело было в нем одном, в этом жестоком ничтожестве... Вы, наверное, еще не поняли, но все, кто живет в Руаннасе, все — мужчины, женщины, дети — послушны ему, как рабы. Все поголовно. Они могут кивать и улыбаться, но выполняют только его приказы. Любые. Понимаете? Любые! Я один здесь. Один против всех. Но вы вряд ли можете это себе представить...

А вот тут он ошибался, этот старик, загнанный обстоятельствами в угол. Я мог понять все, о чем только что услышал. Я понимал, почему он все еще оставался здесь, не желая подвергать унижению кого-то еще, непременно присланного бы ему на смену. Я понимал отчаяние человека, лишённого опоры под ногами. Но это — я. А вот тот же Натти на моем месте поднялся бы сейчас из кресла и сказал, глядя глаза в глаза...

— Пока вы не захотите что-то изменить, ничего не изменится.

— А что я могу? Прийти и повеситься на воротах его усадьбы? Думаете, это поможет?

— Смерть всегда что-то меняет. Хотя бы для того, кто умер.

* * *

Он слышал все, от первого до последнего слова, тот молодой меднозвенник, второй заложник Руаннаса. И в его глазах можно было прочесть все те же чувства, что и у старика, разве что изрядно приправленные растерянностью.

Он не бросился бы на помощь, даже услышав истошный вопль. Но он все равно мог мне помочь.

— Здесь все и всегда идет тихо и гладко?

— О чем вы говорите, эрте?

— Этот городок. Прибежище безропотного скота. Неужели среди стада здешних овец не найдется ни одной паршивой?

— Вы хотите сказать...

Я шагнул ближе, нависая над пареньком:

— Пакости. Кражи. Душегубства. За все время, что ты живешь в Руаннасе, ничего подобного не случилось?

Он мотнул головой:

— Сюда не приходят с жалобами. Никогда. — И добавил, чуть смутившись: — Вы первый.

— Помимо жалоб, есть глаза и уши. Твои, к примеру. Или ты никогда не выходишь в город?

Меднозвенник замаялся, посмотрел несколько раз в сторону кабинета своего начальника, словно набираясь смелости, а потом неуверенно произнес, понижая голос:

— У подножия. На самой границе города, там, где живут уже одни пастухи. Я слышал одно имя... Рофи.

— Кто он?

— Не знаю. Но там о нем говорили уважительно.

Что ж, других вариантов у меня все равно нет.

— Спасибо.

Я двинулся к выходу и уже почти добрался до крыльца, когда услышал задумчивое:

— Вы думаете, что-то правда можно изменить?

Я так не думал. Вообще не размышлял об изменениях, особенно в настоящую минуту, потому что мои мысли занимало только одно: найти способ и средство вернуть Лус. Чувства демона, заключенного в ее теле, меня не волновали. В конце концов, взрослый мальчик, ничего нового в происходящем для себя не откроет. Но отдавать невинное девичье тело какому-то похотливому тирану... Нет. Она ведь хотела жить для нас, а не для кого-то другого.

Скорее всего, я не должен был успеть: до сумерек оставалось всего ничего. Вот только сидеть сложа руки не мог. Что-то не позволяло. Что-то, прежде спрятанное глубоко внутри, а теперь отчаянно карабкающееся на поверхность.

— Можно попытаться.

Наверное, стоило сказать «нужно». И тогда слова прозвучали бы приказом, исподволь подталкивающим на действия. Хоть какие-нибудь. Но я ведь никогда не умел приказывать...

Подножие холма выглядело так, как и полагается задворкам: безлюдное, подозрительное, опасное. Конечно, сравнения с окраинами Веенты, с тем же Сальным кварталом задние дворы Руаннаса не выдерживали. Смесь давно перебродившего отчаяния и равнодушия, вот что обычно наполняет воздух в подобных местах, а здесь дышалось по-

другому. Дыхание не перехватывало, что называется. Хотя и беспечно себя чувствовать не получалось.

Приземистые пастушки дома провожали меня слепыми взглядами окон, прикрытых ставнями так, чтобы лишней лучик света не попадал ни в дом с улицы, ни на улицу из дома. Ни одного человека. Ни одного голоса. Даже ветер к вечеру затих совершенно, так что тишину тревожили только мои шаги. Но именно это затишье и помогло определить, куда двигаться.

Она мало чем отличалась от близлежащих хижин, может, была лишь чуть попросторнее, а вот из щелей меж ставнями отчетливо слышался гул, складывающийся из шума горящего очага, многогрудого сиплого дыхания и осторожного, но дружного стука посуды. Ко всему этому в любом другом городе прилагались бы пьяные песни и азартные драки, но после наблюдения за колокольной процессией я уже не удивлялся тому, что происходит в Руаннасе.

Дверь подалась тяжело и распахнулась с надсаднейшим скрипом. Впрочем, упрекать хозяев местного трактира в неряшливости было бы глупо: нет лучшего способа возвестить о незваном госте, чтобы иметь возможность убратся восвоеси или приготовиться дать отпор. Я равно ожидал и первого, и второго, но в действительность воплотилось третье. На меня лишь искоса посмотрели и отвели взгляд. Все пять человек, рассевишиеся по лавкам за разными столами. Для посетителей подобное поведение могло найти объяснение, а вот что касается хозяина...

Он даже не повернул головы в мою сторону, как сидел за стойкой, раскуривая трубку, так и продолжал это делать. Минуту. Другую. Когда стало понятно, что здешнее общество не желает меня замечать, пришлось спросить самому:

— Где мне найти человека по имени Рофи? Уважаемого человека.

Колечко дыма неторопливо поднялось в воздух и растаяло, прежде чем я услышал хоть что-то похожее на ответ:

— Он сам находит тех, кто ему нужен. А все прочие идут стороной.

Вежливые тут разбойники, однако. В Веенте мне давно бы уже ткнули кончиком ножа в крестец, без слов объясняя, куда отправляться и как скоро. Готовы к разговорам? Так и я не против поболтать.

— Значит, нечего волноваться. Подожду, пока найдут меня.

Хорошо, что оставался еще один не занятый никем стол: я прошел прямо к нему, сел на лавку и, скрестив руки на груди, оперся локтями о край столешницы, всем видом показывая готовность провести в трактире столько времени, сколько понадобится. Намек присутствующие поняли сразу, но медлили что-то предпринимать, обращая пристальные взгляды к человеку за стойкой.

М-да, если это и есть местные душегубы, то мои надежды можно считать наполовину похороненными. Конечно, ребята вокруг дюжие, ударом кулака собьют с ног кого-то весящего полегче, чем я, но лица...

Угрюмость и грозно сдвинутые брови — признак новичков, старающихся произвести впечатление, вот только не знающих, как это сделать. Да и главарь своим показным равнодушием выделяется среди всех слишком заметно. Слишком неосторожно. Если бы мне вздумалось обезглавить руаннасскую шушеру, на определение основной цели ушла бы пара мгновений.

Они только учатся творить зло. А мне бы заполучить тех, кто сам уже готов учить

других.

— В здешнем доме подают выпивку?

— Только не чужакам, — ответил человек за стойкой, продолжая почихивать трубкой.

Отлично. Значит, ему уже известно о событиях сегодняшнего дня. Тем проще.

— Вы знаете, что мне нужно.

Он не стал отрицать, даже еле заметно кивнул. Но не сдал ни позиции:

— А почему ты думаешь, что у меня оно есть?

— Мне назвали ваше имя. Назвали с уважением.

— Уважение... Это всего лишь слово.

— До тех пор, пока не зазвенит серебром.

При упоминании о деньгах громилы за соседними столами оживились, но снова тихими мышками замерли на своих местах, едва главарь поднялся и вышел из-за стойки в зал.

Он был почти так же огромен, как и его подчиненные, но заметно старше их, потому и всплыл на самый верх всей этой мути. Лет сорок или чуть больше. Гладко зачесанные назад волосы, густая, коротко стриженная борода, хитровато прищуренные глаза, в которых...

Я понял, что здесь мне нечего ловить, едва заглянул в эти глаза. Он боялся, этот большой и сильный мужчина. Больше всего на свете он хотел выпроводить меня вон, и желательно самыми малыми усилиями. Посчитал незваного гостя опасным? Лестно, конечно, но вывод можно сделать только печальный.

Итак, на счету местных головорезов имеются разве что обчищенные карманы припозднившихся прохожих да помятые бока путешественников, воспользовавшихся окрестными дорогами, не более.

Ученики. Всего лишь еще ученики.

— Ты хочешь что-то купить? — спросил трактирщик, подходя к моему столу.

Шанс все-таки есть? Не верится. Но этот колодец все равно придется вычерпать до конца, прежде чем переходить к следующему.

— Крепкие руки и отважные сердца.

— Это дорогого стоит.

— Я никогда не пробую купить то, на что у меня не хватит денег.

Он пыхнул трубкой, выпуская над столом облачко сухого горького дыма.

— Цену назначает продавец, а не покупатель.

Ага. Так я и знал. Дает понять, что всех сокровищ мира не хватит, чтобы заставить его действовать.

— Любая вещь стоит столько, сколько за нее согласятся заплатить. Ни монетой больше.

Трактирщик присел на лавку напротив меня.

— А сколько заплатишь ты?

— По десять серебряков на голову. Всем, кто пойдет со мной. И еще втрое за голову того, кто мне нужен.

Откуда-то из-за спины раздался вздох удивления, и, кажется, не один. Но все смолкло, едва человек по имени Рофи — а больше никем он быть не мог — обвел взглядом питейный зал. Наступила такая тишина, будто все вокруг вмиг перестали дышать. Что ж, вымуштровал он своих подчиненных хорошо. Хотя...

Такое послушание возникает только после близкого знакомства. С кулаками друг друга. В любой стае вожак первоначально утверждает свое превосходство клыками и когтями. Конечно, и здесь все могло идти тем же путем, но верится с трудом.

Все, кто сидит сейчас в трактире, далеко не юнцы. Все они силой, по меньшей мере, не уступают своему главарю. Семи пядей во лбах не видно, но взгляды вполне осмысленные, значит, никто из этих пятерых не стал бы сдаваться после первого же поражения. А на всех сил у одного вряд ли бы хватило. Даже учитывая, что дело могло происходить несколько лет назад, когда каждый из них был моложе, чем сейчас. Те, кто приехал в столицу из забытых Божем уголков Дарствия, наоборот, вели себя задиристо, принимая зачастую те вызовы, с которыми не могли справиться. Эти же...

— Цену назначает продавец, — упрямо повторил трактирщик.

Я попробовал встретиться глазами с кем-то из присутствующих. Можно сказать, не удалось, но в обрывках взглядов, которые все же соприкоснулись с моим, не было разочарования. Совсем.

— Вам здесь уютно, да? Тепло, тихо и спокойно?

Рофи чуть удивленно нахмурился, не спеша отвечать на мой вопрос. Но мне больше не требовались ответы.

— Местечко на отшибе, куда не каждый прохожий заглянет. Крохотный мирок, в котором вы чувствуете себя единственными господами. Верно? Уныло, убого, тесно, темно. Зато здесь не нужно вытягиваться струной, а потом отбивать поклоны, едва послышится звон колокольчиков. И можно бы выйти наружу или хотя бы раскрыть окна, но вы никогда так не поступите. Ведь там, за стенами, другой мир, чужой и враждебный. Мир, который непременно попытается подчинить вас своим законам.

Я встал и направился к дверям. В основном чтобы успеть обеспечить себе пути отхода, если на меня все же рискнут напасть.

— Правда, вы же привыкли подчиняться. Не одному хозяину, так другому. Кто-то стоит ниже, кто-то выше, каждый гнет спину перед другим, и все это без конца. Потому что так заведено. Потому что установлено. Да? И в полдень, когда напыщенный золотой индюк покачивался в паланкине, вы тоже были там. Стояли. Кланялись. И думали только о том, что вечером сможете поиграть в смелость и независимость. Я угадал?

— К чему эти горячие речи? — голосом суше дыма спросил трактирщик.

— К тому, что в игрушки обычно играют дети. Малыши, не знающие, что происходит вокруг них. Или не понимающие этого.

— Хочешь сказать, что мы...

— Младенцы, играющие в мужчин. Вам стоило бы выйти на улицу и протереть глаза получше.

Он помолчал, взглядом явно буравя мою спину. А потом ответил единственным образом, который помогал сохранить лицо:

— Не думай, что нам... нравится все это.

Струна, натянутая где-то внутри меня, взвилась вожжой и хлестнула по языку, заставив сплунуть:

— Когда что-то не нравится, обычно его изменяют. По-своему.

* * *

Обратный путь к вершине холма снизу представлялся особенно долгим, потому что не было видно конечной цели пути: и из-за надвигающихся сумерек, темнящих небо, и из-за крон деревьев, нависающих над главной аллеей. Чуть больше мили до развязки, которая никому из участников не понравится. Разве только землевладельцу, получившему желаемое. Ждет ли он ночной темноты, чтобы удовлетворить свою похоть? А может, прямо сейчас

счастливого потирает руки перед заветной дверью?

С каждым шагом вверх по склону уверенность в том, что я делаю нечто важное и нужное, иссякала. Увесистыми такими каплями скатывалась со лба вместе с холодным потом. Время упущено, вред явно уже нанесен, и все, на что можно надеяться, это на скорое возвращение сломанной игрушки домой. Если верить рассказам знатоков, девичьей жизни ничто не угрожает.

Если верить.

Откуда она вообще берется, вера? Как человек может, ни разу в жизни даже не соприкоснувшись с чудом, все равно в него верить? И как вообще можно верить кому-то?

Я помню одни лишь приказы. Слова, в истинности которых невозможно было усомниться, ведь командир всегда лучше знает, что и как должно происходить. И в тот день, стоя на пепелище, я тоже не собирался задавать вопросы. Не мог представить, что это можно и нужно сделать. Приказали — подчинился. Пусть смерть родителей случилась не из дарственной надобности, а по чьему-то корыстному намерению, неважно. Прошлое невозможно вернуть, говорят мудрые люди.

Так почему же оно стучит прямо в виски?

Вверх. Вверх. Вверх. Ускоряя ритм.

Куда я тороплюсь? Зачем? Тело словно слышит эхо старых приказов и пытается их исполнить, действует само по себе, но ведь обязательно наступит мгновение, когда все звуки стихнут, и что тогда? Ввязаться в драку? При мне даже нет оружия. Посох с кошачьей головой, конечно, хорош, но слишком мал для настоящего сражения. И намного слабее бражка. В кошеле звенят монеты, но они никому не нужны здесь и сейчас. Смешно. Единственный раз, когда у меня появились средства на покупку помощи, рынок оказался закрыт. Ну и везение!

Везение.

Оно всегда было таким. Точно таким же. Сколько себя помню. Сколько...

Дрожь сотрясла все тело, от макушки до пяток, и что-то застучало по земле, словно пошел град. Или рассыпались бусы.

Пальцы, коснувшиеся шеи под высоко поднятым воротником, подтвердили: кожа чиста. Ни одной горошины. Они все лежали внизу, под ногами, темные, глянцевые, похожие на черный жемчуг из ювелирной лавки. И с треском лопнули, когда я на них наступил. Потом лопнуло что-то еще, внутри то ли черепа, то ли сознания, и в глазах на мгновение помутилось. А когда ясность зрения вернулась, она пришла не одна, а вместе с неожиданным, но почему-то совсем не удивительным открытием.

Раздвоенного мира больше не было. Не было странных порывов сделать что-то не так, как раньше. Никаких метаний. Никакого выбора между полом и потолком, между азартом и осторожностью. То, что осталось, было единым и цельным. Вот только много ли осталось во мне от меня самого?

— А каково это — делать по-своему?

Вопрос прозвучал невнятно, сливаясь с ленивым шелестом кустов, мимо которых лежал мой путь, но спрашивающий явно нуждался в ответе. Впрочем, и я тоже.

— Не мешать порывам души. Не ломать себя в угоду кому-то. Не сомневаться в том, что будущее будет лучше прошлого.

Простые советы. Очень простые. Наверняка кто-то и когда-то дал их мне, только лицо и голос советчика надежно стерлись из памяти, и теперь кажется, что я знал это всегда. С самого начала. Так почему же никогда так не делал?

— Твое будущее?

Вряд ли.

Нет.

Не знаю.

Мое «завтра» меня очень долго не волновало. Слишком долго. Нам говорили, что мы служим обществу. Что наши действия приносят пользу жителям Дарствия. Врали? Возможно. Но мне почему-то думалось иначе в те дни. Да и сейчас...

— Общее.

— Но одному стараться для всех... Разве хватит сил?

Конечно нет. Просто каждый должен делать свое дело.

Свое.

Но по-своему ли?

Если все мы разбредемся по личным полям сражений, откуда возьмется единство? Откуда возьмется сила, способная свернуть горы? Значит, кому-то придется поступиться своими желаниями и намерениями, чтобы поддержать другого. Кому-то придется уйти в тень...

За спину человека, которого избрал своим Ведущим.

— Можно стараться только для себя. Это проще и приносит больше выгоды.

— А для кого стараешься ты?

Для Натти. Для Лус. Для Керра. Для демона по имени Конран. Для...

А ведь у каждого из них свое собственное намерение, своя цель, лишь смутно похожая на цели других. И я не могу разорваться, чтобы помогать им по отдельности. Только вместе. Всем вместе. Но это будет вовсе не сумма целей, а что-то совсем иное. Что-то другое, сложенное из многих чаяний и надежд, и все же намного большее.

Я должен отвести от мира угрозу, какой бы она ни была. Просто защитить. Пусть не на огромном поле боя, а в темном и глухом закутке, мое сражение упрямо ждет меня, пританцовывая от нетерпения.

— Я просто стараюсь. Так упорно, как только могу.

— Я тоже хочу... стараться.

Она вышла из-за зеленого щита у самой калитки садовничьего дома. Невысокая, светловолосая, поджарая, как мальчишка. Даже выставленные чуть ли не напоказ груди были совсем еще небольшими, трогательно юными. Но уже одно то, что они не скрывались под бесформенной одеждой, вызывало вопросы.

— Ты местная?

— Здесь нет чужаков. Не бывает.

— Разве женщины Руаннаса одеваются не...

— Пойдем. — Она скользнула в калитку, потянув меня за рукав. — У всего на свете есть уши.

При свете зажженной свечи у незнакомки обнаружилось вполне милое и, как я предполагал, почти детское личико, хотя ребенком она явно уже не была: складки в уголках сжатых губ — примета зрелости. Правда, зачастую вынужденной, а не естественно приобретенной.

Непокрытая голова, наряд наполовину мужской, наполовину напомнимший о столичных увеселительных заведениях, кожаная перевязь, крест-накрест проходящая через грудь и прячущая за спиной девушки ножны. Местные горожанки выглядят иначе, а потому сомнений нет:

— Ты из людей Рофи?

Она кивнула, пройдя кругом по комнате, но все время оставаясь ко мне лицом. А потом сказала, видимо желая что-то объяснить:

— Я слышала твои слова. Там, в трактире.

О, значит, у меня было больше слушателей, чем я мог надеяться. Только много ли в этом толку?

— Я много чего говорил. Но ты ведь пришла спросить не о деньгах, верно?

Раскосые глаза обиженно мигнули.

— Деньги... Ты предлагал больше, чем можно потратить.

— Неужели?

— В этом городе никто ничего не покупает и не продает.

Вот как? А я-то удивлялся, почему разбойники глухи к звону монет!

— Значит, вы живете по другим законам, чем все остальные края Дарствия.

Моя шутка оказалась неудачной: девушка, вместо того чтобы улыбнуться, сжала губы еще сильнее:

— По другим. Да. Это ты верно заметил. Но если бы знал по каким...

Я предложил:

— Расскажи.

— Разве у тебя много времени?

— Не слишком. Но несколько минут для твоего рассказа найдутся.

Ее взгляд правильнее всего было бы назвать недоверчивым, и все же еще раз подбадривать или просить не пришлось.

— Здесь не всегда был город. И полвека не прошло, как стал. А раньше... Раньше все это принадлежало одному человеку. Все земли и все люди, живущие на них.

С землями понятно. В конце концов, землевладельца я видел собственными глазами. А вот люди... Что бы это значило?

— Взрослые, дети, новорожденные младенцы. Все поголовно. И никто из них не имел права сказать и слова.

— Постой! Сейчас ты говоришь, что...

— Мы все были его рабами, — равнодушно пояснила девушка. — С рождения и до смерти.

Рабство? Посреди Дарствия? Быть того не может! Всего полвека назад? Куда же смотрели Цепи? А впрочем... Знаю куда. В стену Наблюдательного дома, превратившегося из крепости в тюрьму.

— Что же изменилось потом?

— Изменилось? — Она хрипло хохотнула. — Если бы! В этих краях редко появляются заезжие люди. Очень редко. Но тогда как раз появились, и дед нынешнего нашего хозяина придумал, как всех обмануть. Сделал вид, будто мы свободные люди. Дома всем обустроил, прямо как в настоящем городе все стало... Они поверили, те приезжие. Не стали задавать вопросов. А мы промолчали.

— Все?

Она подняла на меня потухший взгляд:

— Все. Пойти поперек хозяйской воли мы не могли. И сейчас не можем.

— Но вы ведь живете теперь иначе? Пусть ненамного, но не так, как раньше?

— Мы притворяемся свободными. Для чужаков, которые случайно оказываются здесь. А в остальное время...

— Я видел. Паланкин с колокольчиками.

— Ага, он самый. — Девичьи губы скривились от отвращения.

— И никто не пытается ничего изменить?

— У нас есть дома. У нас есть пища, одежда, защита. Только все это хозяйское. Все принадлежит ему. Уйти можно, но тогда все придется оставить. Понимаешь? Все. Даже то, что на тебе надето.

И помощи ждать неоткуда. Если Цепи, призванные охранять закон, оказались бессильны перед местной властью, что прикажете делать? Разве только, раз уж помощников все равно нет...

— Сколько людей живет в Руаннасе?

— Больше трех сотен.

— И среди них ведь есть крепкие мужчины? Пятерых я уж точно видел.

— Есть. Как не быть.

— Почему же вы не попробовали что-то изменить? В конце концов, силой взять то, чего вам не хватает?

Девушка задумчиво сморщила курносый носик:

— Но ведь тогда кто-то погиб бы... Многие.

— Конечно. Кровь пролилась бы. И смерти случились. Зато оставшиеся получили бы

новый мир. Лучший, чем сейчас.

— Но кто-то не дожил бы. Кто-то все равно...

— Иногда нужно забывать о своих надеждах. Сразу и навсегда. Вычеркивать их из головы. Тогда можно жить сегодняшним днем и жертвовать собой, если понадобится. Это несложно, поверь. Я сам...

Я сам так делал многие годы. Рисковал жизнью, не задумываясь о том, что могу не вернуться из патруля. Правду мне внушали или ложь, неважно. Зато жить было легко, да и умирать несложно.

— Забыть о себе? Совсем-совсем? — Девушка растерянно уставилась на свечной огонек.

— Не у всех получается, согласен. Но если получится...

Конечно, они не хотят рисковать. Свыкаются с рабством, тем более что внутри своих домов могут играть в свободу, как те, в трактире. Может быть, боятся за судьбу детей, если погибнут, но ничего не успеют изменить. Много причин, чтобы сидеть на прежнем месте, не поднимая задницы. Очень много. Особенно пока никто со стороны не придет и не скажет...

— Надо стараться.

Она молча кивнула, все еще глядя на пламя.

— Хорошо, когда тебе нечего терять, тогда все происходит намного легче. Но даже если есть... Надо просто верить. В будущее.

— Мне нечего терять. Совсем нечего. — Девушка отошла к стене и прижалась к ней спиной, словно пытаюсь обрести дополнительную опору. — Меня он тоже взял силой. Вернее... Просто взял. Я не знала, что можно сопротивляться, да если бы и знала, у нег всегда была куча слуг на этот случай, если собственной силы не хватало. Потом отпустил домой. Я плакала от боли и от чего-то еще, непонятного. А мой брат... У меня есть брат. Элбен. Он не стал меня утешать. Только обнял ненадолго и сказал: такова наша судьба. Он был самым сильным из сверстников. Самым красивым. Однажды хозяин позвал его в свой дом. Иногда он звал и мужчин, не только женщин. Я ждала, что Элбен вернется так же скоро, как я, но он все еще там. Должно быть, прислуживает в доме. Оставил меня одну и даже ни разу не пытался увидеть...

Я могу понять послушание, но только не такое. Только не то, от которого испытываешь постоянную боль и муки. Хотя, если все твои предки каждый день своей жизни привыкали быть рабами, на многое закрываешь глаза. Или вовсе живешь, крепко-накрепко зажмурившись.

— Мне некуда было идти, и тут как раз появился Рофи. Не думай, он добрый, только притворяется грозным! Никто бы из них тебя не тронул. Рофи показал мне, что можно стать сильнее. Можно измениться, хотя бы немного. Да, я все еще живу здесь, но я больше не прячусь, как другие женщины. Не прячу себя.

От мужчин? Это я заметил. Наверное, многие из них уже успели восхититься твоей смелостью. Пусть только такой. Для тебя это все равно победа.

— А зачем оружие? Неужели кто-то угрожал тебе?

— Это... — Она коснулась рукоятей кончиками пальцев, обнимая себя за талию. — Это для другого. Я хочу снова войти в тот дом. Но войти по-своему. Как ты говорил. Я умею держать их в руках, не сомневайся!

— Приходилось пускать в ход?

Девушка чуть смутилась:

— Я не... Я никого не убивала. Только защищалась.

Обходилась без жертв? С одной стороны, хорошо. С другой — пара трупов научила бы большому, чем сотня выигранных без пролитой крови поединков.

— Там много охраны?

— На главной аллее. Но можно пройти через сад. Я пробовала.

— И все же не вошла в дом?

Она отвернулась:

— Мне было страшно. Не знаю почему. Я не решилась, хотя много раз подходила почти к самым стенам.

Представляю. Прийти снова на место, где тебе однажды причинили боль, всегда трудно. Помню, после первого поражения в тренировочном бою, когда наставник вволю наштутился над моей беспомощностью, и, надо сказать, совсем не пытаясь щадить чувства, на следующий день вставать на исходную позицию было тяжело. Мучительно. А самым изматывающим было долгое осознание того, что нельзя быть готовым ни к победе, ни к проигрышу, а нужно просто делать все, что умеешь и можешь в данную минуту. И стараться конечно же.

— Но ты хочешь туда войти? Только честно.

Она решительно кивнула:

— Да. И войду. Не знаю, как и когда, но войду.

— Хорошо. Составлю тебе компанию.

Девушка не сразу поняла, что я сказал: позволила в тишине и спокойствии найти все бутылки с демонической отравой и выбрать из лопатных черенков хоть что-то, отдаленно напоминающее размерами бракк. А потом я услышал сдавленное:

— Ты пойдешь со мной?

— Ну да. Одной тебе снова не хватит смелости.

— Ты хочешь это сделать из-за... — Тут ее словно осенило: — Не надо! Она вернется, твоя жена! Правда, вернется!

Как вернулся твой брат? Если бы не было этой истории, я бы поверил. Но раз есть шанс навсегда остаться в стенах хозяйского дома, ждать бессмысленно и опасно.

— Вернется, конечно. Только я хочу в этом убедиться. Лично.

* * *

Ближе к вершине холма сумерки пока еще походили на серебристый туман, лишь немного затрудняющий обзор, под кронами же деревьев уже могла стуситься настоящая ночная темнота, как подсказывал мне опыт. Но фонари мы не стали брать, потому что, по словам Эби, как звали мою новую знакомую, света в саду хватало.

Она многое знала, а это наводило на не слишком приятные размышления. И все же я решил не думать о том, что девица повстречалась мне на пути нарочно. В конце концов, если местному землевладельцу настолько глянулась «жена», что он решил избавиться от «мужа», можно было поступить проще и быстрее. Особенно учитывая бесконечную преданность жителей Руаннаса своему хозяину: меня могли зарезать прямо на улице посреди бела дня, и никто бы бровью не повел. А уж когда на город опускается ночь...

В такое время суток люди обычно торопливо расходятся по домам, да и охрана предпочитает сидеть в уютной караулке, а не напрягать зрение и слух напрасно, но едва в нескольких десятках шагов впереди в серой зыби проступили очертания ограды, оказалось, что не мы одни вздумали прогуляться у хозяйского сада.

Он был одет точно так же строго, как в последнюю нашу встречу, разве чуть более торжественно: должно быть, выбрал самый нарядный из своих камзолов. А за упрямо выпрямленной спиной хвостом маячила синяя мантия меднозвенника.

— Что вы здесь делаете, эрте?

— Я мог бы спросить вас о том же, — заметил глава Наблюдательного дома Руаннаса. — Но не буду. И вы не спрашивайте, мы ведь оба знаем причину.

Я не поверил собственным ушам, а потому не послушался мудрого совета:

— И все же зачем вы пришли сюда в такое неурочное время?

— Не знаю. — Старик вдруг растерянно улыбнулся. — Попробую вызвать его на разговор. Скажу, что он зарвался. Еще что-нибудь, что придет в голову. Молчать не буду.

— Думаете, это поможет?

— Мне — да. Я устал бояться. И, как вы правильно сказали, что-то в нашей жизни от этого обязательно изменится. Должно измениться.

Я открыл рот, собираясь попросить извинения за сказанное в запале, да и не столько мною, сколько отпечатком, оставленным Натти в моем сознании попутно с прочими следами изгнания демона, но не успел, потому что наше общество существенно пополнилось. На целых шесть человек.

— Уже начали? — спросил Рофи, поигрывая короткой, но тяжелой даже на взгляд дубинкой.

— Что? — недоуменно спросил сереброзвенник, которому личность трактирщика вряд ли была неизвестна, но в число возможных соратников явно не входила.

— А не знаю. Штурм, наверное. Вы же собрались поговорить с хозяином, а просто так к нему не пропустят.

— Даже если попросить?

— Ну попросить-то можно. — Конец дубинки описал в воздухе замысловатую петлю. — Особенно если проситель подходящий имеется.

Я почувствовал, как голова начинает идти кругом.

Бывает ли так, что всего несколько слов, вылетевших сторяча, меняют человеческие намерения? Оказывается, да. Остается надеяться, что и судьбы теперь изменятся. И, конечно, верить, что все это к лучшему. Только одно не давало покоя...

Рядом со мной происходило нечто странное, почти невозможное, а причиной тому вновь были демоны. Жалкие остатки. Следы. Отпечатки. Тени. Обрывки вздохов. Такой малости оказалось достаточно, чтобы сотворить чудо? Да, как вижу сейчас собственными глазами. Но почему без насильственного вмешательства извне люди никогда не замахиваются на большее, чем имеют? Почему ведут себя как куклы, ожидая, пока кто-нибудь не дернет за ниточки?

Я пойму это, ведь я ничем не отличаюсь от других. Однажды обязательно разберусь. Должен разобраться. А пока...

Часть 3.4

— Вы знаете, сколько здесь охраны?

— Я нет, зато Коди знает, — кивнул трактирщик в сторону одного из своих громил. —

У него знакомый среди стражников.

— Только по аллее или еще в самом саду?

Угрюмый Коди мотнул головой:

— На аллее два десятка, да еще у главного входа с дюжину. А в сад ходить не надо.

Совсем не надо.

Заявление прозвучало искренне, но настораживающе. Девушка же говорила, что подбиралась к самому дому? Или кто-то из них врет? Впрочем, времени выяснять правду все равно не осталось. Раз уж собравшиеся горят желанием действовать, надо успеть, пока угли не покрылись пеплом.

— Вам вряд ли нужно что-то советовать, верно? — обратился я к сереброзвеннику и, дождавшись утвердительного кивка, продолжил: — Когда охрана сбежится, воспользуйтесь этим.

К сожалению, нужных бутылок нашлось всего две: видимо, садовник еще не набил руку в выращивании своей отравы. И обе я отдал меднозвеннику.

— Смотри, чтобы на тебя самого капли не попали. И ни на кого из своих, конечно. Яд уложит стражников почти сразу, если долетит до голой кожи, и вам будет проще с ними справиться.

— Это уж точно, — согласился Рофи, явно приободренный неожиданно полученной поддержкой.

— Проход далеко? — повернулся я к Эби, и та махнула рукой:

— Пара минут.

— Дайте нам пять, потом начинайте.

— У нас получится? — спросила девушка, скользя в черных тенях вдоль ограды.

— Почему бы и нет?

— И что вообще должно получиться?

Она произнесла эти слова задумчиво, словно разговаривая сама с собой и не ожидая ответа. А если бы даже потребовала...

Я не знал, чем завершится эта затея. И главное, даже не пытался предположить, чтобы не вспугнуть будущее. Но шансы что-то изменить были хорошие. Очень.

По угловатой каменной кладке, наверное помнящей еще прапрапрадеда нынешнего землевладельца, карабкаться было одно удовольствие, хотя у меня путь занял намного больше времени, чем у Эби: она взлетела вверх чуть ли не в одно мгновение, правда, спускаться по другую сторону ограды не спешила. А присоединившись к девушке, я и сам помедлил спрыгивать вниз.

Там, в саду, и вправду было темно как ночью. Но ночью, поменявшей местами небо и землю.

Звезды под ногами — что может быть чудеснее? Золотистые, ярко-белые, изумрудно-серебряные, от крохотных до таких, что едва бы уместились в моей ладони. Всему этому наверняка было разумное объяснение: гнилушки, светляки и прочие природные странности, но ничего объяснять не хотелось, по крайней мере мне. Россыпи еле заметно мерцающих

искр, беспорядочные и складывающиеся в причудливые узоры, заслуживали лишь одного. Восхищения. И в этом мы с Эби согласились без единого слова или взгляда друг на друга.

Она соскользнула вниз, всколыхнула траву, по звездному ковру прошла волна, и великолепие сада заиграло новыми красками, хотя, казалось бы, красоты, представшей перед нами, уже не могло стать больше. Мое приземление прошло с большими последствиями: что-то захрустело под сапогами, говоря в пользу предположения насчет светящихся жуков. Впрочем, мысли жалеть о безвинно погибших крохах не возникло. Хотя бы потому, что я помнил, скольких усилий стоила моей матери борьба с такими же мелкими, но вовсе не прекрасными и, главное, обильно плодящимися обитателями грядок.

Темными по-настоящему оставались только аллеи. Может, в песке, которым они были посыпаны, никто не желал жить, а может, здешний хозяин относился к жукам куда более трепетно, чем я. Как бы то ни было, света хватало, чтобы различать дорогу, на всем протяжении которой, по уверениям Эби, нам ничего не должно было помешать. Но с каждым шагом я все меньше и меньше надеялся благополучно добраться до цели.

В самом деле, такая красота не могла не привлекать зевак, неважно, послушные они слуги или нет. Кто из детей смог бы устоять перед соблазном пробраться в сад, чтобы, открыв рот, побродить по месту, о котором даже в сказках не рассказывается? И конечно, с каждым набегом ребятни великолепие становилось бы все меньше и меньше, а это хозяин вряд ли собирался допускать. Значит, имелось что-то, надежно отпугивающее непрошенных гостей. Что-то, заставлявшее бояться даже такого здоровяка, как Коди. Одна только Эби неоднократно рисковала бывать здесь и, судя по всему, обходилось без каких-либо последствий. Или она невероятно везуча, чтобы избегать встреч с охранниками, или...

Я был готов нарваться на неприятности. Но вовсе не на такие.

Оно было деревом. Вернее, оставалось таковым, пока мы не приблизились на расстояние в десяток шагов, а потом медленно, с характерным для древесины скрипом, повернулось. Лицом к нам. Потому что у него было именно лицо, человеческое, с малоподвижными чертами и глазами, затянутыми чем-то, похожим на бельма, но я мог бы спорить, что оно имело намного больше отношения к людям, чем гримасничающая мордочка в серединной части бракка.

Бракк. Мое верное оружие. Я пожалел, что расстался с ним, когда ветки ударили наотмашь, сначала слева, потом справа: черенок, который удалось позаимствовать в доме садовника, хоть и выдержал удары, на большее, чем защитить, все равно был не способен. Хорошо еще, что пришлось отбивать атаку, направленную только на меня, потому что Эби вовремя отпрыгнула назад, укрывшись где-то за моей спиной от странно длинных и гибких, как лозы, конечностей нашего противника.

Скорее всего, это были руки. По крайней мере, место их произрастания очень походило на плечи. Или на то место, которое когда-то было плечами у человека, замурованного в древесный ствол. А может, вживленного, потому что между кожей и корой не было заметно швов или шрамов: казалось, живая плоть плавно перетекала в неживую, под броню морщинистой коры.

Ног у садового чудовища не наблюдалось. Раздвоенных. Зато корней, извивающихся, как змеи, и столь же успешно перемещающих своего владельца по земле, виднелось много. Выше шел ствол, похоже, способный гнуться, и довольно хорошо. Где-то на уровне моей головы от ствола отходили две ветви, в основании толстые, потом постепенно сужающиеся. Вот они гнулись во все стороны и во всех местах, как настоящие бичи, которыми подгоняют, а в

случае надобности и забивают скот. Венчалось все это сооружение дырявой корзиной тоненьких веточек, между которыми как раз проглядывало лицо, не видящее противников, однако весьма четко представляющее, где они находятся.

Здесь пригодился бы огонь или топор, но ни того ни другого поблизости не находилось. Возвращаться за оружием или подмогой? Ага. Так дерево нам и позволит. Нет, выход только один. Или проход: вперед, прямо через чудовище. Ведь у меня сегодня не две руки, а...

— Эби, ты должна зайти к нему за спину. — В ответ раздалось что-то невнятное, и я продолжил: — Он будет занят мной, не беспокойся. Не знаю, удачная это мысль или нет, но эта тварь похожа на человека, а значит...

Она всхлипнула. Точно, всхлипнула.

— Эби?

Чудовище не торопилось нападать, но придвигалось к нам: это было легко определить по шуршанию корней. Я шагнул назад и чуть не наткнулся на девушку, зато этого прикосновения хватило, чтобы дар речи вернулся к моей спутнице. Правда, об услышанном сразу же пришлось пожалеть.

— Похожа... на человека... так это и есть человек! Боженка милостивая, почему? Как ты могла допустить такое?! Кто сделал это с ним? Кто вообще способен такое сделать? Элбен... Зачем ты пришел тогда в этот дом? Зачем ты принял свою судьбу?

Она полустонала-полусшептала, давась слезами. Но она была единственной надеждой на то, что моя жизнь не закончится здесь и сейчас.

Я мог бы попытаться и сам достать до головы чудовища. Вернее, до тех мест, что в человеческом, а возможно, и в этом искореженном теле отвечают за движение конечностей. Но это означало бы открыться, дать ветвям оплестись вокруг меня, сдавить. Ребра не выдержат. А с легкими, проткнутыми ломаными костями, на хороший удар я вряд ли буду способен. Кроме того...

Я не мог представить себе ближний бой. Помнил, что совсем недавно успешно действовал иначе, но теперь даже думать не мог о том, чтобы оказаться от противника на расстоянии меньше чем вытянутая рука.

— Он был твоим братом, Эби. Конечно, был. Но то, что ты видишь, уже не Элбен. Не человек.

А ведь она так свободно гуляла здесь именно потому, что брат не чувствовал угрозы. Не поднимал руку, то есть ветку, на сестру. Значит, что-то человеческое в нем еще оставалось.

А во мне?

— Он убьет нас, Эби. Как только сможет. И потому мы должны успеть первыми.

Она могла спросить, почему же чудовище медлит. Должна была спросить. А я не должен был оставлять ей время для глупостей.

— Он вышел на охоту. Он — зверь, выпущенный хозяином из клетки, и он будет убивать. А пока играет со своей жертвой. Играет с нами.

Возможно, прикрываясь девушкой, можно было бы подобраться ближе к дому. Но кто бы поручился, что в этом саду росло только одно такое дерево?

— А играть ему скоро надоест...

Словно в подтверждение моих слов, чудовище взмахнуло ветвями, ударило их друг о друга и вновь развело в стороны. Я не видел лица Эби, слышал только шмыганье носа, но, похоже, ее дыхание выравнивалось. И становилось все отрывистее, наращивая темп.

— У тебя будет время только на одну попытку. Ты прыгучая, сможешь. Цели —

основание шеи, примерно на ширину ладони справа и слева. Лезвия должны пройти хорошо. Если нет... Скажем друг другу «прощай».

Подтверждения все еще не было. Ни слова, ни согласного вздоха.

— Это вызов, Эби. Настоящий. И он предназначен только тебе.

Мне решать нечего. Или умрет дерево, или я.

— Основание шеи? — прошелестел рядом с моим ухом робкий вопрос.

— По ладони от него. В обе стороны.

Больше она ничего не сказала, но по движению воздуха я понял, что место за моей спиной опустело.

Ей необязательно было драться. Даже больше: уверен, времени, которое чудовище потратило бы на меня, хватило бы девушке, чтобы добежать до спасительной ограды. Это мне не избежать сражения, а любое сражение...

Должно быть выиграно. Иначе на кой ляд его вообще было затевать?

— Не устал еще корнями шевелить?

Он наверняка слышал мой голос. Понимал ли произнесенные слова? Весьма возможно. Оставалось только надеяться, что все сказанное между мною и Эби не долетело до остатков его ушей.

— Ну, если не устал, потанцуем?

Чудовище вняло предложению и шагнуло в мою сторону. Широко так шагнуло, заставив метнуться назад, а потом чуть вправо. Девушке требовалось место для разбега, а значит, я должен был вытащить дерево на простор. Или хотя бы поближе к аллее.

Второй шаг был уже значительно короче, словно чудовище что-то заподозрило. А может, почувствовало себя неудобно, удалившись от своих родственников-кустов. В любом случае, продвижение замедлилось, но еще немного расстояния я все же выиграл. Теперь предстояло самое сложное и одновременно простое: добровольно лишиться своего единственного оружия.

Конец черенка ударил по коре примерно в середине ствола, там, где у человека могло бы находиться солнечное сплетение. Повредить древесному чудовищу он никак не мог, а вот всколыхнуть ветви — легко. И мне еле удалось вернуть подобие посоха обратно, потому что лозы схлестнулись перед местом удара между собой лишь мгновением позже.

Длины черенка явно оказалось маловато: с брачком я мог бы проделать то, что задумал, даже не сомневаясь в успехе. Правда, жертвовать оружием пришлось бы все равно, это стало понятно, когда древесный бич обвился вокруг одного из концов черенка. Хватка у чудовища была поистине мертвая, и мне с трудом удалось подвести другой конец недоделанного садового орудия ко второй ветке. А еще большего труда стоило не отпускать черенок, пока рядом с шейей чудовища не сверкнули лезвия кинжалов Эби.

Я поверил в то, что у нас получилось, только когда ветви сначала дали слабинку, а потом и вовсе распустили свои витки. Но дерево все еще стояло, качаясь из стороны в сторону, причем вовсе не собираясь падать, хотя именно падение могло бы раз и навсегда помочь ему расправиться по меньшей мере с одним из противников.

Стояло и смотрело на меня слепыми глазами...

Я ударил сильно. Как только мог. И размозжил голову в корзинке ветвей, как яйцо. Наверное, чудовище, сливая воедино человеческую плоть с древесиной, медленно пожирало первую, потому кости черепа оказались хрупкими, как скорлупа. А может, я стал тяжел на руку. Не знаю. Только после того, как дерево оказалось обезглавлено, оно замерло на месте,

лишь изредка подрагивая, но больше не пытаюсь шагать и тем более не пытаюсь нападать на нас.

Эби я нашел в кустах, усыпанную светлячками, как сказочная красавица — драгоценными камнями. И все же капли, мерцающие на ее щеках, горели ярче всех прочих звезд, небесных и садовых.

Она плакала тихо, без малейшего звука. А когда я подошел, подняла взгляд, рассеянный и виноватый, и спросила:

— Я все сделала как надо?

— Да. Все как надо.

Я обнял девушку за плечи и поцеловал в лоб, отчаянно прогоняя мысль о том, что прыгала бедняжка, скорее всего, с закрытыми глазами, и лишь везение или Провидение божье направляло в тот миг ее руки.

— Оставайся здесь. Отдохни.

— Думаешь, больше нет...

— Ни одного. Не бойся.

Три года. Чуть меньше, чем прошло со дня смерти старого садовника. Новый не терял времени, это верно. Но то была первая проба. Первое испытание чудовищного мастерства. А теперь и последнее. Уж в этом я мог поклясться перед всем миром!

Звуков борьбы у главного входа в дом слышно не было: стихли, пока мы топтались вокруг дерева, поэтому я отправился напрямик туда, не тратя силы на карабканье по стенам и залезание в окна. Хотя бы потому, что на первом этаже окон не было вовсе. К тому же установившаяся тишина предполагала скорее благополучный исход народного восстания, чем поражение, ведь хозяин города явно предпочел бы устроить пышную казнь мятежников, причем прямо посреди ночи, вместо того чтобы спокойно дожидаться утра.

Трупов у парадного крыльца не валялось: видимо, все решилось еще у ворот или в самом начале аллеи. Двери были распахнуты настежь, превращая комнаты в длинную галерею, ведущую в глубь дома, в самое сердце рабовладельческой усадьбы. И конечно, все они были там, восставшие против того, что им не нравилось.

Хозяин Руаннаса не выглядел соответственно обстоятельствам жалким или, наоборот, напыщенным. Вообще, без расшитых золотом одежд он легко мог сойти за обычного горожанина, и, если бы от меня зависела поимка, я бы наверняка его упустил. Я, но не Рофи с его людьми и не сереброзвенник, наполовину торжествующе, наполовину неуверенно объявляющий как раз в тот миг, когда я переступал порог комнаты:

— Старому порядку пришел конец!

Надо сказать, мое появление слегка поколебало спокойствие землевладельца, но тот все равно нашел в себе силы и смелость, а может быть, наглость возразить:

— И кто об этом говорит? Тот, кто сам живет на цепи, как пес?

Он знал, куда нужно ударить, чтобы получилось больнее. Наверное, подсказывали поколения предков, безраздельно владевшие сотнями судеб, сотнями жизней, безропотно подчинявшимися каждому приказу. А сереброзвенник не был готов оправдываться.

— И я скажу, — вступил в разговор трактирщик, почувствовав, что победа вдруг затрепыхалась в руках, как пойманная, но еще не донесенная до садка рыбина.

— А что скажут другие? Твои соседи? Твои родственники? Здесь ведь все — одна большая семья, Рофи.

Он был кем угодно, но только не дураком, этот землевладелец. Ведь кровные узы —

такая вещь... Крепче, чем цепи.

— Спросим у них, Рофи? Позовем всех и спросим? Согласен?

Память вздыбилась волной, воскрешая жар полдневного солнца Катралы, гул толпы, заполнившей главную площадь, и голос женщины, готовой служить, но все равно остающейся госпожой.

Спросить всех? Вот еще! Хватит и одного.

— Мне плевать, что и кто скажет. Мне плевать, что случится в этом городе после того, как я отсюда уйду. Этот человек, — я обвел взглядом притихших повстанцев, — виновен в посягательстве на честь моей супруги, и я требую наказания.

— Посягательство?! — почти искренне возмутился землевладелец. — С чего вы взяли? Извольте сначала доказать!

— Если пожелаете, я притащу сюда то, во что превратился ваш услужливый садовник. Думаю, он не откажется подтвердить, что вручил вам ее беспомощное тело сегодня днем.

— Бож правый! Даме стало дурно во время прогулки, а я всего лишь приютил ее до того часа, как хворь пройдет. Позвольте мне позвать слуг, и вы сами убедитесь, что...

Ну да. Разумеется. А если на теле обнаружатся синяки и ссадины, можно будет заявить, что она потеряла сознание и упала. Сама. Если, конечно, упомянутые слуги не имели насчет девушки особого приказа, раз и навсегда решающего возникшее затруднение.

Оправдания вроде бы загнанного в угол самодура звучали нелепо, но слишком походили на правду. Особенно для того, кто не знал других подробностей происходящего и не должен был узнать никогда.

— Вам никто не мешал прийти сюда. Вы же сами ее оставили, как сказали, без помощи!

Он смелел с каждой минутой. Да что там, с каждым сказанным и неопровергнутым словом. Всем, кто находился в комнате, требовалась поддержка. И, как оно часто бывает, вся тяжесть этой самой поддержки легла на самые хрупкие плечи.

— Ты убил моего брата.

Этого обвинения землевладелец не мог предугадать и, когда из-за мужских спин выступила вперед Эби, невольно вжался в спинку кресла, на котором сидел.

— Но если бы только убил... — Девушка на мгновение осеклась, словно ее дыхание вдруг оборвалось. — Ты изуродовал его тело. Превратил моего брата в чудовище. В омерзительное, бесчувственное, безжалостное чудовище! Свое подобие, да?! — Она схватила хозяина Руаннаса за воротник, как за шкурку — котенка, и подняла на ноги. — Идемте! Вы все должны это увидеть. Может быть, тогда перестанете сомневаться! Как перестала я.

Мне было немного стыдно слушать ее слова, но одновременно и хотелось гордиться содеянным, потому что каждая фраза, произнесенная пока еще дрожащим голосом, принадлежала уже не испуганному ребенку, а человеку, который осознал, что быть сильным в первую очередь больно. Но если не будешь таковым, боль распространится на всех вокруг.

Сад не замечал происходящих перемен, все так же мерцающая живыми звездами, и даже на неподвижное теперь чудовищное дерево гирляндой уже успели усесты несколько светлячков, бросающих разноцветные отблески на смятое ударом лицо.

— Это ваш брат, эрте? — переспросил сереброзвенник, с сомнением вглядываясь в месиво костей и мяса.

— Я подтверждаю это перед любым судом, — твердо ответила Эби. — И если не хотите верить на слово... — Тут она немного запнулась, но быстро взяла себя в руки. — Если под этой корой еще осталось человеческое тело, я могу рассказать о нем все. О каждом шраме. О

каждой родинке. А вы проверите сами.

Не знаю, чего ей стоило такое предложение. Той Эби, что пряталась от меня по кустам, возможно, многого. Той, что стояла сейчас рядом с мертвым телом единственного брата, на возвращение которого надеялась до сегодняшнего вечера, еще большего. Но нынешняя Эби готова была платить по любым счетам.

— Мы проверим, — наконец решил сереброзвенник и велел: — Принесите больше света!

Пара громил Рофи отправилась выполнять приказ, а глава Наблюдательного дома Руаннаса наклонился к землевладельцу, уже совсем скукожившемуся, и пообещал:

— Если это правда, конец и старому порядку, и тебе.

Я не стал дожидаться вскрытия древесного ствола. И потому, что не сомневался в правоте Эби, и потому, что не хотел видеть, как по лицу обреченного на смерть человека проносятся те же чувства, которые мне довелось наблюдать, казалось бы, совсем недавно, а если задуматься, то совсем в другой жизни.

А задуматься и правда хотелось. Например, над тем, что законы Дарствия щедро позволяют Цепям вершить человеческие судьбы, но при этом насильственную смерть, учиненную без приказа и подобающего основания, карают жестоко и неумолимо. Можно не моргнув глазом вырезать целую семью и прочих домочадцев купца, преступившего правила, зато зарвавшегося рабовладельца заставят заплатить за гибель раба собственной жизнью. В полном соответствии со всеми буквами закона. И если плохо одно, то почему тогда, несомненно, хорошо другое, если они налиты из одной и той же бочки?

У дверей спальни, наверное, должны были дежурить слуги, на случай какого-нибудь каприза хозяина, но, похоже, разбежались, когда начался шум. Ключ торчал в замке, и при должной сноровке пленник легко мог бы освободиться, но я удивлялся бездеятельности ровно до того мгновения, как увидел, на что этот самый пленник был похож.

Обычно говорят: живого места нет. Синяков было немного, царапин еще меньше, но припухлости на коже ясно говорили, что повреждений больше, чем кажется. Намного больше. Били умело, чтобы ни у одного случайного наблюдателя не возникло подозрений в причиненном насилии. И били так, что девушка, бессильно лежащая поперек широкой кровати, вряд ли была сейчас способна на что-то вроде побега. Даже собрав волю в кулак.

Я решил было, что в девичьем теле сейчас не обретается никакого сознания, но губы Лус, наполовину разбитые, наполовину искусанные, все-таки шевельнулись, сообщая мне, наверное, самую страшную тайну демона по имени Конран:

— Никогда не хотел быть женщиной. И теперь понимаю почему.

Шаг четвертый

Где-то здесь...

Переливы шелка завораживали. Казалось, диковинная морская раковина раскрыла свои створки и расплескала перламутр по тончайшим нитям, переплетенным между собой не руками прилежных мастериц, не человеческой волей, а кем-то парящим высоко в небесах. Так высоко, что взглядом его лик не ухватить точно так же, как пальцами не удержать ткань, стекающую по коже быстрее воды.

— У вас отменный вкус, эрте.

Грезы, потревоженные голосом хозяина лавки, недовольно отодвинулись в сторону, освобождая сознание из сладостного плена. Тиррис вздохнула, выпрямилась и спрятала ладони, только что познавшие истинное наслаждение, в длинных рукавах.

После нежнейшего шелка полотно мантии, как уверяли поставщики кумирни, самое дорогое и лучшее на сотню миль окрест, показалось прибоженной чуть ли не циновкой, годной лишь на то, чтобы лежать под ногами. Казалось бы, давно уже пора было привыкнуть и смиренно похоронить все старые мечты и воспоминания, но не помогали ни изнуряющие молитвы, ни многодневное уединение, стоило хоть мимолетно скользнуть взглядом по пышному кружеву или искусной вышивке, вьющейся над подолом. А уж если дотронуться...

— Должно быть, ваши родители понимали толк в подобных вещах.

И их родители, и деды, и прадеды, мысленно добавила Тиррис.

Двадцать лет назад у девочки, первый крик который взлетел к высоким сводам хозяйской спальни замка Лаон, было все, что только можно пожелать: наследница блистательной семьи ни в чем не знала отказа. И даже жених — самый достойный и влиятельный в округе — ждал ее совершеннолетия уже тогда, когда невеста еще гукала в колыбели. Будущее казалось сияющим, как серебряные подносы, старательно начищенные прислугой, и возвышенным, как балкон главной башни, позволяющий рассмотреть почти все владения древнего рода, знатного чуть ли не как сам Дарохранитель. И возвышение состоялось, однако вовсе не так, как грезились юной девице.

Поначалу она искренне принимала свою избранность, как дар божий. Как еще одно свидетельство исключительной судьбы. И даже наслаждалась переменами, происходящими в ее теле. До тех пор, пока Совет прибоженных не затребовал к себе дитя, отмеченное знаком служения небесам.

Правила содержания при кумирне были строги, но Тиррис, получившая новое безличное имя наравне еще с десятком заплаканных и испуганных подростков, не боялась трудностей. Она исправно выполняла все, что требовали наставники, пестуя свою веру, и до того вполне искреннюю, а теперь и вовсе отчаянную. Взрослела, сознательно отказываясь от всего, свойственного своим обычным сверстникам, и осуждающе смотрела на прибоженных, спешащих пережить все земные страсти еще до посвящения. Хранила душу и тело от греха, чтобы потом не раз пожалеть о собственной набожности...

Впрочем, в те дни все жертвы казались необходимыми. Дорогими, но стоящими того. Тиррис верила, что, когда ее возведут в сан и она явится перед миром во всем блеске новообретенного величия, забудутся слезы, голодные ночи, ледяной холод каменных плит и боль, пронизывающая коленапреклоненное тело. Что-то и в самом деле забылось, что-то вошло в привычку. Не случилось только главного: торжества.

Ее отправили в кумирню на другой край света. По крайней мере, Тиррис так показалось. Месяцы унылой дороги в скрипящей коляске вместе с попугайчиками, меняющимися каждые несколько дней. Ночлеги в гостевых домах, лишь немногим более уютных, чем с такой радостью покинутая келья. Единственное, что можно было назвать величественным в этом долгом путешествии, так это одиночество. В первое время прибоженная и сама не слишком желала с кем-то разговаривать, а потом, когда устала от молчания, выяснилось, что люди видят в ней не собеседника, а отдушину, в которую можно выговориться, или грудь, на которой можно всплакнуть. И конечно, всепрощающую душу, неустанно внимающую каждому слову твоей молитвы.

Это было невыносимо настолько, что, едва переступив порог назначенной для служения кумирни, Тиррис приняла обет молчания. Вечный. Прибоженную, отказавшуюся от дара речи, сочли новоявленной святой, и городок сразу начал задирать нос перед соседями, не имеющими у себя подобной драгоценности. Но почтение теперь мало волновало Тиррис. Главное, ей перестали изливать душу, потому что намного безобиднее было припасть к стопам изваяния и поделиться с ним всем наболевшим, чем смотреть на строго сжатые губы, уголки которых, кажется, вот-вот либо опустятся еще ниже, отказывая грешнику в прощении, либо взлетят вверх, смеясь над ничтожностью переживаний, принесенных к божьему престолу.

— А быть может, это единение с божественным вложило в вас дар отделять зерна от плевел?

Тиррис близоруко сощурилась, всматриваясь в лицо человека, которого видела вроде бы уже не первый раз, но которого сейчас почему-то никак не могла узнать.

Глаза начали подводить ее совсем недавно, прошедшей зимой. Наверное, виноваты были сквозняки, гуляющие по кумирне от рассвета и до заката, а на ночь забирающиеся в плохо прогретые кельи. Казалось, стывший воздух, крошечными вихрями снующий вокруг, забирался под веки и превращал капельки слез в острые льдинки, от которых все сложнее и сложнее удавалось избавиться. Собственно, она потому и взяла шелк в руки, а не ограничилась взглядом: только пальцы еще хранили память о прошлом. Но скоро должны были отказать и они, ведь со времени посвящения прошло уже... Да, уже шестнадцать лет. Сколько еще осталось? Три года? Пять? До сорокалетия Тиррис дожить не надеялась.

— Говорят, что быть избранным — тяжелый труд. Но, наверное, и великое счастье?

Вот ведь глупец, подумала Тиррис.

Труд? Счастье? Одна только боль, каждую минуту существования. Кто-то ударялся в запретные наслаждения, стараясь ее приглушить. Кто-то, как сама прибоженная, пытался черпать силу в молитвах. Но Тиррис знала точно: никому не удалось отдалиться от страданий ни на шаг.

Сначала болела душа. Болело сердце ребенка, оторванного от родительского дома и отданного под неустанный присмотр жестоких учителей. Потом же, когда вроде притерпелось, открылся новый источник боли. Где-то внутри, но не на одном месте, а вечно скачущий по всему телу, замирающий лишь иногда, во время беспробудного сна, вызванного терпкими зельями. Наставники никогда не говорили о том, что происходит, обещали только, что после посвящения все станет другим. И надо признать, обещали чистую правду.

Тиррис хорошо помнила тот день. Ее день. Обряд проводился для одного человека за раз, с перерывами чуть ли не на несколько суток. И она была последней, ожидая своей очереди почти полтора месяца. Было трудно гнать от себя надежду на скорое избавление от

страданий, как советовали старшие, уже прошедшие посвящение прибоженные. Тиррис казалось, что нужно поступать совсем наоборот, молиться о будущем как о желанном и драгоценном даре, но когда она начинала заговаривать об этом, видела только улыбки, думала, что над ней смеются, и обиженно замолкала, замыкаясь в себе. А если бы взгляделась в лица рассказчиков внимательнее...

— Настолько великое, что не всякий человек способен его вынести?

На день посвящения кумирня всегда закрывалась для прихожан и прочих любопытствующих. Собственно говоря, кроме избранной и тех, кто проводил обряд, туда вообще никто не допускался. Может быть, для сохранения тайны. Может быть, для придания происходящему большего значения. Сама Тиррис не почувствовала ничего особенного, входя в главный зал, шагая по камню полированного временем пола и останавливаясь ровно посередине. Лицом к статуе, изображавшей перетекающих друг в друга мужчину и женщину.

Не было никаких убранств, свидетельствующих о торжественности происходящего. Не звучала музыка вроде той, что в кумирне играли по празднествам. Вообще не слышалось ни единого звука, как будто люди, в странном порядке стоящие вокруг прибоженной, ожидавшей посвящения, сами были бездыханнее статуй. Даже воздух словно остановился и замер, боясь потревожить точеные складки мантий.

А потом вдруг грянула буря.

Они взвыли все сразу, в один и тот же миг, словно кто-то сторонний подал им знак. На разные голоса, на разные лады, крича куда-то под высокий купол, чтобы крик отразился, оттолкнулся от резных сводов и упал вниз струями невидимого дождя...

Это были слишком тяжелые капли. Стальные. Каменные. Тиррис помнила, что стояла на ногах недолго, может, всего лишь пару вдохов, а потом скорчилась на полу, безуспешно стараясь защититься от незримых побоев хотя бы голову. Она попробовала сжаться в комок, но какая-то неведомая сила потянула ее руки и ноги в стороны, распластывая, как рыбину со вспоротым брюхом, и подставляя уже беззащитное лицо тому, что рушилось сверху.

Можно было видеть лишь потолок кумирни, такой же далекий и темный, как небо позднего вечера, но без малейшего намека на звезды. И она смотрела. Смотрела во все глаза, потому что не была способна заставить шевелиться даже собственные веки. Тело перестало подчиняться своей исконной хозяйке. Если бы оно еще и перестало чувствовать...

Раз за разом Тиррис пронизывала дрожь, удивительным образом совпадающая своими пиками с тем, как взывал время от времени хор прибоженных, и в такие мгновения чудилось, что плоть вот-вот разорвется, ведь ее тянут в две совершенно разные стороны. Мнут, как тесто, то сдавливая, то растягивая. Неужели потом последует огонь печи?

Но нет, вместо жара пришел холод. Стылый покой каменных плит, жесткой постелью подложенных под измученное тело. Песни без слов, должно быть, оборвались намного раньше, потому что, когда прибоженная поняла, что вновь владеет собственным телом, в кумирне царила настоящая, а не поддельная тишина. И точно так же тиха была отныне и навеки плоть Тиррис, еще совсем недавно изнывающая от боли. Но та боль словно позволяла чувствовать жизнь во всей ее полноте, а наступивший смиренный мир больше походил на...

— И не всякий выносит.

Слова торговца прозвучали с заметным сожалением, так, будто он все это время слышал мысли Тиррис, и не просто слышал, а присутствовал с ней там, в прошлом. Каждый час. Каждый вздох. Но, конечно, это было всего лишь наваждением. Туманной дымкой, ненадолго повисшей над прилавком с тугими шелковыми рулонами. А еще одна дымка,

впрочем, вполне осязаемая, вдруг опустилась на плечи прибоженной.

— Позвольте сделать вам подарок. Не знаю, разрешается это или нет... Неважно. Вы достойны той красоты, которую так тонко чувствуете.

В первый миг Тиррис пожалела, что принятый обет не позволяет произнести даже нескольких слов в благодарность, но тут же поняла: сказать нечего. Нахлынувшие воспоминания принесли с собой все что угодно, только не слова. Чувства. Образы. Ощущения. И разве этого мало, чтобы быть частью мира, в отличие от людей изначально лишённого дара речи?

Если бы прибоженная нашла в себе силы спросить, Логр Тори подтвердил бы: не мало. Скорее, больше чем нужно. Язык очень часто лжет, чувства — почти никогда.

То было странное желание. Искреннее, горячее, почти отчаянное, но все же странное. Как можно по доброй воле вдруг взять и захотеть чувствовать чужую боль лучше своей собственной? А вот ученик лекаря раздумывал недолго, когда наставник в сердцах отругал его за пренебрежение к нуждам больного. К нуждам старика, в теле которого доживал очередной век демон.

Что ни говори, а желание вспыхнуло в прыщавом юнце как раз вовремя. В тот самый день, когда Логр Тори собирался попрощаться со старым пристанищем своего духа и попытаться найти новое. Угодить новому хозяину оказалось легко, вот только на следующее же утро ученик покинул своего учителя. Боль страдающих тел оказалась слишком большим испытанием для новоявленного одержимого. А вот то, что творилось в сознаниях...

Так он и попал в услужение к купцу, а потом стал равноправным участником торговли. Не составило никакого труда прочувствовать тайные потребности то одного, то другого важного и нужного человека, дальше оставалось лишь помочь их удовлетворить. Да, не всякий раз удача приходила на сторону Логра Тори, но годы шли, опыт копился, и для нынешнего торговца шелком больше не существовало закрытых дверей, разве что кроме одной, ведь до Янны Лири он так и не успел добраться вовремя.

Дневник наставницы хранил очень многие части ее души, но все же не давал ответа на главный вопрос: почему? Зачем ей понадобилось пытаться воплотить божество здесь, в чужом и чуждом мире? Не была ли эта попытка обречена на неудачу заранее? Или это Всеединый счел старания своей дочери святотатственными и оборвал нить ее жизни своими руками?

Как бы то ни было, Логр Тори дал себе слово закончить труд наставницы. Исполнить ее последнее исступленное желание низвести божественное на землю, но только иным путем. Впрочем, он и не мог повторять ее шаги в точности. Янне Лири требовались уединение, чистая юная душа и вера, которой хватило бы не только на двоих, а и на куда большее количество человек. У Логра не было ни того, ни другого, ни третьего. Одиночество ему опостылело еще в родном мире, а знаний и уверенности было явно недостаточно, чтобы привить местному ребенку веру в чужого бога.

Да и зачем все поминать Всеединого, если здесь имеются свои обитатели небес?

* * *

Глаза Кано Кири походили на черные агаты, заманчиво блестящие и совершенно непрозрачные для взгляда, желающего узнать, о чем думает приземистый сухонький старичок, перекатывающий с ладони на ладонь кучку шелковых коконов, пепельно-серых и желто-жемчужных, таких похожих на тот, что открывает любому страждущему «врата мечты». Логр Тори потому и стал торговать шелком: однажды увидев призрак самой

драгоценной вещи родного мира, не смог попроситься с ним навсегда. И хотя здешние бабочки не обладали никакими чудесными свойствами, кроме красоты, в глубине души все-таки верилось: есть и другой обратный путь домой, тот, что не заставит память потускнеть, а чувства выгореть.

— Неужели весь товар уже распродан, если ты так быстро захотел увидаться со мной вновь?

Кано Кири был по меньшей мере умным человеком. Пусть он не умел чувствовать своего собеседника изнутри, но, казалось, ему было вполне достаточно того, чем обходились обычные люди: слуха и зрения, чтобы проникнуть в тайные намерения другого. Впрочем, слишком далеко он благоразумно не заходил никогда.

— Нет, мой друг. Тем не менее я хочу предложить тебе новую сделку.

— Звучит слишком таинственно, чтобы соглашаться, не услышав всех подробностей.

— Подробности будут, если пожелаешь. Но тогда сделка превратится в соучастие.

Агатовые глаза собирателя шелковых коконов сузились до щелок, но посверкивать не перестали.

— Опасные речи я слышу. Весьма опасные.

— Я не заставлю тебя рисковать. Если ты сам не захочешь.

Кано Кири лукаво улыбнулся:

— Говорят, что юному рисковать проще, чем старику, но мне видится обратное. Что я могу потерять? Всего-то несколько лет жизни в окружении болезней и немощей.

— Свое доброе имя.

— Мне некому передать эту доброту. Ты знаешь.

Логр Тори конечно же знал. Но решил обратиться за помощью к старому хитрецу не только из-за отсутствия у того наследников. Ко всем прочим своим неоспоримым достоинствам Кано Кири был чужеземцем и молился вовсе не Богу и Боженке.

— В твоём хозяйстве найдется несколько пар сноровистых рук и отчаянных голов?

— Ищущий да обрящет.

— Это должны быть смелые и сильные люди, умеющие выполнять приказы и не знающие пощады.

— Я не генерал, и в моем распоряжении нет армии, — притворно посетовал собиратель коконов, — но я понимаю, кто тебе нужен. Есть такие люди.

— Я заплачу им. И заплачу тебе. Сколько скажешь.

— Твои речи решительны. Таковы ли твои намерения?

— Я достигну своей цели. С помощью или без.

Кано Кири помолчал, перекатывая коконы в ладони.

— Достойная цель всегда собирает достойных людей вместе. Я не буду спрашивать, что ты задумал. Помощь другу не требует ответов на вопросы.

Он не мог поступить иначе, этот старый разбойник, отяготивший свою душу не одним десятком смертей. Логр Тори заранее знал все наверняка, но, к счастью, давным-давно уже разучился стыдиться своих возможностей, иначе не смог бы поднять на собеседника взгляд.

План состоял всего из двух шагов, правда, каждый был по-своему сложен. Для начала нужно было заполучить исходный материал, как его называла Янна Лири. Человеческое тело, способное вместить в себя демона и, главное, пронизанное особым сознанием. Наставнице было проще, она сама созидала будущий храм. Логр Тори мог довольствоваться только готовым, а кто подходил на роль будущего божества лучше, чем прибоженный?

Разговор с молчаливой обитательницей кумирни многое прояснил. К примеру, то, что посвящение — не просто красивая сказка о единении человека и бога, а нечто большее. Своего рода магия, применяемая к прибоженным с какой-то определенной целью. Чтобы уберечь от боли? Возможно. Посетив чужое прошлое, Логр Тори решил, что он сам не хотел бы так страдать и уцепился бы за любой шанс обрести покой. И посвящение, несомненно, помогало, правда, прибоженная почему-то сравнила его чуть ли не с казнью. Со смертью, наступившей до срока.

Кристалльно ясным было только одно. До ритуала посвящения плоть полумужчины-полуженщины очень подвижна, а стало быть, легко подвергается изменениям, даже навязанным извне. Если же источник чужой воли окажется внутри, все должно будет случиться еще проще и надежнее, в этом Логр Тори не сомневался. А таким источником мог стать только демон. Вернее, два демона, ведь здешних божеств было двое.

Ученик не собирался идти по пути своей наставницы. И хотя он не боялся пожертвовать собой, предпочитал принести в жертву других, потому что кто-то непременно должен был следить за происходящим превращением. В этом была главная ошибка Янны: отсутствие контроля. Она хотела обойтись своими силами и просчиталась. Растерялась, потеряла почву под ногами, испугалась — причин неудачи могло быть много. И рядом не нашлось никого, кто сумел бы подхватить, поддержать, направить...

Логр Тори даже не помышлял о проигрыше. Все должно было получиться. Боги должны были ступить на землю, как того желала наставница. Что произойдет потом, одержимого не волновало. Скорее всего, этот мир ждала гибель, намного более страшная, чем то, что случилось в заброшенной дозорной башне, но такой расклад отчасти даже радовал. Если не станет мира, в который ведут «врата мечты», кто знает, может быть, Всеединый сжалится над своими заблудшими детьми и вернется домой?

О том, что у бога могут найтись и другие испытания для своих чад, Логр Тори тоже не думал. Потому что все его мысли теперь занимала охота на прибоженных.

И сейчас...

— Я не смог ее защитить.

За кисеей занавески лениво проплывали сочно-зеленые поля. Начало лета — не время для полевых цветов, сияние весны потухло, теперь еще месяц или больше ждать, пока

природа перейдет в пору зрелости, расцветая, как супруга, сошедшая с ложа первой брачной ночи...

Тьфу. Я когда-нибудь перестану об этом думать?

Занятые переделом так внезапно высвободившейся из рук землевладельца власти, сереброзвенник, Рофи и Эби тем не менее нашли время узнать наши нужды, а главное, возможность их удовлетворить. Хотя коляску и возницу, разумеется, давали с условием возврата, как только прибудем в удобное нам место. Путешествие на колесах обещало быть куда более долгим, чем прыжки из портала в портал, но демон наотрез отказался воспользоваться этим средством перемещения меж городами и весями. Сказал, что состояние тела не позволяет. Я согласился с его доводами, и теперь мы держали путь куда-то на северо-восток от Руаннаса.

Только бы не на встречу с очередным приятелем детства!

— И никто бы не смог.

Демон лежал в ворохе подушек, глядя куда-то в угол справа от меня. Девичьи черты оставались бесстрастными даже тогда, когда коляска наезжала на камень и сотрясалась, хотя каждое такое происшествие должно было причинять телу Лус боль. Не невыносимую, но достаточную для того, чтобы кривиться. А раз ничего подобного не случилось, можно было сделать лишь один вывод. Неприятный.

— Еще болит?

— Да.

Прозвучало равнодушно, как я и ожидал.

— Сильно?

Он догадался, к чему я клоню, и вздохнул.

— Это не имеет смысла. Понимаешь? Телу больно, наверное, очень. И я могу чувствовать его боль. Но точно так же могу и...

— Отстраниться?

— Вроде того. Оно как одежда: сидит плотно, но все же не становится частью меня.

— И все, что с ним происходит, ты принимаешь как...

Глаза Лус страдальчески закрылись.

— Не надо. Ладно? Не продолжай. Нет никакого удовольствия чувствовать боль человека, которого насилуют, пусть болит только тело, а не душа. И да, если хочешь знать... Я тоже пытался этого не допустить. Не получилось.

Неужели? Вспоминая резню во дворе дома верховного бальги, как-то не могу поверить в неудачное сопротивление.

— Пытался?

— Как мог. Но оказалось, что стараний мало.

— Ты умеешь драться.

— Я — да, — согласился демон. — А вот это тело... Оно не создано для борьбы. Ни в малейшей степени.

— Но разве, когда вы получаете власть в свои руки, этого недостаточно, чтобы...

Лус снова открыла глаза. Виновато-печальные.

— Я не могу воспользоваться тем, чего нет. Ты воин, и потому наши силы объединились. А девушка... Ее тело послушно, это правда. Но что толку в послушании, если рука слишком тонка и хрупка, чтобы удержать оружие?

Занятно. Значит, успех исполнения того или иного желания зависит не столько от

могущества демона, сколько от того, обладал ли сам человек до того необходимой силой, смелостью, знаниями и всем прочим? Со мной все понятно: мне нужно было остаться в живых, и я не гнушался запачкать руки в крови, добиваясь поставленной цели. А как насчет других одержимых?

Первым, кого я встретил, был недалекий пастух, помешавшийся на сказках о героях. Силы у него точно было хоть отбавляй! Прибоженная, захотевшая стать целой? Она точно знала, что мужчине нужно от женщины, и в этом был ключ к успеху. Проповедник в Катрале? Он и без участия демона умел своими речами зажигать и гасить любые страсти. Да даже тот садовник, грезящий о самом нежном в мире горошке, он ни за что не смог бы исполнить свое желание, если бы не умел копать в грядках.

Что же получается? Да-йины лишь усиливают то, чем уже обладает человек? Не привносят ничего нового, лишь помогают прорасти давно посаженным семенам?

Выходит, так. Но сколько же тогда семян затаилось в охотнике за демонами? Подумать страшно.

И все же необязательно ждать чуда, чтобы постараться чего-то достичь. Есть и другие пути, долгие, скучные, тяжелые, запутанные, но способные привести к выбранной цели. Девушка не умела драться? Пусть. Она молода, не отмечена никакими недугами. Она — отличное поле для нового урожая.

— Ты еще сможешь ее научить. Это трудно и потребует времени, но вполне возможно.

— Да. Не спорю. Вот только... — Взгляд Лус сверкнул красноватыми искорками. — Я не хочу менять ее под себя.

Комната, заставленная диковинными устройствами. Тело, опутанное стеблями несуществующего растения. И девушка, испуганная, но не отступившая от своего намерения, потому что наконец-то узнала, что ей делать...

— Она не была бы против.

— Наверное. Ведь она пожелала жить для нас. Но...

— Есть что-то еще?

— Мои соотечественники называют вас куклами. В самом деле, ваши тела послушно следуют нашим приказам, когда желание исполняется. Мы как будто дергаем за ниточки, и вы поступаете так, как угодно нам. Но переделывать кукол вправе только кукольник. Тот, кто уже однажды их создал, а вовсе не мы.

Создатель? Один на всех или у каждого свой? Меня создавали мужчина и женщина, и подозреваю, что в решающий миг творения они не думали, ни каким я буду, ни каким они хотят меня видеть. Может быть, потом, по истечении лет, одни ожидания отпали сами собой, другие только-только народились, но в ту ночь или день, когда я начал свой путь по жизни, не было запретов и лекал. Ни единого.

Каждый из нас начинается точно так же. Но почему же тогда, становясь полновесной частью мира, мы начинаем безжалостно кроить себя по разным образцам? Почему не сохраняем свои первородные черты?

— Так думаешь только ты.

Голова Лус качнулась, словно протестуя против моего вывода:

— Может быть, те, кто пришел сюда до меня, просто не успели над этим задуматься. Или не захотели. Но как знать, вдруг мы можем покинуть ваши тела только в миг смерти именно потому, что пытались их изменить? Вдруг если бы не трогали, а довольствовались тем, чего хочет сам человек, приютивший наш дух, то смогли бы уходить и приходить по

собственной воле? Встречаться и расставаться по взаимному согласию?

Мир, населенный одновременно людьми и демонами, гуляющими сами по себе? Исполнение желаний не потому, что тебя заставляют это делать, а потому, что ты этого искренне хочешь?

Сказка. Чудесная, но все-таки сказка. Ни одна из сторон не пойдет на уступки. Ни одна не рискнет проявить слабость и опустить оружие. Человек, поймавший синюю звездочку, может желать чего-то прекрасного и доброго, особенно если не знает о том, что держит в руках. А вот демон...

— У тебя был выбор? Тогда, в самом начале? Или потом?

Веки Лус устало смежились.

— Нет. Вернее, он был, но все происходило так, что я не мог увидеть другой путь. Меня заставляли подчиняться, и я подчинился. Не добровольно. Вынужденно.

Наверное, на моем лице отразилось недоумение, и демон продолжил свой рассказ:

— Это похоже на водоворот, из которого невозможно выплыть. И чем больше барахтаешься, тем больше разбиваешься в кровь. Тебя тянет куда-то вглубь. На дно, если оно вообще достижимо. И это страшно, особенно в первый раз. Кажется, что, как только перестанешь бороться, навсегда себя потеряешь. Но теперь я думаю, что, если не сопротивляться, а, наоборот, нырнуть туда, к источнику желания, все может произойти по-другому.

— Человек и демон сольются воедино?

— Почему бы и нет?

— И что получится?

— Что-то отличное от нынешних, как вы их называете, одержимых.

— Лучшее?

— Не знаю. Но другое. Совсем другое.

Он снова положил голову на подушку, устремляя взгляд в полог, натянутый над коляской.

Желтоватое полотно, местами протертое до полупрозрачности, вымоченное в смеси жира и воска, чтобы не пропускать внутрь капли дождя. Простое. Привычное. Скучное, как и большинство вещей вокруг. Неизменное по своей сути, потому что можно взять другую материю, поиграть с количеством и составом пропитки, но назначение останется прежним: защита от воды и пыли. Но если...

— Вы можете менять не только людей.

— Как это? — покосился на меня демон.

— Давешний садовник, угостивший нас вином. Помнишь горошек, который он нам показывал?

— Да. Странное растение. Несуразное.

— Оно спасло мне жизнь.

— Каким образом?

— Высосало яд из моей крови. Оказалось не просто растением, а кое-чем большим. Живым существом, способным на поступки.

— Бред, — возразил демон.

— Если бы! Твой приятель поливал свой садик не одной только водой, поверь. А жидкости тела одержимого, даже покидая его, сохраняют в себе особые свойства. Дар изменения. Когда вы приходите в наш мир, вы приносите с собой не просто исполнение

желаний. Вы меняете то, до чего дотрагиваетесь. Творите чудеса.

— Жутковатые чудеса.

Видимо, мы оба вспомнили одно и то же. Дерево, скрещенное с человеком. Но если черты Лус брезгливо скривились, то меня посетили совсем иные чувства.

— Разные. Главное, невозможные без вашего участия.

— К чему ты ведешь?

Я давно должен был это сказать. Сразу после выхода из портала, но события, нанизывающиеся одно на другое, все никак не давали передышки, и, наверное, теперь разумнее было бы помолчать, оставив все решения при себе...

Наверное. Если бы не одна трудность.

Меня не пугала необходимость лгать, тем более врагу, но мы были нужны друг другу. И сейчас, и в ближайшем будущем. А идти вперед по дороге, вымощенной враньем, — последнее дело. Лучше уж раз и навсегда разойтись по разным лагерям.

— Если демоны уйдут из нашего мира, мы больше никогда не увидим чудес.

Напряженный взгляд переместился с полога на мое лицо.

— Хочешь сказать...

— Если я могу помешать их уходу, то сделаю это. Обязательно.

* * *

Сначала мне показалось, что он всхлипнул. Или гневно фыркнул. И только вдох спустя по коляске разнесся звонкий залиvistый смех. Девушки так не смеются, сотрясаясь всем телом и широко раскрывая рот, и, пожалуй, именно сейчас посмотрев на Лус, можно было бы заподозрить неладное. К счастью, мы обошлись без посторонних зрителей, а приступ веселья быстро закончился, хотя алые смешинки из карих глаз никуда не делись.

— Я тебя развеселил?

— И весьма!

— Может, объяснишься, что заставило тебя ржать?

Он снова фыркнул, давясь смехом, но на сей раз удержал свои чувства в узде. И ответил, всего лишь улыбаясь:

— Твоя честность.

Никогда не полагал это свойство человеческой природы смешным. Скорее, вредным. Вылезавшим на линию фронта в самый неподходящий час и портящим любую хорошую игру. Впрочем, играть с демоном в мои планы точно не входило, стало быть, бояться за исход партии не нужно. Исход, благоприятный хотя бы для меня.

— Считай то, что я сказал, предупреждением.

— Я понял, — качнулась белокурая голова. — И просто обязан сказать тебе спасибо, но... Не скажу.

— Почему? — поспешно переспросил я, надеясь, что мой вопрос прозвучал не слишком обиженно.

— А ты как думаешь? — подмигнул демон. — Мы вроде отправились спасти моих соотечественников от ужасной участи провести вечность в заточении, и один из нас вдруг меняет свое решение. Ровно наоборот всему, о чем договаривались.

— Я ведь мог солгать. И тогда, и сейчас.

Губы Лус изогнулись в лукавой улыбке.

— Думаешь? Сомнения были написаны у тебя на лице давным-давно. Едва ли не с момента нашего разделения. Я знал, что когда-нибудь ты разберешься во всем. И ждал этой

минуты.

За окном разгоралось лето, а мои виски вдруг застудил сырой осенний ветер.

Значит, ничего не изменилось? Значит, все пережитое и прожитое, все ошибки и подвиги так и не совершили главного? Я не стал другим ни на волосок?

Мои намерения ясно читали все и всегда, это верно. В Сопроводительном крыле мне с грехом пополам еще удавалось прятаться за маской безучастности, но, как только она слетела с моего лица, я стал поистине открытой книгой для каждого, кого встречал на своем пути. Можно было простить присутствие чужого носа в собственных мыслях Натти или тому же Керру, людям намного более опытным, чем я сам, однако сейчас-то напротив меня сидит юнец, научившийся в своей жизни по ту сторону мира разве что прилично драться, и заявляет, что знал обо всем с самого начала?!

Я не изменился. Ни капельки. Я такой же, каким был. И это...

Приступы удушья посещают человека либо в минуты горя и страданий, либо в минуты радости. И все же я не стал решать, первое или второе вдруг навалилось на меня, а помог дыханию задержаться еще дольше, чтобы потом первый же поток воздуха ударил в голову, как хмельное вино.

Я не изменился, а значит, смогу пройти по любой дороге. Потому что буду знать, как делать каждый шаг.

— Мне следовало промолчать? — спросил демон, и в девичьем голосе прозвенели нотки тревоги.

И продлить мою пытку на неопределенное время?

— Нет. Ты все сделал правильно.

— А мне на мгновение почудилось совсем другое.

— Не обращай внимания. Все хорошо. И теперь, когда я сказал, что надумал...

Лус грозно скрестила руки на груди:

— Не надейся. Я от тебя все равно не отойду ни на шаг.

— Да я, собственно...

Часть 4.3

Это было бы слишком просто. И слишком чудесно. Нет, путь впереди еще долгий, это я могу заявить, даже не обладая даром предчувствия. Может быть, бесконечный, если задуматься, сколько демонов принесла с собой последняя Ночь синих звезд. А еще корыстно хочется верить, что не все из них погаснут, когда...

— Хочешь оставить в своем мире чудеса? Пожалуйста. На здоровье. Я буду только за.

Врал ли он мне сейчас? Это было возможно хотя бы потому, что наши силы слишком разнились. Я легко мог уничтожить его. Да, ценой гибели девушки, пожертвовавшей собой ради нашего благополучия. И пусть она не знала, на что идет, выбирала по доброй воле, не иначе. Лус сделала свой ход, последний в партии, и передала право продолжать мне. Демон зря напомнил ее последние слова. Очень зря. Они заранее оправдывали все, что я мог совершить. И если бы пришлось...

Но если он подозревал, каков в итоге будет мой выбор, почему все-таки остался? Почему не сбежал в другое тело, более приспособленное для сражений? У него был такой шанс. Не однажды. Неужели пожалел бедняжку? Или любовь к призраку племянницы пересилила жажду выжить?

Нет. Нет. И еще раз — нет. Жаль, что я не могу читать в его душе так же легко, как он читает в моей. Но зато я всегда могу предположить:

— Ты тоже изменил свое решение.

Ладонки Лус хлопнули друг о друга.

— Молодец! Догадался. А я уж боялся, что придется много и скучно говорить.

Говорить, может, и скучно. А вот слушать бывает весьма интересно.

— Считай как хочешь, но я жду объяснений.

Демон не стал упираться:

— Первый уроженец Дайи, которого я встретил в вашем мире, не был моим приятелем или даже просто знакомым. Его имя гремело в далеком прошлом, еще до моего рождения. Но все, что мне рассказывали о Себерро Рене, вызывало только уважение, потому непонятным было его желание однажды войти во «врата мечты». Но еще более странным оказалось нежелание возвращаться.

— погоди, а где ты его встретил?

— В Катрале. В подвале хорошо известного тебе дома. Бывший верховный бальга, с почестями похороненный своим сыном, на самом деле был тогда все еще жив. Потому что носил в себе демона. И очень разговорчивого, надо признать.

Так вот откуда взялся да-йин, в конце концов попавший к прибоженному! Кто бы мог подумать! Иакин Кавалено, конечно, никогда не слыл доброй души человеком, но сделать собственного отца узником...

Впрочем, следующая фраза намного основательнее вздыбила волосы у меня на затылке:

— Ему не мешало болтать языком даже отсутствие рук и ног.

— От... отсутствие?

— Ну да. Самый верный способ не дать кому-то сбежать — это наверняка лишить его такой возможности, — скривились губы Лус. Немного грустно, однако ничуть не сожалеюще. — Но я все же немного удивился, когда увидел подарок, который ты приготовил для меня.

А вот я не задал себе вопрос, почему так поступаю. Тогда, взявшись за лопату. Просто действовал по наитию. Неужели отпечаток демона во мне был настолько силен, что вторгся даже в воспоминания? Я ведь не задумывался ни разу, ни перед одним из ударов, как будто знал, что и как следует делать. Благодарение Богу, что все это в прошлом!

В нашем общем прошлом, правда.

— Он многое рассказал мне. Наверняка где-то и в чем-то соврал. Пусть. Зато признался в главном. Он не собирался возвращаться. Ему нравилось здесь, понимаешь? Он мог порхать из тела в тело, творя все что заблагорассудится, потому что научился справляться с желаниями кукол в два счета. И все это без страха быть когда-либо наказанным, ведь никто и никогда не заставил бы его держать ответ за совершенные преступления.

— Но ты сам говоришь, что ему все-таки пришлось. Сын оказался сильнее или хитрее и...

— Я знаю, это трудно принять, — сочувственно вздохнул демон. — Но попробуй. Пожалуйста. В моем мире Себерро Рен был человеком. Одним из многих, несмотря на все достоинства. И прятал свои страсти, то ли стыдясь их, то ли боясь получить заслуженное возмездие. А здесь... Здесь все самое дурное, что в нем было, обрело свободу. Полную. Безграничную. Знаешь, что он делал, когда узнал, какое следующее тело для него приготовлено? Он смеялся. Смеялся, представляешь?! Для него все это было игрой. И не только для него.

Черты Лус вдруг стали совсем неподвижными, словно маска. Зато в глазах постепенно набирал силу огонь, имевший мало общего с алыми искрами демонического взгляда.

— Глоди прояснил все окончательно.

— Во время вашего последнего разговора?

— Нет, намного раньше. Когда угостил нас вином и выпустил язык из-за зубов.

Ну да, помню. Не самая веселая история. И не самая благопристойная.

— Я простил бы ему преследование Либбет. Хотя бы за то, что он отправился за ней даже сюда, не зная ничего о мире за «вратами мечты». Но дальше... Верю, ему трудно пришлось со старым садовником. Тем более что нет ничего более далекого друг от друга, чем Глоди и огородные заботы. У него была возможность вернуться. Когда кукла умирала. Никто не мешал уединиться так, чтобы ни одна живая душа не оказалась рядом в решающий миг. Я, наверное, поступил бы именно так. А что сделал он?

Карий взгляд требовал ответа, и я пожал плечами:

— Остался.

— Да! Остался. И не просто остался, а намеренно выбрал новое тело для продолжения жизни. Тамошний хозяин был жесток и безжалостен, но Глоди нашел ключик к его благоволению. Выращивал всякие диковинки, пока наконец не соорудил настоящую мерзость... Думаю, она пришлась по вкусу тому любителю колокольчиков.

— Его могли заставить, — предположил я, сам не понимая, зачем это говорю. Наверное, мне было отчасти жаль, что демон разочаровался в друге своей юности.

— Заставить? — Лус хохотнула снова, коротко, почти каркаяще. — Поверь на слово: это невозможно. Разве есть вещь, которая может напугать того, кого за порогом смерти ждет новая жизнь?

— А она не пугает? Эта самая жизнь? Ты говорил, что не можешь вернуться, тем не менее не боишься уйти. А он, похоже, боялся. Вы знали друг друга с детства?

— Можно сказать.

— Он был трусом? Хотя в чем-нибудь?

Демон подумал и признал:

— Нет.

— Значит, ты не все рассказал о своем мире. Или не упомянул чего-то привычного для тебя, но важного.

Брови Лус задумчиво сдвинулись к переносице.

— Перестать чувствовать. Это страшно?

— Для человека, упустившего свою любовь? Скорее наоборот.

— Стать избранным, но изгоем?

— Еще лучше! Никаких волнений, забвение, и только.

— Остается только присяга, но она... — Демон оборвал фразу и растерянно уставился на меня.

— Присяга?

— Да. Каждый «выдох», вернувшийся в сознание, обязан принести присягу на верность императору и империи. На верность до последнего дня.

И все-таки он еще такой молодой! Иначе ничему не удивлялся бы. Но может, это и хорошо?

— Хочешь, объясню?

— Давай! — Лус азартно приподнялась на подушках.

— Очень просто. Правда, просто! Здесь ты получаешь возможность делать все. Вообще все. Если не получилось с одним телом, на очереди ждут другие. Сотни. Тысячи. У кого-то из них наверняка родится в голове желание, безумнее уже исполненного тобой. А главное, ты не знаешь, каким оно будет, зато предвкушаешь... И чем дальше, тем привычка сильнее конечно же. Это как с вином, если время от времени себя не одергивать. И если не нужно каждый день нести службу. Понимаешь? — Я не удержался и подмигнул.

— Пока не совсем, — признался демон, но что-то в девичьих чертах указывало: тропинка вот-вот выведет размышления к свету.

— Каждый день — только для тебя одного. Только твой. Нет родственников, нет возлюбленных, нет долга перед кем бы то ни было. Ты принадлежишь себе и никому больше. Ты — хозяин собственной страны. Ну да, извне могут постучаться, могут больно уколоть и всякое такое, но ты в любой миг волен сбежать и построить новый дом. Для единственного жильца.

— Наверное, оно того стоит.

Вывод прозвучал весьма неуверенно. Неужели я тратил свое красноречие на неблагодарного слушателя?

— Конечно, стоит. Владеть своей жизнью от начала и до конца — подарок, о котором можно лишь мечтать.

Губы Лус сжались, расслабились и снова напряглись, словно девушка что-то прожевала. Хорошо хоть не выплюнула.

— А вот я не мечтаю. Это глупо?

Соблазн ответить утвердительно был велик, но с ним удалось справиться.

— И я не мечтаю.

— Почему?

Он спросил не из праздного любопытства: теперь, стряхнув с себя отпечатки чужих сознаний, я снова начал чувствовать обстоятельства. Как прежде. Как раньше. Но простота

выяснения причин никогда и никак не влияла на принятие решений. А помочь демону услышать то, в чем он нуждается, можно было одним-единственным способом.

Дать ответ на вопрос, заданный самому себе.

— Я не хочу что-то менять. По-настоящему — не хочу. Мир, в котором я живу, не самое лучшее, что вообще может быть, но он мне привычен. Он понятен. И постоянен, по крайней мере, пока это зависит от меня. Я чувствую, что должен защитить это постоянство.

— Например, не отпустив демонов домой?

Он не ехидствовал, как ни странно. Всего лишь уточнял. И я согласно кивнул:

— Например.

— А я хочу вернуть всех обратно, даже зная заранее, какими они вернуться...

Растерянность не красит лицо юной девушки, и Лус в эти минуты выглядела почти дурнушкой. А мне на мгновение показалось, что сквозь ее черты проступило то, другое лицо. Лицо, которое я никогда не смогу увидеть.

— Мы с тобой похожи.

— Все может быть.

— И может быть, то, что мы встретились, было не случайно.

— Кто знает. Главное, что смогли расстаться.

Он оценил мою попытку пошутить, но все равно остался серьезен. И торжественно объявил:

— Сегодня ваш мир принес мне второе великое открытие. Надеюсь, последнее, потому что еще с одним я не справлюсь.

Его слова заставили меня удивиться:

— Что еще за открытие? И какое было первым?

— Первым — то, почему я никогда не хотел быть женщиной.

— Хм.

— А второе... — Карие глаза посмотрели на меня, можно сказать, проникновенно. Совершенно неподобающе обстоятельствам. — Я только сейчас понял, почему у меня не было шанса тебя победить. И ни у кого другого.

Звучало лестно, но я никогда не был достаточно легковерным. К сожалению.

— Неужели?

Лус кивнула:

— Встречая что-то новое, ты умеешь находить ему объяснение. Не знаю, понимаешь ли, что именно делаешь, или все это происходит само собой... Выглядит все так, будто когда перед тобой возникает какая-то непонятка, ты раскладываешь ее на части. Знакомые тебе. А потом все составляешь вместе снова. И получается вроде та же самая стена, но теперь ты знаешь каждое ее слабое и сильное место.

И что тут удивительного?

— Меня этому учили.

— Этому можно научить?!

Если бы я не знал, что внутри миловидной юной девушки скрывается самый настоящий парень, то решил бы, что широко распахнутые блестящие глаза — способ меня очаровать. Только непонятно зачем. А на вопрос ответил бы...

Легко? Нет, годы под руководством наставников можно назвать какими угодно, но не легкими. Другое дело, что навыки, поначалу казавшиеся чем-то диким и непонятным, однажды прочно вошли в привычку и стали послушно работать на своего хозяина. На меня

то есть. Правда, если бы меня попросили поделиться опытом, ничего бы не получилось. Я попросту не нашел бы нужных слов.

— Можно. Меня ведь научили.

— Покажешь, как ты это делаешь?

Его интерес был понятен. И пожалуй, немного лестен. Поэтому я легкомысленно пообещал:

— Когда представится подходящий случай.

А в следующее мгновение или самое большее через два коляску, в которой мы ехали, остановил окрик:

— Эй, придержи лошадей! Приказ Смотрителя!

* * *

Возница, которого мы позаимствовали в Руаннасе, был законопослушным человеком: приказ еще звенел в воздухе, а наша коляска уже остановилась, доставив тем, кто в ней находился, маленькие неудобства. Впрочем, я сейчас не обратил бы внимания и на более внушительные телесные повреждения, чем пара синяков, потому что одно из слов неизвестного нам, зато уверенного в себе командира затмило своим смыслом все остальные.

Смотритель...

В памяти волей-неволей всплыл Блаженный Дол со всеми его обитателями, а следом возникло ощущение, весьма напоминающее чувство вины.

Я ведь бросил их, если вдуматься. И пусть мои подопечные не были несмышленными детьми хотя бы с виду, мне они почему-то вспоминались таковыми. Или излишне доверчивыми? По крайней мере, мои слова для жителей Дола всегда звучали непререкаемой истиной. А как дела обстояли здесь?

На демона прозвучавшая фраза впечатления конечно же не произвела, хотя спокойствие все же поколебала:

— Что происходит?

— Не знаю. Могу сказать только, что мы явно достигли границ чужого владения.

Рядом с коляской раздался лошадиный топоток. Поскольку животные, везшие нас, уже к этому времени стояли как вкопанные, это означало, что причина неожиданной задержки приблизилась вплотную. И в самом деле, в глухом стуке копыт, переступающих с места на место, слышались человеческие шаги, а затем полог, висящий над дверью коляски, приподнялся, и мы увидели лицо молодого человека.

Нас он разглядеть сразу и во всех подробностях не мог, как и каждый, кто заходит в неосвященную комнату с улицы, залитой ярким солнцем, но его, похоже, мало волновало, как мы выглядим, потому что прозвучал вполне ожидаемый вопрос:

— Подорожная имеется?

Я протянул незнакомцу бумагу, которой нас снабдил Натти.

Разве может быть что-то безобиднее, чем упоминание о путешествующей супружеской паре? Я тоже полагал придумку охотника на демонов удачной. С самого начала и до момента, когда парень, приказавший нашей коляске остановиться, оторвал взгляд от листка с каракулями, старательно подделанными под почерк казенного писаря.

— Чета Мори со-Литто? Муж и жена?

— Все соответственно бумагам, — подтвердил я.

Казалось бы, на этом встреча должна была благополучно завершиться. Однако вместо того, чтобы вернуть мне подорожную и откланяться, незнакомец распахнул дверцу и шагнул

внутри. Теперь его можно было рассмотреть с ног до головы, только времени на праздное наблюдение не оставалось, потому что парень вдруг странно улыбнулся, почти оскалился, и обратился к Лус:

— А ну-ка, милая, задирай юбку и раздвигай ножки!

Мы опешили. Оба. Демон, скорее всего, от того, что напрямик после недавнего насилия никак не ожидал следующего. Я же...

Не принято в пределах Логаренского Дарствия столь непозволительным образом вмешиваться в жизнь людей, если только они не обвинены в преступлении и, что самое главное, это преступление не доказано.

Обстоятельства сомкнулись в круг и тесно сжали свои объятия.

На парне форменная одежда. Неизвестного мне вида, но явно пошитая с соблюдением определенных требований. Это раз.

Именем Смотрителя вряд ли пользуются для прикрытия собственных неприглядных дел: слишком опасно. Это два.

Досмотр никогда не производят с глазу на глаз, а только в присутствии сторонних наблюдателей, дабы исключить возможность сговора, порочащего достоинство дарственных чиновников, даже самого низшего ранга. Это три.

Что в итоге?

Человек, залезший в нашу коляску, явно выполнял приказ, но в то же время преследовал свои собственные цели, а значит, равновесие его сознания шаткое. Настолько, что...

— Знаете, — глубокомысленно и как можно более отстраненно произнес я, — главным достоинством моей супруги всегда были не ноги, а голос. Слышали бы вы, как она поет! Правда, делает это лишь в добром расположении духа. А во всех прочих случаях...

К счастью, демон понял мой намек еще до того, как я демонстративно зажал уши, и воспользовался всей силой голоса, которая имелаась в его распоряжении, издав что-то среднее между визгом и свистом, бьющее по слуху не хуже, чем бич по спине.

В распоряжении незнакомца оставалось лишь два варианта действий: с силой или без нее. Первый означал бы, что он и впрямь наделен широкими полномочиями, а также достаточной наглостью. Второй, с увещеваниями и извинениями, расставил бы всех участников событий на положенные места. Но парень поступил третьим способом.

Часть 4.4

Сначала он отшатнулся, словно звуки, вылетающие изо рта Лус, поколебали не только воздух, но и твердую материю. Отступил чуть ли не на самый порог и как-то странно замешкался, будто понимал, что оставаться внутри, значит, только усиливать визг, но и выходить наружу — опасно. Тем временем девичьи легкие опустели, демон сделал многозначительный вдох, но повторять трюк с истерикой, слава Богу, не пришлось, потому что краткий промежуток наступившей тишины стал драгоценной оправой для раздраженного и все же весьма мелодичного голоса:

— Это еще что такое?

Несколько вроде бы ничего не значащих слов вызвали на лице парня гримасу, соединяющую в себе великое множество разных чувств, кроме радости. Зато услышанного хватило ему для того, чтобы наконец начать двигаться и... спрыгнуть на землю, скрываясь за тут же опустившимся пологом. Впрочем, небеленое полотно почти сразу же снова оказалось откинутым в сторону, открывая нашим взглядам новое лицо. А заодно и фигуру, показавшуюся мне подозрительно похожей на что-то виденное ранее. Собственно, только по ней я и понял, почему очередной незнакомец, вторгшийся в нашу жизнь, при всей мужественности черт вызывает сомнения в своей принадлежности к мужескому полу.

Конечно, он был безусым и безбородым, как и все прочие прибоженные, но если катральский проповедник был похож одновременно и на мужчину, и на женщину, то чтобы определить пол этого человека, пришлось бы задуматься. Особенно если раньше никогда не встречал обитателей кумирен, одетых по-походному, а не в бесформенные мантии. Хотя и его наряд не выглядел обычным, как, к примеру, у моей старой знакомой.

Длинная безрукавка, надетая поверх рубашки, была украшена вышивкой, тонкой полоской узора, от ворота спускающейся по полам, но это была не цепочка цветов или невнятных загогулин, которыми обычно любят украшать одежду. Сотни крохотных рук, попарно сцепленных пальцами друг с другом. И застежки того же вида на самой безрукавке. Наряд первого незнакомца тоже украшала вышивка, но намного более грубая, чем эта, и все же я мог поклясться, что изначальный рисунок, образец, и здесь и там был одинаков. А кисти рук, соединенные между собой...

— С вами все хорошо, эрте? — осведомился прибоженный, и в его голосе прозвучала искренняя обеспокоенность.

— Мою супругу немного взволновало... поведение вашего человека.

По скуластому загорелому лицу скользнула тень, показавшаяся мрачной даже в тенистых недрах коляски.

— Приношу извинения, эрте. Он вел себя слишком дерзко.

Любопытно. Я ожидал, что будет сказано «недостойно» или «опрометчиво». Или что-то в этом роде. Но слова прибоженного подтверждали: приказ был. Вот только исполнять его надо было иначе.

— Я не совсем понимаю...

Он вздохнул, поднялся в коляску и присел напротив меня, то есть рядом с Лус.

— Недавно в наших краях случилось то, что не должно было случаться. Простите нам нашу обеспокоенность, но для нее есть причины.

— И какие же?

— Я могу промолчать?

Чувствовалось, что он не просто не хочет посвящать меня в свои секреты, а ему самому почти больно доверять произошедшее словам. Такая таинственность не могла радовать, а значит, требовалась жесткость. Может быть, даже излишняя.

— Как вам будет угодно. Но извольте тогда зачитать приказ, согласно которому вы действуете. Приказ Смотрителя, если не ошибаюсь?

Мое требование явно не понравилось прибоженному, правда, в отличие от самостоятельности его подчиненного оно имело право на удовлетворение, причем немедленное. Если, разумеется, в этих краях чтители дарственные законы.

Свиток был извлечен из поясной сумки без особой поспешности, почти с неохотой, а развернут и вовсе с заметной неприязнью, словно приказ был писан не чернилами, а чем-то намного хуже. Впрочем, после ознакомления с его содержанием и мне невольно захотелось сплюнуть.

«Милостью Дарохранителя и мудростью его я, Роалдо Лиени со-Миц, являющийся назначенным Смотрителем поселения, именуемого Ганна-Ди, и его окрестностей, правом своим приказываю чинить тщательный досмотр каждой молодой девице, находящейся в границах поселения, для несомненного и окончательного удостоверения ее девичества. Досмотр производить любыми способами, с применением принуждения, если таковое будет необходимо. Писано в последнее десятидневье весны года 735 от обретения Логаренского Дарствия».

— Ваше любопытство удовлетворено?

— Скорее, разыгралось сильнее, чем раньше, — ответил я.

Моя честность несколько озадачила прибоженного, однако от исполнения приказа не отвлекла.

— Вы позволите? — повернулся он к Лус.

Демон взглянул на меня, словно спрашивая: «Какое безумие предпримем на сей раз?», но я спокойно разрешил:

— Смотрите.

Все действие заняло не больше минуты, учитывая борьбу с широкими юбками, после чего прибоженный шлепнул на тыльную сторону запястья девушки чернильную печать.

— Это оградит вас от нового... досмотра, — объяснил он, пока демон разглядывал чуть смазанный, но вполне различимый рисунок, изображающий все те же сцепленные пальцами кисти рук.

— Обещаете?

— То, что делаю я и мои люди, очень важно, эрте. Поверьте. Только каждый человек понимает одно и то же немного по-своему... Как в вашем случае. Еще раз приношу извинения.

Он шагнул из сумрака коляски в солнечный день, но прежде, чем опустить полог, обернулся и сказал:

— Добро пожаловать в Ганна-Ди!

— Знал бы, что тут творится, объехали бы эту деревню стороной, — буркнул демон, поправляя платье, потревоженное непредвиденным вмешательством.

Но, конечно, его слова уже не долетели ни до чьего слуха, кроме моего, потому что коляска тронулась в одну сторону, а лошади, на которых приехал отряд прибоженного, — в другую.

— Думал, в тихом месте всегда тихо?

— Да не тихо... Эта дорога самая короткая из остальных.

— Дорога куда?

— Ко второму моему знакомцу.

Я предполагал это. И опасался этого. Первый приятель да-йна едва не убил нас обоих. На что же мог оказаться способен второй?

— Не бойся, — поспешил успокоить демон, заметив на моем лице праведное сомнение. — Он другой. Не такой, как Глоди.

— Уверен?

— Глоди всегда был решительным. А этот... Этот, что называется, трус. Осторожничает, где надо и не надо. По крайней мере, осторожничал, когда мы были знакомы.

— Здесь все могло измениться.

— Да, могло, — согласился он. — И все-таки Глоди не стал другим. Он вел себя так же, как и прежде, только не заботясь о соблюдении приличий.

— Потому что не ждал наказания за проступки.

— Не ждал... Не ждал... — Демон покатал эти слова на языке, а потом вдруг уставился на меня заметно покрасневшими глазами. — Но почему? Вот вопрос!

— А откуда оно могло бы вдруг прийти, это наказание? Промыслом божьим?

Он фыркнул, хотя скорее печально, чем насмешливо:

— Нет, боги тут ни при чем. Это ведь ваши боги, верно? Какое им дело до тех, кто родом из другого мира?

Я хотел возразить, что как раз небесные владыки более всех прочих должны быть заинтересованы в том, чтобы ограждать свои владения от пришельцев, но промолчал. Потому что в чем-то демон был прав. Иначе Ночь синих звезд не повторялась бы из года в год. Иначе не гибли бы по капризной воле захватчиков десятки, сотни, а может, и тысячи людей. Иначе...

— А в вашем мире есть боги?

Он вздрогнул так, будто посреди жары мы вдруг попали под струи ледяного дождя.

— Есть.

— А они довольны тем, что постоянно теряют своих детей?

— Он, — поправил меня демон. — Доволен или нет... Никто не знает. Наш бог ушел из нашего мира.

— Как это?

— А вот так. Надоели наши проказы, вот и ушел. Куда глаза глядят.

Я представил себе усталое божество, машущее рукой и медленно бредущее по дороге прочь от толпы кривляющихся и гомонящих человечков. Картина получилась грустная.

— И как же вы живете без бога?

Лицо Лус скривилось до почти ужасающего уродства.

— Живем? Легко! Жить без своего участия он позволяет. Зато умирать...

— Не продолжай, если не хочешь, — попросил я, но зря старался: демон только шумно выдохнул, словно вместе с воздухом мог вытолкнуть из себя и нежданно нахлынувшую боль.

— Помнишь, я говорил, что не могу вернуться? Догадываешься почему?

— Угу.

— Я умер там, у себя дома. Но не просто умер. — Он сделал паузу, чтобы бесстрастно

закончить: — Меня казнили.

Это объясняло многое. И еще большее — запутывало.

Казнь обычно полагается преступнику, человеку, нарушившему законы и устои общества. Но все дни, проведенные мной в компании демона, в одном теле и порознь, уверяли: если мой знакомец и подлежал наказанию, то скорее не за какой-то свой проступок, а по чьей-то дурной воле. Тот же Глоди заслуживал намного более жестокой участи, чем получил. В конце концов, умирая здесь, он возвращался в покинутое ранее тело, а значит, любая боль, причиненная ему в этом мире, не искупала совершенные злодеяния.

— И кто тебя подставил?

Он вздрогнул снова. А еще растерянно моргнул.

— С чего ты взял?

— Долго рассказывать. Если вкратце... Я видел много людей, нарушивших закон так или иначе. Ты не походишь ни на одного из них.

— Ты никогда не думал, что можешь ошибаться?

— Никогда. Потому что времени у меня каждый раз почему-то остается ровно столько, чтобы принять решение. А ошибочное или нет... Как повезет.

— Меня обвинили в поклонении богу.

— Разве это преступление?

— В нашем мире — да. Те, кто верит во Всеединого, уничтожают тела «вдохов». Беглецов в ваш мир.

— Зачем?

— Считают, что те своим бегством восстанут против бога, поставившего границы между людьми и магией.

— То есть ваше божество против того, чтобы творить чудеса?

— Выходит, что так, — признал демон.

— Тогда... — Я поперхнулся, осознавая всю пропасть сделанного вывода. — Тогда получается, что мы с вашим богом заодно. Только мне нужно обратное. Чтобы чудеса не исчезали.

— У меня сейчас голова разорвется от твоих откровений.

— Прости.

Я отвернулся к окну и чуть сдвинул в сторону занавеску.

Вокруг все было зелено, но теперь среди деревьев мелькали разноцветные черепичные крыши то больших, то совсем крошечных домов. Ну да, мы же въехали в поселение.

— И все-таки странно, — пробормотал демон.

— Что именно?

— Если нас здесь много... А должно быть много, ведь усыпальницы есть повсюду, во всех городах... Тот, кто рассказывал мне о здешней жизни. Себерро Рен. Он истребил своих друзей, желая получить безраздельную власть. Но прежде чем все это случилось, они вместе бежали в Катралу. От кого-то более могущественного. Тебя ничего не удивляет?

— Могущественный враг никогда не позволяет своим жертвам сбежать.

— Вот! — кивнул он. — Правильно! Значит, какая-то управа находится здесь и на имперских сорванцов. Но почему бы не довести дело до конца? Если стало понятно, что мирного житья не получится, почему не принять меры вовремя? Зачем отпускать, позволять собирать силы? Ведь окрепший противник обязательно нападет снова?

В его размышлениях было много разумного. И как обычно случается, когда все доводы

правильны, они норовят противоречить действительности.

— Их отпустили, потому что не хотели уничтожать.

— Да. Скорее всего. Но зачем кому-то добровольно подвергать себя опасности нового нападения?

Может, по глупости. Может, по доброте душевной. Может, из слепой веры в собственную неуязвимость. А может...

— Чтобы не потерять что-то более важное, чем жизнь.

* * *

Коляска остановилась у трактира: об этом свидетельствовали дразнящие аппетит запахи, миглом проникшие через преграду занавесок. А когда возница заглянул к нам внутрь, аромат готовящихся кушаний стал и вовсе невыносимым.

— Сказали, здесь можно отдохнуть и переночевать. Вы уж простите, эрте, но мне пора возвращаться. Я поищу, кто вас сможет дальше отвезти, и пришлю, а уж о цене сами договоритесь.

Он выглядел виноватым, но мы и в самом деле не собирались тащить смиренного жителя Руаннаса через все Дарствие в угоду своим прихотям.

— Конечно. Благодарим за помощь.

— Да чего уж там... — Возница вовсе засмутился, подхватил сумки, которые были любезно собраны для нас под руководством Эби, и посеменял к крыльцу, где приезжих уже встречала дородная женщина, вытирающая руки о полотенце.

— Добро пожаловать! Сколько комнат вам понадобится?

— Одна, — ответил я, подхватывая Лус на руки.

Можно было обойтись и без таких широких жестов, но тело девушки, хоть и юное, восстанавливалось не мгновенно, а позволять демону разминаться у всех на глазах я бы не рискнул. Особенно зная, как он это делает.

— Поднимайтесь наверх, — указала хозяйка. — Рядом с лестницей сразу дверь, увидите. Отдохните с дороги, а я сейчас принесу для вашей женушки мясной отвар, а то она у вас такая бледненькая и слабенькая... Не кормите, что ли?

Я предпочел не отвечать, а шагать по ступенькам, благо делать это было не слишком сложно. Как раз в силу изящных размеров Лус.

Питье в чашке, опустившейся на стол почти одновременно с тем, как я водрузил свою ношу на кровать, благоухало так, что и мне захотелось попробовать, но демон скорчил страдальческую рожу и пролепетал:

— Я так устала... Дорогой, не оставишь меня ненадолго в одиночестве?

— И то верно, — поддержала мою «супругу» хозяйка трактира, скользнув взглядом по печатке на запястье Лус. — Бывают такие минуты, которые женщине надо проживать одной. А чтоб не скучать без жены, отужинайте!

Предложение было хорошим, грех не согласиться. И все же из комнаты я вышел последним, позаботившись о том, чтобы демон и впрямь занимался своими делами без свидетелей.

Мясными кушаньями стол не был богат, но пара ломтей сырокопченой ветчины мне все-таки досталась. Вместе с сыром, густой крупяной похлебкой и кружкой вязкого, как сироп, эля. Многочисленными посетителями трактир не блистал: кроме меня за длинным столом, только в другом конце зала, сидели две женщины. Вернее, девушка, почти девочка, русоволосая, тоненькая, чем-то до полусмерти испуганная, и смуглая южанка с грубоватыми

чертами, годящаяся своей спутнице в матери, но на деле исполняющая обязанности служанки.

Причину постоянных вздрагиваний и потупленного взгляда девушки я определил сразу же, едва та подняла руку, чтобы поправить волосы. Тот же рисунок, что и у Лус. Значит, малышка подверглась такому же унижению, а может, и еще большему, если до сих пор дрожит.

Трактирщица проследила направление моего взгляда и скорбно вздохнула:

— Дурно все это, эрте. Очень дурно. А куда деваться?

Ей явно хотелось поговорить, а раз других охочих до беседы нет...

— Согласен. Не для того мы ехали из большого города, чтобы в тихом уголке подорвать душевное здоровье.

— Ой, не говорите! Давно уж у нас ни тишины, ни покоя нет.

— А с виду не скажешь.

Она присела напротив и уперлась локтями в стол.

— С виду все кошки на одну морду. Пока руку не протянешь погладить.

— Может, вы знаете, что происходит? С чего вдруг понадобилось подвергать всех молодых женщин такой странной проверке?

Трактирщица понизила голос, наклоняясь ко мне:

— Говорят, сбежали они.

— Кто?

— А те, которые и мужчины, и женщины.

Пока происходящее понятнее не становилось.

— Куда сбежали?

— А кто ж их знает? Подальше от кумирни, это точно.

Всякое бывает. Только какой смысл бежать от того, что приносит тебе и твоей семье заслуженный почет и уважение?

— Но зачем?

— Вот прибоженные и хотят узнать. Потому и ловят беглецов.

Ах вот оно что! Тогда смысл проверки понятен. Вызывает вопросы только способ проведения.

— Своими силами ловят?

— А то кто же? По всему поселению рыскают. И вокруг, куда могут дотянуться.

— И трясут при этом приказом Смотрителя. А сам он где?

— У себя. Сейчас уж поживает, наверное, — простодушно ответила женщина.

— А разве он не должен следить за исполнением собственного приказа?

— Так на то стражи божьи есть. Они и следят, и исполняют. Или сначала исполняют, а потом следят.

Где-то я подобное уже слышал. Только были там не «стражи», а «слуги», причем весьма далекие от дел божественных. А здесь, похоже, все наоборот.

— Чинят насилие?

— Да Боженка с вами, какое насилие? — всплеснула руками трактирщица. — Они ж согласно приказу, и только. А приказ Смотрителя для нас все равно что закон.

— Для вас. Местных жителей. А как быть с остальными?

Я довольно смутно представлял себе обязанности попечителя Блаженного Дола, потому что мне никто ни разу не соизволил перечислить их более или менее внятно, но все же догадывался, что безграничная власть Смотрителя распространялась лишь на тех, кто живет в Доле, а не на тех, кто бывает в нем проездом. Мое дело было — пускать чужаков или нет, а если пустил, следить, чтобы ни одной из сторон не был нанесен ущерб. Здешний хозяин, как видно, пускает к себе всех, уравнивая в обязанностях подчиняться. А в правах?

— Остальными? — переспросила женщина, недоуменно приподнимая брови.

— Да. Проезжими. Путешественниками. Торговцами. Теми, кто появляется в Ганна-Ди на несколько дней, а может, всего на пару часов.

Она не задумалась над моим вопросом. Даже не попыталась принять задумчивый вид, однако по чертам лица, неожиданно застывшим, можно было предположить, что трактирщица внезапно вспомнила или осознала нечто важное. Но, похоже, делиться своими открытиями со мной вовсе не собиралась.

— Мы должны полностью подчиняться здешним правилам? Или все-таки имеем право чтить традиции родного края?

В самом деле, найти верный ответ было трудно. Опыт службы в Сопроводительном крыле, увы, не помогал разбираться в подобных тонкостях. Совершенно точно я знал только одно: были законы общие, а были и частные. Общие действовали на всем протяжении Дарствия, то бишь на дорогах и вблизи них. Однако стоило дороге войти в границы поселения, обстоятельства менялись. Если, конечно, местные жители заранее о том позаботились. Так, перед самыми воротами Веенты человек был вправе применить силу для защиты своего тела и скарба, но стоило пересечь черту, отделяющую город от прочих земель, даже оружие надлежало сдать на хранение. От греха подальше. Возможно, и здесь, в Ганна-Ди, существовали свои правила жизни и смерти. Вот только никто не спешил нас о них оповестить.

Говоря строго, даже тот досмотр не мог производиться на месте, без личного присутствия Смотрителя, как представителя дарственной власти. Нам должны были вручить предписание явиться в определенное место, на крайний случай — сопроводить коляску, дабы исключить возможность побега, но не лезть под юбку. Тем более руками человека с весьма странным чином.

Стражи божьи, говорите? М-да.

— Уж вы спросили так спросили... — протянула трактирщица. — Не моего ума это дело, эрте. Вы лучше себе кого другого для разговора найдите.

Она поднялась с лавки и удалилась в кухонную пристройку, но почему-то несколько раз обернулась, словно проверяя, остаюсь я на своем месте или нет. И мне не слишком понравился этот настороженный, изучающий взгляд.

После Катралы и Руаннаса трудно было удивляться любому положению вещей, но то, что происходило в Ганна-Ди, тоже не укладывалось в привычные рамки. Если здешнему краю назначен Смотритель, а не Наблюдательный дом в полном составе, значит, поселение небольшое. Зато имеет свою кумирню. Такие набожные люди? Пусть. Это их право. Вот только откуда взялось целое войско на страже веры?

Их было по меньшей мере пять человек, если я правильно отделил звуки лошадиных шагов друг от друга. Форменная одежда, одинаковая для всех, в наличии, а значит, имеется «мундирное» обстоятельство, и оно важнее прочих. Если есть форма, есть начальники и подчиненные, но это лишь полбеда. В Блаженном Доле даже на граничной заставе дежурили по жребию сами жители, и они чувствовали ответственность за правые и неправые поступки перед своими родными, друзьями, соседями. Солдат же отвечает за свои грехи только перед командиром. А командир, если обладает внушительной армией...

Не отвечает ни перед кем.

Я уже видел подобную армию. Совсем недавно. Конечно, она была немногочисленна, но для Катралы ее хватало с лихвой. А ведь границы города становились для бальгерии все уже и уже с каждым днем. Нужен был только толчок, удачное стечение обстоятельств, чтобы река прорвала плотину и выплеснулась наружу. На другие земли и города. И неважно, к праведной цели устремились бы бесстрашные воины или вершили злую волю своего командира: любое упорядоченное общество, расширяясь, старается установить свой порядок для всех вновь прибывших. И чаще всего насилием, а не уговорами.

На улице вдруг стало шумно от голосов и стука копыт, а минуту спустя в трактир ввалились именно те, о ком я размышлял. Пятерка стражей божьих. И сейчас, когда не требовалось стремительно принимать решения и еще быстрее действовать, можно было рассмотреть шумную ватагу внимательнее.

Все они были молоды. Лет по девятнадцать, а то и меньше. Несовершеннолетние? Занятно. Значит, кто-то должен их опекать. И разумеется, думать вместо них самих, подменяя советы и уроки приказами. Ловко придумано. Очень ловко.

Разномастные: кто темнее, кто светлее, а один и вовсе напомнил мне рыжиной шевелюры блаженнодолыинцев. Довольно крепкие, с учетом возраста. Движения порывистые, как и полагается, ни один не стоит на месте больше пары вдохов. Мальчишки, что с них взять? Но мальчишки, уже достаточно хорошо сознающие свое превосходство над остальными, а вот это плохо.

Да, украшенное вышивкой подобие мундира приносит с собой уверенность и значительность даже в самую пустую голову. И кто-то либо очень хорошо это понимает, либо удачно догадывается, раз обрядил подростков в специально пошитую одежду с отличительными знаками. Но зачем кому-то в тихом и мирном краю вдруг понадобилась армия?

— Хозяйка, найди нам что-нибудь перекусить!

О, а вот и начальник. Не главный по-настоящему, иначе не случалось бы самовольств вроде того, с досмотром. Но все-таки его слушаются. И расступаются, когда он проходит вперед. Вернее, он-она.

Сейчас, с дороги, прибоженного было совсем непросто отличить от обычного человека: усталые, чуть запыленные черты утратили остатки милостивой мягкости, а складки изрядно мятой одежды скрывали плавность линий фигуры. Если бы я не видел его раньше, принял бы за настоящего мужчину. Хотя...

Как они вообще становятся прибоженными? Говорят, в раннем детстве двуполость невозможно заметить, значит, все оказывается явным уже потом, когда девочка привыкает считать себя девочкой, а мальчик мальчиком. И похоже, этот от рождения был парнем, пока...

Брр. Не представляю, каково это, в один прекрасный день обнаружить, что твое тело не такое, как у других. Наверное, можно сойти с ума.

— Сейчас-сейчас! — бодро откликнулась трактирщица. — Обождите минутку, только в погреб спущусь!

Стражи божьи начали бродить между столами, но я смотрел совсем в другую сторону. На девочку и женщину, заметно напрягшихся при появлении шумной пятерки. Если русоволосая малышка просто замерла как статуя, остановившимся взглядом упершись куда-то в стену, то ее спутница прожевала губами что-то весьма похожее на проклятие, встала, взяла свою подопечную под руку и повела к лестнице. Я чуть подумал и отправился следом за ними, заодно убедившись, что по комнатам мы — соседи.

Лус лежала на кровати, и распушенные шнуры корсажа говорили о том, что либо разминка потребовала больше сил, чем имелось в теле, либо слишком сытный мясной отвар разморил голодную девицу еще до начала всех занятий.

— Как самочувствие?

— Неплохо. Совсем неплохо, даже удивительно, — ответил демон. — Все-таки молодость есть молодость.

— Можно подумать, ты был стариком там, у себя дома.

Карие глаза прищурились.

— Наверное, нет. По нашим меркам. Но мне почему-то казалось иначе.

— Суставы скрипели? Кости ныли? Тело раздавалось вширь?

— О себе говоришь сейчас? — ухмыльнулся демон.

— О признаках приближения старости.

— Ну-у-у, такого не помню. Мне просто было скучно.

— Скучно жить?

— Ага.

Ответ был честным, но потому и вызывал удивление, которое я не собирался скрывать:

— И это при всех-то ваших чудесах?

Лус села и начала зашнуровывать корсаж, правда, весьма неторопливо.

— Чудеса быстро надоедают, особенно если видишь их вокруг с самого детства.

Согласиться не могу. Зато возразить — пожалуйста!

— Больше всего надоедает безделье.

Демон хмыкнул:

— Делать мне и правда было нечего.

— Совсем-совсем? Не верю.

— Можно было пойти на императорскую службу, — осторожно сказал он.

— Чего ж не пошел?

Вздых, слетевший с губ Лус, казалось, нес в себе скорби всего мира. А может, двух миров сразу.

— Да все как-то...

— Не хотелось?

Белокурая голова качнулась в утвердительном кивке.

— В сущности, между мной и Глоди не такая уж большая разница. Я тоже не видел себя в чем-то подчинении, а тем более на каждодневной службе. Это казалось мне еще более скучным, чем моя обычная жизнь.

— В которой были одни только удовольствия и развлечения...

Он посмотрел на меня с недоумением:

— Осуждаешь?

Хм. Разве? И в мыслях не было. Зато те же самые мысли, как ни трудились, не могли себе представить беззаботную жизнь, лишенную каких-либо правил и каждодневных обязанностей. Я мог чувствовать себя как угодно, находясь на службе и в короткие часы отдыха, но только не скучал. А вот когда все вдруг оборвалось...

Наверное, то была еще не настоящая скука, а ее преддверие, но она мне не понравилась. Совершенно.

— Нет. Но понять не могу.

— Потому что всегда жил иначе, да?

— Вроде того.

Лус снова вздохнула:

— Получается, что мы все-таки очень разные.

Подтверждения сказанному не требовалось, но я почему-то кивнул:

— Да.

— Интересно, почему же нам тогда удалось договориться друг с другом?

Вопрос предназначался не мне, а скорее, улице за окном. Тихой вечерней улице, постепенно погружающейся в сумерки. Улице, на которой не было слышно ни...

За стеной что-то стукнуло. Потом зашуршало и заскрипело. Или завывало?

— Буйные у нас соседи.

Можно было бы согласиться с таким выводом. Если бы не посчастливилось видеть этих самых соседей несколькими минутами раньше.

— Что-то там не так.

— Хочешь посмотреть?

Наверное, я бы с легким сердцем ответил отрицательно, если бы в этот момент за стеной не раздался звук, похожий на падение довольно увесистого тела.

— Да пойдя уже! — предложил демон.

Возможно, разумнее было бы тихо сидеть в своей комнате, но, если рядом и впрямь что-то происходило, события могли перекинуться сюда, застав нас врасплох. А действовать обдуманно, заранее подготовившись к обстоятельствам, всегда предпочтительнее, чем переть напролом, слепо надеясь на везение.

В коридоре никого не было. За дверью соседней комнаты тоже все вроде смолкло. По крайней мере, подойдя и прислушавшись, я не уловил никаких подозрительных звуков. Но именно эта тишина и настораживала больше, чем шум борьбы. Умерли там все, что ли?

Замок оказался не заперт, и когда я толкнул дверь, она распахнулась, открывая вид на примерно такую же комнату, в которой поселили супружескую чету Мори со-Литто, с той лишь разницей, что кроватей было две, и на одной как раз лежала русоволосая девочка... С закатившимися глазами, из которых вместе с сознанием уползал явственный страх.

Впрочем, едва наметившаяся грудь под тугим лифом платья все же дрожала в прерывистом дыхании. А причина испуга, по всей видимости, доведшего малышку до обморока, валялась рядом. У кровати. На полу. С проломленным черепом.

На убитом был надет форменный мундир с вышивкой из переплетенных рук. И судя по темным волосам, избежавшим единения с кровью и кусочками мозга, это был тот самый парень, что совсем недавно страстно желал учинить досмотр моей «супруге».

Убийца стража божьего находился тут же, стискивая в пальцах что-то вроде статуэтки, деталей которой было не разобрать из-за темно-красных пятен, обильно запятнавших дерево. Что ж, происходящее вполне очевидно: давешняя смуглая служанка, похоже, накинулась на парня со спины, ударив первым, что подвернулось под руку. Защищая свою хозяйку? Скорее всего. Но от какой напасти?

Прибоженный оказался позади меня совершенно бесшумно: я почувствовал его присутствие, только когда чужое дыхание ткнулось мне в затылок. А на следующем вдохе он-она шагнул в комнату, вырвал у служанки оружие убийства, метнулся к окну, распахнул ставни еще шире, чем они были раскрыты, и зашвырнул статуэтку куда-то в сгущающиеся сумерки. И надо сказать, успел все это проделать вовремя: за мгновение до того, как в дверном проеме появились четверо остальных стражей божьих.

— Он выпрыгнул в окно! Скорее! Обшарьте окрестности, пока он не успел далеко уйти!

Парни подчинились приказу, хотя по их лицам было видно, что смерть товарища стала для всех первым большим потрясением. А когда четыре пары ног протопали вниз по лестнице, прибоженный зачем-то выглянул в коридор, словно хотел удостовериться в отсутствии свидетелей, плотно прикрыл дверь и сказал, понижая голос чуть ли не до шепота:

— Это был незнакомый вам человек, одетый в черное. Вы видели его только со спины, когда он выпрыгивал из окна. Понятно?

Наверное, ответить утвердительно могла бы только девушка на кровати. Если бы находилась в сознании. Что же касается меня и служанки, мы оба уставились на человека, пытающегося представить события иначе, чем те происходили, а заодно вовлечь в это всех невольных участников. Но если смуглокожая южанка лишь молча смотрела на прибоженного исподлобья и в темном взгляде невозможно было прочесть ничего, кроме мрачной решимости, то я позволил себе наигранно удивиться и уточнить:

— А их точно было не двое?

Он-она с первого же слова понял, что легко не отделается, какую бы странность ни задумал сотворить. Но, к его чести, не стал злиться, а настойчиво повторил:

— Незнакомец. В черном. Поспешивший сбежать сразу же после убийства.

— Я должен рассказывать всем именно эту чушь?

— Если не хотите неприятностей.

Занятно. Казалось бы, наоборот, неприятности должны были свалиться на меня за укрывание правды о случившемся. Тем более что убит не абы кто, а человек, находящийся на некоем особом положении. Все равно как если бы во время службы на моих глазах убили проводителя, а я бы вдохновенно врал, что не видел убийцу.

— Убедите меня.

— Вы не понимаете? — Прибоженный чуть побледнел. — Если все мы не будем говорить одно и то же, дело может закончиться обвинением в убийстве. А знаете, что обычно происходит потом?

— Обвинение требует доказательств. К тому же... — я еще раз присмотрелся к лежащей на кровати девушке, — ни она, ни ее служанка, ни я не живем в Ганна-Ди, а значит, наши проступки будет разбирать кто угодно, только не местная власть.

Он-она собрался было возразить, но почему-то осекся и внимательно взглянул мне в

глаза. Что прочиталось в моем взгляде, я не знал, только прибоженный вдруг кивнул:

— Я объясню. Все. Но сейчас вы должны повторять именно то, что я сказал. Когда вас спросят.

Больше настаивать не имело смысла, и я согласился, правда все-таки подбавив в голос немного сомнения:

— Договорились.

Он-она еще раз кивнул и вышел в коридор. Когда шелест его шагов затих где-то у подножия лестницы, я спросил у южанки, указывая на мертвое тело:

— Он собирался причинить вред вашей спутнице?

Убийца судорожно дернула головой и вдруг залилась слезами. От суровой и бесстрастной женщины, какой я запомнил ее по ужину, странно было ожидать внезапного проявления чувств, но, видно, появление стража божьего стало слишком неожиданным и чудовищным. Для обеих.

Часть 4.6

— Ну успокойтесь! Все позади. Надеюсь, что позади.

— Девонька моя...

Служанка присела на постель рядом с русоволосой малышкой, провела рукой по страдальчески запрокинутой голове, и ласковое прикосновение совершило чудо: девушка вздрогнула, а потом доверчиво расслабилась, и веки опустились, создавая впечатление спокойно спящего, а не насмерть перепуганного человека.

— Что именно он хотел сделать?

Обращенный на меня взгляд полыхнул прежней темной сталью.

— Сказал, что не закончил досмотр. Сказал, что хочет продолжить.

— Невзирая на печать? — Я приподнял манжет на рукаве платья.

— Даже не посмотрел туда и краем глаза, — подтвердила служанка.

Молодая кровь разыграла? Захотелось дорваться до девичьих прелестей? Что ж, бывает. Но делать это почти в присутствии товарищей, да еще и начальства...

Хм. Либо убитый совершенно не соображал, что творит, либо, наоборот, действовал осознанно. По заранее обдуманному плану. Но как выяснить, что является правдой, первое или второе?

А затылок, надо признать, разворочен знатно. Должно быть, хорошая вещь вовремя оказалась под рукой.

— Чем вы его ударили?

Женщина моргнула и брезгливо скривилась:

— Идолом этим мерзким. Который ни мужик, ни баба, а оба разом.

Понятно. Статуэтка, предназначенная для моления во время путешествия. Не слышал, чтобы все поголовно возили с собой такую, но набожные люди вполне могли подобным образом отягощать свою ношу. К тому же упомянутые изваяния представляли определенную ценность, особенно в глазах верующих. Эдакое сокровище, которое лишней раз в руки не возьмешь, а если возьмешь, то только с соблюдением благоговейных почестей и через свежестыранную ткань.

И все же несколько минут назад я увидел обратное: два божьих лика, запятнанные кровью. Возникает вопрос:

— Как вы решились?

— Для меня нет ничего важнее счастья моей девоньки, — гордо ответила южанка.

Хороший ответ. Но я-то спрашивал о другом.

— Вы схватили идола и убили им человека. Совершили не просто убийство, а святотатство.

Она посмотрела на меня с сожалением, а потом, чуть помолчав и, видимо, устав ждать, пока я прозрею самостоятельно, пояснила:

— Это ваши боги. Не мои.

* * *

Еще вчера, да что там, еще пару часов назад я не придал бы никакого значения такому заявлению. Или подумал бы, что женщина спятила, помешавшись от страха и горя. Или решил бы, что служанка, подобно жителям той же Катралы, верила во что-то иное, чем двуединое божество, или не верила вовсе. А теперь услышанное потянуло за собой один-

единственный вывод, нелепый, зато в настоящую минуту кажущийся донельзя естественным:

— Ты демон?

Мне не требовалось подтверждения. Ни паники, ни мертвенного спокойствия, свойственных застигнутому врасплох злоумышленнику. Собственно, я даже не смотрел в эту минуту на южанку, спрашивая скорее у вечера, темнеющего за окном, а не у того, кто находится в одной комнате со мной. Но ответ раздался все же не с улицы, а из-за моей спины. Причем ответ утвердительный.

— Да, демон.

Наверное, для всех остальных этот журчащий голос звучал так, как и должен был. По-женски. А вот мне все время слышались в нем чужие нотки. Может быть, потому, что я успел узнать, как девушка разговаривала до сдачи своего тела внаем под пристанище дайина.

— Не ложится, не сидится?

— Полежишь тут! — съязвил демон. — Стук, гром, грохот. Табун, носящийся по лестнице туда и обратно.

— Тебе не стоит здесь находиться.

— Не думаешь, что уже поздно об этом рассуждать?

Шнурки корсажа он все-таки затянул, собираясь выйти из комнаты, и на том спасибо. В противном случае Лус могли принять не за примерную супругу, а за гулящую женщину, а я не имел представления, как в Ганна-Ди относятся к последним. Правда, если учесть, что и к первым не проявляют какого-то особенного уважения...

Ну и Бож с ними со всеми. С теми, кто в него верит. А вот поступки других требуют объяснения.

— Почему ты защищала эту девушку?

Я и сам не понимал, что заставило меня спросить. Меня, совсем недавно готового пожертвовать собственной жизнью ради капризов Звеньев разного достоинства. Она же служанка, да еще наверняка выростившая свою госпожу с пеленок. Могла привязаться, как обычно привязываются друг к другу люди, живущие бок о бок, полюбить, в конце концов.

Только южанка не была человеком, а значит, поднимая руку на стража божьего, преследовала какую-то свою цель.

— Она...

И снова демон по имени Конран ответил первым, хотя и чувствовалось, что он немного сомневается в собственном умозаключении:

— Это ее дочь.

Дочь демона?

Признаться, такой поворот событий несколько смущал и сбивал. Да, мне рассказывали о недокровках, рождающихся от соития человека и одержимого, но я почему-то представлял себе, что демоны всегда исполняли мужскую роль. А ведь ничто не мешало обзавестись ребенком и тому, кто попал в женское тело. Особенно если попавший и в своем мире являлся...

— Но материнским было не нынешнее тело, верно?

Служанка прекрасно расслышала мой вопрос, только вместо того, чтобы ответить или отказаться от разговора, уставилась на Лус, словно искала у соплеменника поддержку. А может быть, дозволения?

— Расскажи, — разрешил демон по имени Конран. — Ему можно доверять.

Ему? А, понял. Мне то есть.

Какая щедрость! И какая... глупость. Он же знает, что я сделаю при первом удобном стечении обстоятельств. При чем здесь тогда доверие, это ведь обоюдоострое...

Плохо. Все это очень плохо. Для меня.

— Я не знала, что находится за «вратами мечты». Не то чтобы не слышала рассказней и сплетен, просто... Мне они были ни к чему. Незачем мне было уходить в какой-то другой мир. Только разве хозяйке откажешь? А она боялась сделать все одна. Вот и пришлось быть рядом, когда бабочка вылупится. Я не из пугливых, вы уж поняли. Зато когда оказалась здесь, перепугалась до смерти. И потому, что хозяйку нигде не могла отыскать, и потому, что сама вдруг стала... — Женщина всхлипнула, но одновременно и улыбнулась сквозь слезы. — Хозяйкой.

Мне не следовало при всем этом присутствовать. Даже слушать краем уха. Даже смотреть на происходящее. Меня не должны были волновать злключения существа, чуждого моему миру, попавшего сюда, чтобы причинять моим соплеменникам страдания, поработать и править, обладая почти божественным могуществом. И все же я не мог отделаться от ощущения, что слушаю рассказ какой-то своей соседки или дальней родственницы, с которой давно не виделся: и вроде бы между нами не протянуто ни одной ниточки, а тем не менее каждое слово эхом отзывается где-то в моей груди.

Где-то там, на собственноручно выжженном поле.

— Та несчастная не могла забеременеть. Никак. И должно быть, молилась не смыкая глаз. Я помню только ее крик в моей голове, такой отчаянный и печальный... Я едва не оглохла, услышав его. А в следующий миг очнулась в чужом теле. Оно и правда было совсем чужое! — горячо повторила южанка, причем не для Лус, а для меня, а потом почему-то стыдливо опустила глаза, продолжая: — Пока не случилось того самого. Она ведь была замужем, и не за простым человеком. И в ту ночь она ушла. А я осталась.

Потому что желание было выполнено? Наверняка. И надо сказать, не самое худшее из возможных. Если бы все, кто видит синие звезды, падающие с неба, загадывали нечто подобное, мир точно стал бы лучше.

— Ее тело было слабеньким. Сил хватило лишь на то, чтобы выносить ребенка. Я думала, что умру тогда вместе с ним. Но я... Я не хотела умирать, ведь девочка под сердцем была моей. Моей, с самого первого мгновения!

Она плакала, проглатывая окончания слов, но это были слезы не скорби или вины. Женщина, стоящая передо мной, наконец-то нашла слушателей, которые не осуждали, не укоряли, не заставляли признаться, а позволяли выговориться. Без страха.

— Не знаю точно, как я попала в это тело. Наверное, у нее тоже было какое-то желание, не помню. Я так хотела остаться здесь, вместе с моей доченькой, что ни о чем больше не думала. Не могла думать. И была самой счастливой на свете, когда у меня это получилось.

Вот и еще одна причина не возвращаться. Но если демон по имени Глоди желал править собственным миром, то этот, вернее, эта демоница принесла свою жизнь и свободу в жертву новорожденному ребенку. Ребенку, который был человеком, пусть и лишенным возможности однажды исполнить самое заветное желание.

Все запутывается еще больше?

Или... проясняется?

— Вы жили где-то неподалеку?

— Нет, в Локанне. Это пятьсот миль к югу отсюда.

— Зачем же тогда приехали сюда?

Вместо ответа служанка снова посмотрела на Лус:

— Вы ведь знаете?

— Что именно? — осторожно уточнил демон по имени Конран.

— День на излете весны. Тот самый, — с загадочной настойчивостью повторила южанка, и я догадался, почему она так делает.

— Я выйду, если пожелаете. Ваши тайны мне не...

— Постой. — Тонкие пальчики тронули меня за рукав.

Лус сделала шаг вперед, но не к женщине, как можно было бы предположить, а на середину комнаты, будто собиралась торжественно объявить нечто необыкновенно важное. Или, по крайней мере, что-то не предполагающее прямого взгляда глаза в глаза.

— Мы по разным причинам пришли в этот мир. У тебя было только два тела, у меня... несколько больше. Но я, как и ты, попадал в них, чтобы исполнять желания. Раз за разом. Пока не встретил на своем пути человека, который поменял местами верх и низ всех миров на свете.

Он говорил спокойно, почти отрешенно, вроде бы бессвязно, и все же было заметно, что южанка жадно вслушивается в каждое слово.

— Этот человек пошел против правил, вынуждающих нас испокон веков действовать не по собственной воле. Я не мог даже вообразить, что такое возможно, и не сразу поверил, когда это произошло. А поверив, растерялся и чуть было не убил собственными руками чудо, ради которого стоило умереть и там и здесь.

Я не хотел понимать, о чем идет речь. Но с каждым новым звуком женского голоса, наполненного мужской силой, мурашки по моей спине бежали все быстрее и быстрее. Нет, не от страха. От странного ощущения, что скоро разверзнутся небеса, земля вздыбится под ногами, стремясь достать до звезд, а те, охваченные общим безумием, ринутся ввысь, еще выше, чем парили прежде, раздвигая границы мира или...

Или случится нечто вполне обыденное, но столь же невероятное. Вот-вот случится.

— Он поступил наоборот. Поменялся со мной местами. Этот человек...

Гроза приближалась. А может, должен был настать полный штиль, не знаю. Но от неосознанного предвкушения грядущего чуда в горле все пересохло так, что я невольно сглотнул.

— Он исполнил мое желание. Мое. Понимаешь?

Только теперь Лус обернулась, посмотрела на южанку, и та, словно подчиняясь взгляду, покорно кивнула.

— Он узнает все, что узнаю я. Или потом, или сейчас. А зачем зря тратить наше общее время?

Одержимая кивнула еще раз, уже куда более осмысленно, хотя и немного растерянно. Похоже, признание демона по имени Конран означало для нее очень многое. А для меня?

Если оставить в покое человеческие чувства и прочую мишуру, обычно мешающую соображать, получается, что я и в самом деле пошел против непреложного закона природы. А что самое непонятное и забавное, ни капли его не нарушил. Всего лишь обошел стороной, хотя не помышлял ни о чем подобном.

Внешне ведь все оставалось таким, как полагается: я тщательно старался желать, демон ловил момент, когда желание должно было достичь своего пика. Неважно, кто и когда придумал это правило слияния двух миров, но его механизм сработал по издавна

начертанной схеме, чтобы на выходе получился не предсказанный никем результат. Или в истории Логаренского Дарствия уже случались подобные чудеса?

Как бы то ни было, о них явно молчали старательнее, чем о потайном ходе в сокровищницу Дарохранителя. И теперь я знал почему.

Присутствие демона изменяло человеческую плоть и сущность, даруя ранее неведомое могущество. Если, конечно, к тому имелись хоть какие-то предпосылки. Но сделка, заключаемая между людьми и пришельцами из другого мира, никогда не была равноправной, поскольку заканчивалась одним и тем же: гибелью человека. Пусть умирала его душа, а не тело, суть от этого не меняется, скорее, становится еще страшнее, потому что обратного пути для одержимого не существует.

Исполненное желание может изменить жизнь, но не продлит ее ни на одну лишнюю минуту. Исключение — нынешняя хозяйка Катралы, пожелавшая жить вечно. Правда, в ее случае можно считать, что желание все еще исполняется, а это совсем другая история. Все остальные люди, рискнувшие взять в руки синюю звездочку, рано или поздно уступают место демону.

Достойная плата за могущество? Наверное. Вот только не помню счастья в глазах у тех, кто обрел новые силы. Торжество. Азарт. Отчаяние. И непременно боль. Во всех взглядах, которые мне довелось ловить. А я...

Я был счастлив в минуты единения. Больше чем когда-либо прежде.

— Говорят, что в день на излете весны можно встретить вестника, который назовет время и место Большого собрания, — зачарованно произнесла одержимая.

— И что в нем замечательного?

— Там бывают все самые главные, кто пришел в этот мир и остается в нем. Они наделены властью не только над многими своими соотечественниками, но и над людьми. Они помогли бы... — Южанка запнулась, чтобы снова всхлипнуть. — Они позаботились бы о моей девочке.

Прозвучало как-то неправильно. Зачем нужны чужаки, если ты сама рядом со своим ребенком?

— А что мешает тебе заботиться о ней?

Женщина посмотрела на меня взглядом, до дна которого вряд ли было возможно добраться.

— Этому телу уже немало лет. И я чувствую, как из него уходят силы. Нет, я не умру завтра или через год, но это все равно случится раньше, чем моя девочка сможет обойтись без меня.

— Есть ведь и другие тела, — невинно подсказал я.

Проникновенно-темные глаза вспыхнули алыми искорками.

— Я больше не хочу отнимать чужую жизнь.

* * *

Если бы мертвое тело, лежащее у наших ног, могло возразить, то непременно бы это сделало. Хотя и изломанной неподвижности вполне хватало, чтобы поставить под сомнение любые слова одержимой. Хватило бы для кого угодно. Кроме меня.

Прежде, во времена службы, вхождение в обстоятельства всякий раз случалось по-разному. Иногда требовалось довольно долго сосредотачиваться, едва ли не исчерпывая весь имеющийся запас промедления. Иногда это походило на прыжок в воду: стремительное движение, обжигающее касание и события, смыкающиеся где-то высоко над головой. Но

такой легкости, как сейчас, не было никогда.

Смуглая женщина всего лишь рассказывала о прошлом, перемежая слова и слезы, а я почти видел, что и как именно происходило. Наверное, за подобную естественную легкость проникновения в чужие чувства и ощущения многие заплатили бы самую большую цену, которую только можно вообразить. Любой из сопровождающих точно отдал бы душу и все остальное в придачу, не догадываясь, что миг обретения станет проклятием.

Чувства выгорели, как утварь дома, охваченного пожаром. Но стены остались. Крыша уцелела. И даже фундамент, хоть и потрескавшийся, все еще держит весь груз, что на него ухитряются взгромоздить. А двери и окна открыты настежь — для чужих душ. Для гостей, ненадолго и зачастую бесцеремонно заглядывающих в мое сознание. И главное, какими бы они ни были, дурными или замечательными, только с ними дом, имя которому я, оживает. Снова и снова.

— Достойное намерение.

Это сказала Лус. Вернее, демон, сидящий в ее теле. И я молча согласился: достойное. Чем бы ни было вызвано.

— И где ты надеялась встретить того чудесного вестника?

— В одном из городов Жемчужного пояса.

Вопросительный карий взгляд переместился с лица южанки на мое лицо, требуя пояснений.

— Имеются в виду города, расположенные по берегам одной и той же реки, воды которой обильны раковинами жемчужниц.

— Их много, этих городов?

— Семь.

Лус задумчиво потерла кончиками пальцев щеку:

— И как далеко они отстоят друг от друга?

— Не меньше трех дней пути между каждой парой.

— Но если так... — В глазах девушки отразилось сомнение. — Всего один шанс из семи? Не слишком ли мало?

— Можно пробовать каждый год, — предположил я.

— И каждый год не угадывать?

Да, задачка выглядела трудной. А хуже всего было то, что в ее решении предстояло принять участие и мне.

— Я верю в удачу, — твердо заявила одержимая.

— А я нет, — сказал демон по имени Конран. — Лучше знать наверняка, чем гадать.

Я прислушался к постепенно нарастающему за окном шуму и заметил:

— А еще лучше вернуться в нашу комнату, пока не поздно.

— И верно. Табун, похоже, скачет обратно.

Лус прошелестела юбками, выскальзывая в коридор, но за порогом обернулась и шепнула, обращаясь к южанке:

— Верь ему.

Та кивнула, правда с отчетливо читающимся на лице выражением: «А что мне еще остается?»

Минуты, отделяющие нас от новой встречи с прибоженным, прошли в обоюдном молчании. Наверное, поэтому он-она распахнул дверь слишком резко, словно боялся найти в комнате одно лишь мертвое тело. Мы ведь могли сбежать, хоть вместе, хоть по отдельности. Служанке это было бы сделать труднее, учитывая заботу об обморочной девице, мне — проще. Но время для побега все равно было упущено, и теперь оставалось лишь узнать, каков следующий ход человека, склоняющего нас к лжесвидетельству.

Он-она несколько раз потянул дверную ручку на себя, словно это могло помочь закрыть дверь плотнее, а потом прислонился к стене рядом с косяком. Чтобы слушать звуки, доносящиеся из коридора, не иначе.

Лица на прибоженном не было. Совсем. Если до своей отлучки он-она выглядел взволнованным, но решительным, то сейчас я видел в его чертах только ничего не выражающую усталость. Хотя нет, присутствовали в чертах еще кое-какие следы чувств. Примерно так же бесстрастно и бессмысленно обычно смотрят в пространство люди, долго вынашивавшие сложные планы, в тот момент когда клубок событий начинает стремительно разматываться. Когда все, о чем думал и на что рассчитывал, само собой покатило вниз с высокой горы, и куда докатится, предугадать невозможно.

— Вам нужно отдохнуть.

— Да. Позже, — коротко выдохнул прибоженный. — Времени слишком мало.

— Для обстоятельного рассказа? Согласен. — Я подвинул на середину комнаты стул и сел, скрещивая руки на груди. — Но мы выслушаем. Все что успеем.

Он-она сделал несколько глубоких вдохов, успокаивая сердцебиение. Видимо, вдоволь набегался в компании стражей божьих за придуманным убийцей.

— Завтра вас вызовут к Смотрителю. Вы должны будете говорить одно и то же, если не

хотите задержаться здесь на всю оставшуюся жизнь. И поверьте, она может оказаться очень недолгой.

— Это мы уже поняли, — ответил я за двоих. — И ждем совсем другую историю.

Прибоженный чуть помрачнел и решил пойти на попятный, пробормотав:

— Сейчас не время...

Примерно такого отступного маневра я ожидал. Но у меня тоже был наготове рассказ. Небольшой и весьма безыскусный.

— Готов утверждать, что лежащий здесь человек последний день своей жизни провел весьма отлично от предыдущих. Он по меньшей мере дважды пробовал своим поведением вызвать у незнакомых людей гнев и ответные действия, предполагающие применение силы. Оба раза, о которых мне известно, закончились неудачей, если можно так выразиться. В третий же раз... Не зря же говорят, что, когда Бож и Боженка начинают считаться между собой, виноватым оказывается всегда кто-то третий? Думаю, у убитого был выбор, войти в эту комнату или в мою, ведь и я, и эта достойная женщина при первой встрече ясно показали налицу свою решимость сражаться, если понадобится. Он пришел, чтобы что-то завершить. И он угадал. А потом умер. И, как ни странно звучит, смерть была частью того, к чему он стремился. Остается только один вопрос: зачем ему надо было умирать? Или для чего он хотел пожертвовать своей жизнью?

Прибоженный дослушал мою речь до конца, чуть ли не затаив дыхание, в наступившей после тишине помолчал, теперь уже глядя не в пространство, а на меня, и произнес одними губами:

— У него был приказ умереть.

Отлично. Значит, я все понял правильно.

— Приказывали вы?

— Нет. — Он-она снова внимательно прислушался к звукам за дверью. — Это долгая история. И ее начало вряд ли будет вам интересно.

— Ничего, удовольствуемся окончанием, — согласился я.

— Все закончится войной. — Прибоженный сказал это бесстрастно, но не бесчувственно, а как человек, уставший переживать происходящее.

— Именно войной?

— Вы не удивились, — вместо ответа нахмурился он-она.

Конечно. Когда все время попадаешь из огня да в полымя, даже особой разницы не чувствуешь, какое уж тут удивление! Но вызывать подозрение у неожиданного сообщника все же нехорошо. Опасно.

— Скажу по секрету: я недавно побывал в одном весьма удаленном местечке, и там тоже едва не случилась война. Видно, время сейчас наступает такое. Смутное.

Поверил прибоженный или нет, но объяснением вполне удовлетворился, а это в свою очередь означало, что признаков приближающейся смуты хватает и в Ганна-Ди. Правда, следующие его слова меня все-таки встряхнули. Как кутенка за шкуру.

— Приказ отдала держательница нашей кумирни.

Это выбивалось из всех рамок и правил. Человек, чье предназначение было нести мир в души, хочет развязать военные действия? Бред какой-то!

— Вы уверены? Слышали сами?

Он-она горько усмехнулся:

— Такие вещи не предназначаются для чужих ушей. Скажем так, это догадка. Я видел,

как они разговаривали вдвоем, отдельно ото всех. Сегодня утром, перед самым выездом патруля.

И судя по произошедшим событиям, приказ, действительно отданный или мнимый, исполнялся старательно.

— Будем считать так. Но зачем вашей держательнице понадобилось приказывать кому-то нарываться на смерть?

— Неужели непонятно? Чтобы получить право убивать.

— Не слишком ли вы... увлеклись своими догадками?

Прибоженный опустил взгляд, впрочем, лишь для того, чтобы скрыть появившуюся в глазах печаль.

— Она не будет убивать всех подряд, если хотите. Может быть, все и вовсе останутся живы. Но главное... Главное, что у нее будет право и возможность поступать так, как заблагорассудится. Пока ее ярость еще сдерживается. До поры до времени. А уже завтра... — Тут он-она запнулся, о чем-то задумавшись, и возразил сам себе: — Хотя завтра вред ли. Нужно еще получить доказательства. Убедительные.

— Доказательства чего?

— Того, что все люди за пределами Ганна-Ди — чужаки. А чужаки всегда враждебны.

Обстоятельства прояснились. Понемногу. Похоже, что местная глава прибоженных боится незнакомцев, потому и желает окружить себя сильной стражей. Для этого и понадобилась жертва, зверски убитая ненавистными чужаками. Но только ли чтобы оправдаться перед самой собой?

— Все это сделано на публику, верно?

Прибоженный молча кивнул.

— Зачем? Чтобы получить всеобщее благословение?

— Благословение ей ни к чему. А вот звонкие монеты нужны. Солдатам ведь приходится платить за их службу.

— Держательница собирается предъявить мертвое тело жителям и начать рыдать, выпрашивая пожертвования?

Он-она хмыкнул, все еще глядя мимо меня:

— Выпрашивая? Требуя! И не пожертвования, а узаконенные сборы.

Теперь я снова запутался.

— Насколько мне известно, кумирни существуют на средства дарственной казны и деньги, что по доброй воле отдают люди, благодарные за помощь. При чем тут закон?

— Этого мало. Армию должны содержать все жители. Поголовно.

Сейчас он говорил не своими словами, а словно повторяя речи держательницы, иначе откуда мог взяться этот тон, презрительный и самоуверенный?

— На каком основании?

— Помните, кто здесь главный?

— Смотритель.

— Он может приказать все что угодно.

— Но с какой стати...

Прибоженный наконец-то посмотрел мне в глаза:

— Он исполняет ее желания. Не совсем уж все и не мгновенно, но исполняет. А значит, и это рано или поздно станет законом для жителей Ганна-Ди.

Невероятно? Увы, нет.

Последняя новость не удивляла, в отличие от предыдущих. Мужчины часто стремятся угодить женщинам. А Смотритель — мужчина, так почему бы ему не...

На мгновение мне захотелось убить Керра. Хотя бы один раз. А лучше два, и без передышки. Что я знал о своем собственном чине? Да ничего. Кроме якобы безграничной свободы в решениях. Не было никакой присяги или клятвы на верность, только невнятные разговоры. Никто не зачитал мне список прав и обязанностей, который непременно должен был существовать, если только...

Если только Смотритель и вправду не являлся сам себе и Дарохранителем, и Божем, и Боженкой.

Я сразу решил, что должен опекать дольинцев, как любящий родитель. Но для меня-то несение службы давно уже стало неоторимой привычкой. А как Роалдо Лиени получил свой нынешний чин? Кем был этот человек до приезда в Ганна-Ди? Носил знак, серебряный или золотой? Не верю. Тогда проще было соорудить здесь Наблюдательный дом, пусть и крохотный, как в том же Руаннасе. И предзвенником не мог быть, потому что из них только одна дорога — в Цепи. Разве что дозвенником?

Я часто встречал таких во время службы. Унылых, скучных, дурковатых или озлобленных на всех и вся. В Сопроводительном крыле дозвенников было немного, но и их хватало, чтобы жизнь не казалась легкой. Они не могли продвинуться дальше, чем находились. Иногда в силу происхождения и способностей, но как раз эти несчастные были вменяемее остальных. А вот те, кому отказали в продвижении капризом начальства, почти всегда превращались в чудовищ. И понятно почему. Я бы тоже сошел с ума, каждый день переноса кипу бумаг из одного конца коридора в другой и зная, что мои труды на самом деле никому не нужны. Если такой дозвенник волей случая стал вдруг Смотрителем...

Нет, хочется все же верить в лучшее.

— Итак, держательница воспользуется смертью одного из... А кстати, кто они такие, эти стражи божьи?

— Воспитанники кумирни. Их родители получили за них немного монет. В тот год как раз был неурожай, и многие крестьянские семьи были готовы на все, чтобы выжить.

— Почему же им не помог совет поселения? Ссудить едой или деньгами разве трудно было? Ведь это же прибыльная вещь — должники.

Прибоженный рассеянно кивнул:

— Прибыльная... Только те бедняки были не из Ганна-Ди. Они жили на межселенных землях.

— И им не у кого было искать помощи, кроме как...

— У того, кто сам принадлежит только границам Дарствия, — закончил мою мысль он-она.

Умно. За горсть медяков у таких, в сущности, почти бесправных людей можно купить, а значит, получить в полную собственность все что угодно. Даже послушных слуг. Хотя вернее было бы называть их рабами.

— Это не должно нравиться людям.

— Тем, кто продан? Почему? Они сыты, у них есть крыша над головой. А детство осталось где-то позади и кажется чем-то вроде дурного сна.

— Нет, я говорю о других. О жителях поселения.

Губы прибоженного скривились в подобии улыбки.

— А, им... Конечно, не нравится. Но выбора нет, особенно после того, как Смотритель

стал открыто поддерживать держательницу. Он ведь может делать что хочет. Пожизненно.

— Даже если его действия идут вразрез с обязанностями?

— А у Смотрителя есть какие-то обязанности? — искренне удивился он-она.

— Вообще-то...

Опять перестал понимать происходящее. Или Блаженный Дол живет по законам, не повторяющимся более нигде во всех землях Дарствия, или местные жители не понимают, что вправе не только выполнять, но и требовать.

— Люди и земли вверяются Смотрителю в безраздельное попечение до самой его смерти, — тем временем процитировал прибоженный какую-то хорошо знакомую ему бумагу.

Попечение, да. Но какие разные вещи можно понимать под этим словом...

— Бож с ним. Вернемся к главному. Убитый будет предъявлен перед советом поселения?

— Вне всякого сомнения. Как жертва чужаков, если не удастся убедить всех в обратном.

Или хотя бы посеять сомнения — вот это самое вероятное.

— Есть только одна трудность... Большая, — чуть приуныл прибоженный.

— Что за трудность?

— Орудие убийства.

Ах да, идол.

— А что такого?

— Держательница будет настаивать, что это преступление не только против людских законов, но и против веры.

— Пусть настаивает.

Он-она посмотрел на меня с подозрением:

— Разве это не осложняет дело?

Я позволил себе не отвечать. Только улыбнулся. И похоже, моя улыбка окончательно успокоила прибоженного. Настолько, что тот повернулся к двери, собираясь уходить, но прежде предупредил:

— На вашем месте я бы не пытался выходить этой ночью даже во двор. Стражи расставлены у всех входов и выходов, а они могут подумать... всякое.

— Разбирательство состоится завтра?

— Утром. Или днем. Как решит Смотритель. Но вряд ли у него получится долго тянуть время.

Если влияние держательницы действительно значимо, все начнется так рано, как только возможно. Значит, стоит лечь и попытаться выспаться всласть. А чтобы сон не прерывался размышлениями, осталось задать последний вопрос:

— Зачем все это нужно вам?

— Что нужно? — обернувшись, приподнял брови прибоженный.

— Мешать начальнице всеми силами, рискуя кучей жизнью, но в первую очередь своей?

Он-она снова отвел взгляд в сторону. Я мог видеть его лицо лишь вполоборота и все же ясно различил помимо грусти в чертах, вновь ставших милovidными, почти девичьими, робкую нежность. Она же сквозила дуновением ветра в каждом раздавшемся слове:

— Я не хочу ее потерять.

* * *

Наставники всегда твердили нам: безгрешный человек спит сном младенца. Вряд ли

они готовили учеников Сопроводительного крыла к каждодневному отчаянному вранью, но и в самом деле нет лучшего подспорья обману, чем свежесть беззаботного отдыха, в полной мере отраженная на вашем лице. Правда, одержимой служанке такой способ, в отличие от меня, был не только не нужен, а противопоказан, потому что бдение у постели все еще бессознательной девицы к крепкому сну располагать не могло. Неудивительно, что утром на лице южанки явственно обозначились морщины и темные пятна под глазами, похожие на синяки, а я...

Я лишь сладко позевывал, открывая дверь настойчивому стуку прибоженного и объявлению:

— Смотритель Ганна-Ди желает говорить с вами.

Он стоял посередине соседней комнаты, этот Роалдо Лиени. И равнодушно смотрел в распахнутое еще с вечера окно.

Совсем еще не старый, не такой гриб, как мой предшественник, счастливо упокоившийся где-то на просторах Блаженного Дола, а скорее годящийся мне в старшие братья. Высокий, суховатый, с виду немного нескладный. Впрочем, Смотрителю ловкость движений и не полагалась: все должны были делать особым образом подготовленные охранники. Правда, кого-то вроде Ньяны рядом не наблюдалось, зато знакомые вышитые мундиры постоянно мелькали на границе зрения. Интересно, он не успел обзавестись подручным, напичканным демонами, или решил положиться на обычных людей?

На звук шагов Смотритель повернулся, позволяя рассмотреть себя с ног до головы. Долгополый кафтан, не новехонький, но выглядящий все еще богато, был расстегнут по всей длине, выставляя на свет божий изрядно мятую рубашку. Спал мой «товарищ по оружию» в ней, что ли? И штаны, похоже, на ночь не снимал. А если присовокупить к этим деталям набрякшие веки и красноватые прожилки в глазах, можно решить, что управитель Ганна-Ди провел большую часть прошедшей ночи в компании с выпивкой. Вот бы узнать, пил-то с горя или от радости?

— Прошу простить за ранний визит. Служба, понимаете ли...

Голос у него был бесцветный, под стать внешности. Но если такого человека назначили Смотрителем, должна иметься причина. Пусть нелепая, вроде моей, зато веская для того, кто распоряжается чужими судьбами.

— Вы хотели поговорить со мной?

Роалдо Лиени на мгновение задумался, словно прозвучавший вопрос поставил его в тупик, потом рассеянно кивнул:

— Да. Разговор. Нам нужно поговорить. Нам всем. Но не здесь.

То ли ему самому было неуютно беседовать в комнате, пол которой залит кровью, то ли в намерения Смотрителя входило уберечь нас от неприятных воспоминаний, только южанка, услышав окончание фразы, испуганно вздрогнула:

— Девонька моя... Я не могу ее оставить одну!

Роалдо Лиени сморщился, глядя на побледневшее лицо женщины, и, видимо, собрался обосновать свое решение, но с появлением на сцене нового персонажа оказался избавлен от необходимости настаивать или угрожать.

— Я присмотрю за вашей девочкой, не беспокойтесь, — пообещал от дверей проникновенный женский голос.

Шнурок на корсаже Лус был затянут не до конца, из-за чего казалось, что грудь девушки, прячущаяся под кружевами, пышнее, чем в действительности, а мило растрепанные волосы обрамляли нарочито сонное личико. Девушка прошла мимо меня, задержавшись на мгновение, чтобы коснуться губами моей щеки и громко шепнуть: «Не опаздывай к завтраку, дорогой!», присела на постель рядом с неподвижным телом и принялась расправлять юбку. Складочку за складочкой.

То, что я смотрел в сторону своей «супруги», было понятно и естественно. Но вместе со мной на пальчики, скользящие по шелковистой ткани, во все глаза пялился и кое-кто другой. Кое-кто, кому, если верить рассказам, было отказано в праве обзавестись семьей.

— Куда мы должны пройти?

С тем же успехом можно было кашлянуть или изобразить какой-то другой звук: мой вопрос остался без ответа. Удалось лишь оторвать взгляд Смотрителя от прелестей белокурой девушки, которая, строго говоря, девушкой не была вовсе.

Пришлось напомнить:

— Вы хотели поговорить?

— Да. Поговорить. Это рядом. Пойдемте.

В коридор он вышел слишком поспешно для своего высокого положения. Я пропустил вперед служанку и обернулся, чтобы еще раз увидеть картину, достойную кисти лучшего придворного живописца и места в покоях для уединения души и тела: двух юных дев на одной постели. Судя по напряженной спине шагающего впереди Смотрителя, он тоже был бы не прочь задержаться. Но служба, понимаете ли. Служба звала за собой.

В комнате, куда нас проводили, было пустовато, должно быть, лишнюю мебель из нее вынесли, чтобы освободить место для всех желающих присутствовать при беседе. Вернее, при допросе. Хотя то, что Роалдо Лиени избегал упоминать это слово, могло говорить о неуверенности. Вот только в чем именно?

И конечно, главная виновница происходящего, выставленная злодейкой, тоже была здесь. Хрупкая, небольшого роста, в противовес Смотрителю, немного болезненного и отрешенного вида, женщина в белой мантии, с прямой спиной сидящая на скамье у окна, не казалась опасной. Разве что немного изможденной: пальцы рук, сцепленные в крепкий замок на коленях, выглядели как кости, обтянутые кожей, а синяки вокруг глаз, пожалуй,

были куда темнее, чем у южанки. Однако при всем при этом во внешности держательницы не проявлялось ничего страдальческого, словно я видел перед собой не лицо, а тщательно нарисованную маску, под которой скрывался актер, плохо знающий свою роль. Или ненавидящий ее всей душой.

Нам сесть не предложили. Смотритель тоже остался стоять, может, из некой солидарности, а может, рассчитывая что-то спрятать за постоянным движением по комнате.

— То, что случилось вчера, весьма прискорбно. Жизнь и смерть человека — в руках божьих, и когда кто-то мнит себя Богом, решая кому жить, а кому умирать, это преступление не только перед людьми, но и перед небесами. — Искренности в его голосе не чувствовалось: сказанное больше походило на заученную речь, смысла которой чтец не понимает и понимать не собирается. — Однако убийца выступил не только против такого же смертного, как и он сам. — Смотритель подошел к столу и сдернул платок с давешней статуэтки, открывая нашим взглядам деревянную резьбу, как морилкой, пропитанную кровью. — Это орудие убийства было выбрано неспроста. Тот, кто им воспользовался, опасен. Он должен быть пойман и примерно наказан за свое злодеяние.

Несомненно, он репетировал свое выступление, потому что пытался сделать тон угрожающим и зловещим. Наверное, на более непредвзятых зрителей все это должно было произвести впечатление. Но только не на тех, кто еще вчера стал участником небольшого провинциального заговора.

— Согласен. Полностью согласен с вами, — с серьезным видом кивнул я. — Но, право, не знаю, чем могу помочь.

— Вы присутствовали на месте убийства.

— Я не видел, как убили того человека, если вы это имеете в виду. Слишком поздно вошел в комнату.

— Но что-то вы все-таки видели? — уточнил Смотритель.

— Чью-то спину.

— И?

— И она быстро удалилась в окно. Я не смог бы помешать убийце уйти, даже если бы попытался. Просто не успел бы дотянуться и до края одежды.

— Как убежавший был одет?

Роалдо Лиени старался показать, что заинтересован расследованием, но делал это слишком неловко, словно впервые сталкивался с подобным делом. Какие вопросы задавать, он, конечно, знал. Должно быть, при назначении на должность ему, в отличие от меня, выдали определенные инструкции. Но знания без истинного намерения действовать висели в его голове мертвым грузом.

— Как обычно одеваются мужчины? Голой кожи я не заметил, значит, штаны, сапоги и куртка точно были на нем.

— Какого вида и цвета?

— Темного. В смысле, трудно было разобрать, ведь уже вечерело, а в комнате горела всего одна лампа.

— Всего одна? — Смотритель повернулся с вопросом к служанке.

— Госпожа желала отдохнуть, — бесстрастно ответила та.

— Как удобно для злоумышленника!

Я бы тоже так съязвил, окажись сейчас на месте Роалдо Лиени. Но правда жизни заключается в том, что любое событие происходит именно тогда, когда ему удобно

произойти. Насколько странными и искусственно созданными ни казались бы сопутствующие обстоятельства.

— Госпожа желала отдохнуть, — упрямо повторила одержимая.

Даже если бы прибоженный вчерашним вечером не рассказал о сговоре своей начальницы со Смотрителем, меня все равно удивило бы то, что никто не задает вопрос, почему страж божий вдруг вообще оказался на месте преступления, да еще в виде жертвы. А раз удивило бы...

— Тот человек знал, что делает.

На меня обратились сразу два взгляда, туманный и лихорадочный. Я сделал вид, что немного смутился, и продолжил:

— Наверное, он следил за... убитым.

— Почему вы так решили? — Вот теперь стало заметно, что Роалдо Лиени по-настоящему любопытничает. — Он ведь мог собираться напасть на кого-то еще. На вас, к примеру.

— Что же мешало ему это сделать раньше? До того, как в трактир вошли... эти, как их... Стражи божьи. Я правильно запомнил название?

Держательница моргнула, но не ответила.

— Раньше? — переспросил Смотритель.

— Ну сами посудите, куда безопаснее учинить разбой, когда поблизости никого нет. А тут внизу полным-полно молодых сильных парней, готовых помочь всем, кто оказался в беде... Не так ли?

На сей раз она кивнула и весьма самодовольно подтвердила:

— Разумеется. Эти дети воспитаны в любви к ближнему и заботе о нем.

— О чем и говорю! — воодушевленно подхватил я. — Кто полез бы грабить и убивать рядом с ними?

— Чужак, не знающий здешних правил, — отрезала держательница.

— Если он смел и безрассуден. Но больше похоже на другое.

— А именно? — В разговор снова встрял Роалдо Лиени.

— Убийца хотел убить именно того, кого убил.

Мои слова заставили женщину в белой мантии заметно напрячься и сцепить пальцы до белизны суставов.

— Как это?

— Может быть, тот несчастный чем-то ему навредил? — предположил я.

— Воспитанники кумирни безгрешны!

У меня с языка едва не сорвалось: «А их наставница?» В самом деле, такое настойчивое утверждение невинности куда подозрительнее другого поведения. И если бы Смотритель не был заодно с держательницей, он ухватился бы за горячо сказанные слова. Вернее, я бы на его месте ухватился.

— А что, если... — Я намеренно осекся, расширил глаза, попеременно глядя то на Роалдо Лиени, то на женщину в мантии.

— Что? — спросили оба чуть ли не хором.

— Вдруг это он хотел причинить вред. Но не только тому, кого убил, а...

Очередная нарочитая пауза вынудила моих слушателей нетерпеливо спросить:

— Кому?

— Верующим. И делу веры конечно же.

Держательница бессильно прислонилась к стене. По подрагивающим губам женщины было заметно, как долго она ждала произнесенных слов и теперь не верила тому счастью, что они прозвучали из уст человека, ничем не заинтересованного и ни к чему не причастного.

— Потому он и сделал оружием это, — указал я на статуэтку. — Ведь проще и надежнее было взять нож.

— Да. Несомненно, — признал Смотритель.

— Он выступил против веры.

Ее голос окреп мгновенно и сейчас еще больше не соответствовал изможденному виду, чем раньше. Но кроме того, стал спокойным и ровным, как будто убийство не породило бурю в плавном течении жизни, а подействовало ровно наоборот.

Что ж, все желающие получили свое? Значит, пора и мне поработать на себя.

— А еще он знал, куда идет.

— Что вы хотите сказать? — Роалдо Лиени так охотно ухватился за мой вопрос, как будто только что достигнутый результат ему чем-то не понравился.

Я сделал вид, что глубоко и мучительно задумался, а потом медленно, делая многозначительные паузы, проговорил:

— Знал расположение комнат. И сумел подняться наверх незамеченным. А может, уже прятался где-то здесь.

Возможно, они оба почувствовали неладное. К примеру, что беседа свернула с того пути, который виделся им самым удобным. Но оба не смогли удержать в узде азарт, хором спросив:

— И?

— Чужак или незнакомец смог бы пройти в трактир, не вызывая подозрений? Думаю, у здешней хозяйки все гости наперечет.

Держательница разочарованно куснула губу. А вот ее сообщник вдруг почему-то расслабился.

Рано. Еще рано. У меня в запасе остался последний, можно сказать, убийственный ход.

— Наверняка он местный житель. И если он местный... — Я потрясенно прикрыл рот ладонью.

— Что вы хотите сказать? — повторил Смотритель, заметно подавшись вперед.

— Это могло быть предупреждением.

Женщина побледнела, как полотно мантии, а Роалдо Лиени, явно озадаченный ничуть не меньше своей приятельницы, вытаращился на меня, ожидая продолжения откровений. И я не стал заставлять благодарных слушателей ждать слишком долго:

— Знаком для того, в чьем подчинении находился убитый.

* * *

Атьен Ирриги, мой последний спутник по долгу сопроводительской службы, никогда не уставал повторять, что в любом событии уровня дарственной важности можно найти чей-то личный интерес. И если это тебе удалось, считай, дело сделано: человек всегда охотнее и надежнее ухватится за обстоятельства, касающиеся его жизни, чем за пусть и страшную, но далекую от стен дома угрозу.

Вопросы могли быть еще заданы. Я на месте Смотрителя Ганна-Ди не спешил бы распускать свидетелей убийства так скоро, но женщина в белой мантии не видела и не слышала больше ничего, кроме моего невинного предположения. Даже не смогла усидеть на

скамье: вскочила, сделала несколько нервных шагов по комнате и, только сообразив, что находится не в одиночестве, взяла себя в руки.

— Мне нужно идти.

Нельзя сказать, что Смотритель удивился желанию сбежать. Скорее, расстроился, и в следующее мгновение стало понятно почему: Роалдо Лиени глубоко вздохнул и протянул держательнице свою руку. Для опоры.

— Я провожу вас.

Несколько вдохов я колебался: переспросить касательно своей дальнейшей судьбы и судьбы служанки, или не стоит беречь воду в едва затихшем омуте. И все-таки молчание показалось мне наилучшим выходом, ведь если с начальственных уст не слетело ни единого слова, значит, никаких приказов отдано не было.

Одержимая южанка вылетела за дверь комнаты сразу же, как только Смотритель и его спутница скрылись из виду. Я отправился следом, хоть и не так поспешно. А куда было торопиться? Юная девица все так же беспмятно лежала на постели, разве что выглядела чуть розовее, чем вчерашним вечером.

— Думаю, самое время убираться отсюда.

Лус подняла на меня карий взгляд:

— Именно сейчас?

— Наши недруги заняты своими делами, и им будет не до нас. Несколько часов по крайней мере.

— А как же молодчики, выставленные в караул? — усмехнулся демон. — Тебе одному с ними не справиться, а из меня помощник тот еще.

Я не стал разубеждать его в ограниченном представлении о моих возможностях. Он не мог узнать всего, деля со мной тело, а резню во дворе дома верховного балыги опрометчиво относил исключительно на собственный счет, отказывая мне в умении... Да и Бож с ним. Главное другое:

— Никакого караула больше не будет. Если я правильно представляю себе развитие событий.

Лус недоверчиво прищурилась, ловко подобрала юбки, метнулась к окну и обшарила внимательным взглядом окрестности.

— А знаешь... Ты прав, — признал демон. — Никого.

— Я на это рассчитывал.

— И как тебе удалось? — В голосе Лус послышалось настороженное удивление.

— Очень просто. Намекнул, что убийство совершили, чтобы сказать держательнице: ты следующая.

— И она купилась?

— Как видишь.

Узкие ладошки ударились друг о друга в звонком хлопке.

— Bravo! Значит, путь свободен?

— Да. И все же медлить опасно. Вдруг ей в голову стукнет идея о том, что неплохо было бы закрыть границу?

Демон согласился:

— Это самое вероятное. Когда первый страх пройдет. Что ж, поторопимся... Собирайтесь! — обратился он к южанке, но та словно не слышала, о чем мы говорили.

Она сидела на краю постели рядом со своей дочерью-воспитанницей, взяв ее

неподвижную ладонь в свои, и сама в эти минуты была похожа на изваяние. Не такое странное, как то, что послужило орудием убийства, но, если вдуматься, тоже двойное: с виду человек, а внутри...

— Ты меня слышишь? — переспросил демон по имени Конран. — Надо уходить, пока никто не опомнился.

— Идите, — бесстрастно разрешила одержимая. — Я остаюсь.

— Это опасно для тебя!

— Опасно только лишь для меня, — уточнила южанка. — А бежать — опасно для нее.

Лус нахмурилась, переводя взгляд с исполненного решимости и нежности лица одержимой на меня:

— Плохое решение.

— Ее решение, — заметил я. — Пусть делает что хочет.

— Мы не можем оставить ее здесь.

— Не можем?

Наверное, смешок в моем голосе прозвучал слишком явно, потому что демон скривил девичье лицо в страдальческой гримасе и уточнил:

— Я не могу.

В какой-то мере мне уже были привычны его метания в решениях из стороны в сторону, и это еще раз доказывало, что, чем бы он ни занимался у себя дома, в его задачу входило не просчитывать ситуацию на сотню шагов вперед, а делать всего один шаг. Зато самый правильный в пределах очередного мгновения.

Я поступал примерно так же во время службы: будущее интересовало меня не далее чем на пару минут вперед, главное, дожить до их истечения, сохранив Ведущего в целостности и сохранности. Полезные качества? Весьма. Но сейчас нам не помешал бы товарищ, умеющий заглядывать чуть подальше. Скажем, хотя бы на день вперед.

— В чем трудность?

— Это первый достойный... соотечественник, встреченный мной. И первый, кто не хочет отнимать чужие тела.

— При этом с легкостью отнимающий жизни.

— Да. Жизни. И если понадобится... — В карих глазах вдруг радостно сверкнули алые искры. — Она будет убивать людей, чтобы защитить свою дочь. Тебе понравится куча смертей?

— Она не...

Лус поманила меня пальцем к окну:

— Что ты видишь там, внизу?

— Улицу. Прохожих.

— Представь, что кто-то из них покажется нашей знакомой подозрительным или угрожающим ее дочери. Как полагаешь, она долго будет раздумывать?

Часть 4.9

В его словах был смысл. И обстоятельства первого убийства лишь подтверждали предположения демона.

— И что нам делать?

— Остаться с ней, пока девица не очнется. Может, она сможет удержать мать от опрометчивых поступков.

— Зачем я тогда старался освободить дорогу?

— Ну-у-у, — протянул демон и невинно хлопнул пушистыми ресницами. — Тебе ведь не было очень трудно?

Трудно или нет, неважно. Не люблю что-то делать напрасно. А еще мне не нравится, когда моими стараниями так беспечно пренебрегают.

— Пойду завтракать.

— Я тебя догоню, — пообещал демон по имени Конран, продолжая рассматривать улицу за окном.

Ага, еще, не дай Бож, оставшись наедине с одержимой, наплетет ей всякой всячины! Или расспросит о секретах, которые та угадала при нашей общей беседе? Что ж, пусть поступает как ему нравится: я все равно ничего не могу с этим поделать. Только бросить дело, сразу и окончательно, но это... Позорно для того, кто всю предыдущую жизнь действовал ровно наоборот.

У лестницы я столкнулся нос к носу с трактирщицей, словно нарочно ожидающей чьего-то появления.

— Извольте отзавтракать?

— Не откажусь.

— А после... Велеть заложить коляску?

Она задавала свой вопрос вроде бы равнодушно, но при этом пристально смотрела прямо мне в глаза, словно от моего ответа зависели чьи-то жизнь и смерть. Казалось бы, что может быть важного в намерении уехать? А в моем случае — в намерении остаться?

— Нет.

Женщина явственно вздрогнула.

Неправильное решение? Всякое бывает. Но надо предупредить:

— Мы задержимся здесь. На несколько дней, если позволите.

Теперь можно было бы сказать, что женщина просияла.

— Да-да, как пожелаете!

Она сбежала вниз по ступенькам совсем неподобающе своему возрасту и положению и уже снизу крикнула: «Завтрак ждет вас, эрте!», но ее самой я, спустившись к столу, в трактире не обнаружил. Зато миски со свежеприготовленной едой были полнехоньки, а вынужденное одиночество во время трапезы меня ничуть не беспокоило. Вот общество, появившееся в зале как раз к моменту окончания завтрака, — да. Оно даже заставило меня пожалеть об утренней уступчивости перед демонами.

Хотя троица, представшая передо мной, скорее должна была заставить улыбнуться, чем испугаться. Женщина и двое... Мужчинами их можно было назвать, лишь крепко зажмурившись.

С трактирщицей я уже был знаком, только ни разу не видел ее настолько торжественной

и суровой. Ах да, еще без фартука. Справа от хозяйки моего временного пристанища находился старик, не просто седой, а почти прозрачно-белый, причем и волосами, и глазами, и кожей. Должно быть, ему уже стукнуло лет под сто, не меньше. Костюм, кстати, тоже был не новехонького покроя: в чем-то подобном ходили еще до моего рождения. В домашних сундуках я натыкался на старые вещи отца, но снова видеть их воочию, да еще на живом человеке было странно. Как будто прошлое вдруг вздумало вернуться ко мне.

Второй незнакомец мужеского пола едва ли разменял в своей жизни два десятилетия: и многочисленные юношеские прыщи, и редкие волоски на подбородке громко заявляли о юности. Слава Богу, одет он был вполне сообразно времени, в котором живет, правда, пухлая от вложенных листов книга, которую юнец благоговейно держал в руках, явно заботила его больше, чем красота внешнего вида.

Странная троица, не произнося ни слова, подошла к столу, где я завтракал, уселась на лавке по другую сторону и выжидательно на меня уставилась. Конечно, оттенками чувств все три взгляда немного различались. Например, трактирщица явно видела во мне чуть ли не небожителя, старик старательно воскрешал в себе что-то вроде надежды, а юнец одновременно робел и пыжился от собственной важности. Но общего в них было больше.

Каждому из троих от меня явно было что-то нужно. Что-то одно на всех.

— Чем могу служить? — брякнул я первое показавшееся уместным приветствие и, похоже, не ошибся с выбором: прищельцы заметно приободрились.

Первой слово взяла трактирщица. Вернее, затараторила:

— Мы не могли и надеяться, что на наше послание откликнутся! В столицах ведь так много важных дел, особенно у высоких чинов! Позвольте выразить вам свое почтение и заверить, что...

Обстоятельства, прежде загадочные и туманные, прояснились мгновенно: меня приняли за другого. За кого-то из Цепей или представителя прочих дарственных служб.

Зачем захолустному поселению понадобился кто-то из людей, облеченных властью, я даже не пытался предположить. Зато отчетливо понимал: если сейчас встану и заявлю, что они ошиблись, рискую не дожить до вечера. Звенья так просто никто не зовет, предпочитают обходиться без них. Но если уж позвали, значит, дело серьезное. А у меня три бабы на руках...

— Довольно. Я благодарен за оказанный прием, но ни одной лишней минутой не располагаю.

Женщина понимающе кивнула, обрывая свою скороговорку.

— Итак, в чем состоит ваше прошение?

Троица переглянулась и снова уставилась на меня. Надо сказать, с удивлением и некоторым разочарованием.

Ну конечно, они наверняка рассчитывали, что приедет человек, от начала и до конца вызубривший их беды и тревоги, взмахнет рукой, и, как по волшебству, все само собой наладится! Придется их огорчить. Пусть я и не тот, за кого буду пытаться себя выдать, думаю, уйду недалеко от истины, показав, что Цепи состоят из людей, а люди...

Люди это люди.

— Бумаги рассматривались чинами над моим. Я не принимаю решения, а лишь исполняю их.

Такой ответ не помог прищельцам воодушевиться, но успокоил. И беседу продолжил юнец, водрузивший свою ношу на стол и раскрывший замусоленные страницы.

— Зачитать? — спросил он, обращаясь ко мне.

Я поморщился:

— Лучше расскажите своими словами. Фигуры речи, используемые в подобного рода прошениях...

Как ни странно, это предложение обнадежило моих собеседников.

— Прощение было направлено от имени городских старейшин. Одного старейшины, — поправил себя рассказчик, поймав укоризненный взгляд старика. — И одной семьи основателей.

— Основателей? — не мог не переспросить я, и мне охотно пояснили, правда предварительно найдя нужную запись в книге:

— Ганна-Ди появилось в год шестьсот пятидесятый от основания Дарствия. Это было поселение на землях, пожалованных Дарохранителем нескольким семьям. За ремесленные заслуги.

Что-то слышал краем уха. Еще от отца, когда тот любил вспоминать о служебных делах за вечерней трапезой. А хороших мастеровых и правда всегда и всюду ценили. Настолько, что одаривали даже куда большими сокровищами, чем земля.

— С тех пор сменилось два поколения. К первым семьям начали присоединяться другие, да и сами семьи выросли, и тогда советом старейшин было принято решение просить об изменении положения. Просить о том, чтобы Ганна-Ди вошло в регистр Дарствия как настоящее поселение.

Разумно. Три дома с огородом что были, что не были — поди докажи. А вот на поселение мало кто посмеет покушаться.

— Прощение было удовлетворено последним днем осени года семьсот двадцать восьмого от основания Дарствия. Но, поскольку средств и намерений содержать Наблюдательный дом у старейшин не было, в Ганна-Ди был назначен Смотритель.

Вот ведь жадюги! Хотели и хвостом покрутить, и при деньгах остаться. Но, может, сейчас передумали?

— И о чем же вы попросили теперь?

— О том, чтобы его забрали обратно.

Это сказала трактирщица, причем с хорошо прослушивающимся в голосе недовольством.

— Хотите все же оборудовать Наблюдательный дом в поселении?

— Нет, Боженка нас упаси! — всплеснула руками женщина. — Это еще вдвое расходов, если не втрое, а мы тут не такие уж богачи.

Мне не пришлось притвориться растерянным:

— Но тогда...

— Нам довольно и Смотрителя. Только не такого!

Признаюсь, заявление меня ошарашило. Наверное, потому, что я и подумать не мог о подобном развитии событий. Мне казалось, что Смотрителя спускают сверху, как нечто не вызывающее возражений, а оказывается, кто-то может быть не рад «подарку». И более того, делать все возможное, чтобы...

— В дарственных уставах есть одно положение, — перехватил нить беседы юнец. — Вот, смотрите. — Он откашлялся и зачитал, видимо, воображая себя городским глашатаем: — «Буде Смотритель, попечению которого вверены земли и люди, говорить или совершать действия, несущие вред или иной урон его подопечным, такового проступника надлежит

немедленно отстранить от места».

— Вред или иной урон? — повторил я, обращаясь к самому себе, но ответ получил из другого источника:

— А какой вред может быть? Душегубство, к примеру. Вон человека-то убили вчера? Убили. Пусть он не местный, из дальней деревеньки, но ведь умер здесь, в Ганна-Ди, так что, можно считать, есть вред.

Трактирщица, как видно, была готова ухватиться за любую возможность, чтобы поквитаться со Смотрителем. С чего бы? Неужели...

Ну да, вчерашний вечер. Шумная ватага наверняка не в первый и не в последний раз появилась в трактире. И вряд ли кто-то из них хоть раз заплатил за еду и питье. В большом городе такие дела обычны, потому что посетителей всегда много, и то, что потерял на одних, можно с лихвой восполнить на следующих. Но здесь не проходной двор. Жителей не слишком много, а значит, кормежка бесполезных оболтусов наносит ощутимые убытки.

— Урон бывает разный, не правда ли? Скажем, шесть неоплаченных краюх хлеба каждый день. Вроде и невелика потеря, да за год накопится много.

Трактирщица зарделась, поняв, что я раскусил ее причину свергнуть Смотрителя, но не отступила:

— А и что? Нигде такого не сказано, чтобы кормить даром кого ни попадя!

— Это верно, — согласился я. — Но почему все-таки кормите?

— Так он же велел, — насупилась женщина. — Стражи, тоже мне... Себя и то вон защитить не могут!

Как ни прискорбно признавать, в своем негодовании она была права. О каких громких названиях может идти речь, если человек, именующий себя стражником, так легко и просто умирает? Знали бы они еще от чьих рук, вот бы удивились!

— Хорошо. Я понял ваше требование. А теперь поясните, что здесь у вас вообще происходит. Эти стражи божьи, откуда они взялись?

— Я вам скажу, — проскрипел старик, впервые за все время беседы.

Он прикрыл глаза, избавив меня от необходимости смотреть в прозрачно-белые лужицы, совсем не слепые, но явно видящие уже больше за гранью этого мира, чем в нем.

— В том есть и моя вина. Малая или нет, пусть судит кто-то другой. Я родился вскоре после того, как Ганна-Ди стало поселением, и принял хозяйство, будучи совсем мальчишкой, когда отец неожиданно умер. Матушка сильно горевала, искала утешения в чем только можно было и однажды нашла. Побывала в соседнем городе, где есть кумирня, сходила туда, и ей сразу стало легче. Потом пришла ко мне, попросила... Я не смог отказать. Да и никто из других семей не возражал, ведь это было так значительно, иметь свою кумирню поблизости.

Особенно для того, кто хочет казаться чем-то более внушительным, чем есть на самом деле. Понимаю.

— Мы испросили разрешения, отстроили все что понадобилось. Матушка была счастлива. И, на ее счастье, умерла прежде, чем узнала, как они часто меняются, прибоженные эти. Они ведь не живут долго... Жертвовали мы много. Вернее, она жертвовала, моя мать, а потом и ее подруги стали уламывать своих мужей и детей. Так и получилось, что здешняя кумирня разрослась со временем, благо было куда. А десять лет назад держательница снова сменилась. На ту, что вы видели.

Десять лет? Значит, ей сейчас уже около тридцати или больше. Возраст подходит к

пределу?

— Она сошлась со Смотрителем. Никто не знает как, но он исполняет все ее просьбы. Стражи эти опять же... Это все она придумала. Для себя. А расходы на нас легли. И добро бы польза какая-то от них была, так нет. Все больше пакостят, а спросу никакого.

— Смотритель не желает вмешиваться?

— Даже не слушает нас. Что, довольно вам доказательств?

Мне, как чиновному человеку? Вполне. Но мне, как самозванцу...

— Я должен лично убедиться в его прегрешениях. Думаю, вы понимаете.

Они не спорили, но, судя по лицам, не представляли себе, как удовлетворить мое желание.

— Мне нужно подобраться к нему так близко, как это возможно, потому что при чужом человеке он будет очень осторожным. Если, разумеется, так грешен, как вы говорите.

— Подобраться... — пожевала губами трактирщица. — Да чтобы он к себе кого-то подпустил?

Наверху заскрипели ступеньки. Обычно демон в обличье Лус ходил неслышно, тише кошки, а тут вдруг позволил себя обнаружить. С чего бы вдруг?

— Подобраться, говорите?

Он спускался медленно, приостанавливаясь на каждом шаге. И сказал то, зачем явился, только ступив на пол:

— Я знаю, как этого добиться.

Шаг пятый

Где-то здесь...

— Это не может быть правдой.

На третью дюжину повторений первоначального запала уже не хватило: голос звучал глухо и прерывисто, правда, чувств в нем не становилось меньше. Но Роалдо Лиени мысленно возблагодарил Бога и Боженку за то, что держательница кумирни Ганна-Ди охрипла прежде, чем он мог бы оглохнуть. В крохотном пространстве закрытой кареты любой шорох казался криком, а стенания прибоженной и вовсе звучали как гром посреди ясного неба. Впрочем, оно было не таким уж ясным еще со вчерашнего вечера.

Убийство стража божьего поначалу не вызвало у Смотрителя никаких особых впечатлений, кроме пренебрежительно-злорадного «наконец-то нарвался». В самом деле, воспитанники кумирни не отличались почтительным поведением даже с теми, кто давал им пищу и прочее необходимое для беспечной жизни, так что рано или поздно, так или иначе беспардонная наглость молодчиков должна была встретить сопротивление. Правда, вряд ли местные жители решились бы сами заняться рукоприкладством. Скорее, начали бы обивать порог смотрительского дома с гневными прошениями приструнить дерзких мальчишек. И вот тогда...

Роалдо невольно улыбнулся, стараясь, чтобы спутница не заметила движение его губ. А то еще, не дай Бож, решит, что смеются над ней, и вместо одного вражеского лагеря появится целых два!

Наверное, это было неправильно и опасно — считать людей, вверенных твоему попечению, врагами, но Смотритель Ганна-Ди ни дня с момента назначения не чувствовал никакого сродства с кучкой самовлюбленных селян, захотевших подняться повыше. Хотя, чего греха таить, получив в руки бумагу, скрепленную десятком разноцветных печатей, Роалдо подумал было, что его судьба решена весьма замечательным образом, ведь не всякому дозвеннику удастся заполучить подобный чин. Потому что не у всякого находятся обязанные ему Звенья.

Однако понадобилось лишь несколько часов, чтобы понять: высокое звание было пустым звуком. Жители поселения, испросившие себе опекуна, смотрели на прибывшего Смотрителя как на нечто неодушевленное, вроде того же идола, что ставят в кумирне. Им надо было заполучить дорогую игрушку, но играть с ней никто не собирался: совет старейшин лучше знал, как должна протекать жизнь в Ганна-Ди, и не собирался передавать власть в другие руки. Да, перед Роалдо расшаркивались, улыбались ему, при встрече перебрасывались несколькими ничего не значащими фразами, не отказывали в просьбах, но...

Просьбы никак не хотели превращаться в приказы.

Посреди людской толпы Смотритель оказался словно в стенах темницы. До него никому не было дела, и неудивительно, что, когда он по-настоящему испытывал нужду в добром слове или хотя бы дружеском молчании, помощи ждать было неоткуда.

Роалдо Лиени вел семейную жизнь недолго: к несчастью, супруга умерла при родах, оставив после себя только недолгую память и дочь. Новоявленный вдовец тут же поручил свое новорожденное дитя заботам родителей жены. И потому, что не представлял, как обращаться с младенцем, и потому, что служба в те дни требовала приложения больших сил.

Конечно, он любил дочь. Собирался забрать ее к себе, как только дела наладятся, но...

Пришло новое назначение, не располагающее к обзаведению семьей, вернее, строго-настрого запрещавшее супружество, и свеженазначенный Смотритель скрепя сердце попрощался с прежними мечтами. Когда-нибудь он, конечно, надеялся перевезти дочь в Ганна-Ди, под свое крыло. Тайно, скрывая ото всех истинную причину своих действий. Однако печати на свитке назначения будто обладали волшебной силой: раз сказано — никакой семьи, так и случилось.

О смерти дочери он узнал с опозданием. На похороны не успел, смог только постоять у надгробия. И винить-то было некого, сама простыла по ранней весне, слегла, да так больше и не вставала.

Горе не стало таким глубоким, как могло бы. Скорее, Роалдо мучили бесконечные вопросы «за что» и «почему», не предполагающие внятного ответа. Но даже они хотели быть заданными, а рядом не оказалось никого, кроме...

Он редко посещал кумирни в юности и еще реже бывал в них, поступив на службу. И все же только там Смотритель Ганна-Ди рассчитывал оказаться в тишине и покое, а главное, избавиться от общества людей, для которых был всего лишь предметом с красивым названием. Он не надеялся найти помощь под высокими сводами перестроенного старого замка и, наверное, именно поэтому нашел.

Было произнесено мало слов, зато худошавая ладонь, накрывшая его пальцы и подрагивавшая в такт биению сердца, принесла с собой успокоение. Правда, довольно скоро оказалось, что даже божьи дары имеют свою цену, особенно когда их дарители носят человеческое обличье...

— Это не может быть правдой.

И Роалдо начал платить по счетам. Все новым и новым. Поначалу он даже не задумывался о том, что делает. Потом начал испытывать злорадное наслаждение от недовольного вида старейшин, тем не менее подписывающихся под его приказами. Только намного позже, когда приютские дети выросли, Смотритель Ганна-Ди сообразил, что собственными руками поселил в своей тюрьме надежную стражу. Стражу божью, как ее быстро прозвали местные жители.

— Это не может быть правдой...

Она уже почти шептала, Доррис, держательница кумирни. Шептала и исступленно смотрела в одну точку, благодарение Богу, находящуюся далеко от лица Смотрителя.

— Почему же?

Роалдо постарался не подпускать в голос лишнего ехидства, но удержаться от того, чтобы усугубить мучительные размышления своей спутницы, не мог. В конце концов, не все же кому-то одному страдать?

— Ты думаешь...

— Он рассуждал разумно.

И в очень удобном направлении, как ни странно. Слова Смотрителя было бы держательнице маловато, ведь она, как и все прочие жители поселения, видела перед собой не человека, а титул. Зато произнесенные кем-то другим пугающие предположения вдруг обрели безраздельную власть над Доррис. Такой непоколебимой и уверенной в себе Доррис.

— Но кто бы мог решиться на такое?

Да кто угодно, подумал Роалдо. И до того, как возникла стража божья, кумирню не особо жаловали, правда, пожертвования делали исправно. А уж после, когда стало ясно, что понадобится все больше и больше денег, ганнадийцы начали смотреть на кучку прибоженных весьма косо.

— Разве недовольных мало? Твои воспитанники не вызывают у местных никаких добрых чувств.

— Лишь у тех, кто не хочет принять истинную веру! — В голосе прибоженной вновь прорезалась, казалось бы, полностью истраченная сила.

— Таких, смею напомнить, здесь большинство.

Доррис сжала худые пальцы, но кисти рук стали похожими больше на ежей, чем на кулаки.

— Они не желают верить.

— Ты не сможешь их заставить.

— Я? — Взгляд женщины стал осмысленным впервые за всю дорогу. — О нет, это ты их заставишь!

— Как, позволь узнать?

— Ты же Смотритель! Люди подчинятся твоему слову. Особенно когда за словами будут стоять... — По губам прибоженной скользнула улыбка, от которой хотелось отвернуться и сплюнуть. — Они будут готовы скоро. Совсем скоро. Уже сейчас, увидев мертвого собрата, они почувствовали праведную ненависть. Нужно только немного времени, чтобы она созрела. Совсем немного времени.

Держательница вновь страдальчески стиснула губы, а Роалдо подумалось, что за намерениями прибоженной кроется что-то еще, кроме желания обратить всех в свою веру. Она торопилась. Весь последний месяц. Знать бы еще, куда и зачем.

— Нельзя позволить убийце закончить то, что он задумал. Мне нужна защита. Надежная защита!

— Хочешь нанять солдат?

— Нет. У меня достаточно моих стражей. — Последнее слово Доррис произнесла почти любовно. — Но стража хороша только тогда, когда ей есть что охранять. — Она помолчала, прислушиваясь к стуку копыт. — Мне нужны стены. Непроступные стены.

— Чем плохи нынешние? — искренне удивился Роалдо.

Держательница посмотрела на него как на умалишенного.

— Твои подопечные разобрали большую их часть еще тогда, сооружая кумирню. Нужно вернуть все на место!

— Предлагаешь разобрать твою обитель?

— Ты построишь новые стены, — торжественно заявила Доррис.

— Я не каменщик, да и здесь не найдется достаточно работников, а значит, придется нанимать людей. И сколько все это будет стоить?

— Сам разберись.

Карета остановилась. Держательница вышла в услужливо распахнутую дверцу, оставив взамен себя облачко пыли, взметнувшееся с сиденья. Роалдо проводил прибоженную взглядом, взмахнул рукой, разгоняя помутневший воздух, и крикнул вознице:

— Возвращаемся, да поживее!

* * *

Путь от кумирни обратно занял куда меньше времени, ведь не приходилось щадить

тощее тело держательницы, избегая тряски и прочих спутников быстрой езды. К тому же Роалдо и вовсе не заметил течения минут, потому что его мысли наконец-то смогли вернуться к предмету намного более интересному, чем приказы обезумевшей от страха держательницы.

Прелестная белокурая девица — вот о ком думал Смотритель всю дорогу, вспоминая, как лучи утреннего солнца сияли золотом в ее коротких локонах, как нежно румянилась кожа, как вздымалась при каждом размеренном вдохе высокая юная грудь, не требующая поддержки корсажа, как...

Роалдо Лиени никогда не считал себя охочим до женских прелестей, но в этой незнакомке ощущалось что-то непривычное. Конечно, она была чужой в Ганна-Ди, что не могло не радовать, и все же не только названное обстоятельство заставляло вновь и вновь вспоминать мимолетную встречу. Девушка была... Да, именно свободной!

Несмотря на присутствие супруга, несмотря на все неприятные и непредвиденные события, казалось бы сковывавшие любое дикое и непокорное сердце, блондинка выглядела так, будто в любой миг легко может покинуть не то что рукотворную тюрьму, а даже собственное тело, что нет стен и замков, способных ее удержать. Словом, белокурая чужачка была наполнена тем, что Смотритель Ганна-Ди не ощущал уже много долгих лет. И если бы она согласилась поделиться хоть крохотной частью своего сокровища...

Перед входом в трактир Роалдо пришлось остановиться и не меньше двух минут глубоко дышать, чтобы успокоить биение сердца. А потом распахивать дверь, молясь, чтобы кровь, прилившая к лицу, успела отхлынуть.

Трактирная зала была почти пуста, как он и ожидал. Но главное, за столом, придвинутым к полуоткрытому окну, сидела та, кто сейчас почиталась Смотрителем Ганна-Ди единственной женщиной в мире.

Безукоризненно затянутые шнуры корсажа, застегнутый ворот нижней рубашки, локоны, убранные под широкую ленту, — все это могло казаться оковами на ком-то другом, но белокурая красавица словно нарочно подчеркивала клеткой приличий свою внутреннюю свободу, потешаясь над правилами, а не послушно исполняя их.

Пышная хлебная лепешка, от которой тонкие пальчики отщипывали по крохотному кусочку и отправляли в изящно приоткрытый ротик, напомнила Роалдо, что сегодня он так и не успел позавтракать. Правда, чувство голода тут же сменилось другим, не менее томительным.

— Нас не успели представить друг другу... Позвольте присесть за ваш стол?

Девушка не ответила, лишь невинно посмотрела на мужчину сквозь полуопущенные ресницы.

— Меня зовут Роалдо. Роалдо Лиени. Я Смотритель этого места.

— Смотритель трактира? — с искренним удивлением и одновременно лукаво переспросила блондинка.

Оставалось только улыбнуться и исправить оплошность:

— Смотритель Ганна-Ди. К вашим услугам, эрте...

— Лус. Мори со-Литто по мужу. — Последние слова, выделенные особым тоном, подсказали Роалдо, что он находится, по крайней мере, на правильном пути.

— А где, позвольте узнать, ваш супруг? Как он мог оставить в одиночестве такую прекрасную женщину?

— Отдыхает, — коротко ответила девушка, не преминув загадочно улыбнуться. — И в

моем одиночестве, пожалуй, следует винить как раз вас, любезный. Не вы ли утомили моего Хани долгой утренней беседой?

Воркующий голос вызвал к жизни горстку мурашек, задорно прокатившихся по спине, и Смотритель Ганна-Ди почувствовал, что дуреет от странного сочетания показной скромности и вызывающей дерзости, присутствующих в каждой черточке собеседницы.

— Служба, знаете ли... — вот и все, что он смог пробормотать в ответ.

— Служба, да, — согласилась блондинка. — Ох уж эта служба! Иногда мне кажется, что вы, мужчины, почитаете ее намного больше, чем женщин. Вот вы наверняка влюблены в свою, не так ли?

«Я ее ненавижу», — хотел бы сказать Роалдо, но смелости не хватило.

— Таково мужское предназначение — служить.

— А в чем тогда состоит предназначение женщины? — томно понизив голос, спросила Лус Мори со-Литто.

Смотритель Ганна-Ди мог бы поклясться: какими бы грязными ни были его собственные мысли, то, что крылось на уме у белокурой бестии, давало им сто очков вперед. Ощущать себя не просто соблазненным, а соблазняемым... Давненько подобного блаженства не выпадало на долю Роалдо Лиени.

— Может быть, в том, чтобы облегчать наше служение? — робко предположил он.

Блондинка усмехнулась. Чуть свысока, еще больше оттенив свою недостижимую доступность, и Смотритель смущенно вернулся к избитым фразам:

— Ваш супруг, должно быть, очень счастливый человек.

— Должно быть, — охотно согласилась она.

— Редким мужчинам так везет в жизни.

— Потому что редкие мужчины признаются себе в своих желаниях.

В любом обществе эти слова сочли бы неприкрытым приглашением к действию. Но Роалдо все еще медлил, боясь и одновременно отчаянно желая прикоснуться к чужой свободе. Медлил, пока не услышал задумчивое:

— Но те, кто осмеливается, никогда не жалеют об этом...

Он не выдержал, поймал хрупкую, причем вовсе не болезненно худую, как у Доррис, ладонь и прижал ее к своим губам. Так сильно, как только посмел.

Белоснежная кожа была гладкой, как самый лучший шелк, но не обладала прохладой дорогой ткани, а, напротив, словно пылала огнем. И что-то похожее на алые огоньки сверкнуло в глазах блондинки, когда Роалдо поднял взгляд, с трудом оторвавшись от ничуть не препятствующей поцелуям руки.

— Я могу счесть это...

— Считайте чем вам будет угодно, — снисходительно разрешила Лус Мори со-Литто.

— Я...

— Знаете, есть на свете женщины, сил которых хватает для исполнения не одного только предназначения, а, к примеру, двух. И если сил достаточно, грешно отказывать страждущим.

Она была по-настоящему вольна делать что заблагорассудится. Другая на ее месте выглядела бы гулящей девкой, позволяя себе подобные вольности, но эта... Эта блондинка вела себя так, будто весь мир был дан ей в безграничное владение. И Смотритель Ганна-Ди вдруг понял, что рад стать для нее хотя бы верным слугой, если госпожа изменит свое решение.

Но она не стала ничего менять:

— Мой супруг дан мне судьбой, и я смиренно приняла сей дар в первую же минуту. Я дала обещание быть рядом с ним, что бы ни случилось, а это значит, куда бы ни пришлось отправиться мне, он тоже должен оставаться вместе со мной... Беда лишь в том, что он скучный человек, и, чтобы заставить его сидеть на одном месте, моей любви хватает не всегда. Лишь одни узы на свете способны удержать самых непоседливых... Особенно если такой человек еще и скупец.

Деньги. Конечно же деньги! Но где их взять?

— Вознаграждение помогло бы моему супругу решить остаться.

Блондинка поднялась с лавки, становясь в глазах Роалдо еще выше, чем тому казалось прежде.

— Скучные люди любят работать. А в вашем подчинении столько земель, что на них обязательно должна найтись какая-нибудь работа.

И сейчас...

Слушать беседу с улицы было не очень удобно: отдельные слова смешивались с шумом ветра, голосами других людей и прочими звуками, в изобилии наполняющими любое поселение. С другой стороны, мне не особенно хотелось вникать в подробности происходящего. Хотя бы потому, что излишняя осведомленность могла помешать казаться искренним. А еще потому, что завораживающий голос Лус напомнил о том, где располагается самое слабое место мужчины.

С галереи второго этажа во двор спускалась узкая лестница, своего рода черный ход, предназначенный для слуг, — на ней я и устроился, подставляя лицо теплему ветерку. Осада трактира стражами божьими была снята вместе с отбытием восвояси их начальницы, а все, кто мог меня в эти минуты видеть, вряд ли поспешили бы с донесением к Смотрителю Ганна-Ди.

Его не любили здесь. И даже не попытались полюбить. Выходит, мне еще повезло с моими подопечными: дольинцы, по крайней мере, не мыслили своего существования без кого-то поставленного сверху. Месяц-два, конечно, могли вытерпеть, подчиняясь приказам Нери, но если вспомнить, с какой радостью они ухватились за мое появление... А вспомнить и впрямь не мешает.

Ее голос всегда звучал иначе. Даже в моменты удовольствия от произведенного впечатления, даже в саду лекарицы. Особенно там. Если бы лисичка хоть отдаленно походила тогда на девицу, успешно туманящую разум Смотрителю Ганна-Ди, я бы не смог устоять и пообещал бы... Ну уж точно ничуть не меньше, чем Роалдо Лиени!

Продельывать обратный путь, чтобы потом снова спуститься вниз, было не очень забавно. Тем более что идти пришлось медленно, дабы по прибытии казаться человеком, только-только покинувшим постель. Или, на крайний случай, удобное кресло.

— Дорогая моя, ты скучала?

— Разумеется, дорогой. — Лус направилась ко мне навстречу сразу же, как только я ступил на первую сверху ступеньку, так что встретились мы примерно посередине лестницы. — Но, к счастью, этот достойный человек скрасил мое одиночество приятной беседой. А теперь, если не возражаешь, настала моя очередь мять подушки.

Она ткнула сжатыми губами мне в щеку. Ключула, как птичка. Со стороны, должно быть, все виделось совсем иначе, как милое общение любящих супругов. Ну хотя бы в той

мере, которая могла обмануть наблюдателя, ловящего каждый жест белокурой развратницы.

— Видимо, я должен вас поблагодарить?

— За что? — встревожился Смотритель.

— Моя супруга... Она любит общество. В обществе, особенно состоящем из мужчин, она расцветает. Не правда ли?

Был бы Роалдо Лиени юнцом, точно зарделся бы от смущения пополам с гордостью, а так только невнятно пролепетал что-то вроде «да, конечно, разумеется, вне всякого сомнения». Я не стал давить дальше, просто сел за соседний стол, куда трактирщица тут же принесла кружку с разбавленным вином и крошечные хлебцы, политые горячим сыром.

Самое ценное приобретение всегда не то, которое вы выпрашиваете, а то, которое вам всучивают наперекор мнимому сопротивлению. Сколько раз я видел, как мои Ведущие исполняют этот нехитрый трюк, притворяясь, что ни в чем не нуждаются, но одновременно каждым своим движением, вздохом и взглядом прося: «Дай!» И ведь давали. Не каждый раз, но в девяноста случаях из ста притворство добивалось успеха, а значит, мои шансы тоже весьма хороши.

— Вы позволите?

Он думал недолго, прежде чем присоединиться ко мне. Наверное, окончательно все решил аромат пряной закуски.

— Как пожелаете.

Роалдо Лиени кивнул, опускаясь на лавку. Сначала дождался, пока и перед ним поставят выпивку, потом — пока трактирщица скроется из виду, пригубил вино, заел хлебом и уставился на меня.

Он мог молчать долго, и я спросил, стараясь казаться немного рассеянным:

— Есть вопросы?

— Вопросы? О нет, что вы... Какие вопросы?

— О вчерашнем. Убийца уже найден?

Смотритель недовольно поморщился:

— Будет найден, уверяю вас.

— Что ж, это обнадеживает. А то, признаться, страшновато и сидеть в комнате, и выходить на улицу, когда повсюду такие люди.

— Люди? Разве он был не один?

— Вы же понимаете, — я понизил голос, словно старался убереечь нашу беседу от чужих ушей, — если мое смелое предположение верно и это кто-то из местных, у него есть сообщники. В конце концов, здесь же его родной дом.

Роалдо не обрадовали мои размышления, но он легко отмахнулся от угрозы, неважно, придуманной или настоящей, потому что его мысли были заняты совсем другими вещами:

— Бож с ними, этими душегубами! Им воздастся, не сейчас, так чуть позже. Поговорим лучше о вас!

— Обо мне? — Я изобразил удивление. — С чего бы вдруг?

— У вас такая замечательная супруга, — начал было Смотритель, но быстро сообразил, что эта тема заведет не туда, и исправился: — И вы, должно быть, человек тоже замечательный!

— Право, вы заблуждаетесь. Во мне нет ничего, что могло бы...

Он наклонился через стол и горячо предложил:

— Давайте поищем вместе. Уверен, обязательно что-нибудь найдем!

Внимание со стороны персоны, облеченной властью, всегда либо лестно, либо подозрительно, даже когда вам не дает проходу начальничек самого низкого пошиба. Смотритель бывшего ремесленного поселения не мог считаться большой шишкой нигде за его пределами, но, поскольку сейчас мы находились как раз в границах Ганна-Ди, следовало заметно насторожиться и одновременно притвориться, что испытываешь неловкость. А Роалдо, почувствовав преимущество, конечно же продолжил, еще больше усиливая напор:

— Простите, не знаю, чем вы живете. Торговлей? Или ремеслом?

Я ответил, гордо и сурово отменяя нелепые версии своего собеседника:

— Нахожусь на дарственной службе.

— О, какое достойное занятие! И где служите, позвольте узнать?

— У меня скромная должность. Всего лишь дозвенник.

Это признание успокоило и воодушевило Смотрителя еще больше.

— Что за Цепь?

Вот мы и подошли к самому главному вопросу, ответ на который я придумывал все время, пока сидел на лестнице за окном. И надеюсь, не ошибся.

— Цепь градоустройства.

Роалдо расплылся в довольной улыбке:

— Какая замечательная служба!

И судя по всему, имеющая спрос в здешних краях, если держательница местной кумирни бредила преследованиями.

— А по мне — весьма скучная. Считать камни, существующие и давно исчезнувшие, а потом гадать, сколько они могли стоять, не самое веселое занятие.

— Вы проводите...

— Осмотр зданий и сооружений на предмет ремонта.

— Любых?

— Большой разницы нет. Возиться приходится лишь с теми, для которых не сохранились чертежи, но и это дело поправимое.

— Вы-то мне и нужны! — радостно заявил Роалдо.

— Зачем вдруг? — помрачнел я. — Мне нужно возвращаться на место службы. Отпускали-то ненадолго, по семейным надобностям.

— И совсем не можете задержаться?

Я сделал вид, будто глубоко задумался.

— Даже для оказания услуги представителю власти?

Я нахмурился еще мучительнее.

— Личной услуги?

Последний вопрос-уточнение прошелестел не громче сквозняка, но попал в цель вернее всех предыдущих.

Любая прослойка общества, живущая по определенным правилам, хочет выжить, и это понятно. Кому вдруг взбредет в голову добровольно умирать? Так и власть: есть законы и приказы, а есть еще и связи между людьми, которые порой держат крепче, чем цепи. Даже те, что состоят из разномастных Звеньев. И когда кто-то «с твоей стороны» просит о помощи, отказ потрясет самую основу существования мира. А что обычно случается потом? Правильно, буря, сметающая на своем пути всех, кто не успел убежать и спрятаться.

— Чем я могу вам помочь?

Напряжение ушло с лица Смотрителя быстрее, чем вода — в раскаленный песок.

— Совсем небольшое дело. Крохотное. И ваши труды будут оплачены, не сомневайтесь!

Я все же усомнился. Показательно. Поднял брови домиком.

— Здесь поблизости есть одно строение... Старое. Полуразрушенное. Сейчас в нем располагается кумирня, и держательница желает восстановить все, как было. Стены и все прочее, что полагается. Мне надо будет выставить счет поселению, но я и понятия не имею, сколько просить, чтобы не остаться внакладе.

— А среди местных разве нет каменщиков?

Роалдо Лиени отмахнулся:

— Бросьте! Они занижат цену, платить-то нужно будет им самим. Я и нанимать их не хочу, позову кого-то со стороны. Понимаете?

Если всех предыдущих свидетельств о злоупотреблениях властью было вполне достаточно для рассмотрения вопроса о смене Смотрителя в Ганна-Ди, то нынешнее

заявление втаптывало провинившегося в землю по самые плечи. Впрочем, я поймал себя на мысли вовсе не о том, что в жажде наживы преступно пренебрегать служебными обязанностями.

Человек, которому доверили жизни людей и благополучие земель... Как он может поступать подобным образом? Мне никогда не приходило в голову намерение или желание обмануть дольинцев. Ни разу. С самого начала. А здесь все ровно наоборот. Почему?

Роалдо не приветили в поселении? Что ж, меня тоже встречали не с распростертыми объятиями. Считали скорее знаком, чем человеком? И я неоднократно чувствовал то же самое. Может, вообще все Смотрители всегда проходят одинаковый путь. Но вряд ли все ведут себя так же, как мой собеседник. Не думаю, что тому старику, мирно отошедшему ко смерти в Блаженном Доле, что-то было нужно сверх дома, очага, еды и одежды. А значит, все зависит...

От человека.

Раньше я не задумывался об этом. Что называется, Бож миловал, устраивая встречи с людьми нечистыми на руку, но не забывающими об исполнении долга. Тот же Атьен Ирриги. Он мог обогатиться, отпустив купца, и ничем не рисковал, но предпочел благо всех остальных своему личному. Хотя... И ему могло не повезти уцелеть, если бы то животное и впрямь несло в себе заразу. А Керр? Вряд ли он испрашивал дозволения на все свои действия, но всегда держал в голове безопасность Дарствия. Про Натти уже и не говорю. Уверен, ради друзей или знакомых он мог бы вытворить что угодно, но, как только возник вопрос о том, будет наш мир жить или погибнет, рыжий ни на мгновение не мешкал с выбором.

Эти люди не были образцами для подражания, если присмотреться внимательнее. И все же я неосознанно старался быть похожим на них. И сейчас постараюсь, потому что знаю, как любой из них поступил бы на моем месте, а в собственных решениях должной уверенности нет.

— Да, никто не хочет платить за общее благо из своего кармана.

— Он совсем небольшой, тот замок. Много времени осмотр наверняка не займет.

— Ну если трудиться с утра до вечера... — протянул я, принимая озабоченный вид.

— Да, именно, с утра до вечера! И на службу вернетесь вовремя, и серебром разживетесь!

Он ерзал по лавке, чуть ли не приплясывая от нетерпения. И я не стал упираться:

— Читайте, уговорили. Ну рассказывайте, где тут у вас что.

* * *

В способностях демона справляться с напором разгоряченного обещаниями мужчины я все-таки сомневался, а потому попросил трактирщицу приглядывать за происходящим и время от времени ненароком появляться на виду у воркующей парочки, чтобы держать влюбленного в узде. Отправляться со мной Роалдо Лиени не пожелал. Отговорился тем, что у него есть неотложные дела и все прочее, требующее внимания. Зато отписал письмо держательнице, запечатал в футляр и торжественно вручил мне, несказанно довольный и счастливый, потом показал дорогу, что должна была привести меня к кумирне, и распрощался. Так быстро, что дверь захлопнулась на волосок от моей спины.

Я ухмыльнулся, представляя, сколько неприятностей доставят сегодня Смотрителю неожиданные явления трактирщицы, и зашагал к месту всученной мне службы, рассчитывая оказаться у развалин не позже обеда. Я вообще всегда неплохо рассчитывал временные

отрезки для разного рода действий, но жизнь обычно норовит все устроить по собственному усмотрению.

Для вскрытия замка футляра понадобилось остановиться и присесть на придорожном камне, поскольку пружинный механизм требовал к себе внимательности и отсутствия качки. Впрочем, содержание письма оказалось не тем, ради чего требовалось идти на жертвы. Все как всегда: уверения в собственной старательности, туманное объяснение, почему именно я должен вести осмотр руин, зато красочное и убедительное описание замечательного будущего, которое непременно настанет, если меня беспрепятственно допустят к исполнению назначенной службы. Можно было не читать вовсе.

Я вернул письмо на место, приводя замок в прежнее положение, и отправился дальше по дороге, но опять же успел прошагать не больше полумили, как меня окликнули. Из-за спины, что заставило немного напрячься, потому что еще мгновение назад пройденное место выглядело совершенно пустым, а кусты на обочине дороги были безмятежно спокойны.

— Здесь поблизости ведь есть кумирня?

Местный житель не задал бы такого вопроса, значит, мы с незнакомцем на равных. Оба чужаки. Вот только вряд ли он об этом знает.

— Есть, как не быть, — ответил я, поворачиваясь лицом к вопрошающему.

Голос у него был вполне мужской. Вернее, юношеский. А вот внешность куда больше подошла бы девице. Хрупкое сложение, бледная до прозрачности кожа, огромные серо-синие глаза, расширенные словно от страха, но глядящие с надеждой, и... Уже хорошо знакомый мне покрой одежды, не мужской и не женский, а нечто среднее, годящееся к ношению и теми и другими. Правда, выглядел этот наряд не лучшим образом: местами тонкая ткань была усыпана пятнами, местами прорвана, а сверху густо припорошена дорожной пылью. Кем бы ни был этот человек, дорога на его долю явно выдалась не самая прямая. А когда он сделал несколько шагов ко мне, видимо ободренный моим ответом, стало понятно, что если незнакомец и собирался путешествовать, то вовсе не пешком, потому что подошва на его сапогах была совсем хлипкая, предназначенная для паркетных полов, а не для земли, оцетинившейся острыми камешками.

— Далеко отсюда?

Я посмотрел на то, как неловко он двигается, постоянно перенося вес то на одну, то на другую ногу, и пообещал:

— Доберетесь.

Он кивнул, сделал еще шаг и вдруг хлопнулся прямо на дорогу. Коленями по камням. Но, видно, телесные страдания занимали незнакомца намного меньше всего остального, потому что он всего лишь немного сморщился от боли, а глаза заблестели слезами совсем другого происхождения.

Так выглядит человек, который тратил все имеющиеся силы на какое-то важное дело и наконец добрался до его окончания. Счастливый человек.

— Поднимайся. — Я сдвинул сумку с письменными принадлежностями назад, за спину, подошел к страдальцу и протянул руку. — Обопрешься, идти будет легче.

Он поднял на меня полупустой взгляд:

— Вы...

— Доведу тебя до кумирни. Я и сам туда шел.

Незнакомец вцепился в мое запястье тонкими пальчиками, как куринок лапками.

Несмотря на то что, поднимаясь на ноги, он повис на предложенной опоре всем телом, при большой надобности я смог бы даже нести этого задохлика достаточно долгое время. По крайней мере, чтобы добраться до места назначения. Слава Богу, странник не злоупотребил полученной помощью и именно оперся о мою руку. Правда, скорость передвижения сразу заметно снизилась: похоже, ступни незнакомца были уже сильно изранены.

— Не самая подходящая обувь для местных дорог, — продолжил я беседу.

— Да, не самая, — согласился он, заметно припадая на левую ногу.

— Зачем же такую выбрал?

— Я не выбирал. Другой... другой нам не давали.

Любопытно. Как мальчишка мог оказаться здесь? Допустим, воспользовался порталом, только не в Ганна-Ди, там ведь нет Наблюдательного дома и всех полагающихся к нему чудес. Ближайший городок расположен слишком далеко, чтобы идти оттуда сюда пешком, да и если бы незнакомец решился на это, то стер бы ноги по колено, а сейчас похоже, что он шел день, самое большее два. Значит, в здешних местах он оказался обычным способом. Посредством конной повозки, которая по каким-то причинам вдруг отказалась продолжать путь. Или не смогла это сделать из-за...

Странная внешность, испуганный вид, досмотр всех проезжающих. Неужели?

— Ты, часом, не из тех прибоженных, которых повсюду ищут?

Если бы он был беглым, то наверняка испугался бы такого вопроса, а произошло обратное: по звучанию голоса можно было бы решить, что незнакомец стал еще счастливее, чем раньше.

— Ищут? Нас ищут?

— Да. Везде где только могут.

— Значит, и их найдут... Должны найти! — Его пальцы сжали мое запястье еще крепче.

— Кого?

— Тех, кто был вместе со мной. Мы... Нас везли в кумирню, потому что время посвящения подошло.

— И много вас ехало?

— Трое. Всего трое. Но тем, кто напал на повозку, нужно было еще меньше...

Напал? Ну и дела. Кому понадобились прибоженные, да еще не вошедшие в силу? Разве что кому-то из окрестных богачей, любящих сомнительные развлечения. Хотя, если так, подростков могут не найти живыми, и об этом моему спутнику лучше даже не догадываться.

— Кто напал на вас? Во что они были одеты? Ты видел их лица?

Прибоженный мотнул головой и вынужден был снова повиснуть у меня на руке, когда невинное движение потянуло его за собой и едва не уронило на дорогу.

— Лица были закрыты. Совсем.

— Даже глаза? Как же они могли тогда что-то видеть?

— Глаза... — Он-она запнулся, сначала языком, потом ногами. — Я видел глаза. Темные.

Так. Плохо. Очень плохо. Все утро я пытался внушить держательнице кумирни мысль о том, что убийство — дело рук местных жителей, но стоит ей услышать от уцелевшего свидетеля похищения всего пару слов, и мои труды пойдут насмарку. Если не предпринять небольшой хитрости.

— Темные? Это слишком неопределенно. Карие? Сливовые? Зеленые? Фиалковые?

Прибоженный оторопело выслушал перечисленное и только беспомощнее расширил

глаза.

— Я не знаю... Лица были закрыты тканью, а дырки напротив глаз... В них было темно.

Главное, посеять сомнения в правдивости воспоминаний: человек, еще минуту назад твердо уверенный в том, что видел, начнет путаться и отступаться от своих же слов. Мне не шибко хотелось подвергать и без того пострадавшего мальчика не менее жестоким испытаниям, но на кону стояло слишком много жизней, чтобы пустить все на самотек.

— Я должен был запомнить? Да? — Он-она отчаянно стиснул мой рукав.

— Ты сделал то, что мог. Не волнуйся. Ты жив, ты добрался туда, куда шел, а значит, все правильно.

Прибоженный не поверил. То есть поверил, но только ушами. Не сердцем.

В исполнении тех, кого я сопровождал на протяжении десяти лет, подобные трюки не вызывали у меня ни малейших чувств. Это было нужно для дела, и только. Никаких рассуждений, тем более сожалений. Казалось бы, сейчас все происходило по-другому, надо мной не стояли командиры и приказы, однако внутри снова ничего не колыхнулось. Почти ничего. Повторись наша встреча еще раз и еще, да хоть с десятков, я снова, ни мгновения не раздумывая, воспользовался бы любой возможностью сбить свидетеля с его воспоминаний.

Ради чего?

Ради того, чтобы выжить. Мне и нескольким другим людям.

Значит, разницы между прошлым и будущим не было. Я делал то, чему меня благополучно научили, делал старательно и успешно, потому что понимал: надо. А чувства...

— Не волнуйся. Все хорошо.

Как и любой замок, развалины, на которых была сооружена кумирня, ползли вверх по склону холма вместе с неширокой, зато хорошо утоптанной дорогой. Бывшие крепостные стены начинались примерно за две сотни шагов до башен главных ворот, но теперь и от тех и от других осталось всего несколько рядов кладки. Часть камней когда-то упала вниз, не удержавшись на остатках раствора, и вросла в землю, часть была сворочена со своих мест относительно недавно, чтобы стать фрагментом массивного здания в глубине замкового двора.

Охранных постов при входе в границы кумирни не было. Потому что не было сооружений, способных приютить пару-тройку человек: парни стояли прямо на свежем воздухе, благо погода это позволяла. И при нашем приближении грозно выступили вперед:

— Чего надо?

Судя по грубому приему, держательница не стремилась обучить своих стражей ничему, кроме слепого повиновения, что еще больше убеждало: она-он растила армию. А для защиты или завоеваний неважно.

— Письмо от Смотрителя, — протянул я повторно запертый футляр одному из ретивых охранников.

Тот скривился, но печать на послании была, по меньшей мере, похожа на те, которыми Роалдо Лиени помечал свои бумаги, значит, следовало передать депешу по назначению. На моего спутника ни один из парней даже не взглянул. Зато держательница, едва появившись на свет божий из придверных сумерек, уделила все свое внимание как раз подростку, робко притихшему рядом со мной.

— Дитя?

Она-он шагнула нам навстречу, замерла, снова сделала шаг, потом простерла руки в жесте то ли приветствия, то ли призыва. Ни единого слова не прозвучало, и все же мой спутник понял, что от него требуется. А может, ждал приглашения, потому что бросился к держательнице, упал у самых ее ног и обхватил руками колени, прячущиеся под белой мантией.

— Что случилось? Кто-то причинил тебе вред? Только скажи и... — В голосе прибоженной и самый предвзятый слушатель не уловил бы сейчас притворства.

— Они не тронули меня, не тронули... Отпустили... Им были нужны только двое из нас троих...

На месте держательницы я бы тут же устроил обстоятельный, а если потребуется, и пристрастный допрос с выяснением всех подробностей похищения, но она-он почему-то вместо сурового негодования и праведного гнева просияла почти материнской лаской.

— Все хорошо, дитя. — Прибоженная склонилась над подростком, потом опустилась на землю и обняла его за плечи, прижимая к себе. — Все хорошо. Никто больше тебя не обидит.

Звучало убедительно. И я бы поверил в искренность проявленной заботы, если бы держательница не взглянула в мою сторону, поднимаясь и увлекая за собой странника, избежавшего участи своих спутников.

— Делайте свое дело. И делайте хорошо.

Ни капли доброты. Ни тени снисхождения. Так хозяин мог бы приказывать своему рабу. Или тот, кто вот-вот собирается стать хозяином.

Я поспешил опустить взгляд и поклониться. Не слишком низко, но достаточно, чтобы исподлобья проследить за удаляющейся парочкой, не вызывая подозрений. Потом разогнул спину и спросил у стража, относившего письмо:

— Знаешь, что мне поручено?

— Переписать камни, — ухмыльнулся тот.

— Откуда можно начать?

Я предполагал, что меня направят в такое место, где легче легкого сломать ноги, а то и шею, но, видно, держательница и впрямь нуждалась в возведении крепостных укреплений, потому что сопровождавший меня парень больше не открывал рта даже для невинных насмешек, не говоря уже о прямых оскорблениях и угрозах. Правда, задерживаться на зияющей провалами галерее не стал: просто развернулся и ушел, оставив меня наедине с камнями, ветром и зелеными просторами, убегающими из-под ног куда-то к горизонту.

Конечно, я не собирался по-настоящему выполнять то, на что меня подрядили, но требовалось пустить пыль в глаза, поэтому из сумки на выщербленный камень стены был выгружен альбом и пенал с грифелями. Отец частенько пользовался моей помощью, когда требовалось поразмыслить над служебными делами дома. Собственно, он и научил меня самым простым приемам построения чертежей и проведению расчетов, в надежде, что когда-нибудь я займу в Цепи градостроения его место. Не вышло. Однако память о юношеских навыках осталась, и сейчас стоило ею воспользоваться.

На мое счастье, строители старого замка не гнались за размерами и пышностью: все здесь начиналось с чего-то вроде сторожевой заставы, постепенно обросшей укреплениями и всевозможными пристройками, правда, сейчас почти разобранными. Только одно строение сохранилось и упрочилось усилиями тех, кто возводил кумирню. Главный арсенал, как можно было бы его назвать сейчас. Мрачный шестигранный склеп с узкими прорезами в стенах вместо окон, двухъярусный, причем, по традиции, потолки верхней галереи едва доставали до затылка человеку среднего роста, а кому-то более рослому пришлось бы передвигаться согнувшись. Единственной странностью были узкие каменные лестницы, спиралями взбиравшиеся на арсенал к тем его участкам, где ранее наверняка располагались выходы, по крайней мере, кладка там выглядела намного свежее, чем в других местах. Обычно пути отступления из арсенала роют под землей, далеко за границы крепости, а здешние жители как будто намеревались сбежать от внутреннего врага, а не от внешнего.

Несколько штрихов наметили первую линию стен, можно было приступать ко второй, но тут меня окликнули. Вернее, спросили:

— Красивый вид?

Я поднял взгляд от бумаги на простирающийся под гребенчатой стеной луг с проплешинами каменистых холмиков. И решил, что врать не буду.

— Не слишком.

— Отвратительный, — наполовину презрительно, наполовину печально заключил незнакомец, непонятным образом бесшумно подобравшийся ко мне по усыпанному мелкими камешками каменному же полу. — И другим никогда не станет.

Его голова была гладко выбрита, и солнечные лучи бликовали на загорелой коже. Избавление от волос редко входило в привычку обычных людей, особенно когда этим стали увлекаться волшебники Цепи одушевления, а потому человек, неожиданно навязавшийся мне в собеседники, легко мог оказаться каким угодно Звенем. А внешность... Внешность как раз позволяла предположить подобное.

Немолодой. Но старый ли? С заметными морщинками, правда, возникшими скорее от чрезмерной подвижности мышц, чем от возраста. Сухопарый,двигающийся спокойно и чуть небрежно. Похоже, самоуверенный. Ну а проявленная бесцеремонность как раз свойственна людям, облеченным властью. Вот только наряд отчаянно протестовал против серьезности намерений своего хозяина.

В богатых домах так одевают особого рода слуг. Тех, кто предназначен для увеселения гостей и домочадцев. Яркие краски, спорящие друг с другом, вычурность кроя, обилие ремешков и ленточек, ни малейшего намека на кошельки или поясные сумки: создавалось впечатление, что незнакомец только что вышел из парадной залы какого-то особняка в сад, чтобы вдохнуть свежего воздуха и тут же вернуться обратно. И правда, зачем обременять себя лишней ношей, если все, что может понадобиться, ждет тебя за соседней дверью?

— Служите при кумирне?

Он прищурился, подглядывая в мой рисунок:

— Не больше вашего.

— Живете поблизости?

Бритая голова неопределенно качнулась. При желании этот жест можно было принять за «да». Или за «нет».

— А к чему, собственно, сии вопросы?

— К тому, что здесь не самое подходящее место для прогулок.

— Разве?

Если он намерен играть со мной, зря тратит силы. У меня не так много времени, чтобы разгадывать загадки. Хотя для прямых ударов все-таки еще рано.

— На воротах есть охрана. Вы ее не заметили?

— Охрана? — Незнакомец вроде бы серьезно задумался, но через мгновение рассмеялся: — Помилуйте, да сюда сможет пройти и ребенок! Если захочет.

Я с сомнением окинул взглядом окрестности.

Подходы к бывшим замковым укреплениям были как на ладони. Более того, если раньше стены могли закрыть собой человека, подобравшегося к их подножию, сейчас такой трюк не прошел бы. Либо пришлось бы ползти на четвереньках. Да, через четыре-пять рядов сохранившейся кладки переберется кто угодно, но потом все равно окажется на открытой площадке, хорошо просматривающейся с наблюдательных постов.

— Не верите? — улыбнулся мой собеседник.

Я не стал отвечать. Вернулся к рисунку. Если со мной хотели поговорить, поговорят непременно.

— На западном склоне есть ложбинка. Каждую весну ее все больше и больше размывает талой водой, стекающей из-под стены. Скоро там можно будет ходить в полный рост, не опасаясь быть замеченным.

Возможно, незнакомец говорил правду: с этой стены было не разглядеть. Но местность он явно знал хорошо. Наверное, все же жил здесь. Когда-то.

— Вы прошли не там.

— Почему же? — по-детски удивился он моему возражению.

— На вашей одежде нет... Нет следов подобной прогулки.

Это была чистая правда: ни щепотки пыли не виднелось на ткани многоцветного наряда и башмаках. Конечно, встречаются умельцы, способные оставаться незапятнанными в самых грязных обстоятельствах, но обувь, особенно замшевая, всегда носит на себе память о

пройденных дорогах, а эта просто-таки сияла чистотой. Собственно, чем больше я исподволь присматривался к своему собеседнику, тем больше терялся в догадках, кого именно вижу перед собой.

— Подловили! — легко и чуть ли не радостно согласился он. — Но пройти там можно, поверьте. Да и тут, если посмотрите внимательнее, найдете полным-полно всяких тропок, ведущих в любое удобное вам место.

— Много ходов, говорите? Странно для крепости.

Бритоголовый приподнял брови, а заодно вместе с ними в воздух взметнулась кипа ленточек:

— Первый здешний хозяин не собирался ни от кого обороняться. Он всего лишь... — Его глаза были синими, как небо над нашими головами. И такими же непонятно глубокими. — Он просто ждал.

— Чего?

— Кого, — поправили меня. — Ждал гостей. И думал, что готов их принять.

— А на самом деле?

— Вы ведь спрашиваете не потому, что вам интересно меня слушать, — притворно посетовал незнакомец. — А чтобы я побыстрее выговорился и убрался восвояси. Верно?

Я промолчал, не собираясь отрицать очевидное.

— А это хорошо, знаете ли, — продолжил он, явно чему-то обрадовавшись, и пробормотал, обращаясь уже к самому себе: — Отсутствие интереса обеспечивает точность запомненных сведений и точность передачи их... По назначению. Когда это будет необходимо.

Его размышления вслух звучали странно, зато весьма соответствовали безумству наряда, поэтому беспокойства не возникало, как я ни пытался насторожиться. Человек, заведший со мной разговор, был каким угодно, но только не опасным. Лишь поначалу в ощущениях мелькнуло что-то вроде угрозы, да и то скорее от неожиданности, а потом все улеглось. Словно мы с ним находились по разные стороны невидимой стены и не могли причинить друг другу вред, даже если бы очень захотели.

— Я расскажу вам одну историю. Очень старую. Она случилась еще до того, как здешние земли стали называться Логаренским Дарствием. Задолго до. Тогда жили и здравствовали другие страны, ныне давно уже забытые, кое-где и вовсе не было ничего, а время текло, как ему заблагорассудится, то отставая, то обгоняя события.

Тон его голоса напомнил мне ярмарочных сказителей, развлекающих слушателей легендами о героях и чудовищах. Напевный, чуть отстраненный, наполненный какой-то необъяснимой уверенностью в том, что я выслушаю все до последнего слова.

— В далеких краях жил один юноша. Дерзкий, отважный и... Умным его тогда никто не называл, а уж мудрым не назвали бы и сейчас, а вот соображал он неплохо. Весьма неплохо. Много лучше своих наставников и друзей. А еще ему нравилось размышлять о невозможном. Вернее, о том, чего до него никто еще не делал. И однажды сей настырный юноша предположил, что ткань мироздания — материя податливая и многогранная, скрывающая за своим пологом невероятные приключения.

Я видел таких. Настырных. Обычно они заканчивали жизнь до срока, разбившись с непреложные правила.

— Все что нужно было, как виделось ему, это прорезать небольшую дырочку. Таковую, чтобы хотя бы заглянуть внутрь. За грань мира. Правда, подходящего ножа под рукой сразу

не нашлось. Пришлось потратить некоторое время на поиски. Довольно долгое время. Другой бы давно уже отступил от юношеских мечтаний, но этот... Этот был упорен в своих намерениях. Упрямец, каких поискать. И добился поставленной цели. Если бы он знал, чем придется заплатить за исполнение заветного желания...

Последнее слово заставило вздрогнуть и отряхнуть с сознания сонную паутину рассказа. Про желания я уже кое-что знаю. Причем такое, что лучше бы не знать вовсе.

— Оно поддалось. Мироздание. Так легко, что стоило заподозрить ловушку, но успех слепит глаза надежнее, чем солнечный свет... Прореха, которую удалось создать, сомкнулась мгновенно. Путь назад был отрезан, оставалось двигаться лишь вперед, через пустоту, тьму которой не могли рассеять даже звезды, вспыхивающие то здесь, то там.

Темнота, пронизанная искрами? Я видел что-то похожее, когда умирал. Вернее, считал, что умираю. Она вовсе не казалась страшной, вот только горсть огоньков, заматавшаяся тогда перед моими глазами, боялась лететь туда. И я протянул им руку.

— А потом все вдруг закончилось. Тьма отступила перед светом. Светом нового мира... — Бритоголовый смешно сморщил нос, подставляя лицо солнечным лучам. — Он был очень похожим на тот, родной. Разница стала заметна только много позже, когда кудесник захотел сотворить чудо, а чуда не получилось. Но он сказал себе, что решит и эту задачу, а пока остался там, где пересек границу миров, в надежде что кто-то пойдет следом: их ведь надо было встретить.

Я мог бы сказать незнакомцу, что понимаю, о чем идет речь. Первый пришелец из земель, наполненных магией. Сколько ему должно быть сейчас лет? И сколько человеческих тел он успел сменить за это время?

— Они пришли. Нескоро, но все же пришли. Только первая встреча закончилась ничем. Крохотный сгусток сознания. Синяя звездочка, зажегшаяся над тем местом, где на твердую землю ступил неугомонный искатель... Одно лишь сознание, без плоти, смогло пробиться через утолщившуюся ткань мироздания, а голый разум не мог существовать в этом мире долго без защиты. Без должной оболочки.

Постойте-ка. «Ступил на твердую землю»? Что же получается, первый из демонов пришел сюда в своем природном обличье? Целиком?

— Он искал нужное тело долго. И старался не думать о том, сколько искр вспыхнуло и погасло, пока продолжались поиски. Наконец нашлась юная девушка, родители которой согласились ее уступить за скромную плату, потому что их дочь была слишком глупа даже для того, чтобы рожать кому-то детей: ее сознание дремало, и все должно было получиться. Синяя искра растворилась в человеческой плоти. Но открывшиеся глаза принадлежали все той же несчастной глупышке...

У которой не было ни единого желания, способного быть исполненным. Либо их было слишком много, и демон намертво запутался в силках чужой воли.

— Следовало все начать сначала. И он начал. Девушка оставалась при нем. А поскольку о ней требовалось заботиться, пришлось построить дом, обзавестись помощниками, хозяйством... В доме прислуживали молодые супруги, только-только поженившиеся, мечтавшие о ребенке и любящие друг друга больше жизни. Но счастливы они были недолго. Нелепая случайность убила женщину. Мужчина... горевал. Так нечасто бывает, что вдовец не ищет утешения в объятиях другой, но перед глазами этого стояло только одно женское лицо. Нет, он не искал смерти нарочно. Просто угасал день за днем. И глупышка, которая видела, что происходит, но ничего не понимала, однажды спросила, почему он так печален.

Потому что несчастлив без своей возлюбленной, ответил тот. Что могла сделать девушка, пусть и недалекая, но с добрым и щедрым сердцем? Искренне пожелать несчастному вернуть свою потерю. Пожелать вслух, при свидетеле, который быстро понял, что к чему, недаром был сообразительным с детства.

Рассказ звучал так буднично, что я и не предполагал, чем он закончится. А когда услышал, подумал: как все просто. И как чудесно.

— Искра сознания разгорелась. Та, чужая, пришедшая издалека. Задуманный план удался. Правда, это был только первый шаг на пути надежд и разочарований. На все еще не оконченном пути. Но с той развилки взяла начало еще одна дорога. Тот несчастный вдовец, помните? Он все-таки обрел свою возлюбленную.

Я должен был сам сообразить, каким образом, ведь все необходимое для размышлений у меня имелось. Но предпочел вопросительно взглянуть на собеседника.

— Желание исполнилось в точности, как и было положено. Беда лишь в том, что глупышка не умела думать, и то, что она представила в своем воображении, было ужасным. Хотя и прекрасным тоже. Мужское и женское в одном теле. Единое, не подавляющее друг друга, а существующее в мире и согласии.

Первый прибоженный? Должно быть. Вот только...

— То были дикие времена. Наивные и невинные. Все, что отличалось от привычного хода вещей, объявлялось чудом либо уничтожалось. А иногда и то и другое вместе. Вдовцу еще повезло: его измененную плоть начали почитать. Нет, сразу божеством не объявили. Позднее, много позднее, когда стали замечать, что в нем уживаются две разные сущности, каждая со своим нравом. А времена, повторяю, были дикие... Что обычно подносят богу? Самое лучшее, дабы не гневался, а источал благословение. И пробуют сохранить его кровь в потомках. Их было много, девственниц, взошедших на ложе Двуетьного. Но ни в одном ребенке не нашлось и следа божественного. В первом поколении. Во втором. В третьем. Только четвертое и пятое породили людей объединенного пола, и вера, почти угасшая, начала возрождаться.

Что ж, дальнейшее понятно и так. Кроме одной детали, пожалуй.

— Их ведь должно было стать много?

— Кого?

— Прибоженных.

— Должно было, — согласился бритоголовый.

— Так почему не стало? Разве у них не может быть детей?

— Могут. И бывают. Правда, при определенных условиях, о соблюдении которых... Вернее, о несоблюдении которых тщательно заботятся.

— Каких условиях?

Незнакомец посмотрел на меня искоса, но с заметным любопытством.

— А вот теперь вам стало интересно, — довольно заключил он.

Конечно, интересно. Если прибоженные могут размножаться, почему им не дают этого сделать? Потому что считают их особенностью уродством? Но тогда бы не почитали двуполых так свято. И главное, кто не дает? На подобное способен только кто-то вроде Дарохранителя: отдать жестокий приказ и быть уверенным в его исполнении. Но зачем?

— Он не был богом, тот вдовец, — продолжил бритоголовый.

— Потому что его желание исполнил кто-то другой?

— Потому что это было его желание. Его. Понимаете? Богом оказалась глупышка, искренне посочувствовавшая горю.

Та, что несла в себе демона? Та, что должна была умереть после исполнения желания... Но должна ли была? Она ведь хотела чего-то не для себя.

— Настоящее чудо то, которое творится для других. А вдовец... Он всего лишь нес его свет в своем теле.

— Свет чуда?

— Да. Теплый, яркий свет. Свет, который до сих пор теплится в телах его многочисленных потомков. Но иногда его накапливается слишком много, — добавил незнакомец, делая упор на последнее слово.

— Что вы хотите сказать?

— Изначально свет был рассеян. По крупнице. Или по лучику, как правильнее? Но кровь имеет свойство перемешиваться снова и снова, а значит, однажды все эти лучики вновь сойдутся вместе и... — Он воздел ладони вверх. — Пфффф!

— И что будет?

— И будет свет. — Видя, что я не понимаю, бритоголовый пояснил: — И родится новый бог.

— Настоящий?

— А это как повезет, — улыбнулся он. — Боги же не рождаются на пустом месте. У них обычно бывают хоть плохонькие, да родители.

* * *

Откуда-то, как мне показалось, издалека донесся вой.

— В здешних краях водятся волки?

— Не припомню. Но звери, вышедшие на охоту, точно имеются, — скривился незнакомец. — И лучше либо не стоять у них на пути...

— Либо?

— Самому стать охотником.

Вой повторился и зазвучал еще громче. Теперь создавалось впечатление, что он идет откуда-то изнутри. Из-за толстых стен.

— Время к обеду, — заявил бритоголовый, взглянув на солнце. — Пожалуй, я вас оставлю. С собой не приглашаю, уж извините, тем более что это было бы невозможно.

Я оглянулся, попытавшись разглядеть источник воя, новым всплеском дошедшего до моих ушей, а когда повернул голову, безумно наряженного незнакомца на стене уже не было. И поблизости от стены тоже.

Он мог спрыгнуть вниз, либо по ту сторону, либо по эту, но спрятаться, да еще учитывая, насколько ярко одет, не успел бы. Походило на то, что он попросту растворился в воздухе под странные звуки, становящиеся все громче и надсаднее.

— Это там. Да, именно там, куда вы смотрите.

Я обернулся на голос так быстро, как только смог.

Бритоголовый стоял на самом краешке стены, скрестив руки на груди, и его лицо выражало явное неодобрение. Причем вовсе не в мой адрес, как можно было бы подумать.

— Если пожелаете взглянуть, вон та лесенка приведет вас в нужное место, — указал он на вьющуюся вокруг арсенала ступенчатую тропинку. — Проем закладывали остатками камней, да и раствора пожалели. С виду кладка кажется прочной, а на деле... Не собираетесь взглянуть?

— Не раньше чем вы уйдете.

Он шутливо нахмурился:

— Надеетесь понять, как я это делаю?

— Хотя бы увидеть.

— Глаза неспособны рассказать нам многое об этом мире. Разум, — бритоголовый коснулся указательным пальцем голого виска, — только разум может собрать все воедино.

Я уже получал такие намеки. Наставники обычно говорили то же самое, когда пытались добиться от нас дельного результата. Но в предложенные обстоятельства я пока еще не мог войти, и мой собеседник это понял.

— Сознанию подвластны любые чудеса, — сказал он, загадочно и чуть печально улыбаясь. — И чем теснее границы, в которых оно заключено, тем больше плотность вашего внутреннего волшебства. Настолько больше, что...

Его фигура дрогнула и рассыпалась на кусочки. Да, на небольшие такие кусочки, разноцветные, но не осыпалась вниз, под стену — тогда я бы еще мог решить, что это обман зрения, отвод глаз, иногда использующийся лазутчиками и ворами, — а продолжала висеть. И те фрагменты, что мгновение назад составляли лицо незнакомца, двигались в такт словам.

— Оно само становится чудом. Правда, чудом лишь для себя самого, так что настоящего бога из меня так и не получилось. Одно название...

Внезапно подувший ветер подхватил обрывки бритоголового и унес с собой куда-то в луга, а может, в сторону Ганна-Ди, но я не стал следить за этим странным полетом, потому что вой так и не подумал стихать. А главное, к нему присоединился стон. Значит, зверь загнал-таки свою жертву?

Возможно, самым естественным выбором было бы потихоньку убраться из развалин, благо про безопасные отходные пути мне только что рассказали. И все же из головы не желали уходить слова об охоте и охотниках. После стража божьего, ловко подставленного под любой случайный удар, следовало опасаться и других попыток держательницы объявить войну. Что, если надрывные завывания предвещают очередной спектакль, главным действующим лицом которого назначено быть мне? Обстоятельства удобные, ничего не скажешь: свидетелей моих занятий нет, место, где сейчас нахожусь, не просматривается от ворот и дверей арсенала, и все обитатели кумирни с радостью подтвердят, что я безбоязненно мог учудить какую-нибудь пакость. А потом просто придут за мной, обвинят и...

Нет уж. Если на меня и вправду решили повесить всех собак, надо посмотреть в глаза хотя бы одной из них.

Лесенка, указанная незнакомцем, оказалась настолько узкой, что взбираться по ней пришлось, прижимаясь спиной к стене. Впрочем, даже такое неудобство справедливо могло считаться сейчас подспорьем, потому что чем меньше становилось расстояние между мной и камнями, тем больше шансов было остаться незамеченным, особенно снизу. А вот входной проем выглядел почти единым целым с остальной кладкой, и сначала я решил, что надо мной жестоко посмеялись, но первый же камень, на который надавила моя ладонь, сдвинулся с места, зашуршав песком давно разохшегося раствора.

Чтобы войти быстро, достаточно было навалиться на кладку всем весом, но тогда стало бы слишком шумно, а мне все же не хотелось привлекать внимание прежде, чем придет пора действовать, поэтому для начала я проделал смотровое отверстие. Наискось, так, чтобы солнечный свет не попал внутрь и не выдал меня. Звуки, больше не задерживавшиеся камнем, стали звонче, намного разборчивее, но от того показались еще более омерзительными. И я бы не решился представить, что они берут свое начало из человеческих

уст, если бы не видел это собственными глазами.

Действо, сопровождаемое воем, вершилось внизу, прямо посередине бывшего арсенала, и участниками его были всего два человека. Вернее, двое прибоженных. Держательница кумирни, выпрямившаяся, как будто проглотила кол, и тот избежавший похищения подросток. Он, в отличие от голосащей в белой мантии, не стоял, а лежал на полу, корчась в страшных судорогах. И стонал все тише. Однако странными мне показались не действия людей, а кое-что другое.

По краям кумирни горели свечи. Немного, но достаточно, чтобы видеть очертания фигур и лица. К тому же свет не должен был подниматься выше второго яруса: у тонких свечных фитильков попросту не хватило бы сил на это. А тем не менее по своду купола прыгали всполохи. Бледные, не солнечные зайчики, а скорее их призраки, и все же они были, вспыхивая то здесь, то там и с каждым новым всплеском воя словно спускаясь вниз. К держательнице.

Звуки стихли внезапно. Оборвались на самой высокой ноте, и наступила мертвая тишина. С минуту или больше фигура в белой мантии стояла неподвижно, напоминая статую, потом покачнулась, сделала шаг, снова остановилась, будто бы собираясь передохнуть. Так она-он добралась до дверей, ведущих куда-то в помещения за главным залом кумирни, и плотно притворила за собой створки. А второй из участников непонятого обряда остался лежать, не подавая признаков жизни.

В сущности, мне не должно было быть никакого дела до тайных забав прибоженных, но тело на каменном полу принадлежало человеку, еще совсем недавно доверчиво опиравшемуся на мою руку. Человеку, принявшему мою помощь, чтобы попасть напрямик в объятия страданий и...

Нет. Он не мог умереть. Это было бы слишком несправедливо.

Как бы быстро мне ни хотелось оказаться внутри, я не стал торопиться больше необходимого и толкнул полуразобранную кладку, только когда от нее осталось меньше двух третей. Показалось, что камни посыпались вниз с ужасающим шумом, однако ни мгновение спустя, ни чуть позже стража не распахнула двери кумирни. Получила приказ не обращать внимания на звуки, раздающиеся изнутри? Что ж, тем лучше для меня.

Оказавшись рядом с прибоженным, я облегченно выдохнул, заметив слабые, но явственные движения грудной клетки. Смерть если и собиралась прийти, то запаздывала, а значит, встречу с ней можно было попытаться отложить вовсе.

— Ты меня слышишь?

Полупрозрачные веки шевельнулись, но не поднялись. Отлично, парень в сознании. Теперь осталось понять, как действовать дальше.

— Что ты чувствуешь?

Сиреневые губы вздрогнули.

— Холодно...

А вот это плохой признак.

— Постарайся не думать о холоде. Вот так лучше? — Я сгреб его в охапку и прижал к себе.

— Темно...

Конечно, темно, глаза ведь закрыты. Да и света после того, как непонятные всполохи исчезли вместе с держательницей, стало намного меньше.

— Так темно... Внутри...

Он не дрожал. Совсем. Руки бессильно лежали вдоль тела, голова, если бы не опиралась на мое плечо, наверное, повисла бы.

— Сейчас будет немного больно.

Лучше всего было бы делать это в лежачем положении, но я почему-то боялся выпустить прибоженного из своих рук. Два сильных нажатия под грудь, которая еще не успела вырасти, выгнули хрупкое тело дугой, но зато глаза сразу открылись. Во всю ширину.

— Все хорошо. Теперь твоя кровь побежит намного быстрее.

И впрямь, его щеки потихоньку начали менять цвет. Правда, не на розовый, а скорее на желтый, но по сравнению с бледной синевой это уже была победа. Да и сам прибоженный как будто стал согреваться в моих объятиях.

— Ну как, теплее?

Ран в его плоти не было, кости на ощупь тоже казались целыми, и все же парень выглядел как пропущенный через жернова. А ведь держательница к нему даже не прикасалась.

— Свет...

— Зажечь еще свечей? Хорошо, сейчас.

— Возвращается...

Я бы не понял, о чем он говорит, но в следующее мгновение по измученному лицу скользнули уже знакомые мне всполохи.

Они снова скакали под сводами кумирни, мечась из стороны в сторону, будто кем-то вспугнутые, и теперь можно было разглядеть, что это не искры, подобные сознаниям демонов, а просто клочки света. Клочки вроде тех, на которые рассыпался бритоголовый. Они не слепили глаза, просто накрывали своей золотистой вуалью то один, то другой участок пространства. И постепенно сжимали свое кольцо вокруг прибоженного.

— Свет...

Он был уже совсем близко и вроде становился ярче. А может, мне так казалось, потому что клочки накладывались один на другой, как слои ткани, и за ними уже невозможно было ничего разглядеть.

— Его так много...

Да, пожалуй. Наверное, на вершине горы в полдень и то менее светло, чем здесь и сейчас.

— Больше, чем было...

Они повисли в воздухе вокруг нас и между нами, а потом покрывало, сотканное из света, опустилось на прибоженного, словно хотело согреть, но тот вдруг отчаянно взмахнул руками:

— Нет... Не нужно... Я не хочу... Больше не хочу...

Оно не послушало. Прошло через одежду. Втянулось внутрь плоти, как вода в песок. Парень пытался протестовать, слабо отбиваясь, но свет не слушал его. А может, не мог слышать.

— Заберите... Заберите его... Кто-нибудь...

Прибоженный содрогнулся, будто собирался изрыгнуть содержимое желудка. Я не успел бы отодвинуться, даже если бы хотел это сделать, но губы, все еще сиреневые, остались сжатыми. Зато глаза...

Они не могли так расширяться, и все же показалось, что на меня смотрит не моргая не меньше чем половина лица, а то и все целиком. А потом взгляд, страдальческий,

умоляющий, вспыхнул огнем. Белое золото затопило собой все вокруг, но тут же схлынуло до последней крупинки. Когда же острота зрения вернулась, можно было подумать, будто никаких блуждающих всполохов и прочих странностей не происходило вовсе: огоньки свечей по-прежнему вяло разгоняли сумерки кумирни, неподвижно вытянувшись, и только сверху, через проделанную мной дыру, спускался рассеянный лучик дневного света.

Тело в моих руках безжизненно обмякло. Но только попытавшись уложить его на пол, я понял, что оно стало не просто мягким, а...

— Я опоздал?

Это должно было прозвучать вопросом, только он-она, открывая рот, уже догадывался, что спрашивать не у кого и незачем.

Привычно запыленный, похоже, лишь минуту назад покинувший седло, прибоженный помедлил между распахнутых дверей, глядя на меня и мертвеца у моих ног, потом двинулся внутрь. Неторопливо, потому что торопиться было некуда.

Подойдя, он-она присел на корточки, провел кончиками пальцев по лицу подростка, и плоть, которая должна была бы держаться за кости, податливо следовала за движениями чужой руки. Сверху вниз. Справа налево. И не вернулась на прежнее место.

— Что все это значит?

Прибоженный мотнул головой и с мрачным видом поднялся на ноги.

— Доррис?

На первый зов никто не откликнулся.

— Я знаю, что ты здесь: больше тебе негде быть.

И снова после его слов наступила тишина.

— Выйди сюда, Доррис. Выйди сама, ты ведь всегда все делаешь по-своему.

Я думал, что и эта попытка останется без ответа, но двери в глубине кумирни скрипнули, открываясь. Правда, та, что появилась из них, больше не была похожа на прежнюю гордую и властную обладательницу белой мантии.

Обычно так выглядят старцы, пережившие свой век. Или чучела, сделанные неумелым чучельником, забывшим, что кроме скелета нужна еще и набивка. Казалось, кожа на лице прибоженной по имени Доррис прилегала прямо к черепу. Кистей рук не было видно под длинными рукавами, но ткань предательски обрисовывала то, что осталось пусть от истощенной, но совсем недавно вполне человеческой фигуры.

— У меня получилось, Парри. Я знаю, что получилось!

— Разве? Посмотришь в зеркало или... Взгляни хотя бы на свои ладони!

Держательница качнула головой, и я невольно испугался, что исхудавшая шея переломится раньше времени. Прежде чем будут даны все ответы.

— У меня получилось. Ты не верил, и зря. Ты никогда не верил мне до конца!

— Ты умираешь, Доррис. И ты должна это хорошо понимать. Посвящение никогда не делают в одиночку. Думаешь, правило было придумано просто так?

— Они просто не желают делиться... А вот я бы поделилась. С тобой. — Она-он шагнула вперед и упала, не удержавшись на остатках ног. — Я бы поделилась. Если бы ты хоть немного мне верил.

— То, что ты сделала... Это было глупо. И опасно.

— А ты всегда старался меня защитить, не так ли? — Держательница зашла в сухом кашле. — Не вылезал из седла, только бы не дать мне попробовать провести посвящение... Я же знаю, что ты хотел найти пропавших первым. Найти и вернуть.

— Потому что они заслуживают жизни. Как заслуживала и ты.

— Разве это жизнь? — всхлипнул скелет в белой мантии. — Я умирала, Парри. Ты же сам видел! Мне оставалось совсем немного. Год. Два от силы. А посвящение вдохнуло бы в меня новую жизнь!

— Ты должна была испросить разрешения.

— И они бы позволили? Ерунда! Они слишком цепко держатся за свои привилегии, эти старые жирные сучки! Я умирала, пойми. И всего лишь сделала то, что мне оставалось.

Прибоженный покачал головой:

— У тебя всегда оставался и другой путь. Принять свою судьбу.

— Как принял ты? Да ты просто всегда был трусом и слабаком! Ты ведь мог тогда заступиться за меня перед всеми? Мог. Но промолчал. Или сам поверил, что я виновата в твоём изменении? — Руки держательницы, на которые она-он опиралась, чтобы оставаться в сидячем положении, подломились, и то, что медленно, но верно переставало быть человеком, окончательно рухнуло в ворох белой ткани. — Ты верил... Верил кому угодно, но только не мне...

Последние слова прозвучали уже еле слышно, следом раздалось что-то вроде всхрипа, и неподалеку от первого мертвеца упокоился второй.

— Что все это значит? — повторил я свой неуместный, но важный вопрос.

— Она провела посвящение, — сказал прибоженный, подходя к останкам держательницы. — И погибла, потому что не имела права это делать.

— А тот? Почему умер он? И почему...

— Я не могу рассказать вам все: это не моя тайна. Да и не знаю всего. Но каждый из нас должен пройти посвящение, чтобы не погибнуть еще до наступления совершеннолетия. Наша плоть... Она меняется дважды. Первый раз, когда проступают признаки двуполости, второй чуть позже. Примерно к восемнадцати годам. Это похоже на лихорадку, но всегда у кого-то более меньше, у кого-то больше. И если не провести обряд... — Он-она повернулся лицом к мертвому парню. — Произойдет что-то вроде этого.

— И никто не выживал без обряда?

— Никто не пробовал. Это страшно, чувствовать, как твое тело перестает тебя слушаться.

— Но даже потом вы живете...

— Не вечно. Ну и что? Каждому отмерен свой срок. Наверное, я тоже скоро умру, ведь изменения у нас начались почти одновременно.

— У вас?

Прибоженный кивнул:

— Ее взяли в мою семью приемным. Но любили как родную дочь, пока не стало ясно, что Доррис двупола.

— А потом возненавидели?

Он-она грустно улыбнулся:

— Не сразу. Только после того, как со мной начало происходить то же самое. Легко было решить, что виновата она. Что заразила меня. Я и сам верил. Но несмотря ни на что не переставал ее любить. Родители выгнали Доррис вон. Даже не послали весть о ней в ближайшую кумирню. А меня... держали взаперти. Надеялись, что болезнь отступит. Конечно, потом им пришлось меня отпустить, но я искал свою возлюбленную несколько долгих лет, а когда встретил, едва узнал. — Прибоженный опустился на колени рядом с телом держательницы. Вернее, теперь уже рядом со скелетом. — Она была обозлена на весь свет и иступленно мечтала о власти. Только в редкие минуты Доррис становилась похожей на себя юную, ту, в которую я влюбился. И это давало надежду. Я следовал за ней повсюду и старался повернуть все вспять. Иногда казалось, что это мне удастся... Но потом случались новые приступы страха и злости. Она даже обзавелась собственной стражей, чтобы никто и никогда не смог ее выгнать! Бедняжка. Ей было больно и плохо, я знаю. Но она не желала искать утешение в моих объятиях. — Он-она ласково провел ладонью по темным волосам. — И все же ты в них окажешься, любовь моя... Потому что больше не сможешь сопротивляться.

Чувствовалось, что обстоятельства подходят к тому пределу, за которым наши пути обязаны разойтись, и я спросил, используя последние минуты:

— И куда теперь денутся стражи божьи? Оставьте их при себе?

— Я вернусь в обитель. А эти юноши... Они могут стать стражей, только уже обычной. Если захотят. Я позабочусь об этом.

Прибоженный склонился над мертвой возлюбленной, и даже тупой от рождения человек догадался бы, что их пора оставить вдвоем, но меня что-то словно тянуло за язык.

— А то, что она говорила... Про обряд. Он и правда мог продлить ее жизнь?

Он-она помолчал, глядя в закрывшиеся глаза держательницы.

— Мог. Если бы она пошла другой дорогой. Но тогда она не была бы самой собой. Той, которую я полюбил.

* * *

Наверное, по возвращении у меня был слишком растерянный вид, потому что демон по имени Конран, успешно избавившийся от общества Смотрителя Ганна-Ди, и сам переменялся в лице, когда я вошел в трактирную залу.

— Трудный выдался день? — спросил он, заботливо наполняя мою кружку элем.

День? Итоги подводить рановато. Только половина прошла, но сегодняшних событий хватило бы и на целый месяц.

— Никогда не любил кумирни и их приживал, — сказал я и сделал самый большой глоток, на какой был способен. Хмельные пузырьки полопались, оставляя на языке терпкую горечь, и скользнули внутрь, обжигая горло. — Забористое...

— Надо было налить чего полегче?

Он тревожился. Совершенно искренне, а в сочетании с девичьими чертами лица это выглядело и вовсе трогательно.

— Нет, скорее уж покрепче.

— Что стряслось? — Лус наклонилась над столом.

— Ничего смертельного, — успокоил я, а про себя добавил: «Надеюсь».

— Выглядишь странно.

— Насколько?

— Ну... — Демон задумался. — Как будто тебя огрели по голове.

В каком-то смысле так оно и было. Начиная со встречи на замковой стене.

— Помнишь, ты говорил, что тебя казнили за поклонение старому богу?

Ни одна черточка на девичьем лице не дрогнула, сохраняя невинное выражение, но ответ прозвучал холодно:

— И не горю желанием повторить это.

— Не нужно. Лучше расскажи мне о том боге.

— Я ничего не знаю о нем.

Скорее всего, демон просто не желал разговаривать на предложенную тему, но другого источника сведений у меня все равно не было.

— Он ушел из вашего мира, верно? А как давно это случилось?

Лус хмуро сдвинула брови:

— Очень давно. Несколько императоров назад. А каждый из наших императоров жил очень долго.

— И его уход отрезал вас от природной магии?

— Так говорят. Я не прислушивался.

— А может быть так, что...

Возможно, мне следовало молчать об увиденном и услышанном. Для своей же безопасности. Но оставлять в неведении того, кто простился с жизнью из-за полубезумного чудака, было как-то нечестно. Не по-человечески.

— Что может быть? — бесстрастно переспросил демон.

— Это был человек. Один из вас. Умный, умелый. А еще очень настырный. Однажды он всего лишь захотел раздвинуть границы мироздания и... раздвинул. Только они захлопнулись за его спиной, заодно не позволяя вернуться и магии, которую он унес с собой.

На лице Лус отразилось сомнение, но я все-таки продолжил:

— Наверняка он не в одиночку искал свой путь. Были помощники, ученики, друзья. Они пытались найти его и вернуть обратно, только уже не чудесным образом, потому что не могли воспользоваться своей магией. Зато на помощь пришла магия самого мира. Правда,

она позволяла переносить лишь сознание, а не тело...

— Слишком простая история.

— Неправдоподобная?

— Наоборот. Если все это происходило кучу веков назад, того парня и впрямь могли в конце концов обозвать богом.

— Но вы не поклоняетесь ему, значит, кто-то помнит, как все было на самом деле. Помнит и передает эти знания по наследству.

— И тогда становится понятно, почему верующих вылавливают и казнят, если не удастся усмирить их иначе, — пробормотал демон. — Потому что глупо поклоняться чужой ошибке, приведшей к большим бедам. Но откуда... — Лус подняла взгляд на меня. Очень пристальный и напряженный взгляд. — С чего тебе вдруг пришла в голову вся эта история? Только не говори, что вдохновила прогулка по старым развалинам!

Я вздохнул, сделал еще один большой глоток и поставил кружку на стол.

— Сегодня днем я встретил бога вашего мира.

Девичьи глаза начали расширяться, напомнив мне о мертвом прибоженном. И пока они не заняли половину лица, я поспешил добавить:

— Он появился из ниоткуда, рассказал мне свою историю и ушел.

— В никуда?

— Не знаю. Думаю, вернулся туда, где живет сейчас. Живет не тужит, как я понимаю. Хотя не оставляет попыток найти дорогу домой.

— Как он выглядел?

— Как ты или я. Как человек. Не молодой и не старый. Причудливо одетый, это да. Так обычно наряжают домашних шутов. Весь такой разноцветный, из заплаток. На заплатки, кстати, и разлетелся, когда уходил. Улетел облачком.

Лус, не сводя с меня взгляда, потянулась за моей кружкой, поднесла ко рту, опрокинула, не отрывала от губ, пока не допила весь эль, и только потом, чуть заикаясь, переспросила:

— О-об-облачком?

— Все, забудь. Не было ничего. Никаких облаков. Погода, погляди какая замечательная! Солнце в полный рост.

Солнца и впрямь было много. Зал трактира слепяще мерцал пылью, плавно кружащейся в ярких лучах, и я смог разглядеть лицо хозяйки, только когда она подошла совсем близко.

— Уже вернулись?

Она ждала хороших новостей с полным на то основанием. И самое главное, верила в то, что перемены к лучшему войдут в ее жизнь именно с моей легкой руки. Руки, которая вовсе ни к чему не прикладывалась. Об этом, впрочем, легко умолчать. Если не спросят прямо.

— Да. И кое-что должен вам рассказать.

— Позвать всех? — встrepенулась женщина.

— Не стоит. Передадите им мои слова сами.

Она понятливо кивнула и уселась за стол рядом с Лус, все еще ошеломленно пялящейся, но, слава Богу, уже не на меня, а в пространство.

Бож. Теперь это полуимья-полутитул звучало для меня совсем по-другому. И я пока не понимал как — внушительнее или легковеснее. Зато, пожалуй, многое отдал бы за то, чтобы встречи на замковой стене никогда не происходило.

— Позвольте задать вопрос?

Трактирщица недоуменно кивнула, видимо полагая, что спрашивать — мое

неотъемлемое право, а отвечать — ее первейшая обязанность.

— Это имеет отношение к происходящему, поверьте. Как давно вы недовольны деяниями Смотрителя?

— Да уж больше года. Когда от стражей совсем проходу не стало.

— А как давно отправили прошение в столицу?

Она мысленно сосчитала дни и послушно доложила:

— Месяц с четвертью.

— Почему же вы ждали так долго? За год что-то изменилось? Только хорошо подумайте, прежде чем ответить.

Подобные предостережения, внешне вроде бы призванные обезопасить собеседника от необдуманных слов, на самом деле преследуют иную цель: заставить сомневаться и запутать в собственных ощущениях. Женщина попалась на эту уловку легче, чем столичные купцы — в сети Атьена Ирриги.

— Я... Они стали приходить все чаще и... Становились все требовательнее...

— Или вам так казалось, потому что в вас копилось негодование. Впрочем, неважно. Когда именно вы решились просить о замене Смотрителя? Что вас подтолкнуло?

Она совсем растерялась и посмотрела на меня глазами не менее большими и круглыми, чем только что таращила Лус.

— Подтолкнуло?

Не хочет думать своей головой? Что ж, имеет право. Очень удобная позиция для человека по другую сторону стола. Вот только зачем мне такое удобство?

— Вы не знали, что Смотритель может быть смещен. Верно?

Женщина поспешно кивнула.

— Значит, кто-то вам рассказал?

— Ну да. Лейто. Вы ж его видели!

Тот книжник. Помню. Но это еще не все.

— Когда именно состоялся ваш разговор?

— Да зимой еще, — ответила трактирщица и осеклась, догадываясь, что время играет во всей истории весьма важную роль.

— Итак, у вас имелось праведное недовольство и свод законов. Два орудия нападения. Но никто никогда не бросается в бой, пока его тылы не защищены. В одиночку вы бы до сих пор сидели на своей кухне, костеря Смотрителя на чем свет стоит, но безропотно кормили бы юных наглецов. И только найдя сторонника, решили начать сражение. Я все правильно говорю?

Она снова кивнула. Не очень охотно, скорее вынужденно.

— Любому человеку обычно нужна поддержка. В больших делах, в мелочах. А если кажется, что весь мир вдруг восстал против тебя, первый, кто протянет руку помощи, становится больше чем другом.

Я говорил и при этом больше смотрел в окно, а не на свою собеседницу. По двум причинам. Во-первых, легкое пренебрежение взглядами и жестами других участников разговора придает весомости твоим собственным словам, пусть самым наивным и нелепым. Однако намного важнее было то, что «во-вторых».

Действия Роалдо Лиени не вызывали у меня одобрения, сочувствия или чего-то подобного, обычно порождающего снисхождение к проступкам, и все же я не хотел крушить его жизнь. Конечно, от меня дальнейшее уже не зависело: проверяющий из столицы рано

или поздно придет, обман будет раскрыт, и разразится скандал, но если удастся посеять сомнения в главной заказчице разбирательств, если удастся убедить ее, что даже очень сильные люди временами бывают слабыми...

На меня ведь тоже могут написать жалобу. И честно говоря, на месте лисички я бы не слишком медлил, если она и вправду недовольна моим назначением. Одно то, что Смотритель сбежал невесть куда без объяснений, уже заслуживало открытого недоверия. Не удивлюсь, если прошение, похожее на творчество заговорщиков из Ганна-Ди, уже лежит на столе перед каким-нибудь столичным дознавателем. А защитников у меня нет, и вполне возможно, что возвращение в Блаженный Дол обернется прощанием с очередной несостоявшейся жизнью.

Но пока топор еще не падает вниз, руку палача можно попробовать отвести в сторону, пусть эта плаха предназначена вовсе не мне.

— Вы не виноваты в том, что произошло. Хотели обзавестись дорогой игрушкой? Пожалуйста. Единственное, забыли, что она живая и не согласится молча лежать в пыльном сундуке. Нет, конечно, Смотритель тоже хорош: плыл по течению, пока его не выкинуло на пороги. В случившемся нет вины. Есть ошибки. С обеих сторон. Чьи тяжелее? Не знаю. Зато я вижу, что вы могли бы хоть один раз попробовать пойти навстречу друг другу. Могли бы поговорить по душам.

Трактирщица хотела возразить, но я поднял ладонь:

— Сейчас не время для споров. Просто подумайте над тем, что я сказал.

— Но он же...

Да, вел себя недостойно должности. Это я видел своими глазами.

— Все его проступки будут подтверждены. Как положено. И еще одно... Скоро в здешней кумирне будет новая держательница. Или держатель. И никаких стражей божьих в Ганна-Ди не останется, а значит, Смотритель снова окажется без поддержки. Это отличный шанс начать все сначала. Для всех вас.

Женщина выслушала меня, не проронив ни слова, и краем глаза я видел, что ее лицо все больше становится похожим на тучу. Оно и понятно, кому захочется копаться в собственных глупостях, особенно если кто-то чужой тыкает тебя в них носом? А когда наступила тишина, трактирщица поднялась с лавки, неожиданно тяжело выбралась из-за стола и направилась в сторону кухни. Молча, как будто проглотила язык.

— Хорошая была попытка, — сказал демон, уже немного отошедший от недавнего потрясения.

— Бесплезная, — подытожил я, с сожалением глядя на пустую кружку, в которую теперь уж точно никто не поспешит подлить эля.

— А тебе-то что? Пусть сама решает.

— Думаешь, решит правильно?

— Правильно, неправильно... — Пальчики Лус погладили глиняный бок питейного сосуда. — Подумать тут есть над чем. А уж умеет она думать или нет, ее беда. Я вот только одного не понимаю...

— Чего?

— С какой радости ты вдруг стал заступаться за этого похотливого дурака? Есть причина, о которой я не знаю?

Этого вопроса я боялся куда больше, чем обвинения в обмане и присвоении чужих привилегий. Потому что не мог ответить. Долгий рассказ о прошлом, с объяснениями и оправданиями был не нужен ни демону, ни мне. Ему, всю жизнь избегавшему ответственности и обязательств, вряд ли будут понятны мои мотивы. И мои страхи.

Управлять чужой судьбой оказалось для меня непосильной задачей. Не по моей голове шапка, как говорится. С Блаженным Долгом все было иначе, там жили люди, вверенные моей опеке, стоящие хоть на волосок, но ниже меня, а здесь речь шла о равном. О таком же Смотрителе, как и я сам, со всеми достоинствами и недостатками. Легко видеть ошибки тех, кто у твоих ног, еще легче обвинять в преступлениях того, кто над тобой, а стоит повернуть голову и посмотреть на человека, стоящего в одной шеренге, рядом...

Наверное, все это вбили в меня во время обучения. Наверное, это были не самые нужные знания и привычки, может, даже опасные. Но без них нет и не может быть человека по имени Ханнер, к добру это или к беде.

— Почему бы и нет?

— Ага. Почему бы? — Лус перекинула ноги через лавку, ухитрившись не запутаться в подоле. — Пойду проведу соотечественницу. Заодно расскажу, что бояться больше нечего.

Выглядело так, будто демон обиделся, не получив ответа. Считает, я скрываю что-то важное? И правильно делает. Может, так доверия станет меньше, а чем тоньше узы между нами, тем легче будет принять и выполнить решение. То, окончательное.

Пылинки заплясали в золоте солнечного света, провожая девичью фигурку, но едва успели угомониться, как новое движение по трактирному залу заставило их начать

очередной бесшабашный танец, искажая черты человека, подходящего к столу, за которым я сидел. Впрочем, мне и не хотелось особо присматриваться.

— Чужой хлеб отбиваешь?

Наверное, этот длинный нос я не забуду даже в глубокой старости, когда не смогу вспомнить и произнести собственное имя.

— Киф Лефер? Из какого города на сей раз?

Он сел напротив, так же, как и я, стараясь смотреть больше на улицу, чем на собеседника.

— Из того, где тебя быть не должно.

Золотой знак не выставлен напоказ, значит, Цапель прибыл в Ганна-Ди не для развешивания тумачков местным властям, а для...

Ну да, конечно же!

— Прощение тебе всучили или сам взял?

— А ты как думаешь?

— Судя по твоему недовольному виду...

— Глаза слишком часто обманываются.

Он явно был не расположен к дружеской беседе, но уходить от разговора тоже не хотел. Итак, я должен что-то услышать? Тогда поскорее бы!

— В столице перевелись дела и заботы? Сбежал от скуки в провинцию?

— Это ты сбежал. Сначала в провинцию, потом из нее.

Лицо Кифа не выражало ничего особенного: легкая рассеянность, капелька пренебрежения к окружающему миру, остальное — унылое спокойствие. И вместе с тем чувствовалось, как под этой тщательно сотворенной маской назревает настоящая буря.

— Не по своему желанию.

— Ну да. По приказу?

Цапель, похоже, прекрасно знал, что никакого приказа не было. Было личное намерение Керра. Но вот догадывался ли длинноносый, что оно не терпело никаких возражений?

— Я не мог отказаться.

— Разумеется. — Он повернул голову и посмотрел мне в глаза. — И я бы не отказался. Вот только мне даже не предложили.

Обида — особое чувство. Оно способно как подвигнуть на великие свершения, так и довести до беспощадного душегубства. Все зависит от случая и от человека.

— Мне должны были предложить.

Забавно наблюдать, как за спокойным и ровным тоном бушует нечто вроде ненависти. Главное, успеть отойти подальше, чтобы огонь, вырвавшийся наружу, тебя не опалил.

— Помешало твое... теперешнее состояние.

— В котором виноват ты.

Он точно ненавидел. Но вот кого именно?

— Не я засаживал в тебя демона.

— Ты не выполнил мою просьбу. Помнишь?

Не люблю, когда о том, о чем нужно кричать, разрывая ворот рубашки, говорят тихо и почти скорбно. Это всегда означает ложь.

— Если человека можно спасти, зачем его убивать?

— Спасти... — Киф наконец-то попробовал то ли усмехнуться, то ли фыркнуть. — Смерть как раз стала бы спасением. Но ты решил по-другому. Зачем пропадать добру, да?

Вообще-то мне никто не давал права решать тогда. Я мог бы рискнуть, конечно, взять на себя грех, но решению Керра доверился больше, чем своим запутанным ощущениям. И даже теперь, оглядываясь назад, не видел никакой ошибки.

— В этом вы похожи. Наверное, потому и спелись.

Ага, понятно. Длинноносый уверен, что мое отправление в Катралу происходило полюбовно. Наверное, надо было бы его разубедить, но...

Кто для него Керр на самом деле? Начальник — да. Но не только. Отец? Старший брат? В любом случае, Цапель явно старается или старался равняться на него. Восхищался, уважал и всякое такое. Надеялся однажды встать вровень со своим учителем. А тут я возник. Никто, ничто и звать никак, зато получаю задание, которое Киф мечтал бы выполнить сам. И ведь не объяснишь, что все события последних дней мне даром не были нужны, что действовал не я, действовали мной, как слепым орудием, что если я стою с кем-то на одной ступени, то с туповатым дозвенником, чья судьба сейчас висит на волоске.

На рыжем волоске из челки Кифа.

— Он не хотел подвергать тебя опасности.

— Только не рассказывай мне сказки, как той деревенской дуре! — Вот теперь в голос моего собеседника прорезался прежний задор. — Об ошибках и прочей ерунде! Он прекрасно знал, что с демоном внутри я смогу делать лишь половину того, что должен.

— Зато сможешь делать много всего другого. Например, оставаться живым при любых ранениях.

Киф презрительно скривил губы:

— Я не боюсь смерти. И он это знал. Знал, понимаешь?

— Ну тогда просто считай, что он не хотел видеть тебя мертвым. Малодушно и себялюбиво хотел сберечь жизнь человека, который ему...

— Дорог? Чушь!

— Небезразличен. Может, ты его любимая игрушка. Я-то откуда знаю? Думай, как тебе приятнее.

— А ты?

— Что — я?

— Кто ты для него?

Длинноносому нужен был ответ на этот вопрос. Может быть, именно ради него и был затеян весь разговор. Иначе зачем было подходить? Проще было спокойно просидеть в темном углу, послушать, понаблюдать, а потом отправить донесение о непозволительном поведении одного зарвавшегося Смотрителя. Вернее, двух: чего уж бумагу жалеть?

— Понятия не имею. Я встречал Керра всего несколько раз в своей жизни и при обстоятельствах, о которых разумнее было бы забыть навсегда.

— Но тебе он доверяет! Если бы ты предложил ему помощь, он бы...

Помощь? Ну да. Натти как раз и собирался помогать. А я-то, дурак, должен был сразу спросить, как дела в столице, глядишь, тогда и беседа пошла бы по-другому! Не спросил. Даже мысли не возникло. Потому что, когда увидел Кифа здесь, вдали от золотозвенных интриг, ни на мгновение не усомнился: все в порядке. Иначе Цапель бы в Ганна-Ди не появился, живой, здоровый и обиженный. Он мог скорбеть, злбиться, иным образом переживать свое бессилие, если бы с Керром что-то стряслось, но только не обижаться.

Обижаются ведь обычно на тех, кто вышел сухим из воды.

— У него нашлись другие помощники.

— Да! Именно! Другие. Кто угодно, только не я.

Любопытно, лет эдак пятнадцать спустя, когда рыжие волосы начнут редеть, а худощавая фигура тяжелеть, он будет все так же искренне считать, что лучше многих делает и свои дела, и чужие? Надеюсь, что да.

— Поэтому сбежал подальше? Вряд ли разбирать прошения — твоя забота.

— Я не сбежал. Мне надо было...

— Успокойся. Понимаю. Только подумай немножко, как себя сейчас чувствует Керр, наверняка рассчитывавший на поддержку и вдруг оставшийся без верного человека рядом. Мне, к примеру, было бы обидно.

Меня ведь тоже бросили. Натти, поганец, вытолкнул прочь и сам сорвался с места. Где его теперь искать, когда он нужен?

— Ничего, справится!

— Конечно. Иначе не был бы тем, кто он есть.

— Ему никто и не нужен!

Возможно. Но иногда, в очень краткие мгновения разговоров мне казалось, что Керр умеет ценить чужую свободу. Особенно свободу принятия решений. И ни слова не скажет длинноносому, когда тот вернется. Никогда не напомнит о случившемся.

— Ты этого не узнаешь, пока не вернешься обратно.

— У меня дело не закончено.

— Здесь-то? Оно левое.

— Это я уже понял. Если даже ты смог разобраться.

Начинает язвить? Хорошо. Вылил желчь, и славно. Жаль только, что на меня.

— Я не разбирался. Просто предложил просительнице еще раз все обдумать. Да и местному Смотрителю будет над чем поломать голову в ближайшее время.

— Хочешь сказать, они достойны друг друга?

— Ну это им решать. Не мне уж точно.

— Потому что боишься?

Угу. Можно и так сказать.

— В конце концов, это тебя сюда прислали.

— Вот тут ты прав. А сам что здесь делаешь? Где ты должен находиться? В Блаженном Доле, верно? — Киф перешел в наступление. — Да еще с какой-то странной девицей повсюду шастаешь.

— Почему странной?

— Ну... не знаю, — замялся длинноносый. — Мы незнакомы, но ощущение такое, как будто что-то нас связывает.

Демоны, что же еще? Один в тебе, другой в Лус. Хорошо, что ты об этом не догадываешься.

— Я должен ей помочь. В родственных делах. А потом сразу вернусь домой.

Если будет куда возвращаться.

— И все-таки веди себя поосторожнее. Розыск не объявляли, но... Всякое может случиться, особенно если будешь представляться, как здесь.

— Я не представлялся. Они сами все придумали за меня.

— Вот-вот. — Цапелль встал из-за стола. — Это и страшно. Сегодня придумали за тебя одно, завтра, едва уедешь, придумают другое. Поэтому лучше уезжать еще до всяких придумок.

— О себе говоришь?

— Мне здесь делать уже нечего. Могу даже поспорить, что эта женщина завтра же заберет свое прошение обратно. Ей надежнее пригрозить Смотрителю отложенным наказанием, чем добиваться назначения нового страдальца. Новый ведь может оказаться куда хуже старого.

Я не был так уверен в будущем Ганна-Ди, как Киф. Впрочем, у него имелся собственный опыт, и кто сказал, что меньший, чем у меня?

Длинноносый ушел не прощаясь и так быстро, чтобы у меня или кого-то другого не возникло намерения продолжить разговор. Хотелось верить: торопится увидеть Керра и убедиться либо в своей правоте, либо в моей. Ну и хорошо, значит, внакладе не останется.

Когда я заглянул в комнату, недавними стараниями уборщиков избавленную от следов убийства, смуглокожая одержимая сидела на постели рядом со своей дочерью, все еще пребывавшей в беспамятстве, и, наверное, мое лицо выразило по этому поводу некоторое разочарование, потому что Лус, стоящая у окна и обернувшаяся на звук шагов, широко, а главное, злорадно улыбнулась.

— Как она себя чувствует? — спросил я у южанки, не обращая внимания на довольные гримасы демона.

— По-прежнему. Но дыхание уже ровное. Надеюсь, через день-два откроет глаза.

Два дня под крышей у хозяйки, которая справедливо на меня дуется? Бож милостивый, дай мне силы!

— Что ж, подождем.

— Вам нет нужды ждать. Я сама присмотрю за моей доченькой. Столько времени, сколько понадобится.

— Но вам вдвоем будет не слишком удобно ехать. В тот же Жемчужный пояс.

— А мы не поедem. — Одержимая убрала прядь волос с безмятежного личика.

— Как так? Это ведь ваш шанс попасть на встречу... На собрание.

— Оно будет и в этом году, и на следующий. И многие годы вперед. Я могу подождать. А еще я хочу... — Она встала, подошла ко мне, коснулась кончиками пальцев своего лба и прижала их же к моему. — Пусть моя нынешняя удача станет вашей.

От окна раздался откровенный смешок, но это нисколько не смутило южанку. Даже наоборот, потому что все то же самое она проделала и с Лус.

Когда мы вернулись в нашу комнату, я спросил:

— Не веришь в удачу?

Белокурая голова качнулась из стороны в сторону.

— Чтобы нам действительно повезло, нужно слишком много удачи. Собранный с двух миров и то может не хватить.

Шаг шестой

Где-то здесь...

От реки всегда веет прохладой. И всегда остро пахнет. Весной — свежестью талой воды, в разгар лета — подсохшими водорослями, оставшимися на берегу после ухода воды. Осенью речные струи пропитываются прахом сгнившей травы с окрестных полей, а зимой, когда кажется, что все надежно спрятано подо льдом, от скованных морозом протоков между островками струятся ароматы забвения.

Зима вообще прекрасное время года. Она спокойна, бесстрашна и тиха. За короткий зимний день едва успеваешь сделать все что намечено, а когда наступает вечер, все мысли устремляются к шерстяному одеялу и кружке подогретого вина, вслед за которыми непременно приходит сон. Крепкий. Беспросветный. Зимой некогда мечтать, а вот весной...

С каждым рассветом дни становятся все длиннее, зато заботы остаются теми же самыми, дела заканчиваются задолго до наступления сумерек, и становится нечем занять время, кроме как нелепой игрой воображения. Голова начинает зудеть от всяческих мыслей, воспоминаний и невоплощенных надежд, и если еще совсем недавно, глядя на белые снега по берегам реки, можно было отмахнуться от тайных желаний, то сейчас, на пороге лета, сил обороняться уже не хватает.

Казначей речного порта Аллари Сефо Сепп ждал каждую весну, ненавидя это время года всем сердцем и все же затаив дыхание, потому что только по сходу снега находил в себе смелость поддаться уговорам детских воспоминаний и запустить руку в чужой карман. Короткопалую руку, ловко управляющуюся со счетами и пером, но дрожащую как в лихорадке, когда рядом проходит человек с тугим кошельком.

Это было болезненным наваждением, преследовавшим казначея с давних пор. Сефо Сепп всегда хотел быть при деньгах, но предпочтительнее при чужих, поскольку до смерти боялся оказаться обворованным. Скорее всего, виной странному желанию стала встреча маленького мальчика с карманником на каком-то из многочисленных осенних праздников. Паренек был настоящим умельцем, способным обчистить любого, даже самого внимательного и окруженного надежной охраной богатея, только не одно это поразило будущего казначея речного порта. Дерзость, уверенность, небрежность и яркий, бросающийся в глаза наряд, казалось бы, должны были выдавать вора еще при приближении к жертве, однако все происходило ровно наоборот. Сефо следовал за карманником от одного прилавка к другому, восторженно раскрыв рот, пока наконец сам не потерялся в толпе. Потом он выслушал от родителей много упреков и даже получил затрепину, только никакие побои и увещания не смогли стереть из памяти волшебную сноровку вора, который словно забавлялся своими деяниями.

Часть 6.2

То, что за легкостью стоит долгий и напряженный труд, казначей речного порта узнал намного позже, когда попробовал воплотить детскую мечту в жизнь. Конечно, он был осторожен и для начала попытался стянуть собственный кошелек. С ремня, висящего на спинке стула. Чем все закончилось, Сефо Сепп вспоминать не любил. Другой, трезво взглянув на свои пальцы и оценив вялую подвижность коренастого тела, давно бы оставил попытки стать искусным вором. Другой. Но только не казначей. С утра до вечера он тщательно исполнял свои обязанности, более того, слыл самым честным человеком по обоим берегам Онны, но как только к окнам подступали весенние сумерки, Сефо Сеппа охватывало болезненное томление, редко позволяющее заснуть. Впрочем, именно бодрствование в одну из ночей вознаградило страдальца за верность детской мечте.

Отпрыск рода не слишком именитого, зато многочисленного и рассредоточенного по разным землям Дарствия, Сефо слушал легенды о демонах еще в колыбели, от матери и няньки. Ни та ни другая даже под страхом смерти не поклялись бы в правдивости своих рассказов, но повторяли их раз за разом, словно нарочно укладывая в сознании ребенка. Поэтому, когда на досках опустевшей к ночи пристани сверкнул синий огонек, казначей речного порта знал, что это такое, и даже туманно представлял себе, как нужно поступить, чтобы овладеть демоническим могуществом. Надо сказать, он все же сомневался. Мучительно. Правда, недолго: ровно до той минуты, пока не услышал шаги приближающегося портового патруля.

Он рухнул на колени, на коленях же и пополз к мерцающей звездочке, пригибаясь и прячась за ограждением. Потянулся, упал, накрыл ладонью долгожданное исполнение мечты, стиснул изо всех сил, так, что никому не удалось бы разжать его пальцы, и замороженно смотрел на синий свет, исчезающий под кожей. Потом пришлось рассказывать патрулю, что поскользнулся, сетовать на собственную неуклюжесть, благосклонно принимать помощь, подниматься, опираясь на крепкие руки стражников, и возвращаться домой в сопровождении одного из них, на случай если ноги вдруг предательски подогнутся. И только когда входная дверь закрылась за спиной казначея, пришло время лихорадочных вопросов.

Получилось или нет?!

Сефо Сепп не слишком-то верил в чудеса. Проснувшись на следующее утро, сначала подумал, что ему все и вовсе приснилось, но руки... Руки двигались уже иначе, чем прежде, да и в остальном теле появилась доселе недоступная ловкость. Он попробовал бы себя в новом деле сразу же, если бы не зашнырявшие вокруг Звенья, расспрашивавшие чуть ли не каждого об одной безлунной весенней ночи. Приходили и к казначею. Правда, прямых вопросов не задавали, больше интересуюсь, не замечал ли он чего-либо странного в своих соседях, друзьях и прохожих с тех пор. Любой осторожничал бы, не то что человек, каждодневно пересчитывающий деньги, вот и Сефо Сепп задвинул как можно дальше желание опробовать приобретенные навыки и призвал на помощь все свое терпение, чтобы выждать время.

Почти месяц.

Целый месяц и еще несколько дней.

Больше терпеть оказалось невозможно, тем более опасные разговоры стихли, ищeyки

Цепи миротворения съехали из города, речные кораблики, швартующиеся в Аллари, доставляли уже не только груз, а еще и путешественников, желающих взглянуть на торжества яра-мари — Праздника первого улова. Словом, близилось самое желанное для карманников время. Но прежде, чем выходить на большую охоту, требовалось потренироваться.

Сефо Сепп безошибочно выделил в толпе народа, слоняющегося по пристани, троих приезжих, растерянно и тревожно оглядывающихся по сторонам. Выглядели они, пожалуй, странновато, но безобидно, а значит, подходили в самый раз. Казначей притворил дверь рабочей пристройки, в которой принимал проездные пошлины от капитанов, перекинулся парой слов со стражниками, заявив, что пошел прогуляться, и направился к выбранным жертвам, попутно раскланиваясь со знакомыми.

Он не таился, чувствуя себя переполненным уверенностью, почти таким же дерзким, как тот человек из детских воспоминаний. Казначеем казалось, что он почти летит над пристанью, едва касаясь ногами дощатого настила. И кошелек, увесистый, обещающий большую добычу, словно сам собой послушно раскрылся перед короткими пальцами...

Это были не деньги. Что-то скомканное, свитое, полумягкое, полуметаллическое, как показалось на ощупь. Сефо Сепп благоразумно не стал сразу рассматривать украденную вещь, удалился за складские постройки, туда, где встретить людей можно только в часы погрузки и выгрузки, но не во второй половине дня, когда порт уже закрыт для кораблей. Казначей зашел за тюки, накрытые навощенным полотном, еще раз убедился, что за ним никто не следит, и только тогда разжал ладонь.

Вещица была похожа на брошь или заколку для плаща, а может, ременную пряжку, сделанную из медной филиграни, но то ли ювелир был не в своем уме, то ли там, откуда приехали трое растерях, была своя мода на украшения. Иначе зачем продергивать через узорчатую сетку нечто похожее на стебли растения, да еще такого неказистого? Ни одна женщина Аллари не прикрепила бы такую брошку к своему платью, разве только самая бедная и дурная.

Сефо Сепп еще немного посмотрел на первую «добычу», вздохнул, размахнулся и швырнул ее в воду, чтобы не оставлять следов. Вернее, подумал, что швырнул, а вот вещица почему-то решила иначе. Она не сдвинулась с ладони ни на волосок, словно каким-то чудом приклеилась к коже, а плоть под странной вещицей заметно онемела.

Казначей никогда не был отчаянно смелым человеком, но все же запаниковал не сразу: попытался оторвать брошку от руки. А как это еще можно сделать, если не взяться другой рукой за присосавшуюся нахалку? Вот только, когда он это сделал, вторая ладонь тоже оказалась намертво приклеенной к воровской добыче, и теперь Сефо Сепп мог только держать сложенные руки перед грудью. Конечно, в таком виде было небезопасно возвращаться, ведь обязательно по пути встретился бы кто-то, пожелавший обменяться рукопожатием, но по-настоящему страшно казначеем стало мгновением позже. При взгляде на заметно удлинившиеся и шарящие по кафтану отростки странного растения, оплетающего филигрань.

Они как будто искали щелочку, чтобы проникнуть внутрь. И нашли. Юркнули между лапами, поползли по коже, и Сефо Сепп огласил бы пристань безумным криком от нестерпимой боли, разрывающей одновременно сознание и плоть, но чья-то крепкая ладонь прижалась к его губам, заставляя проглотить каждый звук. А еще две пары рук надежно держали казначея, не давая тому ни вырваться, ни упасть.

— Вот ведь дурак, украл собственную смерть! Рассказать кому — не поверят.

Самый высокий из приезжих, показавшихся Сефо Сеппу безобидными простаками, снял шляпу и платком промокнул капли пота, обильно выступившего на бритой голове. Второй, осторожно разжимающий сцепленные пальцы мертвого казначея, чтобы достать брошку, укоризненно посмотрел на третьего, самого молодого.

— А если бы он не был одержимым, что тогда? Это ведь пока единственный зрелый пиявник, который у нас есть.

— Скоро должны созреть другие, — попытался возразить оплошавший.

— Надо быть осторожнее, — подытожил высокий. — За нами нет слежки, но она всегда может появиться. Особенно если разбрасываться вещами, вызывающими вопросы.

— Ты же знаешь, что созревших надо держать при себе, в тепле тела, иначе они заснут, — напомнил молодой. — Да, это был риск, но посмотри, как удачно все получилось! Теперь у нас есть эссенция.

Тот, что разжимал мертвые ладони, коренастый и крепкий, подтверждающе кивнул, разглядывая набухший и мерно подрагивающий среди стеблей узел. Если бы это утолщение не мерцало грязно-синим светом, а было чуть потемнее и покраснее, можно было бы принять его за человеческое сердце.

Высокий поднес к кончику одного из стеблей, самого короткого и толстого, стеклянный сосуд и надавил на светящийся мешочек. Жидкость, охотно заструившаяся в подставленную посудину, оказалась почти серебряной, с легким синеватым оттенком, но заполнила собой лишь треть пустого пространства, что вызвало на лицах всех троих разочарование.

— Наверное, он еще совсем свеженький, — предположил молодой.

— Ты этого сразу не заметил? — съязвил второй, бережно заворачивающий использованную вещицу в чистое полотно.

— Я только могу сказать, одержим человек или нет, довольствуйся этим!

— Ладно вам склочничать, — сказал высокий. — Пока все идет как задумано. Я бы тоже был рад, если бы одним махом удалось заполучить всю необходимую эссенцию, но раз уж повезло только наполовину...

— На треть, — не преминул поправить коренастый.

— Хорошо, на треть. Если найдем еще одного-двух одержимых, дело останется за малым: кинуть жребий.

Молодой мрачно спросил:

— А зачем кидать? Думаешь, Наки справится лучше тебя?

Высокий улыбнулся:

— Не завидуй. Никто из нас не хочет сажать в себя демона, пусть и лишеного воли, а тем паче нескольких. Так нужно. И хорошо, что тебе не придется участвовать в выборе.

— Да он бы струсил, — хмыкнул коренастый, за что заслужил шутливый подзатыльник от высокого и чуть не выронил свою драгоценную ношу.

Молодой не стал отвечать, отвернулся к мертвецу и после недолгого осмотра заметил:

— А он, похоже, был не самым простым человеком в этом городе.

— Да, одет небедно, — согласился высокий.

— Его будут искать.

— И очень скоро.

— Пора убираться отсюда.

Трое пришли к единому мнению так быстро, словно являлись одним целым. Впрочем, любой, кому на протяжении нескольких лет приходится действовать бок о бок с другими,

выполняя строгие приказы и не смея оказаться отстающим, рано или поздно привыкает быть частью. А команды или плана, это уже неважно.

Три неприметно одетых человека в широкополых шляпах, нахлобученных на бритые головы, покинули закуток между складскими пристройками и смешались с толпой зевак, местных и недавно прибывших. Сефо Сепп остался лежать на дощатом настиле, глядя слепыми глазами в синее, почти уже летнее небо, и все еще прижимая руки к груди. Руки с пустыми ладонями, кожа на которых тоже была синей, только уже не от света демона, а от крови, прилившей и разорвавшей своим напором сосуды.

Его нашли довольно скоро, потому что требовалось принять пошину от последнего на этот день корабля, пришвартовавшегося к алларской пристани. А найдя, пришли в недоумение и ужас, увидев лицо казначея, искаженное нечеловеческим страданием. Страданием, которое отчаянно протестовало против вывода, что Сефо Сепп принял смерть по причине преклонного возраста или внезапной болезни.

И сейчас...

— Ну и как, сильно нам помогла чужая удача? — спросил демон, вернувшийся с очередной вынужденной прогулки, наверное, уже сотой по счету.

Он конечно же хотел съязвить, но голос прозвучал почти жалобно, а костяшки пальцев, вцепившихся в палубное ограждение, мигом побелели. Глядя на Лус, явно нетвердо стоящую на ногах, можно было подумать, что кораблик, привезший нас в Аллари, застрял посреди огромного моря, да еще и в разгар бури, а не мерно покачивался у тихой речной пристани.

Мы должны были сойти на твердую землю еще вчера к вечеру, но между плоскодонной посудиной и причалом портовые служки натянули только упругие канаты, а перекидывать мостки почему-то не спешили. На ночь глядя никто ничего объяснить не стал, пришлось ночевать в крохотной каюте, и так изрядно надоевшей за время путешествия по реке. Утром на судно просочились слухи о чьей-то смерти в порту, мол, из-за мертвеца корабли в порту не принимают, пока местная стража не позволит. Меня такая задержка не особенно радовала, но зато давала возможность вдоволь наглядеться на реку и город, переползавший через водную гладь с одного берега на другой по многочисленным островкам. Через столицу и даже рядом никаких рек не протекало, имелась только цепь небольших озер, протоки между которыми были слишком узки и унылы, а здесь...

Наверное, Аллари оказался самым красивым городом, который я когда-либо видел или мог увидеть, даже если учесть, что меня сорвало с насиженного места всего ничего дней назад. Ажурные арки мостов соединяли острова подобно бусинам запутанного ожерелья. Узкие набережные опирались на сваи: где на деревянные, чернильно-темные от морилки, а где на каменные, посверкивающие в солнечных лучах вкраплениями прозрачного кварца. Дома, преимущественно невысокие, цеплялись боками друг за друга, сливаясь в одну непрерывную разноцветную стену. Оно и понятно, места немного, не до излишеств, но зелени вокруг все же хватало. Зелень была везде: на оконных карнизах, на балкончиках, прилепленных то здесь, то там, даже на крышах посреди черепицы виднелись крохотные, любовно возвращенные садики. А еще люди. Люди тоже были везде.

Вереницы зевак и горожан, спешащих по своим делам, сновали взад и вперед, с берега на берег, не оставляя на набережных ни клочка пустого места. Пожалуй, даже в столице я не видел одновременно такое количество народу. И этот человеческий муравейник притягивал

взгляд все сильнее и сильнее, тихонько, но настойчиво звал влиться в ряды прохожих, истощая терпение тех, кому никак не позволяли покинуть корабли.

А их с рассвета на речном рейде скопилось много, разновеликих суден и суденышек. Целая очередь. Впрочем, я предпочел бы находиться на одном из них, а не слушать, как волны ударяются о причал и возвращаются обратно, к борту нашего кораблика, создавая довольно ощутимую качку. Мне она не доставляла особых хлопот, а вот Лус чувствовала себя отвратительно. Хотя иначе и быть не могло: в Катрале воды имелось еще меньше, чем в Веенте, и бедняжке было негде даже искупаться, не то что покататься на лодке.

— Это не продлится долго. — Я постарался добавить голосу как можно больше уверенности, но не слишком обнадежил демона.

— А мне долго и не надо. Еще пара лишних часов, и весь вывернусь наизнанку!

— Потерпи. Все равно сейчас ничего нельзя сделать.

Лус вздохнула и, пошатываясь, отправилась вдоль борта искать уединенное место для прощания с очередной порцией содержимого желудка, а я снова повернулся лицом к пристани, которая в отличие от набережных казалась почти пустой.

Нет, конечно, люди присутствовали и здесь. Стражники в одинаковых форменных туниках, вооруженные короткими тяжелыми дубинками, были расставлены по периметрам причалов и откровенно скучали, поплеывая в воду и глаза по сторонам. Похоже, в этой части порта охранять было нечего, но приказ всегда остается приказом, и, если тебе велели заступить на пост, изволь подчиниться, а то, не дай Бож, явится командир с проверкой и задаст жару всем, кто пренебрег служебными обязанностями.

— И сколько еще все это будет продолжаться?

Дуй ветер с другой стороны, я бы ни за что не расслышал этот разговор, хотя для того, чтобы понять происходящее, достаточно было лишь взглянуть на лица двух новых персон, появившихся на пристани. Недовольно-укоризненное и виновато-упрямое.

Один из незнакомцев, скорее всего, имел прямое отношение к страже, потому что в его одежде преобладали те же цвета, что и на туниках оцепления. Второй был одет более вычурно, можно сказать, богато, а когда повернулся в мою сторону, камзол на его груди сверкнул золотом. Глава здешнего Наблюдательного дома? Очень может быть. Вот и первый повод держаться пока подальше от берега.

— Пока дознание не закончится.

Представитель стражи выглядел мрачным как туча, но вместе с тем растерянным. Не слишком высокий, еще довольно молодой, чтобы не быть грузным, светловолосый мужчина совершенно очевидно робел перед высоким начальством, однако по какой-то причине не желал отступать. Золотозвенник же презрительно кривил губы, оглядывая заполненный кораблями рейд и ежась от порывов сырого ветра.

— И как скоро вы намерены его закончить?

— Я прилагаю все возможные силы. Дела пошли бы быстрее, если бы...

— У меня нет лишних людей, — отрезал золотозвенник. — Им есть чем заняться на берегу.

— Эрте, это происшествие требует особого внимания.

— Не происшествие, а вы. Вы, мой любезный старшина, требуете этого внимания. И мы оба знаем почему.

Стражник провел кончиками большого и указательного пальцев по уголкам губ, пряча что-то вроде смущения.

— Должность погибшего...

— Должность вашего дядюшки была высокой, но только здесь, посередине реки. К тому же новый человек уже назначен и готов приступить к службе. Если вам угодно, носите траур по родственнику, но не мешайте жить другим.

— Поймите, если это убийство...

Золотозвенник скривился еще больше.

— Ваш дядюшка давно уже прожил расцвет своих лет. Ничего удивительного, если он решил прогуляться и внезапно почувствовал себя дурно, а рядом не оказалось лекаря. Снимайте, снимайте охрану и займитесь чем-нибудь полезным, старшина!

Стражник снова попробовал возразить, но его слова уже не долетели до ушей уходящего бодрым шагом чиновника.

— Жалко смотреть на парня, — высказал свое мнение демон, ухитряющийся подбираться ко мне бесшумно и неожиданно, даже несмотря на недомогание тела, которое занимал.

— Похоже, умер его родственник.

— Серьезная причина для печали.

— Он думает, что это убийство.

— А что думаешь ты?

— Что нам нужно быть осторожными.

— Ну да, ну да...

Лус качнулась вместе с очередным ударом волны в борт кораблика, ухватилась за ограждение палубы, и мгновение спустя я узнал, что женский голос может звучать просто-таки убийственно.

— Вот говорят: чем дальше от столицы, тем меньше рвения у людей что-то делать, а на самом деле как? Рвения хватает, только куда его приложить, не знают. Любой пустяк кажется неразрешимой загадкой, когда всего-то и нужно, что капельку мозгов раздобыть! Хоть своих, хоть заемных, если больше взять неоткуда. Иначе так и получается, что сотни достойных людей маются посреди реки из-за ерунды, в которой даже мой супруг с полтычка разберется!

Возмущение наполовину базарной торговки, наполовину оскорбленной благородной дамы помогло демону достичь поставленной цели: стражник обернулся и уставился на нас. А примерно через минуту внимательного осмотра решился спросить:

— О чем вы говорите, эрте?

Демон немедленно ответил:

— О том, что, когда помощь предлагают, ее надо брать не раздумывая.

— Помощь?

Лус перегнулась через борт и громко-громко зашептала:

— У вас ведь кто-то умер? И вы хотите узнать, как это произошло? Так вот, мой муж... — тут она огляделась по сторонам, словно проверяя, не подслушивает ли кто-нибудь, — по долгу службы он как раз занимается такими вещами. Конечно, сегодня мы с

ним всего лишь беспечные путешественники, но думаю, он не откажет оказать услугу товарищу по оружию. Особенно если это поможет нам поскорее покинуть это качающееся корыто!

Старшина несколько раз перевел взгляд с меня на Лус и обратно, а потом, словно мысленно разрубив какой-то узел, махнул рукой стражникам:

— Пропустить швартовую команду!

— Ты что творишь? — процедил я сквозь зубы, не глядя на довольное, хоть и зеленоватое девичье личико.

— Ускоряю события.

— Я один раз уже назвался чужим титулом, хватит! Нам надо было сидеть тихо, как мыши, а ты...

— Извини, — улыбнулся демон. — Я просто зверски устал от тошноты.

* * *

Портовые рабочие прибыли на пристань только спустя четверть часа. Подозреваю, что они отсиживались в каком-нибудь неприметном трактире или просто в тихом уголке, пока есть возможность и повод лентяйничать. Вереница судов, выстроившихся на рейде, вызвала у швартовой команды некоторое уныние, но привычка к работе взяла верх над недовольством, и вскоре мы перебрались по скрипучим мосткам с корабля на пристань.

На твердой земле демон почувствовал себя лучше и, как ни странно, виноватее, потому что вдруг ни с того ни с сего заявил:

— Ты справишься! Ты же это умеешь.

Если он хотел меня подбодрить или задобрить, то в целом направление было выбрано верное. Правда, потребовался бы не один шаг по этой тропе. И даже не десяток. Но раз уж демон настроен благодушно...

— Зачем мы вообще прибыли именно сюда?

— Тебе здесь не нравится? А чего тогда глазел на город все утро?

— Здешние красоты — дело десятое. Я не умер бы, никогда их не повидав. Только не говори, что будем ждать встречи с каким-то сказочным вестником! Кого мы ищем на этот раз?

Лус передернула плечиками под накидкой, в которую закуталась, прячась от сырого речного ветра.

— Еще одного моего знакомца. Он перебрался в ваш мир, когда я был еще ребенком, но, думаю, вспомнит меня.

— Больше ты никого из того списка не знаешь?

— Лично? Нет. К сожалению. Я слышал многие из имен, они, возможно, слышали мое, но мы никогда не разговаривали друг с другом. А этого я могу попробовать убедить... Или хотя бы расспросить.

— О собрании?

Лус кивнула.

— У себя дома он считался... Ну такого человека обычно называют трусом.

— А на самом деле он, по-твоему...

— Не смельчак, конечно, — признал демон. — Но правильнее было бы сказать: осторожный. На родине у него не было ни одного врага. Представляешь? Ни разу за всю жизнь не появилось.

— Полезное качество, — согласился я.

— А раз так, то и здесь ему наверняка удастся оставаться между огней. И наверняка он давно уже втерся в доверие к власти имущим, значит, многое знает.

— Но если он так осторожен, как ты говоришь, захочет ли поделиться сведениями?

Пальчики Лус совершили движение, которое вряд ли было свойственно юной девице до проникновения демона в ее тело. Я бы, к примеру, решил, что она собирается открутить кому-то что-то очень нужное.

— Захочет. Мы не будем его долго уговаривать.

В голосе, произнесшем эти слова, мне не послышалось ничего женского. Зато одно слово...

Значит, все-таки «мы»?

Нагги сослался бы на то, что демон однажды увидел меня изнутри. Керр сказал бы, что жизненно важное общее дело соединяет крепче многих уз. Атьен Ирриги усмехнулся бы и повторил одно из своих излюбленных размышлений на тему вынужденного доверия, оказывающегося надежнее искренних чувств. Как говорится, правдивых объяснений много, выбирай любое — не ошибешься. И все же мне почему-то вдруг захотелось найти свое. Которое будет только моим, а стало быть, единственно истинным.

— Убьем?

— Если понадобится. И проследим, чтобы не задержался в этом мире.

Интересно, а если бы все было наоборот? Если бы мои соплеменники толпами шатались в другой мир, я бы старался их вернуть? Возможно. Особенно из вредности, если уж мне самому не суждено вернуться. Это же так заманчиво, остаться единственным демоном в мире и потихоньку прибрать его под себя! Или просто жить в свое удовольствие, меняя тела, как перчатки. Но это подходит для меня, а что движет демоном по имени Конран?

Ясно одно: игра с переменой мест ему пришлась не по душе. Слишком болезненна? Неприятна? Как той женщине, что поделилась с нами удачей? А кстати, между ними ведь есть что-то общее в отношении к моему миру. Оба не желают задерживаться здесь дольше чем необходимо. Южанка следовала за своей госпожой, Конран оказался...

Ну да. Конечно же. Все просто.

Ни он, ни она не хотели входить во «врата мечты». Неважно, по каким причинам. Главное, чужой мир был им и даром не нужен. А многие другие, о которых говорил демон, отправились сюда не только по собственному желанию, но еще и с вполне определенными целями.

Повеселиться. Отыграться за прежние неудачи. Утолить жажду запретного. Сбежать от преследования. Поэтому все они и остаются здесь, довольные своим существованием. Еще бы, ведь желание, которое тянуло их за границу мира, исполнилось!

«Врата мечты» привели туда, куда и должны были. К мечте. А от воплотившейся надежды, ставшей привычкой, отказаться трудно. Почти невозможно. И если все же приходится возвращаться, они, конечно, делают это без желания. Может быть, именно потому и приходят в сознание дома, напрочь лишившись чувств и стремлений?

— Вам требуется время на отдых? — осведомился старшина портовой стражи, вернувшийся после отпуска оцепления. — Не хочу торопить, но поймите...

— Отлично понимаю, — заверил я. — Идемте. Проводите нас, куда сочтете нужным.

— А ваша супруга...

— Пойдет с нами, — широко улыбнулся я, поворачиваясь к Лус. — Не хочу оставлять ее в одиночестве.

— Если вас заботит безопасность, я могу отрядить несколько человек, — предложил старшина Сепп.

— Не стоит. Моя супруга обожает смотреть на мою работу. Пойдем, дорогая?

Лус послушно оперлась на мою руку, но, как только стражник оказался на некотором отдалении, ехидно шепнула:

— Маленькая месть?

Можно было пошутить в ответ или сказать правду, но я предпочел промолчать. Если мои выводы хотя бы на один шаг приблизились к истине, отпускать демона одного на встречу с его родичами было не просто опасно, а убийственно. Потому что, каким бы осторожным ни был человек, если речь заходит о его мечтах и надеждах, даже в отъявленном трусе может проснуться зверь.

Старшина Сепп чувствовал себя в лабиринте портовых построек как рыба в воде, но и я хорошо помнил тесные улочки Веенты, а особенно науку не терять Ведущего из виду, так что к месту смерти мы подошли с разницей не больше чем в четверть минуты. Это, кстати, лучше всяких рекомендаций уверило стражника в правдивости слов моей «супруги». По крайней мере, на меня он посмотрел весьма уважительно, приглашая подойти ближе:

— Вот здесь. Здесь его нашли.

Укрomный закуток между складами или чем-то похожим. Даже ветра нет. Но доски пристани заметно потертые, значит, люди здесь все-таки ходят, и не по одному-два человека за день.

— Это людное место?

— Только пока идет погрузка или разгрузка. Примерно до обеда, потом порт уже не принимает грузовые суда.

То есть здесь становится тихо и пустынно. Ну конечно же.

— Умершего нашли во второй половине дня?

— Да, — подтвердил старшина Сепп. — Пришло еще одно судно, наверное, как раз с вами, а казначея на месте не было.

— Казначея?

Интересная подробность. Неожиданная, прямо скажем. Там, где речь идет о казне и вообще о звонких монетах, люди обычно умирают не своей смертью. Как в Мейене, например. Кстати, о прошлом: как меня тогда напутствовал Киф? Узнать, что случилось, осмотреть, расспросить и решить. Теперь главное: не пропустить ни одного шага.

— Мой дядя был казначеем порта, — с заметной гордостью сказал стражник. — И за меня слово замолвил, а то не видать бы мне этой должности, как своих ушей!

— Особенно если шапка надвинута глубоко... — пробормотала Лус, но, к счастью, ее бурчания никто, кроме меня, не расслышал.

— Вы потому и хотите разобраться? В память о дяде?

Блондин кивнул.

— А если бы кто-то другой умер в точности так же? Рыли бы носом землю?

Не знаю, зачем я это спросил. Наверное, хотел все же выпустить пар, которым меня успешно накачал демон. Но слова, прозвучавшие почти оскорблением, хоть и заставили стражника покраснеть, похоже, напомнили ему о печальном опыте общения со Звеньями из Наблюдательного дома, а значит, утвердили мое вымышленное положение еще надежнее.

— Мне по должности положено не допускать смертей. А если уж что-то случилось...

Я примирительно похлопал его по плечу:

— Простите, сказал не подумав. Конечно, вы будете вести дознание по любому погибшему. Не сомневаюсь.

Стражник зарделся от гордости так, как будто только что прошел самую важную в жизни проверку.

Тихое место, народ в котором бывает только половину дня или по срочной необходимости. Зачем казначею речного порта понадобилось вдруг идти сюда? И кстати, как долго он шел?

— Где обычно вел дела ваш дядя? Поблизости отсюда?

— Нет. — Старшина Сепп указал рукой куда-то наискосок, через всю пристань. — Его домик на другом конце.

Еще страннее. Прodelать такой долгий путь... Ради чего? Чтобы умереть, это ясно. Трудность только в том, что умирать дядя, разумеется, вряд ли собирался.

— Его охраняли?

— У дверей всегда стоит стража.

— А самого казначея?

Блондин недоуменно приподнял брови:

— Его все здесь знали. И все уважали. Никто из местных не поднял бы руку на Сефс Сеппа.

Тем лучше. Значит, убийца, если это, конечно, было убийство, приехал издалека. Нарочно, чтобы разобраться с казначеем?

— А у тех, кто приводил суда в ваш город, у них не было каких-либо споров с вашим дядей? Может, кто-то остался чем-то недоволен?

Стражник уверенно мотнул головой:

— Не помню ни единой жалобы. У нас ведь все просто: если тебе что-то не по душе на островах, идешь с жалобой в Наблюдательный дом. Правда, они не очень-то любят наводить здесь порядок.

На последних словах старшина Сепп ухмыльнулся, но тут же помрачнел. Видимо, известная самостоятельность той части города, что находилась посреди реки, все же чаще выходила боком, чем приносила прибыль.

— Значит, жалоб не было?

— Не слышал ни разу.

С одной стороны, хорошо: можно исключить месть. С другой... Слишком уж получается невинная жертва. Может, все-таки умер сам по себе?

— На него можно взглянуть? На умершего?

— Как пожелаете. — Старшина Сепп распахнул дверь склада. — Мы не стали уносить его далеко, только льдом обложили.

Лед оказался мелко колотым, вроде того, что летом любят бросать во фруктовую воду и прочие прохладительные баловства, и казалось, что тело казначея возлежит на горке тусклых алмазов, как полагается человеку, сохраняющему важность своего положения даже после смерти. Однако сам мертвец никоим образом не походил на правителя древней страны, приготовленного к погребению.

Его руки были скрючены, явно от судорог, но их положение заставляло задуматься: что же именно пытался сделать человек перед смертью? Когда настагает боль в сердце, чаще всего хватаются за грудь, иногда даже рвут на себе одежду и впиваются ногтями в кожу, словно стараясь добраться до источника страданий. У казначея ладони были почти сложены

вместе, причем лишь чуть выше живота, будто он что-то пытался держать. Или удержать. Да, пожалуй, это вероятнее, тем более кожа приобрела густо-сиреневый оттенок от прилившей крови, а значит, напрягался умерший нешуточно. Можно сказать, старался изо всех сил, вот только успеха не добился.

Лицо, искаженное страхом и удивлением. Ну первое понятно: кто же не боится умирать, хоть чуточку? А второе? Что могло настолько поразить человека, перешагнувшего за средние лета и несшего службу в таком месте, где зачастую случаются самые невероятные истории? Недомогание? Вряд ли. Тогда в его чертах скорее сквозили бы разочарование и обида, мол, почему смерть пришла слишком рано. Хотя... Обида как раз имеется. Значит, то, что случилось, и впрямь случилось не вовремя. Неожиданно. Непредсказуемо. Но все-таки от чего он умер?

Тело конечно же осматривали и до меня, поэтому не пришлось мучиться с застежками кафтана и прочими завязками, но ничего похожего на смертельные раны в глаза не бросалось. Только на груди, кстати, недалеко от сердца, виднелись опять же густо-сиреневые синяки, правда, слишком маленькие для следов ударов, если только кто-то не тыкал в казначея прутиком.

Три пятнышка, расположенные в вершинах невидимого треугольника. Три метки, кожа между которыми слишком бледная. Бледнее даже, чем вокруг. Ожог? Но одежда не повреждена. Нет ни малейших признаков драки даже на ткани: прорех, оторванных пуговиц, пятен грязи, неизбежно появляющихся после непредвиденного падения. Кажется, что казначей, зачем-то забредший в самую глухую часть порта, скончался в одночасье сам по себе.

— В каком положении его нашли? Он держался за что-нибудь?

— Нет, лежал. На спине.

— Рядом с ограждениями?

— В паре футов.

Что же тогда стряслось с его руками?

Я еще раз склонился над синюшными ладонями мертвеца и с некоторым недоумением обнаружил, что и на них виднеются пятна, чуть более темные, чем общий цвет кожи. По размеру следы весьма походили на те, нагрудные, хотя и располагались не треугольником, а более путано.

Человеку явно помогли умереть. Но как? С помощью чего? И главное, каким образом добились того, что казначей сам взял свою смерть в руки?

У меня ответов не было. У старшины Сеппа, судя по растерянному виду, тоже не имелось ни малейшего объяснения произошедшему. Но раз уж пришлось взяться за эту работу, надо было попытаться хотя бы провести ее по всем правилам.

— Вы сказали, что домик казначея находится на другом конце пристани?

— Да.

— И ваш дядя пришел сюда вскоре после обеденной трапезы?

— Мимо охраны он проходил точно в середине дня.

— На своем пути он должен был встретить хоть кого-нибудь. Согласны? Найдите этих людей. Поговорите с ними. Спросите, как выглядел казначей: был чем-то встревожен, напуган, обеспокоен? Может быть, мы узнаем что-то важное. А может быть...

— Не узнаем? — мрачно предположил стражник.

— Всякое бывает. Как повезет. И кстати! Вы тоже должны подумать, не случилось ли в последние дни с вашим дядей что-нибудь необычное. Вы ведь должны были видеться часто?

— Ну... да. — Старшина Сепп почему-то замаялся. — Я жил в его доме, все равно большая часть пустовала: своей семьи у дяди не было.

— Почему? Он избегал женщин?

Стражник напрягся еще больше:

— Я такого не припомню... Наверное, ему просто нравилось быть свободным от обязательств.

Да, подобных мужчин много. Особенно среди тех, кто не желает делить ни себя, ни свое имущество с кем-то еще. Но казначею, привыкшему иметь дело с деньгами и знающему кучу способов сохранить и приумножить состояние, не к лицу было бояться открыть дверь своего дома перед женщиной.

Если только...

— У него имелась какая-то постыдная тайна?

Старшина Сепп вздрогнул, услышав мой вопрос, и, вместо того чтобы решительно ответить «нет», произнес ту самую фразу, которая равносильна чистосердечному признанию в преступлении:

— Почему вы так решили?

Я посмотрел через открытую дверь склада на Лус, уныло ожидающую окончания разговора, но хотя бы уже не качающуюся из стороны в сторону и заметно порозовевшую.

— Каждому человеку есть что скрывать от других. Но иногда удается встретить того, с кем нет нужды таиться и лгать. Правда, тут уже все зависит от самой тайны... А что мешало вашему дяде жить полной жизнью?

Блондин молчал довольно долго, раздираемый сомнениями. Скорее всего, не хотел порочить память родного умершего человека, поэтому пришлось выразиться яснее:

— Он все равно мертв, старшина. И уже не оживет. Единственное, что вам остается: похоронить дядю вместе с причинами его смерти либо вытащить их на свет божий. Решайте.

Легко ставить другого перед мучительным выбором. Будь я на месте светловолосого стражника, взял бы на размышление не меньше суток, а он справился намного быстрее.

Тряхнул головой и сказал:

— Я хочу знать, почему он умер. И если его убили... Виновный должен быть наказан.

— Хорошо. И так, дяде было что скрывать от близких?

— Да.

— Он сам рассказал вам или...

Старшина Сепп снова чуть покраснел.

— Я случайно заметил. Ну не то чтобы случайно... Дяде нравилось воровать.

Не самое приличное занятие для казначея. Хотя и самое ожидаемое.

— Как же он держался на службе?

— Он... он воровал только дома. Время от времени пробовал стащить у меня из кармана что-нибудь.

— Ради развлечения?

— Не знаю. Но за порогом он никогда не давал воли своим наклонностям.

— Иначе вы бы знали?

— Конечно. Я ведь слежу за порядком в порту.

— И давно он так развлекался?

— Сколько я его знаю.

— Вы не отговаривали его? Не пытались убедить, что это неподобающее занятие, пусть даже шуточное?

Стражник вздохнул:

— Один раз. Поговорил с ним начистоту.

— Помогло?

— Ну... наверное. Но дядя после того разговора долго казался таким несчастным, что мне стало совестно. Да пусть бы лучше воровал у меня, чем вечно печалился!

Добрый парень. И похоже, очень любил своего родственника. Готов был закрывать глаза на его шалости, которые...

А что, если казначей решил перенести свою «охоту» из дома на улицу? Племянник же его пристыдил, значит, в родных стенах воровать больше не хотелось. Вернее, прежнее развлечение не доставляло удовольствия, а тяга оставалась и только крепла. Наконец окрепла до такой степени, что терпеть стало невозможно: казначей пошел, украл, принес добычу в укромное место. А что случилось потом? Хозяин украденного явился?

— Он был хорошим вором?

— Отвратительным, — признался старшина Сепп. — Его поймал бы за руку даже слепой и глухой старик. Поэтому дядя и не пытался воровать на улице.

Неудивительно тогда, что его легко выследили. Странно другое. Почему он решился?

— Вы сказали, казначей долго печалился? И в день смерти тоже?

— Нет, — подумав, ответил стражник. — Последний месяц вроде отошел от обиды. Пожалуй, даже повеселел.

Значит, что-то произошло. Что-то изменившее его жизнь.

— Нужно опросить всех, кто его знал. И особенно тех, кто видел его перед смертью. Справитесь?

Стражник кивнул.

— И не торопитесь с захоронением. Возможно, его тело еще понадобится.

— Как скажете, — согласился старшина Сепп, поправляя одежду умершего и ледяную крошку, а я вернулся на свежий воздух и только там почувствовал, что могу сделать глубокий

ВДОХ.

— Ну как, все выяснил?

— Многое. Кроме одного: что все-таки убило этого несчастного.

Лус пожала плечами:

— Нет ран? Сам умер. Голову напекло, к примеру. Он ведь был уже немолод?

— Да, из юношеского возраста вышел давно. И ран нет. Зато есть другие следы. И я таких точно никогда не видел.

Девичьи глаза сверкнули алым:

— Что за следы? Может, мне знакомы?

— Сходи посмотри, пока племянник все не упаковал обратно.

— Нет уж, — скривилась Лус. — Не люблю покойников. Лучше тебя послушаю.

Я не очень-то верил, что демон может мне помочь, но покорно описал увиденное:

— С ладонями трудно что-то сказать: один сплошной синяк, только есть участки чуть темнее прочих. Словно отметины от какой-то штуки. А вот на груди видно четко. Три темных пятнышка, а между ними кожа белесая, словно от ожога.

— Три пятнышка? — задумчиво переспросил демон.

— Да, и если провести между ними линии, получится треугольник. Небольшой, его можно легко накрыть ладонью. Видел что-нибудь подобное?

— Угу.

— Где и когда?

Вместо ответа Лус скользнула пальчиками между полами моей куртки, потянула за шнурок рубашечного ворота и мрачно предложила:

— Посмотри вниз.

Я опустил взгляд на собственную грудь и в следующее мгновение едва не забыл, как надо дышать: примерно в том же месте, что и на теле умершего, на моей коже тоже белел рубец. Треугольный. Правда, в его вершинах никаких темных пятен уже не наблюдалось.

— Что все это значит?

— У тебя такое было. Когда очнулся и посрывал с себя всю ту дрянь. Помнишь?

* * *

— Нужно уходить из этого города. Сейчас же.

— Думаешь?

— Казначей убили, извлекая эссенцию. Других вариантов нет. А это значит, что здесь орудует либо наша старая знакомая, либо...

— Зачем ей прятаться? — усомнился демон. — Она же у вас какая-то важная шишка, да? Могла бы просто велеть привести этого мужика к себе и делать все, что захочет. А племяннику было бы заявлено, чтобы забыл о дяде навсегда.

Да, скорее всего, так оно и было бы. Женщина с золотым знаком на синей мантии не стеснялась отдавать приказы, особенно тому, кто не желал подчиняться. Она легко могла прийти в любой Наблюдательный дом, сверкнуть своим звеном, потребовать хоть луну с неба и не ждать отказа. А здесь больше похоже, что действовали скрытно. Правда, почему же тогда не скинули тело в воду? Глядишь, унесло бы течением подальше. Вместе с вопросами. Ан нет, оставили на виду. В реку скинуть не могли, это понятно: вдруг всплеск услышали бы на набережной? Но могли припрятать здесь, среди тюков. Почему же не стали замечать следы?

Собирались тут же покинуть город? Возможно.

Хотели припугнуть кого-то и затравить? Тоже может быть.

Но все-таки — первое или второе?

— Если это кто-то другой, опасность становится только больше.

— Тебе виднее, — согласился демон. — Только я не уйду, пока не увидаю того, о ком говорил.

— Это сумасшествие.

— Согласен. Но если мы сбежим сейчас, упустим хороший шанс узнать о собрании.

— В Жемчужном поясе много городов, выбирай любой. У нас еще есть время рискнуть.

— Вот! — улыбнулась Лус. — И мы рискнем. К тому же хоть мой знакомец того мало заслуживает, стоит его предупредить об убийце. Это развяжет ему язык лучше, чем угрозы, уверен.

— Не самое умное решение.

— А дуракам везет чаще, чем умным! — подмигнул мне демон и повернулся к старшине Сеппу, наконец закрывшему за собой дверь склада. — Вы ведь многих в этом городе знаете?

— Конечно, эрте. А про кого не знаю, спрошу, если нужно.

— Очень хорошо! Помогите нам, пожалуйста. Где-то здесь живет человек по имени Трифф Тьезаре, нам бы очень хотелось его повидать.

Стражник понимающе ухмыльнулся:

— Хороший выбор, эрте. У Триффа золотые руки, и работает он с душой. Сделает все что попросите, да еще и сверх того постарается.

— И где же нам его искать?

— Вас проводят, — пообещал блондин и кивнул одному из стражников, слоняющемуся рядом со складом. — И если ищете место для ночлега, у Западной арки есть хороший гостевой дом. Его хозяйка — моя соседка, скажете, что я прислал, и комната всегда найдется.

— Вы сама любезность! — лучезарно улыбнулась Лус.

Ага, конечно. Поселить нас у себя под боком, чтобы никуда не делись? Отличное решение. Впрочем, такое соседство — не самое дурное, что может случиться, по крайней мере, всегда можно будет позвать на помощь.

Лавка Триффа Тьезаре оказалась ювелирной, и довольное лицо старшины Сеппа получило свое объяснение: наверняка решил, что супруга нарочно притащила меня в Аллари, чтобы заметно облегчить мой кошелек. Сопровождавший нас стражник на прощанье показал, в какую сторону идти к гостинице, и торопливо отбыл восвояси, то ли собираясь поскорее вернуться к командиру, то ли надеясь потратить толику освободившегося времени на личные нужды, а я воспользовался дверным молотком.

Вообще-то в любую лавку принято заходить не стучась, потому что хозяин всегда должен быть готов принять покупателей, но в незнакомом городе могли быть свои порядки. К тому же, учитывая происшествие в порту, мне не очень-то хотелось перемещаться с солнечной улицы в сумерки прихожей и несколько мгновений быть отданным на волю незнакомых людей. А тем более демонов.

Дверь открылась не сразу, можно даже было предположить, что парень, в конце концов возникший на пороге, шел чуть ли не через весь дом, чтобы встретить нас, и явно не испытывал при этом никакого удовольствия. Впрочем, какой-то особой угрозы он тоже не излучал: среднего роста, не хлипкий, но и не особо крепкий, в холщовой рубаше с закатанными рукавами и длинном фартуке из тонкой кожи, спускавшемся до самых ступней.

Кстати, таких же голых, как и голова.

— Чем могу служить?

— Мы бы хотели видеть здешнего хозяина, эрте Тъезаре.

— Он назначал встречу?

— Нет. Нам... О его мастерстве ходит много разговоров, и моя супруга решила удостовериться в том лично. И конечно, сделать заказ, если слухи окажутся правдой.

Парень улыбнулся:

— Вам понравятся его работы. Взглянете сейчас?

— Сам хозяин к нам не выйдет? — обиженно надула губки Лус, а я вполголоса, наклонившись к уху бритоголового, пояснил:

— Моя супруга любит пышные церемонии. Иначе просто не считает товар стоящим.

— О, понимаю, — кивнул парень. — К сожалению, эрте Тъезаре нет сейчас дома. Он получил большой заказ и срочно уехал за недостающими материалами. Их он подбирает только сам.

— И как скоро вернется?

Ясные глаза работника лавки не моргнули, когда он ответил:

— Завтра. Приходите ближе к полудню.

— Мы придем, — пообещала Лус и потянула меня за рукав прочь от лавки.

Парень долго смотрел нам вслед: я буквально чувствовал его взгляд на своем затылке, пока мы не свернули за угол, в проулок, ведущий к одному из узеньких мостиков, соединяющих острова Аллари друг с другом.

— Он недокровка, как вы их называете, — сообщил демон.

— И что с того? Твой знакомец не стал бы окружать себя недокровками? Они же надежнее, чем просто люди: будут смотреть в рот любому одержимому.

— Да, наверное. — На словах Лус соглашалась со мной, но в голосе все же прозвучало сомнение.

Меня же куда больше, чем происхождение парня, насторожила его бритая голова. Хотя в таких занятиях, как ювелирное дело, отсутствие волос на голове было вполне разумным. Веди себя работник иначе, можно было бы что-то заподозрить, но он был спокоен, даже дружелюбен, и не стал настаивать на посещении лавки. Правда, то, что провожал нас взглядом...

Ну, в конце концов, у него тоже могли иметься свои причины. Например, подозревать воришек в парочке странноватых незнакомцев.

— Все еще хочешь остаться?

Лус упрямо опустила подбородок.

— Ладно, пойдем искать тот гостевой дом.

По мере того как мы углублялись в лабиринт города, Аллари нравился мне все меньше и меньше. Да, жить здесь было уютно и красиво, но стоило взглянуть на местность с точки зрения защиты и нападения, как все первое впечатление безвозвратно испарялось. И честно говоря, я почти ненавидел за это демона. Если бы его не было рядом со мной... Хотя, если бы его не было, в моей жизни не возникло бы и города, прыгающего через реку с островка на островок.

Узкие улицы, многократно изогнутые так, чтобы побыстрее гасить порывы сырого ветра, создавали своими зигзагами кучу закутков, пригодных для устройства засады. Крыши, смыкающиеся друг с другом в длинные черепичные настилы, как нельзя лучше подходили

для отступления, вынужденного либо запланированного. Не говоря уже о каналах, ныряющих под мостами: если тебя совсем допекла погоня, можно прыгнуть в воду и, прячась между сваями, добраться до безопасного убежища. Правда, для свидания с темной гладью требовалось немалое мужество, особенно в конце весны, когда течение еще несет в себе память о талом снеге.

Гостевой дом соседки стражника плотно вливался в общий строй зданий, граница и крышей, и балконами, опоясывающими второй этаж. Будь моя воля, ни за что не остановился бы здесь на ночлег, но особого выбора не было, потому что город на глазах наводнялся толпами людей, явно приехавших издалека, а значит, в скором времени в Аллари не должно было остаться ни одного свободного местечка. К тому же не стоило огорчать отказом старшину Сеппа, так любезно сократившего время нашего унылого пребывания на корабле.

Хозяйка оказалась женщиной толковой и едва услышала, кем мы были присланы, понимающе улыбнулась и не задала ни единого вопроса из праздного любопытства. Проводила в комнату со стенами, обитыми непривычно темной тканью, справилась о том, что и когда гости желают откусать, и скоренько оставила нас наедине.

Створки высокого полуокна-полудвери были приглашающе распахнуты на балкон, и я вышел посмотреть на город хоть с небольшой, но все-таки высоты. При взгляде сверху вниз Аллари еще больше походил на что-то вроде кукольного дома и казался совершенно невозможным со всеми своими игрушечными мостиками, улочками, переплетенными друг с другом, как косы, пышными цветами и прочей зеленью в многочисленных кадках, издалека сливающимися в одну большую лужайку. Даже люди, по моему примеру облюбовавшие балконы, прогуливающиеся по набережным или снующие в уличных просветах между домами, напоминали какой-то огромный заводной механизм, приведенный в движение поворотом невидимого ключа. А главное, ни в одном из уголков города, куда я мог дотянуться взглядом, не было и тени мрачной, скрипящей от натуги пружины столичной жизни. Нет, здесь царили беспечность и радость, вроде бы беспричинная, зато заразительная. Хотелось забыть о всех бедах и трудностях, вытряхнуть из памяти мертвые тела и искаженные страхом лица, вдохнуть свежий воздух, раскинуть руки и...

Взлететь? Почему бы нет? Пусть полет вниз и не мог продлиться больше пары-тройки секунд, он все равно подарил бы ощущение свободы.

— Здесь красиво, — заметил демон, тоже выбравшийся на балкон.

— Утром ты был другого мнения, — напомнил я.

— Утром... Дурное самочувствие отвращает от любых удовольствий.

— Но теперь тебе стало лучше, я надеюсь?

Лус внимательно прислушалась к своим ощущениям:

— Мутить перестало, и на том спасибо. Угораздило же получить в распоряжение тело, не способное ни к чему!

— Мы уже говорили об этом. Все в твоих руках: научи, она будет послушной ученицей.

— Слишком послушной, — вздохнул демон. — И потом... Я не собираюсь здесь долго задерживаться.

— Тебе же вроде некуда возвращаться?

— Неважно. Оставаться и решать, на чьей стороне выступить, я не хочу.

— Разве ты до сих пор не решил?

Лус повернула голову, устремляя взгляд на город:

— Все слишком сильно перепуталось. Беглецов из империи надо спасти от гибели, но изо всех, кто мне встретился, спасения заслуживали как раз те, кто следовал зову долга и сам знал, что делать. А остальные... Возможно, не стоит тянуть их обратно силой. Они ведь никогда уже не будут настоящими подданными, любящими или ненавидящими своего императора. Никто не знает, о чем думают «выдоххи» после пробуждения. Понятно только одно: в жизни для них не остается ничего увлекательного.

— Ты тоже жаловался на скуку.

— Да. Но она хотя бы всегда была разной. То омерзительной, то почти приятной, то мучительной, то приносящей успокоение. А по возвращении стала бы просто... скукой.

— Но ты все равно бы вернулся?

Лус грустно посмотрела на меня тускло-алыми глазами.

— Стыдно признаваться, но... Я скучаю. И знаешь, по чему особенно?

— Даже не представляю.

— По чудесам, — выдохнул демон. — По вещам, которые происходят сами по себе, своевольно и неожиданно. Здесь все иначе: есть причина, есть следствие, никаких случайностей.

Пожалуй. И попытки синих мантий заполучить в свои руки чистое могущество демонов не увеличат количество чудес. Скорее наоборот, все способности будут отмеряться строго по порциям, приниматься по расписанию, применяться по приказу. Есть ли выход из этого тупика?

Позволить Цепи одушевления отловить всех демонов и превратить мир в унылую последовательность одних и тех же причин и следствий? Уничтожить ловцов и получить вместо шанса для каждого исполнить заветное желание тиранию со стороны всемогущих пришельцев? А ведь еще совсем недавно в нашем мире сохранялось хоть шаткое, но равновесие. Пару веков назад люди и вовсе не знали о грядущих бедах, глядя в ночное небо и мечтая поймать синюю звезду.

Но больше так продолжаться не будет. И та и другая сторона слишком сильно окрепли, поумнели, перестали действовать наугад. Рано или поздно столкновение произойдет. Кто тогда выйдет победителем?

— Немногие согласятся вернуться. Наверное, чудеса родины померкли перед возможностью стать могущественным и бессмертным. Стать почти богом.

— Да, богом, — хмыкнул демон. — И одному из нас это точно удалось, по крайней мере, в том мире. Правда, и здесь, если верить твоим словам, ему подвластно многое.

— Он сам считает иначе. И ищет дорогу назад.

— Думаешь, он сказал тебе правду?

— Думаешь, у него были причины лгать?

Мы посмотрели друг другу в глаза и снова повернулись лицами к городу.

— Доброго вечера, соседи! — донесся вдруг голос откуда-то слева.

На балконе рядом с нашим, отделенным только ажурной загородкой, любовались закатом двое. Молодой, даже очень молодой человек в рубашке, расстегнутой чуть ли не до живота, коротких, до колена, штанах, босой, растрепанный, как воробей, купающийся в первой весенней луже, упирался руками в балконную решетку, почти вися над улицей, и явно наслаждался тем, что делал. Второй — старик, вид которого не удалось бы описать даже словом «дряхлый», сидел на лавочке, прислонившись к стене дома, и, казалось, спал как убитый. Нет, все-таки как умерший. Впрочем, при звуках голоса своего спутника он встрепенулся и начал оглядываться, правда, совсем в другие стороны, чем следовало.

— Соседи? — продребезжал он. — Где соседи?

— Дядя, сиди где сидишь. Потом поздороваешься, — покровительственно разрешил молодой, а сам подобрался ближе к нашему балкону и уставился на Лус, восхищенно щуря глаза.

— Откуда берутся такие красотки? — наконец спросил он, вдоволь насмотревшись.

— Из далеких краев. Отсюда не видно, — огрызнулся демон, впрочем, в исполнении девического голоса этот не слишком вежливый ответ прозвучал почти игриво.

— А мне кажется, я все-таки видел. Вас. Однажды, — продолжил настаивать юноша.

Его поведение было естественным для молодого парня, заметившего поблизости привлекательную девушку, но по понятным причинам мне совершенно не нравилось.

— Моя супруга нечасто бывает в обществе.

— Ваша супруга? — похоже, всерьез удивился незнакомец и провел пятерней по темным волосам, убирая их со лба. — О, тогда прошу простить мою дерзость! И все же ваше лицо, эрте, кажется мне знакомым, уж не сердитесь. Может быть, мы встречались в детстве?

— Не припоминаю, — холодно ответила Лус, подошла ко мне, прикоснулась губами к моей щеке, изображая поцелуй, и прошептала: — Он одержимый.

— Идешь отдыхать?

— Да, дорогой. И ты долго не задерживайся: я скучаю.

Когда девушка скрылась за балконной дверью, настырный юноша многозначительно заметил:

— У вас красивая жена.

— Я знаю.

— Должно быть, у нее не было отбоя от женихов?

Ему определенно требовалось что-то узнать о прошлом Лус. Вот только как человека или как пристанища для демона? В любом случае, чувствовалось, что незнакомец готов идти

напролом, если потребуется, а значит, стоило выстроить для него коридор, способный привести на поле сражения, удобное прежде всего мне самому.

— Хотите узнать, почему она выбрала именно меня?

— Не откажусь, — нахально улыбнулся юноша.

— Потому что я был готов исполнять ее желания.

Он понял, что слово «ее» было выделено голосом не просто так, и попробовал уточнить:

— Разве таковы не все влюбленные мужчины?

Когда-то раньше я тоже думал иначе. Давным-давно. Но встреча с прибоженной, хотевшей стать только женщиной и никем другим, многому меня научила.

— А о чем думаете вы, глядя на любимую женщину?

— Ни о чем, — простодушно ответил незнакомец. — Боги миловали. Не влюблялся еще.

Ну да, конечно. Боги. Не Бож, не Боженка, а сухое и чуть презрительное «боги». Что этот демон настолько обнаглел, что не считает необходимым скрывать свое происхождение? Если так, последняя битва точно не за горами. Не может же он думать, что супруга посвятила меня во все свои тайны? Я ведь не недокровка, в случае чего способен пойти наперекор чувствам.

— Могу рассказать.

— Да уж, будьте любезны!

Теперь он смотрел на меня так же внимательно, как перед тем на Лус, а может, даже внимательнее.

— Мужчина обычно исполняет те желания женщины, которые ведут к исполнению его собственных. Да и любой человек так поступает.

— Всегда?

— Большой частью. Но иногда мы исполняем чужие желания просто так.

Юноша сузил глаза, наверное, чтобы я не заметил изменения чувств, отразившихся в них.

— И оно того стоит? Если нет выгоды?

— Если ты можешь это сделать, почему должен отходить в сторону и беречь силы?

Он улыбнулся. Кривенько, так, что непонятно было, чего в гримасе больше: насмешки или горечи.

— А и впрямь? Если можешь... Нужно только захотеть.

— Не нужно.

Брови незнакомца удивленно приподнялись.

— Не нужно? Чего?

— Хотеть. Желание ведь уже известно. Его остается только исполнить.

— Просто так?

— Попробуйте, вдруг понравится?

Темноволосая голова качнулась, то ли соглашаясь, то ли сомневаясь. Что бы ни думал юноша на мой счет, короткий разговор ясно дал понять: держись подальше. И предупреждение было принято. Незнакомец отцепился от балконного ограждения, выпрямился и явно собрался уходить, может, вернуться к своему спутнику, может, и вовсе уйти с балкона. Но перед тем как покинуть мое общество, спросил, обращаясь наполовину ко мне, наполовину к небу, темнеющему над городом:

— А если желания совпадут? Как это будет называться?

Можно было задуматься, наверное, и следовало так сделать, но я ответил первым

пришедшим на ум словом, которым обычно объясняют все, от нелепых случайностей до роковых ошибок:

— Судьба.

Шаг седьмой

Где-то здесь...

Женщина, шелковое платье на которой грозило лопнуть в любую минуту, потянулась за бокалом вина, и по ниткам крупного жемчуга, от запястья до локтя обвивающим полные руки, побежали радужные отблески.

— Не самое привлекательное тело, знаю, — улыбнулась она чуть виновато. — Но проще найти другое, чем бороться с этим жиром.

Мужчина, сидящий рядом, понимающе кивнул, хотя сам был тощий как щепка и скорее походил на вешалку для своего костюма, чем на человека.

— Не всем из нас везет, — сказал он, с многозначительной завистью поглядывая на третьего участника поздней вечеринки.

Впрочем, тот сделал вид, будто пропустил словесный укол мимо ушей. Спорить со старыми приятелями и доказывать, что свое тело он тоже получил не бог весть в каком состоянии, зато в отличие от других не стал лениться, Логр Тори не хотел. Слишком мало оставалось времени, чтобы тратить его на пустую болтовню. К тому же некоторая внешняя уродливость защищала одержимых надежнее, чем высокие стены и прочные замки. В самом деле, кто из людей подумает, что демон по своей воле забрался в некрасивое тело? Им ведь невдомек, как все происходит в действительности. Поэтому тела рано разжиревшей владелицы местной верфи и хрупкого, как кузнечик, писаря торгового дома были скорее благом, нежели неудобством. А потому жалобы на судьбу звучали из уст этих двоих, по меньшей мере, грешно.

— Как скоро собираетесь менять пристанище? — спросил Логр, покатав на языке густую каплю южного вина.

— Как дела пойдут, — ответила женщина. — У меня на примете двое родственников, но пока не узнаю точно, о чем они грезят, не буду торопиться с выбором. А то придется полжизни убить на исполнение такой глупости, о которой и рассказать-то стыдно!

— Меня нынешнее тело продержит еще долго, — сказал тощий. — Только бы не скопытилось.

— Так ты корми его получше! — предложила толстуха и тут же насмешливо поинтересовалась: — Или корм не идет впрок?

Мужчина вспыхнул румянцем, быстро перетекшим в мертвенную бледность, но Логр, уже прекрасно изучивший за предыдущие жизни характеры своих приятелей, примиряюще поднял ладони:

— Ну будет вам! Нашли время собачиться... Хотите поругаться, выходите за дверь.

— Выйти и отказаться от такого прекрасного напитка? Нет уж, — заключила женщина.

— А я бы предпочел думать, что вам обоим больше по душе беседа со мной, чем мое вино.

Он почти не шутил. Дома, в империи, их всех связывали общие мысли, чувства, намерения, а здесь, стоило ненадолго разбрестись в разные стороны, что-то сразу же начало меняться. Конечно, при встрече они по-прежнему обменивались колкостями, воспоминаниями и рассказами, по большей части об успехах, а не о поражениях, но Логр больше не видел перед собой тех вдохновленных и верных учеников Янны Лири, которых помнил. И это заставляло испытывать чувство, весьма похожее на страх.

Бывшему вельможе нравилось думать, что он, в отличие от многих других, сохраняет в себе былую страсть. Возможно, так и было на самом деле. И все же, раз за разом наблюдая, как соратники отдаляются не только от него, но и друг от друга, Логр Тори сознавал, что его сия участь тоже коснется. Рано или поздно.

Собственно, поэтому он и пустился на поиски Янны. Чтобы не потерять себя самого.

— Логги, даже не сомневайся! Твои вина всегда были лучшими, это верно, но они всего лишь приложение к тебе, а не наоборот, — заявила женщина.

Что ж, прозвучало правдоподобно. Хотя было бы глупо верить во внезапную искренность той, что держала стальной хваткой все речные флотилии Аллари.

— Я позвал вас не просто так. Не в этот раз.

— Что-то стряслось? — обеспокоенно спросила владелица верфи.

— Я нашел эссу Лири.

Новость поколебала спокойствие обоих гостей. И надо сказать, чувства, что отразились на таких разных лицах, оказались похожими как две капли воды.

Логр смотрел на тени, омрачившие чела приятелей, и понимал: бывшей близости сознаний больше нет. Слишком долго все они находятся в этом мире. Слишком много соблазнов встретилось на их пути, чтобы сохранить целомудрие хотя бы разума, если не тела. Быть истинным творцом своей жизни — что есть на свете заманчивее? Неудивительно, что они не устояли перед самым страшным грехом, какой только может быть: перед желанием самому быть для себя богом.

— Ее больше нет с нами.

Две головы опустились, словно отдавая дань памяти погибшему наставнику, но Логр мог бы поклясться, что в опущенных взглядах сверкнуло облегчение.

— Я прочитал ее последние записи. Она хотела совершить нечто особенное. Нечто, невозможное там, где мы родились, но здесь... Здесь она могла добиться успеха. Если бы выбрала правильную цель.

— О чем ты говоришь? — Тощий опрокинул в рот остатки вина из бокала и плеснул еще из бутылки, стоявшей рядом. Одной из многих бутылок на столе.

— Она хотела привести в этот мир нашего бога.

Женщина поперхнулась:

— Всеединого?!

— Да. Но она не учла одной мелочи. Рассказов слишком мало, чтобы внушить человеку, каким должен быть бог. Нужно родиться с этим. Нужно, чтобы в твоей крови текла кровь тех, кто на протяжении веков и поколений верил, не испытывая сомнений.

— Она хотела стать богом... — потрясенно пробормотал тощий.

— Чтобы явить его всем нам. Хотя бы здесь, в чужом мире.

— Она хотела...

— Это было благое намерение, — отрезал Логр.

Сам он конечно же так не думал. Божественное должно оставаться божественным, не запятнанным человеческими страстями, а тем более попытками сравняться с богом. Он не осуждал Янну, понимая, что для нее, для ее восторженно-старательного разума подобное решение как раз являлось естественным. Обрести свет родины на чужбине. Свет, по которому она наверняка скучала каждый день и час...

Но этот мир всегда был другим. И не позволил нарушить свои законы.

— А если бы у нее получилось? — с придыханием в голосе предположила женщина. —

Если бы у нее...

— И Всеединый сошел бы на здешнюю землю? — усомнился тощий. — Вряд ли такое возможно. Да и зачем? В этом мире мы наконец-то обрели магию, которой были лишены дома. Пусть она другая, но не менее могущественная. Ведь мы стали почти бессмертны!

Логр с большим удовольствием закрыл бы глаза и зажал уши, только бы не видеть и не слышать тех, кого еще совсем недавно мнил своими единомышленниками. В прошлой жизни.

Ни один из двоих даже не поднял бокал в память о наставнице! Ни один не поинтересовался, как и где она жила все эти годы. Не говоря уже о том, что никто из них не искал Янну. Даже не пробовал. Нет, они скорехонько и благополучно забыли о цели своего перехода через «врата мечты». А ведь когда-то давали друг другу клятву положить свои жизни на алтарь служения богу...

Что ж, время жертвоприношения пришло.

— Она совершила ошибку, — повторил Логр Тори. — Но я не совершу.

Он щелкнул пальцами, и двери распахнулись, пропуская внутрь четверых людей. Двое шли медленно, спотыкаясь на каждом шагу, двое поддерживали их под руки. Двое — с отсутствующим выражением лица, двое и вовсе без лиц — в масках.

— Ты пригласил и других гостей? — осведомилась хозяйка верфи, явно недовольная произошедшим.

— О, они кто угодно, только не гости, — успокоил ее Логр. — Скорее, инструменты.

— Для какого такого занятия? — настороженно уточнил тощий.

Тем временем люди без лиц поставили своих подопечных перед столом и бесшумно удалились, плотно прикрыв за собой дверные створки.

— Вам ничего не кажется странным в этих двоих?

Толстуха и тощий с минуту внимательно разглядывали вновь прибывших, потом первая с сомнением в голосе сказала:

— Не пойму, кто из них мальчик, а кто девочка.

— И не старайся. Они ни то ни другое, а оба сразу.

— Прибоженные? — фыркнул писарь.

— Именно.

— И к чему они здесь? Тем более почти без сознания?

Логр Тори провел кончиком указательного пальца по кромке бокала.

— Как я уже говорил, Янна ошибалась, когда хотела явить Всеединого этому миру. Здесь правят другие боги. Непостижимым образом соединенные, но все же разные. Два бога. И в сознаниях людей они все равно наделяются разными обликами и свойствами. А значит, для их воплощения понадобилось бы два тела, только и всего.

— Ты хочешь повторить ее безумства?! — выдохнул тощий. — И сгинуть так же бесславно, как она?

— О нет, я предпочту увидеть результат своих действий. Сгинуть придется кое-кому другому.

Они были достаточно умны, чтобы понять, к чему идет дело. Хозяйка верфи поднялась на ноги и оскорбленно заявила:

— Я не собираюсь участвовать в твоих бреднях!

Писарь высказался примерно в том же духе, только намного более грубо.

Логр промолчал. Он продолжал молчать, когда двое его бывших приятелей шли к дверям. Когда дергали за ручки и наваливались на створки, пытаясь выйти из комнаты. Когда затравленно обернулись, поняв, что выхода нет. Когда ноги подкосились сначала у тощего писаря, потом у женщины, и оба сползли по стене вниз.

— Я никогда тебе этого не прощу! — пообещала хозяйка верфи.

— Боюсь, отомстить ты тоже не сможешь, — предположил Логр. — Если моя задумка удастся, этот мир станет другим, потому что в него сойдут настоящие боги.

— Ты безумен... — прошептал писарь, из последних сил опираясь руками об пол.

— Не настолько, чтобы повторять чужие ошибки. Эти двое больше нас с вами знают о своих богах. А главное, половину их знаний невозможно передать словами. Мои чужеземные друзья любезно помогли заставить прибоженных желать обрести божественную силу. Конечно, не все прошло гладко, но эти тела не пострадали слишком существенно. И теперь они готовы принять вас. А готовы ли вы?

Тощий не ответил, закатывая глаза в предсмертной агонии. По объемистому телу женщины яд растекался медленнее, и хозяйка верфи все еще находилась в довольно ясном сознании. Она перевела взгляд на своего товарища по несчастью, вздрогнула, понимая, что тот уже одной ногой стоит в могиле, и рванула из складок юбки длинный кинжал.

— Раз уж такие дела, то на этот раз я выберу тело получше!

Тонкое лезвие вошло под пышную грудь, и глаза женщины закрылись. Тощий мужчина

протянул не намного дольше: легонько всхрипнул и отошел.

Логр Тори покинул свое кресло, обнял одурманенных зельями прибоженных, подтолкнул их к двум мертвым телам, над которыми собирались в единый сгусток сотни крошечных синих искр, а потом снова вернулся к столу: допивать и вправду отменное вино.

Где-то рядом...

Настоящая большая удача навещает вас не чаще чем один раз за целую жизнь — в этом Трифф Тьезаре был не просто уверен, а знал наверняка. Тем более что когда-то давным-давно звали его совсем иначе, и делами он занимался отнюдь не ювелирными. Хотя точность, терпение и выдержка, свойственные мастеру, известному на весь Аллари и даже чуть поодаль, были теми качествами, от которых беглец в чужой мир не отказывался и впредь отказываться не собирался.

Имя, данное при рождении, Трифф вспоминал лишь от случая к случаю. Причину, по которой прошел через «врата мечты», предпочел забыть сразу же, благо среди демонов, как называли их здешние жители, было не принято интересоваться прошлым. Настоящее, и только оно, занимало все мысли и чувства бывших имперских подданных. Дома ведь все было иначе. Дома приходилось выверять каждый шаг и вдох, чтобы завтрашний день не принес с собой разочарований, а еще хуже, бед. Дома вокруг вечно роились родственники, дети, жены, любовницы, слуги и прочая мошка, надоедливая, почти никчемная, но составляющая большую часть тебя самого. И отмахнуться от них от всех означало разрушить свой мир. Так думал Трифф, так думали многие, решившиеся узреть полет черно-синей бабочки. Возможно, они ошибались, вот только не успели вовремя найти опровержение своим заблуждениям.

Осторожность никому и никогда не вредила, однако она намного требовательнее любого другого свойства человеческой природы, поэтому ничего удивительного не было в том, что в один прекрасный день богатый, влиятельный, а главное, крайне осторожный человек почувствовал нестерпимую усталость. И что хуже всего, почти сразу же он понял, что не сможет изменить себя. Не здесь. Не сейчас. Слишком много незримых цепей опутывает, слишком сильны привычки, взлелеянные с раннего детства.

Как оно часто бывает, кажущаяся недостижимой цель быстро обрела над сознанием страдальца огромную власть. Она являлась в каждом сне, насмехаясь и злобствуя, лукаво подмигивала рассветной зарей, торжествуя скалилась первыми звездами на ночном небе. И манила за собой все сильнее. Оставалось всего два выхода: сойти с ума и тем самым все равно покинуть свой уютный мирок либо совершить первый и единственный отважно-безрассудный поступок в жизни.

Будущий Трифф Тьезаре долго набирался смелости и отчаянно завидовал тем, кто легко и беспечно вдыхал пыльцу с крыльев бабочки. А когда решился, едва не раздавил кокон своей надежды в жадно скрючившихся пальцах. Он не ждал найти что-то особенное за волшебными «вратами». Главное, там все должно было быть иначе, и именно это ощущение, смешанное с детской верой в чудо, стало последней каплей, сдвинувшей чаши весов.

Если признаться честно и прямо, ничего особенно «иногo» в мире, представшем взору беглеца, не оказалось: те же камни, земля, вода, солнце, рощи, луга, города и люди. Да еще необходимость исполнять чье-то дурацкое желание, которое и понять-то почти не получается!

Поначалу Трифф даже подумал, что его жестоко обманули, бесился от злости и

беспомощности в непослушном теле и еще более своевольном сознании. Но чем больше он пытался сражаться за свою свободу, тем крепче становились стены странного узилища, а борьба высасывает из тебя силы не хуже, чем вечные прятки от опасности...

Все произошло, когда он исчерпал запасы злости, смирился, отступил, бросив попытки драться, и просто поплыл по течению чужого желания. Немного страшно и обидно стало только над самым водоворотом, куда следовало нырнуть. Так, ненадолго. На пару мгновений. Трифф не мог и подумать, что на другой стороне, там, где его вынесет на поверхность, мир, пусть и оставаясь прежним, превратится из врага в послушного слугу, беспрекословно исполняющего приказы.

Это была та самая свобода, которую он искал. Безграничная. Любое тело, любой уголок земли — выбирай! Не хочешь уголка? Отправляйся прямо в середину!

О, конечно, первые годы Трифф все же осторожничал. Потом на какое-то время сорвался с цепи, меняя обличья и возможности, как перчатки. Еще спустя десяток жизней начал подумывать о небольшом отдыхе, тут-то ему и встретился на пути подмастерье ювелира, живущий в красивом речном городке. Главное, у того имелось какое-никакое желание, а дальше требовались только ловкость и подходящий случай.

Учиться пришлось, куда же без учения? Впрочем, с природными склонностями Триффа корпеть над металлами и камнями оказалось совсем не трудно. Паренек, слегка изменившийся после одной беззвездной ночи, талантом не блистал, брал свое старанием и терпением и, конечно, не мог претендовать на долю в хозяйском деле. А вот сын ювелира, напротив, с рождения наделенный отменным вкусом к красоте, работать не любил, хотя и принял в конце концов отцовское дело. Вместе с подмастерьем конечно же.

Дальше все было проще простого, главное, что у нового хозяина ювелирной лавки тоже имелось желание. Пустяковое, не стоящее даже воспоминаний, оно помогло Триффу получить свое нынешнее имя, а заодно и долгожданный отдых. Навыки, приобретенные за прошедшую дюжину лет, смешанные с природными способностями нового тела, превратили бездельника в знаменитого мастера. Правда, работающего уже без подмастерьев.

Жизнь, которую он сам себе сотворил, довольно долго доставляла Триффу Тьезаре ни с чем не сравнимое наслаждение. Пока он вновь не почувствовал, что устал, на сей раз уже не от необходимости прятаться и прятать свои истинные чувства, а от работы. Надо было бы передать дело верному человеку, потому что блистательное настоящее не наступает без тщательной подготовки, да только не встречался никто подходящий. До недавнего времени.

С первого взгляда Трифф не разглядел в парне, переступившем порог лавки, ничего особенного. Ну кроме того, что он недокровка. А прозвучавшее предложение заставило заинтересоваться лишь одну половину ювелира: заказ на сотню пряжек из серебряной филигрании. Усердия здесь требовалось немного, больше времени, и как раз за время незнакомец обещал заплатить очень щедро. Даже вручил половину оплаты в задаток.

Трифф Тьезаре знал, что задавать лишние вопросы — вредно для здоровья, но, когда заказчик попросился остаться и поработать в лавке, разумеется, занимаясь своими делами и не встречая в чужие, любопытство пересилило осторожность, и так основательно притупившуюся за долгие жизни, проведенные в чужом мире. Тем более взглянуть было на что: парень вплетал какую-то лозу в готовые пряжки, делая это с ловкостью и изяществом настоящего мастера. А потому мысль о том, что при должном обучении из незнакомца можно сделать отличного ювелира, возникшая неосознанно, осталась в голове Триффа всерьез и надолго.

Он явно был приезжим, это паренек, значит, следовало не откладывать дело в долгий ящик. К рассвету весь заказ был готов. Трифф, устало пройдясь бархоткой по гладким изгибам пряжек, подхватил шкатулку с последней партией и отправился в дальнюю комнату, где всю ночь напролет, не смыкая глаз, трудился усердный молодой человек, так отменно подходящий на роль будущего хозяина ювелирной лавки.

Трифф от двери полюбовался еще раз отточенными, скупыми движениями тонких пальцев. Поставил на стол свою ношу. Подвинул поближе стул, присел, дождался, когда парень поднимет взгляд, и спросил:

— Как вам нравится город?

Наверное, можно было обойтись без расспросов издалека, но ювелир чувствовал себя слишком взволнованным, чтобы с места в карьер раскрывать свои карты. Предложение более чем достойное, заманчивое, лестное, и все же как знать — вдруг обнаружится причина, по которой весь план рухнет, даже не начав воплощаться?

— Красивый, — коротко ответил парень, не забыв улыбнуться.

Это сочетание сосредоточенности и улыбок, удивительно похожих на искренние, подкупало даже больше умелых пальцев. Триффу следовало бы остановиться на минутку и задуматься о том, что у парня явно был очень хороший наставник, вполне возможно, не просто вышколивший своего ученика, а вложивший в его голову и тело много разных навыков. Следовало бы вспомнить об осторожности, одним словом. Но сейчас, когда очередная цель, еще вчера казавшаяся недостижимой, стала так близка...

— Вы бы хотели здесь жить?

Парень вновь вернул свое внимание упругой лозе, но улыбаться не перестал:

— Живут не где-то, а, главным образом, на что-то.

И обыденная мудрость вкупе с непосредственной прямоотой тоже отозвались в душе Триффа долгожданным эхом. «Он хорош», — восторженно думал ювелир, не осознавая, что где-то, глубоко в сознании, между этими двумя словами прячется еще одно, в корне меняющее смысл фразы.

Слишком хорош. Даже голову бреет, как подобает при исполнении любого тонкого и тщательного дела.

— Работа для умелых рук всегда найдется.

— Это предложение? — спросил парень, не поднимая глаз от очередной пряжки.

Другой на месте Триффа теперь уж точно насторожился бы. Догадливость хороша, но ее у работника должно быть меньше, чем у нанимателя. Или, по крайней мере, она должна быть хорошо укрыта от любопытных глаз.

— У вас есть способности.

Бритоголовый усмехнулся. Скорее, даже хмыкнул. Впрочем, возражать не стал.

— Нужно лишь немного обучения. Под началом мастера, разумеется. И вы сами вскоре станете мастером.

Парень не ответил, продолжая вплетать лозу в серебряное кружево. Трифф не рассчитывал на мгновенное решение, но весь предыдущий короткий разговор словно бы намекал, что если сделка состоится, то либо сейчас, либо никогда. А чем дольше в комнате висела тишина, тем меньше шансов становилось у первого возможного исхода событий. На третьей минуте молчания ювелир мысленно вздохнул и собрался уже попрощаться с надеждой в ближайшие дни обрести помощника, когда раздался звон колокольчиков, потревоженных входной дверью.

— Кто бы это в такую рань? — недоуменно спросил сам себя Трифф, но понял, что сделал это вслух, только получив неожиданный ответ:

— Мои наниматели.

А, вот в чем дело! Вот почему он молчал так долго!

Ювелир почувствовал, как сердце в груди снова забилося проснувшейся пташкой. Конечно, если парень связан другими обязательствами, он не волен давать кому-то обещания. А главное, услуги всегда можно перекупить, это лишь со свободой не всегда получается.

Их оказалось двое. Один высокий, слегка худощавый, спокойный, как безветренное небо. Второй пониже, заметно крепче и непоседливее. Ничего примечательного во внешнем виде прищельцев не было, кроме шляп, надвинутых почти по самые брови. Одеты оба были добротно, но небогато, стало быть, все то, что они могли предложить своему работнику, имелось и в распоряжении ювелира. А может, он даже был намного богаче.

— Чем могу служить? — осведомился Трифф, выходя к гостям.

— Заказ исполнен? — в ответ поинтересовался крепыш.

— Позвольте заметить, что лично от вас я не получал никаких заказов, — холодно ответил ювелир.

— Он говорит об этом. — Бритоголовый, подошедший вслед за Триффом, открыл крышку шкатулки, показывая плоды совместного труда.

На серебряном фоне плети лозы, переплетенные причудливым образом, выглядели намного зеленее, чем раньше, почти изумрудными, и теперь стали похожи на праздничные украшения, как их и назвал парень. Правда, не уточняя, к какому празднику они приготовлены.

— Замечательно, — кивнул высокий, взял одну из пружек в руки и покрутил между пальцами. — Отличная работа.

В его голосе послышалось удовлетворение, но на лице по-прежнему ничего не отражалось, кроме равнодушного спокойствия.

— И справились вы в срок.

— Я не взял бы заказ, если бы не был уверен, — гордо сказал Трифф.

— Значит, мы в вас не ошиблись.

Краем глаза ювелир заметил, как бритоголовый парень кивнул, словно что-то подтверждая, а в следующее мгновение ощутил острую боль в заломленных за спину руках.

— Что... Зачем... Почему?

Обиднее всего было разочаровываться в собственном выборе. Предательства Трифф не ожидал. Наверное, потому, что несколько жизней назад перестал осторожничать. В этом мире он мог потерять только очередное тело, обустроенное в соответствии с каким-то желанием, не более. А такая потеря всегда являлась началом нового пути, заманчивого своей непредсказуемостью, причем в дорогу отправлялся уже не желторотый юнец, но и не растерянный, запутавшийся в настоящем старик.

Он ведь всегда заранее знал, какие шаги нужно сделать. Почему же сейчас так постыдно оступился?

— Это был особый заказ, — пояснил высокий, подходя ближе к ювелиру, выгнувшемуся дугой. — Особому заказу всегда требуется особый исполнитель, как можно догадаться. Но вы... Вы оказались слишком особым, если так можно выразиться. Нам на удачу.

Он поднес пряжку, обвитую лозой, поближе к лицу Триффа, и тот с ужасом заметил, как стебли начинают шевелиться. Сами по себе.

— Будь вместо вас обычный человек, он бы просто умер. Быстро и тихо. Конечно же мы не оставили бы в живых никого, не сомневайтесь! А вот вам придется помучиться. Хотя... можете считать это наказанием за совершенное преступление. Если это вас успокоит.

— Какое еще... преступление?! — испуганно прохрипел ювелир.

— Убийство.

— Я никого не убивал!

— Ой ли? Будете утверждать, что мирком да ладком живете в этом теле с его прежним хозяином? — зевнув, спросил высокий, и Трифф понял: дела плохи.

Будь это простое ограбление, всегда оставался шанс выжить. Смерть в здешнем мире всегда открывала ворота в новую жизнь, лишь бы поблизости нашлось желание. Из этих троих двое вполне подходили для переноса, тем более крепьш явственно сгорал изнутри от множества страстей, но незваные гости знали, что ювелир одержим демоном. И похоже, прекрасно понимали, как с ним следует поступить. Если собирались убить, то не мгновенно: наверное, обездвигат или придушат немножко, потом уволокут подальше и оставят умирать вдали от людей...

Ювелир взвыл от досады, благо боль тоже требовала выхода в голосе.

— Можно считать это признанием? — без тени улыбки спросил высокий.

Трифф понимал: надо что-то делать. Возвращаться к себе домой он не хотел всеми фибрами души. Туманных воспоминаний хватало, чтобы продолжать ненавидеть прошлое и отчаянно цепляться за настоящее. Да, не свое. Чужое. Но ведь выстраданное!

— Мы могли бы договориться, — выдохнул ювелир, облизывая пересохшие губы.

— О чем?

Поскольку в голосе главаря троицы послышалось искреннее удивление, ювелир решил, что взял верное направление.

— У меня есть деньги. Много денег. Вы не найдете их, если не знаете, где искать. Но я все расскажу. Все! Я даже оставлю вам эту лавку, только позвольте уйти. Клянусь, никто ничего не узнает!

Высокий качнул головой:

— Нам не нужны деньги.

Так не бывает, подумал Трифф. Деньги нужны всем и всегда. А если не деньги, то...

— Я могу свести вас с влиятельными людьми. Очень влиятельными! Многие из них обязаны мне и окажут любую услугу, стоит только попросить.

— Не старайтесь. То, что вы можете предложить, нас не интересует. А вот то, что ни за какие сокровища не согласитесь отдать...

Пряжка снова приблизилась, только теперь не к лицу ювелира, а к груди. Стебли лозы задрожали, словно в лихорадке, а один, самый проворный, скользнул в расстегнутый ворот рубашки и прижался к коже.

Трифф давно уже забыл, что такое страдания первородного тела. Те, кто пускал его внутрь, были послушны и исполнительны, но никогда не становились с демоном единым целым. По большей части это только помогало, разве что было несколько затруднительно испытывать определенные виды удовольствий. А теперь все как будто вернулось обратно: раскаленная спица боли, вонзившаяся в грудь ювелира, казалось, пробралась за границу мира и достала до самой души.

— Что... вы... делаете...

— Забираю то, что на самом деле ценно. Вашу силу без вас самого. Так будет намного удобнее использовать ее, не правда ли?

О подобном Трифф еще ни разу не слышал. А услышал бы, не поверил. Да и сейчас осознавал только одно: ему больно. Смертельно больно.

— Почему... меня?

— Потому что первым попался под руку. Нам нет никакой разницы, чью силу изымать. Здесь вы все на одно лицо, — оскалился крепыш, потряхивая стеклянным сосудом, в котором мерцала странная синеватая жидкость.

Первым попался? Но это еще не значит, что и умирать тоже нужно первым!

— Стойте... Стойте! Подождите!

Высокий сильнее сжал пальцы на пряжке, и лоза замерла. Правда, не отлипая от кожи.

— Хотите еще что-то сказать?

— Вам нужны демоны? И как много?

— Вы знаете. Достаточно пересчитать те вещицы, над которыми вы трудились всю ночь.

— Я могу указать место. Там соберется... много демонов. Даже больше, чем вам нужно! Незваные гости обменялись вопросительными взглядами.

— Но взамен... Обещайте, что отпустите меня!

Они не спешили отвечать, и ювелир добавил:

— Если упустите этот шанс, второй выпадет только через несколько лет. Подумайте, в одном месте, в одно время... Десятки демонов как на ладони, только подходи и бери!

— Заманчиво, — согласился высокий и кивнул тому, кто держал Триффа.

Хватка мигом исчезла. Оставалась только нить лозы, протянутая из руки высокого к груди ювелира.

— Итак, что это за место?

Когда выбираешься на спасительный островок короткой передышки из моря страха, пьянеешь даже от воздуха. Трифф почувствовал, что ноги подкашиваются, и рухнул бы на пол, если бы бритоголовый вовремя не подставил кресло.

— Танцевальный зал Лотта. Будущим вечером там назначено собрание.

— В разгар праздника? Умно, — оценил крепыш.

— Много демонов вместе... — задумчиво протянул высокий. — Да, это хороший шанс. Но им еще надо суметь воспользоваться.

Он погладил пальцами серебряную филигрань, вглядываясь в извивы лозы, а потом разжал пальцы, но пряжка, вместо того чтобы упасть на пол, как и полагается неодушевленному предмету, рванулась к груди ювелира.

Трифф почувствовал удар и, если бы не сидел, непременно оказался бы сбитым с ног. А следом за ударом пришла боль. Правда, для одержимого она продлилась всего несколько мгновений: оглушенное сознание погасло прежде, чем извлечение эссенции завершилось.

целиком и полностью.

— Неужели нам улыбнулась удача? — спросил самый молодой из троицы, с сомнением глядя на мертвое тело.

— Его слова надо проверить. Но думаю, он не врал, — сказал высокий.

— Пытаясь спасти свою жизнь, люди часто придумывают небылицы, — заметил крепыш. — Чем демоны хуже?

— Они одиночки. И не слишком-то любят друг друга, иначе давным-давно объединились бы и стали править этим миром. Так нет же, каждый живет сам по себе. Как будто боится, что сородичи что-то у него отнимут.

— Хочешь сказать, ему не было смысла врать?

— Ему не было смысла защищать других. Мы ведь могли ему помочь избавиться разом от кучи соперников.

— Мы и поможем, — ухмыльнулся крепыш. — Только ему тоже придется поработать!

Он выдоил из лозы последнюю каплю мерцающей синевы и плотно заткнул горлышко стеклянного сосуда.

— Достаточно? — спросил высокий.

— Почти. Но для верности нужен хотя бы еще один.

— Будет, — кивнул молодой. — Сам придет, дайте только солнцу взойти.

И сейчас...

Я легко просыпаюсь от любого шума, если сам себе приказываю это сделать. Однако большая часть ночи и наступившее следом утро оказались мертвенно-тихими, а потому пробуждение позорно отстало от рассвета. Часа эдак на три.

И даже когда я открыл глаза, то долго лежал, глядя в потолок, пока не сообразил, что солнечные зайчики, танцующие в облачках пыли, появляются, когда солнце уже вовсю карабкается на небосвод. Отрадно было лишь одно: тишина, царящая и в комнатах гостевого дома, и за его пределами, успешно обманула не только меня. Лус сладко посапывала в своей постели, хотя еще вечером демон обещал встать с первыми лучами утренней зари и отправиться на свидание с очередным знакомым из дальнего во всех отношениях прошлого.

На лице девушки, погруженной в сон, ничто не напоминало о странном госте, занявшем место бывшей хозяйки дома из плоти и крови. Наверное, в такие минуты, когда сознание уходит куда-то в сторону от действительности, одержимые становятся почти прежними. А какими становимся мы, обычные люди? Хочется верить, что лучше, чем во время бодрствования.

И все же почему демон так отчаянно ухватился за мысль о Большом собрании своих соотечественников? С одной стороны, конечно, гораздо удобнее рассказать всем и сразу о грозящей опасности, но ведь ему куда важнее, если не врет, убедить упрямцев вернуться, а это можно сделать только двумя способами: напугать или пристыдить. Вариант с насильственным возвращением, то бишь убийством, требует, по меньшей мере, уединения, значит, пока сброшен со счетов.

Так что же из двух оставшихся?

Страх?

Угрызения совести?

Ни первое, ни второе не рождаются в толпе. Даже два человека, глядя друг на друга, поостерегутся давать волю своим чувствам. Целое собрание — тем более. И зачем тогда

демону все это нужно? Неужели у него имеется еще какая-то цель, о которой мне не известно?

Скорее всего.

Главное, эта цель может быть любой, в том числе и опасной для обоих миров разом. Он ведь странновато себя ведет, сомневаться не приходится. Заполучил послушное тело и отказывается использовать его покорность. Готов жестоко расправиться с собственными приятелями, и в то же время не решается посягнуть на чужую волю. Знает, что в родном мире ему места больше нет, и тем не менее не желает оставаться в моем, выбирая смерть вместо бессмертия. Либо он лжет мне в каждом слове и взгляде, либо...

Он просто хороший человек. Вернее, демон.

— Пора просыпаться.

Я дотронулся до плеча Лус, и глаза девушки открылись. Заспанно-красные.

— Уже утро?

— Давно. Скоро будет день.

— День?! — Она чуть ли не подскочила на месте, путаясь в одеяле. — Почему ты меня не разбудил?

— Сам только проснулся. Очень тихо вокруг.

Демон прислушался и согласился:

— Да, тихо. Словно все вымерли.

Я невольно вспомнил тело покойного казначея. Если убийца умел и сноровист, он вполне мог за ночь очистить город от одержимых. А если охотник за эссенцией еще и не один...

— Надеюсь, кто-то все же остался жив.

Видимо, демона посетили схожие мысли, потому что девичье лицо резко побледнело, а потом сразу начало наливаться краской.

— Этому должно быть объяснение!

— Конечно.

— Нужно просто спросить.

— Спросим. Обязательно.

Сборы на утреннюю прогулку заняли у нас примерно одинаковое время, хотя всяческих застежек, шнурков и ленточек в одеянии Лус было почти вдвое больше, чем на моем костюме: похоже, пальцы девушки справлялись с подобными задачами сами, без участия чужого сознания. Спускаясь вниз и выходя на улицу, мы так и не встретили ни одной живой души. Только когда уже вышли на набережную, которая вела к мосту на островок с ювелирной лавкой, город стряхнул с себя ночное оцепенение и начал стремительно наполняться звуками и красками.

Заиграла музыка, загомонили люди, над улицами взвились яркие флажки и гирлянды, сотни ставен и дверей приветственно распахнулись, словно выпуская обитателей домов на свободу, а в воздухе поплыли ароматы горячего хлеба и жареной рыбы.

— Сумасшествие какое-то, — заметил демон, растерянно оглядываясь по сторонам. — Что это со всеми творится?

— Яра-мари начинается, — сообщил старшина Сепп, вынырнувший нам навстречу из потока прохожих.

— Яра... что?

— Праздник первого улова, — чуть озадаченно пояснил стражник, по случаю торжеств

снявший форменную тунику. — Разве вы приехали не на него посмотреть?

— Признаться, у нас были другие цели, — ответил я. — А кто кого ловит?

— Жемчужные раковины. С сегодняшнего дня за ними пойдет охота. Пока вода снова не станет холодной.

— А сейчас она разве теплая?

Блондин кивнул:

— Да. К концу весны до Аллари дотекает вода с Зольных отмелей, прогреваясь на солнце. И можно отважиться на ныряние. Вот-вот откроются состязания, кстати. Желаете взглянуть?

— А будет на что?

Кажется, старшина немного обиделся, услышав высказанное мною сомнение, но начал перечислять:

— На яра-мари много разных увеселений. А главные — это те, что касаются жемчуга. Приз за первую выловленную жемчужницу, приз за большее количество выловленных за один нырок раковин... Правда, они для умельцев, не для новичков. А вот приз за лучшую жемчужину дня может заработать каждый, нужно только немного удачи.

— Удачи! — фыркнула Лус, впрочем, сделала это достаточно тихо, чтобы стражник не уловил в ее голосе насмешку.

— И долго все это будет происходить? — спросил я, глядя на набережную, постепенно заполняющуюся народом.

— Всего один час. Потом люди разойдутся праздновать, веселиться до самой ночи, а завтра все начнется сначала. До первого летнего дня.

— И вы тоже примете участие в празднике?

— А как же! Порт в эти дни закрывается, чтобы не помешать ловцам жемчуга, так что если люди будут приезжать в речную часть Аллари, то с берегов.

— И нырять будете? — поинтересовалась Лус.

Старшина Сепп замялся:

— Я не настолько хороший пловец...

— И не особенно удачливый?

Если демон намеревался оскорбить стражника, то почти этого добился. Блондину не давало повернуться и уйти восвояси только сознание того, что, хотя муж и жена — хвороба одна, от меня пользы можно получить намного больше, чем колкостей от моей «супруги».

— Не обращайтесь внимания, она сегодня не в духе, — поспешил я успокоить старшину.

— Ни одно украшение не пришлось по вкусу? — догадливо уточнил тот.

— Мы не застали ювелира дома.

— О, жаль. — Теперь он посмотрел на Лус с искренним сочувствием. — Но даже если он уезжал, к празднику должен был вернуться.

— Вот я и проверю, — заявил демон, делая шаг в направлении моста.

Я поймал Лус за острый локоток и прошипел в ухо:

— Не смей ходить один!

— Да ничего не случится! Вон отсюда дверь лавки видна как на ладони. Я только спрошу, вернулся ли он, — недовольно шепнул в ответ демон. Шелк платья, скользнув между моими пальцами, вырвался на волю, и вдох спустя девичья фигурка уже оказалась отделена от меня потоком прохожих.

— Иногда женщин следует оставить наедине с их желаниями, — заметил стражник,

поглядывая, как ловко Лус пробирается к своей цели.

Мне оставалось только промолчать.

Хотел встретиться со своим знакомым втайне от меня? Божя ради! Но можно было сделать это иначе, а не выставлять меня на посмешище! Такое ощущение, что не только демон оказывал влияние на тело, которое занимал, но и сама плоть, вроде бы бессознательная и податливая, медленно, но верно захватывала пришельца в плен. Кажется, еще немного, и он начнет вести себя, как настоящая женщина...

Да нет, уже ведет! Вовсю.

— Что-то удалось разузнать? — спросил я старшину Сеппа, надеясь не только отвести того от размышлений о чужой семейной жизни, но и притупить собственные несвоевременные мысли.

— Я расспросил всех, кого смог.

— И?

Блондин сокрушенно вздохнул:

— В тот час дядя был необыкновенно оживлен, как мне сказали. Благодушно здоровался со всеми встречными, выглядел счастливым, но ни с кем не задержался даже для короткого разговора. Словно торопился куда-то прийти или что-то сделать.

— И думаю, мы оба знаем что.

Стражник поднял на меня печальный взгляд:

— Неужели он все-таки?...

— Сами посудите. Если человеку чего-то отчаянно хочется, он рано или поздно решится осуществить свое желание. И еще хуже, если он вынужден долгое время сдерживать себя сам: тогда достаточно любой нелепой случайности, чтобы сорваться с привязи. А тут еще и праздник подошел, много приезжих... У своих воровать ваш дядя, может, и не рискнул бы, зато у чужаков — легко!

— Вы правы, — признал старшина. — Мне горько это слышать, но, наверное, так оно все и было.

— Ваш дядя выбрал себе жертву и отправился к ней. Потому не останавливался, не заговаривал ни с кем по дороге. А на обратном пути тем более.

— И выбор он сделал нехороший...

— Неудачный. Если это ваша фамильная черта, понимаю, почему вы не ловите жемчуг.

Рот блондина болезненно скривился, и я примирительно улыбнулся:

— Не обижайтесь. Настоящее везение дано лишь немногим.

— Да Бож с ним, с везением! Лучше скажите другое... — Взгляд стражника стал еще напряженнее. — Мы сможем найти его убийцу?

— Еще вчера вы сомневались, что таковой существует.

— Я думал всю ночь. А сейчас вы еще сказали про выбор и прочее... Дядя что-то смог украсть. И это «что-то» стало причиной его смерти, других объяснений у меня нет.

Зато у меня есть, но я не буду торопиться поведать о них всем на свете.

— Вы найдете его?

О, ответственность уже полностью перекладывается на мои плечи? Хотя на этот вопрос могу ответить честно:

— Сделаю все, что смогу.

Часть 7.4

Пока мы разговаривали, Лус добралась до ювелирной лавки и постучала в дверь, как ни странно, опять же закрытую, несмотря на праздник.

— Похоже, его опять нет дома.

— Кого? Триффа? — переспросил стражник.

— Да. Вчера его подмастерье сказал, что хозяин уехал за какими-то материалами, но к утру должен вернуться, а лавка все еще закрыта.

— Подмастерье? — Глаза блондина растерянно округлились. — У Триффа никогда не было подмастерьев...

Окончание фразы я дослушивал уже на ходу, потому что сорвался с места сразу же, как уловил в голосе старшины Сеппа удивление. Но между мной и Лус оставалось еще очень большое расстояние, когда дверь лавки распахнулась, выпуская на порог того самого бритоголового парня, улыбающегося еще шире, чем вчера.

Кричать было бессмысленно: в гомонящей толпе, среди звуков разномастной музыки мой голос затерялся бы быстрее, чем прозвучал. Я ускорил шаг до предела, за которым движение уже называется бегом. Головы прохожих то и дело заслоняли от меня Лус и мнимого подмастерья, и когда мой взгляд в очередной раз добрался до дверей лавки, там никого не оказалось.

Пожалуй, я не испытывал такого ужаса, даже предчувствуя возможную потерю Ведомого, хотя в Сопроводительном крыле меня ждало бы суровое наказание и в лучшем случае отставка, а сейчас отвечать и оправдываться было не перед кем и не за что. Он же сам настоял на своем, упрямец! Вот только почему мне вдруг показалось, что весь окружающий мир укоризненно и горестно раскачивается из стороны в сторону?

Когда лицо Лус все-таки показалось в толпе, я не поверил собственным глазам, а в следующее мгновение снова захотел закричать, но уже не чтобы предупредить об опасности. Куда он, Боженка его подери, бежит?! Там же набережная, в которую он упрется и...

Впрочем, причина, почему Лус движется не ко мне, а от меня, стала понятна довольно быстро: тот подмастерье бежал следом за девушкой. На расстоянии, не позволявшем дотянуться, и то хорошо. Должно быть, демон почувствовал неладное и без моих стараний, распрощался и постарался уйти, а потом началась погоня, и парень оказался как раз между мной и Лус. Но на набережной, хоть и полным-полно народу, спрятаться вряд ли получится. Так зачем же...

Я снова сглупил, приписывая демону свои решения, а он вовсе не собирался прятаться. Шелк платья, намного менее яркий, чем праздничные наряды горожанок, но потому и хорошо заметный в толпе, взвился над парашютом, чтобы упасть вниз. Прямо в волны Онны.

Каким бы странным ни выглядел поступок демона, преследователя он все же остановил. Видно, охотник за эссенцией не пожелал купаться в весенней воде: отступил назад, двигаясь теперь уже со скоростью всех остальных прохожих, и оказался в задних рядах зевак, сгрудившихся на набережной.

— Кто-то упал в реку!

— Да где? Не видно же ничего!

— Женщина вроде...

— А чего так быстро на дно ушла?

Следующие несколько секунд я не думал ни о чем. Нарочно не думал, осознанно, хотя в голове пронеслись целые стада самых разных мыслей, начиная от того, что тело Лус вообще вряд ли умеет плавать, а тем более нырять, и заканчивая воспоминаниями о наблюдениях за рекой, чтобы сообразить, куда и откуда направлено течение в этом месте города, насколько глубоким может быть русло и хватит ли объема моих легких, чтобы найти девицу раньше, чем она благополучно захлебнется и утонет уже по-настоящему.

Сотня футов через плотно сбившуюся на набережной толпу. Скрипнувшее дерево парапета, ставшего опорой для прыжка. Мгновение полета и... Цепкие объятия воды.

Она и вправду была не слишком холодной, как я понял потом, но поначалу показалось, что меня живьем вмуровали в ледяную глыбу. Тело испуганно онемело от неожиданной смены тепла на холод, тем более что после усиленной нагрузки разгорячилось еще больше, чем от солнечных лучей, и ответило на мои приказы не сразу. Очнулось, только когда ноги коснулись дна, и аж зазвенело от напряжения.

В воде было темновато, но, благодарение Божу, от теней, отбрасываемых сваями, а не по причине большой глубины. И блеклое платье Лус, сливающееся с цветом речного дна, а потому почти незаметное сверху, трепетало разглаживающимися складками совсем близко.

Он даже не попытался всплыть между сваями...

Чтобы как можно быстрее уйти под воду, нужно избавиться от излишков воздуха в груди — это демон наверняка знал. Но того, что тело Лус, никогда не ощущавшее вокруг себя большой воды, судорожно выдохнет вообще почти все, что имелось в легких, даже не предполагал. Или не стал об этом раздумывать, предпочтя утонуть, только бы не попасть в руки охотника за эссенцией. А вот я умирать не собирался и потому наделал запасов вдоволь. За двоих.

Ее губы не хотели разжиматься, сведенные судорогой, пришлось надавить, заставляя рот раскрыться, выпустить последние, уже бесполезные пузыри, а потом плотно прижать к своему, с силой выдыхая содержимое груди. Лус вздрогнула, задергалась было, то ли вырываясь, то ли пытаясь всплыть самостоятельно, но вдруг снова обмякла в моих объятиях, да еще попыталась вернуть вдох обратно. Больше всего на свете мне захотелось в этот момент выругаться, но негодовать было не ко времени, и я с силой оттолкнулся от дна...

Шум в ушах, что водяной, что порожденный людьми, равно мешает разбирать отдельные слова, если гомонят все и повсюду, но когда наши головы показались над речной гладью и восторги зевак, в первую минуту поистине оглушительные, чуть стихли, над набережной явственно прозвучало:

— Похоже, лучшего улова сегодня уже и быть не может!

* * *

Наверное, если бы в Аллари так свято не почиталось ныряние в воду на излете весны, трудностей на долю двух вынужденных купальщиков пришлось бы куда больше. А так мне всего лишь потребовалось доплыть до ближайшего плотика, пришвартованного к набережной, и принять помощь, предназначенную ловцам жемчуга.

Когда нас вытаскивали из объятий реки, Лус уже пришла в себя, но благоразумно помалкивала, приняв растерянно-виноватый вид. На девичьи плечи тут же заботливо накинута пара плащей, я предпочел сначала стянуть с себя ставшую неприятно тяжелой куртку и рубашку, прилипшую к коже, и только потом закутаться в предложенное одеяло. Подниматься по узкой лесенке на набережную мы не спешили. Хотя бы потому, что сейчас между демоном и его преследователем оставалось расстояние, слишком большое для

внезапного нападения, зато там, наверху, где столпились десятки, а может, и сотни людей...

— Что с вами стряслось? — участливо осведомился старшина Сепп, ловко, как заправский матрос, скатившийся на плотик по лестничному поручню.

Вместо того чтобы ответить, отщутившись или отмахнувшись от чужого любопытства, Лус посмотрела на меня. Весьма выразительно.

Ну да, конечно! Напрягать мозги опять придется мне. Как радушному хозяину, принявшему на себя все заботы о госте.

— Помните, я говорил, что вместо ювелира на порог лавки к нам вышел подмастерье? А вы еще заметили, мол, у эрте Тьезаре отродясь не было никаких помощников?

— Не было. Может, он и собирался взять кого, но еще пару дней назад точно был один как перст. Я как раз заходил в лавку... — Тут старшина Сепп чуть замялся и расплылся в глуповатой улыбке. — Заказ делал. А то все вокруг твердят, что пора остепениться. Вот и я решил. Ну вы ж понимаете?

Что ж, других подтверждений, пожалуй, уже не надо. Девяносто шансов из ста, что тот бритоголовый молодчик появился в ювелирной лавке неспроста. И девяносто девять шансов, что достопочтенного Триффа Тьезаре на этом свете нам найти уже не удастся.

— Скажу больше. Очень возможно, что человек, выдавший себя за подмастерье, имеет отношение к смерти вашего дяди.

— Каким боком? — искренне удивился стражник.

А действительно каким? Я-то вижу происходящее совсем с другой стороны, нежели старшина Сепп, и не могу начать рассказывать долгую историю про людей, демонов, Цепь одушевления и все остальное. Придется перевернуть историю с ног на голову.

Или попробовать зайти с тыла?

— Итак, мы сошлись во мнении, ваш дядя подписал себе смертный приговор, когда попытался что-то стащить у кого-то из приезжих. А теперь подумайте, кто обычно приезжает в Аллари на праздник жемчуга?

Блондин задумчиво нахмурил белесые брови:

— Те, кто хочет на него посмотреть.

— Не только. Когда человек, разинув рот, за чем-то наблюдает, это самое подходящее время, чтобы... Догадываетесь?

Обычно после правильно заданного вопроса следует единственно возможный, а главное, требующийся тому, кто спрашивает, ответ. Атьен Ирриги в этом деле был великим мастером, я — всего лишь нерадивым учеником, но старшина Сепп последовал правилам заданной игры со всем возможным старанием:

— Воришки! Да, их тут пруд пруди на яра-мари. Местные в такие дни ничего ценного с собой не носят: можно быстро остаться без денег, стоит только зазеваться.

Конечно. Этим грешат либо большие города, где даже близкие соседи с трудом знают друг друга в лицо, либо места, куда время от времени наезжают со всех краев Дарствия любители развлечений.

— Именно! Похоже, ваш дядя нарвался на одного из охотников за чужим имуществом.

— Разве у вора легче красть, чем у зеваки? — справедливо усомнился стражник.

— Не знаю, не пробовал. Но покойнику удалось это сделать. Правда, обворованный слишком скоро обнаружил пропажу, потому легко настиг обидчика и... наказал. Если все так и было, то понятно, почему тело вашего дяди оставили лежать там же, у склада. Бросить в реку значило бы привлечь внимание. Зато мертвое тело, выставленное напоказ, послужило

бы предупреждением всем остальным злоумышленникам. Своего рода объявление: кто посягнет на мое богатство, не доживет до утра. Убийца не собирался покидать этот город, потому и «наследил». А с пристани отправился туда, где можно чем-нибудь хорошо пожить. Впрочем, вполне возможно, что ювелир был целью с самого начала. Вы ведь сказали, что его работа пользовалась спросом?

— И еще каким!

— А в толпе народу, нахлынувшего на праздник, проще простого незаметно подобраться к лавке.

Я не был полностью уверен в весомости приведенных доводов и правильно делал, потому что следующий вопрос блондина едва не разбил все выстроенные мною декорации:

— Но зачем он тогда остался там, если сделал свое дело?

Не в бровь, а в глаз. Что можно сказать в ответ? Разве только рассеянно пожать плечами и предложить:

— Может, спросить у него самого?

Стражник разочарованно хлопнул себя по лбу:

— Так что я прохлаждаюсь-то? Надо же ловить мерзавца!

— Бож вам в помощь, эрте. И еще... Внешность у него самая заурядная, есть только одна примета. Голова без волос. Многие здесь бреются?

— Не замечал, — признался старшина Сепп уже с самого верха лестницы и исчез из виду за спинами людей, все меньше обсуждающих странный заплыв двух чужаков и сосредотачивающихся на наблюдении за теми, кто нырял в холодную воду по собственной воле.

— Ловко у тебя получилось, — пробормотал демон, зябко кутаясь в плащи.

— Что получилось?

— замутил голову парню, не сказав ничего важного.

— Для него важны совсем другие вещи, которые он и услышал.

— Не расскажешь ему, как все было на самом деле?

— Про то, почему робкий казначей вдруг превратился в дерзкого вора? Нет. Если не припрет так, что отвертеться не получится.

Демон хмыкнул, но все-таки сменил тему:

— Долго еще будем тут сидеть?

— Думаешь, опасность уменьшилась?

— Надеюсь. — Лус принялась отжимать мокрые юбки. — Он же предполагал, что я не побегу звать стражу, а тут вдруг началась облава. Наверняка постарался затаиться где-нибудь в тихом углу.

Да, звучит разумно. В чужом городе, преследуемый стражей, убийца должен вести себя осторожнее, чем прежде. Хотя окрыленный успешным извлечением эссенции бритоголовый может набраться наглости завершить начатое.

И кстати!

— Что там вообще произошло?

— Я постучал в дверь. Он открыл. Сказал, что позовет хозяина, а чтобы покупательница не скучала в ожидании, предложил зайти в дом и посмотреть на всякие побрякушки.

— И что тебя напугало?

— Не слова. — В девичьих глазах сверкнули алые искры. — То, что он держал в руках. Небольшая вещица, похожая на пряжку или брошку. Металлический каркас, обвитый

стеблями какого-то странного растения.

— Того самого, которое...

— Понятия не имею. Но я решил уйти, от греха подальше. А он стал настаивать и...

Дальше я все уже сам видел. Остался только один вопрос:

— Кроме реки, ничего на ум не пришло?

Лус невинно взмахнула ресницами:

— В воду он бы точно за мной не полез.

— А ты не подумал, что это тело не умеет плавать?

— Честно говоря, думать было некогда, — признался демон. — И потом... Ты же меня все равно спас.

— Хотя ты этому всячески сопротивлялся.

Он сделал вид, будто не расслышал мои слова:

— Пойдем? Наверное, опасность уже миновала.

Да, к тому же не мешало бы переодеться, причем Лус это гораздо нужнее, чем мне, учитывая количество промокшей ткани на девичьем теле. Я-то уже почти согрелся, хотя бы по пояс.

— Позвольте вам помочь!

Давешний парень с балкона, винтом вывернувшийся перед нами из толпы, выглядел со своим предложением немного подозрительно, но, по крайней мере, не угрожающе. И был единственным, кто вообще подарил нам свое внимание: остальные зеваки уже вовсю глазели на другие праздничные забавы.

— У меня стоят носилки поблизости. Дядюшка, знаете ли, быстро устает ходить, и его приходится нести на руках. Так что я не уйду далеко от дома без пары дюжих слуг.

Словно в подтверждение слов племянника, старикан, подслеповато шурясь, качнулся, как дерево на ветру.

— Но как же тогда вы обойдетесь? — поинтересовался демон, которому явно не хотелось менять открытое и хорошо освещенное солнцем уличное пространство на тесные сумерки.

— А, ничего! — махнул рукой парень, по случаю праздника одетый нарядно, но слишком старомодно. — В случае чего, сядет и подождет. Это же проще, чем идти, верно?

— Мокрые юбки тебе проворства не прибавят, — шепнул я на ухо Лус. — А в носилках ты сможешь спокойно раздеться.

— Вы очень любезны! — улыбнулась девушка.

— Прошу сюда. Не будем медлить, ведь так и простудиться недолго!

Носильщики и впрямь выглядели дюжими, причем слуг оказалось не двое, а четверо, поэтому даже наш общий вес не заставил бы их надрываться. А внутри было не так уж темно, как я опасался: обитые светлой тканью стенки и кисейные занавески пропускали достаточно солнца с улицы.

Едва носилки поднялись с мостовой, Лус принялась освобождаться от промокшего платья, а потом завернулась в мое одеяло и счастливо расслабилась. На минуту или две. Пока между складками кисеи прямо на девичьи колени не скользнул листок бумаги, сложенный вчетверо и запечатанный воском.

— Еще теплый. — Демон осторожно дотронулся до неожиданного послания. — Только что печатку прикладывали.

Он поднес бумагу ближе к глазам, присмотрелся, и девичьи щеки вдруг заметно

побледнели.

— Что такое?

Ответ прозвучал не сразу, словно демон долго раздумывал, прежде чем решить, достоин ли я подобного доверия. И лишь потом губы Лус шевельнулись:

— Рисунок печати. Я его знаю.

Я взял послание из рук девушки. К этому времени воск совсем уже остыл и затвердел, но меня куда больше заинтересовало не изображение семи крыльев, растущих из одной точки, а то, как печать была наложена. При малейшей попытке добраться до содержимого письма пришлось бы уничтожить хрупкую восковую красоту. Безвозвратно.

— Кто бы он ни был, он позаботился о сохранности своих секретов.

— О да, — согласился демон. — Этому он хорошо научился. Превзошел пре...

Тут он осекся. На полуслове. Будто сам удивился своим выводам или чему-то еще.

— Твой очередной приятель?

— Не совсем. Но я хотел бы повидаться с ним. — Лицо Лус стало непривычно серьезным, даже более того, напряженным настолько, что мелкие сосуды проступили под бледной кожей небесно-голубыми узорами. — Нет, не так: мне нужно с ним повидаться.

— Может, и он не против? — предположил я, возвращая демону бумагу. — Откроешь? Или мне это сделать? Вдруг еще окажется отравленным!

Девичьи пальчики смело рванули печать, и та ожидаемо треснула, расколовшись на множество частей, по которым уже никоим образом было не определить первоначальный рисунок.

— Ты прав. Это приглашение, — сказал демон, пробежав взглядом по строчкам короткого послания. — Взгляни.

«Прекрасную даму ждут нынешним вечером в танцевальном зале Лотта».

— Приглашение для тебя одного.

Лус судорожно смяла письмо в кулаке, напряженно морща лоб.

— Пойдешь туда?

Молчание.

— Ты же сказал, что искал этой встречи. Передумал?

— Нет. Я... Трудно объяснить. Лучше не спрашивай.

— Как хочешь.

Я откинулся на спинку сиденья и не проронил ни слова, пока носилки снова не коснулись земли. Слуги любезного молодого человека доставили нас прямо к дверям гостевого дома, а хозяйка, вышедшая навстречу, обеспокоенно всплеснула руками:

— Ох, ну как же вам так повезло?! Ну-ка, давайте бегом в дом, растираться и греться!

Впрочем, все заботы по растиранию и согреванию достались исключительно Лус, а я оказался предоставлен сам себе. Минут на пять, которых едва хватило, чтобы пожалеть о промокшей одежде и испорченных сапогах: выделка кожи оказалась не слишком хорошей, и места, что уже начали подсыхать, постепенно покрывались морщинками. А потом мое одиночество снова нарушили.

— Не побрезгуете принять? — спросил наш юный спаситель, опуская на кровать увесистый тюк.

— Простите?

— Вам же нужно переодеться? Или мы с дядей зря старались?

Честно говоря, я был бы рад утвердительно ответить на оба невинных вопроса, но обстоятельства сложились иначе. Пара рубашек в моем распоряжении имелась, а вот смену штанов и, что самое важное, сапог раздобыть было негде. Только если звать портного и сапожника, а до того времени, как они справятся с заказом, безвылазно сидеть в гостевом доме.

— Вы очень любезны. Даже слишком. Позвольте спросить, с чего вдруг? Мы ведь даже не знаем имен друг друга.

Молодой человек усмехнулся, кривя рот совсем не сообразно возрасту: так гримасничают люди, много повидавшие на своем веку и научившиеся одним выражением

лица показывать собеседнику, что думают о том или ином предмете разговора. Юнцы тоже любят казаться многозначительно молчаливыми, правда, в их исполнении это выглядит скорее забавно, чем правдоподобно, но передо мной-то стоял не человек, а демон, вселившийся в молодое тело. И похоже, достаточно умный демон, который предпочел не играть в молчанку:

— Если скажу, что вчерашняя беседа помогла мне кое-что понять, поверите?

Прозвучало весьма лестно. Только малоубедительно, потому что, вспоминая прошедший вечер, я не находил в своих словах ничего, заслуживающего даже размышлений.

— Скорее поверю, что вы хотите подкатить к моей жене.

Он рассмеялся. Звонко и искренне, как будто услышал что-то невероятно нелепое и невозможное.

— Думайте как пожелаете! Но одежду я назад не потащу. За все уже уплачено, и это самое малое, что мне хотелось сделать. Для вас обоих.

Я развернул тюк. Под женским платьем обнаружили холщовая куртка с такими же штанами, рубашка из полотна с шелковыми нитями и то, что я никак не ожидал увидеть. Сапоги. Причем куда лучшего вида, чем мои прежние. И похоже, именно нужного размера.

— Не буду мешать.

Щедрый даритель вышел за дверь, впрочем, не заботясь о том, чтобы прикрыть ее за собой, словно привык к веренице слуг, шествующих позади и доделывающих за своего господина всяческие мелочи. Я проводил его взглядом и вернулся к одежде.

Если молодой человек и потратился на то, чтобы одеть меня, то не слишком сильно. Намного интереснее и страннее было другое: каждая вещь садилась на меня как влитая. Можно было угадать размер по ширине плеч и прочим видимым особенностям фигуры, но чтобы так попасть в точку с обувью...

Одним везением это вряд ли можно объяснить. Разве только он пробирался ночью в нашу комнату, чтобы снять мерки, но такое предположение выглядело еще глупее, чем все остальные.

Впрочем, зачем гадать, если можно спросить? Я ведь такой совет дал старшине Сеппу, так почему сам не тороплюсь ему последовать?

— Простите за беспокойство, эрте... Не вы обронули эту вещицу?

Вопрос прозвучал от подножия лестницы. Оттуда, куда только что ушел загадочно догадливый молодой человек.

— Не припомню такой. Да и плаща я не ношу по такой жаре.

— О, как жаль! А она хорошо бы смотрелась на вашей одежде. Такому изысканно одетому господину, как вы, непременно...

Я вспомнил этот голос где-то на середине фразы. Спокойный, вроде бы услужливый тон, но заметно безразличный, как будто его обладатель ставит себя выше всех остальных. Или, вернее, отдельно.

Надевать сапоги было некогда, и в коридор я выскочил в чем был, то есть в одних штанах. Конечно, мой полуголый вид вряд ли был способен кого-либо напугать, однако бритоголового незнакомца, выдававшего себя за подмастерье ювелира, подстегнул к действию не хуже удара хлыстом. Еще мгновение назад охотник за демонической эссенцией находился лицом к лицу с дарителем одежды, а спустя взмах ресниц оказался у того за спиной, и юноша удивленно вскрикнул, почувствовав боль в вывернутой руке.

— Стой, где стоишь! — приказал бритоголовый, для верности выставляя перед грудью

невольного заложника кулак с зажатой между пальцами металлической загогулиной.

— Или что? — поинтересовался я, шагнув на лестницу.

— Ты знаешь!

Он вряд ли думал, что мне и впрямь известны все подробности касательно хитроумного устройства, превращающего демонов в безвольных рабов. Скорее, старался припугнуть. Произвести впечатление, так сказать. Но уже одно то, что бритоголовый не поспешил просто убраться восвояси, а заслонился от меня одержимым, давало шанс на победу. И далеко не призрачный.

— Знаю. — Я спустился еще на ступеньку вниз, заставляя охотника попятиться вместе с жертвой. — И не собираюсь ждать.

— Хочешь рискнуть его жизнью?

Кулак придвинулся поближе к шее юноши, и можно было заметить, что стебельки, торчащие из него, начинают беспорядочно двигаться.

— А разве я или он вообще чем-то рискуем?

Расстояние между нами оставалось все еще слишком большим для атаки. Надо было его сократить. Любыми способами. Но это станет возможным, лишь когда охотнику будет некуда отступать.

— То, что ты задумал сделать... На это нужно время, не так ли? Довольно долгое время. И конечно, лучше, если несчастный, которому суждено расстаться с жизнью, не дергался бы. Верно?

Конечно, он двигался к двери, куда же еще? Но прямого пути от лестницы до выхода было не проложить: мешали столы и лавки, жаль, что все они оказались пустыми в полдневный час. Только рядом с затопленным очагом сидел престарелый дядя молодого человека, то ли дремля, то ли зачарованно глядя в огонь.

— Ты знаешь.

Теперь его слова звучали не предостерегающе. Скорее, удивленно и одновременно разочарованно. А другого оружия, достаточно грозного для того, чтобы напугать меня по-настоящему, у бритоголового под рукой явно не было. Под свободной рукой, имею в виду, он ведь не мог отпустить заложника, чтобы пошарить в складках куртки у пояса.

— Ты не сделаешь то, что задумал. Не сегодня.

— А кто мне помешает?

Он попробовал огрызнуться, и у него почти получилось, но я снова шагнул вперед.

— Ты никому не причинишь здесь вреда.

— Вреда? — фыркнул бритоголовый. — Это будет благом! Для всех людей. Ты ведь человек, я вижу. А они — нет. Зачем ты их защищаешь?

Я и сам задавал себе этот вопрос. Уже не единожды. И ответ всегда был непонятно-упрямым.

Потому что не могу поступать иначе. Не получается. Даже зная, что вместе с демонами из мира уйдут невероятные чудеса, никак не решаюсь повернуть свое оружие против них. Может быть, потому, что демонами они зовутся только в нашем мире, а в своем так же, как и мы, называют друг друга «людьми»?

— Или ты приберегаешь их для себя? Для исполнения своих желаний? — Взгляд бритоголового прояснился. — Тогда у нас с тобой одна дорога!

Ага, до ближайшей развилки, которая будет ровно через пару шагов.

— Да, приберегаю.

— Хочешь все сделать по старинке? Зря. Это не слишком надежно, а я могу устроить все так, что не будет ни малейшей опасности. Они ведь хитрые, эти твари: если не держать их в узде, быстро возьмут верх!

— Проигрывает тот, кто слабее. А демона можно победить. Однажды я уже сделал это.

— Врешь! На тебе нет печати демона!

Потому что неразумный горошек почему-то все-таки обладал почти человеческими чувствами и не смог сдержать свою нежность, когда кто-то страдал от боли. И за это я тоже должен сказать спасибо именно демону, сначала убившему, а потом воскресившему меня.

— Любую печать можно стереть. Смыть. Выжечь. Любую, кроме той, что ставишь на свое сердце сам.

Еще шаг. Длинный. И половина короткого. А бритоголовый тем временем, продолжая пятиться, почти поравнялся с лавкой, на которой сидел старик. Еще несколько футов, и убийца доберется до двери. Открытой настежь. И расстояние между нами по-прежнему слишком большое. Между нами, но не между...

Он страшно закричал и разжал хват, когда раскаленная кочерга воткнулась в коленный сгиб, а потом рухнул, потому что железо все прижималось и прижималось, прожигая плоть до кости.

Молодой человек отпрянул в сторону, как только почувствовал свободу, а я прижал бритоголового к полу, усевшись сверху. Теперь можно было не торопиться и спокойно ждать, пока мне принесут веревку. Не удалось сделать лишь одного. Захватить главную улику совершенного и планирующегося убийства: пряжку бритоголовый успел швырнуть в камин, и стебли, обвитые вокруг металла, жалобно зашипев, вспыхнули и рассыпались искрами.

— Ты совершил большую ошибку! — прокрипел охотник за эссенцией, извиваясь от боли: старикан все продолжал прижимать кочергу к его ноге, рассеянно поворачивая из стороны в сторону.

— Она не первая и не последняя.

— Ты мог бы получить столько, что не унес бы все!

— Тогда зачем это вообще получать?

Он не был бойцом, да и быть не мог, поскольку Цепь одушевления славилась не физической силой и ловкостью своих Звеньев, а совсем иными достоинствами. И дергался в пугах, не пытаясь освободиться, а скорее никак не желая поверить в то, что произошло. Кусал губы от обиды. Призывал проклятия на головы всех присутствующих. Но как только на пороге гостевого дома показался старшина Сепп в сопровождении пусть и не своих подчиненных, но людей в похожих форменных туниках поверх укрепленной железными пластинками одежды, пленник мгновенно затих.

— Он успел что-то сделать? — первым делом спросил блондин.

— К счастью, нет.

— Слава Божу! — чистосердечно выдохнул старшина и обратился к своим спутникам: — Этот человек обвиняется в убийстве казначея речного порта Сефо Сеппа, убийстве ювелира Триффа Тьезаре и покушении на другие жизни.

Судя по лицам стражников, они, может, и не питали особой нежности к умершим, зато их обидчика шадить не собирались: подняли пленника с пола, не особенно церемонясь, и повели на улицу, сжимая пальцы на его локтях с хорошо слышным хрустом. Причем хрустели кости явно не конвоиров.

— Я справлю все необходимые бумаги, — заверил блондин. — Вам останется только поставить свои подписи, но это будет уже после праздника.

— Надеюсь, в вашем городе надежная тюрьма? — спросила несостоявшаяся жертва.

— Не извольте беспокоиться! — Старшина Сепп улыбнулся так, что всем сразу стало ясно: подписи и впрямь будут формальностью. Так сказать, последним шагом перед сдачей дел в архив, потому что к тому моменту обвиняемый уже понесет заслуженное наказание.

— Примите мою искреннюю благодарность. — Молодой человек церемонно поклонился стражнику, но тот махнул рукой в мою сторону:

— Вот кого нам всем надо благодарить! Увидимся позже, эрте, и надеюсь, больше ничто не помешает вам наслаждаться праздником!

Надо было бы отправиться наверх и наконец-то одеться как следует, но вместо этого я опустился на ближайшую лавку, оперся спиной о край стола и устало прикрыл глаза.

Исход любого поединка решает случай. Я бы, конечно, догнал бритоголового, хотя бы уже на улице, потому что ходить затылком вперед крайне неудобно. И ему пришлось бы показать мне спину. К тому же в толпе не слишком сподручно драться. Вот ударить исподтишка — это пожалуйста. Ударить и убежать. Но такие вещи обычно проделывают налегке, а не с заложником под мышкой.

Да, я бы догнал его. И не оставил бы в живых, это точно. А так мой грех возьмет на себя кто-то другой. Кто-то, для кого убийство станет справедливой карой. Кто-то...

Другой.

Я снова сделал все чужими руками. В который уже раз? Дайте-ка вспомнить!

Сразу после Катралы, та деревенька, полная рабов. Они восстали, потому что не смогли больше терпеть. Потому что среди них нашлись люди, способные не только на мысли, но и на поступки. В Ганна-Ди интересы разных сторон тоже столкнулись задолго до моего появления, и, скорее всего, борьба завершилась бы тем же самым исходом, разве что дней на нее понадобилось бы немногим больше. А теперь здесь, в Аллари.

Единственное, что я должен был сделать сам... Нет, то, что я хотел сделать сам, вновь случилось по собственной воле. Словно в насмешку над моими намерениями. Словно с недавнего времени события, в которых я принимаю участие, всего лишь декорации на сцене. До них вроде бы легко дотронуться, но пальцы проходят насквозь через ветхую ткань реальности и ничего не могут поймать.

Мир избегает встречи со мной? Очень похоже. И должно быть, тому есть причина. Но как узнать, за что на меня вдруг свалилось это наказание?

Можно отдавать приказы, можно их исполнять. На первое всегда трудно решиться, со вторым — смириться, и все же то и другое вполне понятно. Привычно. Объяснимо. А теперь только и получается, что бросать на ветер слова, самому себе не веря, и мучительно гадать, в чьи уши они влетят и в чьих душах останутся...

И остается лишь смотреть на происходящее, с ужасом и надеждой дожидаясь итога.

— Почему вы это сделали?

Он присел на лавку рядом со мной, но, слава Богу, не стал заглядывать мне в глаза.

— Что «это»?

— Спасли мне жизнь.

— Скорее, жизнь вам спас ваш дядюшка. Если бы не он...

— Жалеете?

Да, хорошо, что мы не видим сейчас лица друг друга.

— Наверное.

— Из-за чего? Из-за того, что не схватились в драке с тем сумасшедшим?

Ага. Немного телесной боли не помешало бы. Или даже много. Она помогла бы мне снова вернуться к реальности. Снова почувствовать себя частью мира.

— Он мог оказаться сноровистее вас. Да и по возрасту...

— Трудно привыкнуть к тому, что стареешь, — прокрипел дядюшка, помешивая угли в очаге орудием справедливого возмездия.

Старею? Не слишком ли рано об этом говорить? Я ведь еще могу выйти против... ну почти любого противника и рассчитывать на победу. Сила в руках все еще есть, никуда не делась. Зрение не подводит. Ноги не подгибаются в самый неподходящий момент. Вот только действий в моей жизни почему-то становится все меньше и меньше. С каждым днем.

— Я пока не собираюсь уходить на покой.

— Оно и видно, — заметил старикан, как мне показалось, с легкой ехидцей.

— Все закончилось наилучшим образом, — уверенно заявил юноша. — Иначе кто-то мог пострадать.

Ну да. Я. Или заложник. А так все сыграли отведенные им роли, и спектакль завершился к всеобщему удовольствию.

— Но вы так и не ответили. Почему вступились за меня?

А он настырный. Зануда малолетний!

— Это имеет значение?

Молодой человек повернулся так, чтобы видеть мои глаза.

— Какая опасность мне угрожала? У него не было ножа или чего-то подобного в руках. Только незамысловатая безделушка.

— И все же вы испугались.

— А как не испугаться? Вы выскочили на лестницу чуть ли не в чем мать родила, да еще с таким страшным лицом, что даже отъявленный смельчак начал бы делать глупости! К тому же я не люблю, когда мне выкручивают руки. Но мы снова ушли в сторону... По вашему виду было понятно: то, что происходит, несет в себе угрозу. И я хочу знать какую.

А разве это еще имеет значение? Убийца обезврежен, пойман и препровожден в место, откуда ему нет обратной дороги. Все живы. Ну кому повезло уцелеть. Так зачем снова лезть в корзину с грязным бельем?

— Четверть часа назад вы могли умереть, — раздался с лестницы женский голос.

За время, пока мы внизу играли в героев, Лус успела переодеться, причем, судя по тому, как платье село на тонкую фигурку, глаз у того, кто подбирал сменную одежду, и впрямь был наметан самым удивительным образом.

— Неужели? — усмехнулся молодой человек, внимательно глядя на спускающуюся в зал девушку. — Это вряд ли.

— Вы бы сильно удивились. Напоследок.

Взгляды обоих полыхнули алым огнем, прямо как угли под кочергой старика.

— Вы, должно быть, недавно в этих краях и еще не успели узнать...

— Я умирал здесь трижды, — просто и бесхитростно сказал демон по имени Конран. — И еще один раз меня убили. Почти.

— Тогда я не совсем понимаю...

Лус подошла к очагу, позаимствовала у дядюшки его железную игрушку и вытолкнула на пол останки смертоносного, хотя и такого безобидного с виду оружия Цепи одушевления.

Пряжка не успела сильно пострадать, зато то, что на нее было нанизано, исчезло безвозвратно, оставив после себя лишь несколько жирных пятен на потускневшем металле.

— С помощью этой штуки можно убить любого демона. Вернее, поймать в плен. Вечный.

Во взгляде чудом спасенного зануды отразилось вполне закономерное сомнение, и Лус, тяжело вздохнув, продолжила:

— Некие люди, облеченные в этом мире достаточной властью, нашли способ исполнять желания и не рисковать своей душой. Как и что они проделывают, неважно, но после всего демон перестает существовать. Остается одно лишь безвольное вещество, способное даровать... Все что только захочется.

— Верится с трудом.

Девичье лицо слегка помрачнело.

— Мне пришлось через это пройти.

— Но вы до сих пор здесь, с нами, — улыбнулся молодой человек.

— Слишком дорогой ценой.

— И все-таки шанс спастись есть?

Лус посмотрела на своего собеседника с горестным сожалением:

— Шанса нет. Есть человек, в теле которого обретается демон. И только от этого человека зависит, кто будет жить, а кто умрет.

— От человека?! — Зал гостевого дома наполнился залиvistым смехом. — Как человек может что-то решать, если уже впустил меня в свое тело? Теперь я полновластный хозяин всего этого богатства! Только я!

Взгляд девушки встретился с моим, и, пожалуй, я еще ни разу не видел в карих глазах такого отчаяния. Искреннего. Глубокого. Жалобного. Он словно просил у меня помощи, демон по имени Конран. А может, еще и защиты. Но какой смысл был пререкаться с заносчивым юнцом? Проще и спокойнее уйти.

— Тебе надо отдохнуть. Вернемся в комнату.

Я взял Лус под локоть, и она благодарно оперлась на мою руку. Пока мы поднимались по лестнице, молодой человек все еще вслух потешался над услышанным. Даже когда дверь закрылась, приглушая звуки, доносящиеся снизу, несколько минут мне казалось, что торжествующий смех раздается совсем близко. Прямо в ушах.

Девушка обессиленно опустилась на кровать, ссутулилась, положив руки на колени, и растерянно уставилась на собственные пальцы, подрагивающие словно в лихорадке.

— Не переживай.

— Я чувствовал, что все так и будет.

— Он просто дурак.

— Но поверить и в самом деле трудно. Если не видел все своими глазами... Как убеждать? Что говорить? — Уголки карих глаз опасно заблестели слезинками.

— Все то же самое.

— Этого не хватит.

— Пусть. Ты не можешь распахнуть перед ними свою душу и память. Не можешь дать им ощутить свою боль. В конце концов, они должны сами решить, как поступать.

Лус тряхнула белокурыми кудрями:

— И сколько из них погибнет только потому, что слишком молоды и неопытны?

— Тебе их жаль?

— Мне?! — Демон явно хотел изобразить возмущение, но почему-то передумал и помрачнел еще больше, а потом признался: — Да, жаль. Я видел их, понимаешь? Таких, как этот. Видел перед самыми «вратами». Большинство юношей и девушек шагает туда бездумно, за компанию с остальными: кто-то до смерти боится, что его сочтут трусом, кто-то хочет показать свою решительность и отвагу... Им ведь не нужен чужой мир настоящему, как исполнение мечты.

— Потому что мечты у них пока толком и нет?

Лус согласно кивнула:

— Конечно. Это больше блажь, поступок, помогающий казаться самому себе смельчаком. К тому же самое страшное, что может случиться, это стать «выдохом», если не повезет задержаться в другом мире. Но это все равно значит обрести большую силу, чем имел прежде. Они ничем не рискуют. Думают, что не рискуют.

— И их не усовестить. Не скажешь, что родина нуждается в них.

— Ну да. Те, кто помнит о своем долге, остаются дома, несмотря ни на что.

— Как ты?

— Как я.

— Вас все равно должно быть больше, чем беспечных бездельников.

— Не знаю... Наверное. Но с каждым днем становится все меньше и меньше. Кому захочется брать пример со скучных людей, пекущихся о благе государства? Даже если вспомнить... — Демон осекся и молчал примерно с минуту, но все же махнул рукой на осторожность. — В своем мире знаешь, чем я развлекался? Отлавливал «вдохом».

— Зачем?

— Чтобы сохранить им жизнь. Смешно, да? А ведь они попросту погибали бы, если бы их спящие тела не хранились в защищенных местах. Мало ли что может случиться без присмотра? Даже если уцелеешь от природных невзгод, с огнем пошутить не получится. Вот мы и отправлялись туда, где ходили слухи о скором открытии «врат».

— А успевали раньше? До того как? Пока еще можно все предотвратить?

— Мне не повезло ни разу, — признался демон по имени Конран. — Эти «вдохи» — ребята сообразительные. А главное, достаточно богатые, чтобы нанять охрану, и пока через нее продерешься... Им хватало времени. К сожалению.

— То есть все это стало чем-то вроде соревнования? Кто успел раньше, тот и в выигрыше?

— А знаешь, да, — задумчиво сдвинула брови Лус. — Своего рода игра. Ведь умереть никто не может, так почему бы не поиграть?

— Скоро все эти игры закончатся.

— А игроки не бросят свои фигуры, пока не станет слишком поздно...

Мне было его даже жаль. На самом деле. Сначала главной трудностью представлялось желание демонов безнаказанно шалить в чужом мире, а теперь выяснилось, что тех хотя бы можно припугнуть. Зато молодые, так сказать, свежеиспеченные демоны...

Их можно только взять за шкуру и вышвырнуть вон.

— Хочешь, этого я отправлю обратно сам?

Лус вытаращила на меня глаза:

— Как это сам?

— Придушу где-нибудь в тихом уголке.

— Забыл о желаниях? Он же может перескочить в твое тело!

Я улыбнулся, правда, так, что девушка невольно вздрогнула, и напомнил:

— Ты же сам сказал, что все решает человек.

— Да, но однажды ты ведь уже...

— Решал. И теперь знаю, как это нужно делать.

Шаг восьмой

Где-то здесь...

Гостевые дома на неприметных улочках хороши тем, что постояльцы могут приходить и уходить, не заботясь о прятках от любопытных взглядов. Узкая дверь в тени длинного балкона, густые плети дикого винограда, переулки, веером расходящиеся почти от самого выхода, когда хочешь незаметно прийти и уйти — самые удобные обстоятельства. Если, конечно, за тобой кто-то не наблюдает намеренно и тщательно.

Ватага городских стражников, выволокшая на улицу пойманного преступника, не вызвала интереса прохожих, потому что таковых вовсе не виднелось поблизости: все маломальски уважающие себя горожане давно уже прохладжались на набережных, услаждая свое тело и душу праздничными увеселениями. Впрочем, зрители у происходящего все же нашлись: два человека, неспешно куда-то идущие по своим делам и явно занятые беседой. Они поравнялись со стражниками, мимолетно и равнодушно взглянули на арестованного, прошли дальше, свернули за угол...

И только там дали волю чувствам:

— Доигрался, придурок!

Один из двоих, тот, что был пониже ростом и выглядел покрепче своего спутника, ударил кулаком о стену дома:

— Что его сюда потащило?! Сказали же: ну сбежала девка, и Бож с ней, другую найдем! Так он отмолчался и все равно полез на рожон... Что нам теперь делать?

— Прежде всего успокоиться, — бесстрастно сказал высокий. — Мне еще меньше твоего нравится то, что случилось, но сейчас мы все равно ничего не можем исправить. Не отправляться же нам в Наблюдательный дом с жалобой?

— Их еще можно догнать, — заявил крепыш, выглядывая из-за угла.

— А дальше?

— Ну отбить.

— Наки, ты у нас самый воинственный, спору нет. И многое умеешь. Но одного тебя на всех стражников явно будет маловато.

— Если только...

Высокий сурово покачал головой:

— Нет, сейчас это все, что у нас осталось. Эссенция слишком драгоценна, чтобы тратить ее на дело с неизвестно каким исходом.

— Я их всех уложу! — грозно сжал кулаки крепыш. — Не веришь?

Ответа не последовало.

— Ты же знаешь, что без него нам...

— Вот именно. Без него. Забыл, что собранного недостаточно для полноценного исполнения? Может, и вовсе ничего не получится, только зря все израсходуем.

— Но мы же не можем его оставить!

— И не оставим. Мы вытащим его, когда будем к этому готовы на самом деле.

— И когда это случится? — недоверчиво хмыкнул тот, кто отзывался на имя Наки. — В следующем году?

— Завтра, — спокойно ответил высокий, чем заставил своего спутника удивленно поперхнуться.

— Завтра?!

— Помнишь, о чем бормотал ювелир? Этим вечером куча демонов соберется в одном месте. Как думаешь, на всех у нас хватит подарков?

Крепыш расплылся в злорадной улыбке:

— И еще останется! Но как к ним подобраться? Они ведь вряд ли подпустят к себе обычного человека.

— Зато подпустят демона.

В лучах солнца содержимое лишь наполовину заполненного стеклянного флакона заиграло серебряными искрами, похожими на звезды.

— Этого не хватит, чтобы стать одним из них. Но чтобы притвориться, вполне достаточно!

* * *

Танцевальный зал Лотта был самым странным увеселительным заведением во всем Аллари, поскольку открывал свои двери для гуляк чрезвычайно редко, лишь на жемчужное безумство яра-мари. Конечно, бывает, что и один день целый год кормит, но к услугам приезжающих поглазеть на празднество имелось великое множество игорных домов, трактиров и прочих заманчивых местечек, расположенных куда как удобнее. К тому же их хозяева не скупились нанимать зазывал, а Леви Лотт не то что пренебрегал лужеными глотками, а вообще помалкивал о своем зале на публике. Казалось бы, с таким отношением к делу он должен был давно пойти по миру, за бесценок продав хозяйство более удачливому и сноровистому человеку, но тем не менее жил и, можно сказать, не тужил на речном острове уже добрые три дюжины лет.

Зарабатываешь ты деньги честным трудом или какими-то другими способами, волнует обычно только твоих соседей и завистников, городским же властям от любого горожанина требуется лишь одно: своевременно и в полной мере уплаченные подати. А в этом отношении Леви Лотт был безупречен. Не случилось ни одного раза, чтобы хозяин танцевального дома припозднился со взносами в городскую казну либо выпрашивал отсрочку. Наоборот, платил всегда точно в срок, не вздыхая над каждой монеткой, как все прочие. Разумеется, и чиновным людям не чуждо любопытство, особенно когда речь идет о явно убыточном заведении, правда, свой интерес они никогда не проявляют в прямых расспросах, а уютные сумерки тихого кабинета слишком успешно располагают к личным договоренностям...

На взятки уходило много денег. Больше, чем Леви Лотт успел подержать в руках, начиная с самого детства. Если уж на то пошло, до десяти лет он и вовсе не знал, как выглядят монеты, за которые продаются и покупаются чуть ли не все вещи в мире. Впрочем, приютским детям и не полагалось прикасаться к деньгам. За высокой глухой оградой значение имели только наставления воспитателей. И наказания для особо непослушных сирот.

Леви никогда не отличался дерзким нравом, но и ему пришлось не однажды испытать на себе тяготы искупления проступков. Без веских причин. Только потому, что либо один, либо другой воспитатель часто оказывались не в духе. И когда на пороге приюта вдруг появился человек, изъявивший желание забрать сироту с собой, мальчик подумал, что это сам Бож милостиво спустился с небес.

Впрочем, верить в богов сирота перестал довольно быстро. Сразу, как узнал, что один из его родителей был одержимым. Когда почувствовал, что не может противиться зову

порченной крови, текущей в его жилах. Мир, известный Леви с рождения, рассыпался прахом, из которого пришлось лепить что-то новое. Грязное, липкое, неудобное, но единственно доступное для обитания недокровки, удостоенного чести стать доверенным лицом Большого собрания.

Человек, что усыновил десятилетнего мальчика, тоже был недокровкой. Собственно, именно поэтому он и ходил по приютам, разыскивая себе подобного несчастного: иного способа продления рода, а главное продолжения наследственного дела, у потомка демона не было. И он сам был далеко не первым хозяином танцевального дома. Даже не вторым или третьим. Вполне возможно, это заведение, пустующее круглый год, было ровесником Аллари и возводилось одновременно с прочими старейшими городскими постройками. Так или иначе строили его на совесть, и обновления время от времени требовала только внутренняя обстановка. Праздничного обновления конечно же.

В этом году Леви Лотт, обычно успевающий все сделать раньше срока, готов был рвать на себе волосы. Последние из оставшихся. Тинная лихорадка, приходящая с реки каждую весну, уложила хозяина танцевального дома в постель как раз накануне яра-мари, и следить за нанятыми работниками оказалось некому, а те, разумеется, не стали лезть из кожи вон. В итоге вся главная красота — гирлянды из цветущих веток — лежала на полу, вместо того чтобы благоухать под потолком, создавая впечатление тенистого сада.

Эх, надо было давно уже пригреть своего собственного сироту!

Леви и сам не понимал, почему медлит выполнять негласное приказание своих покровителей: такая жизнь ведь все равно лучше приютской. И многие были бы до смерти благодарны, вырвавшись из цепких лап воспитателей в дом, почти похожий на родительский. Целовали бы руки и ноги, всячески угождали, землю бы грызли, только бы услужить. А на худой конец, придушили бы благодетеля во сне, чтобы поскорее занять его место, и это было бы не самым печальным исходом.

Леви Лотт не боялся умереть. Ни за что не решился бы наложить на себя руки, но принять смерть от кого-то другого... Почему бы и нет? Безраздельная власть демонов пугала его намного больше.

Первый раз он встретился с настоящими одержимыми будучи еще подростком. Когда приемный отец представил его как своего наследника Большому собранию. И этот день Леви ясно помнил всю жизнь, хотя больше всего на свете мечтал забыть о случившемся.

Их было не так уж и много, если вспомнить. Всего несколько дюжин. Половина зала едва была заполнена. Никто из них не произнес тогда ни слова, видны было только пустые глаза и кривящиеся в улыбке губы под праздничными масками. Но мальчику показалось, что его голова взрывается от крика, раздающегося со всех сторон...

Он не знал, что «представление» было обязательным действием, своего рода инициацией, позволяющей сделать недокровку послушным каждому демону в мире. В одиночку ни один одержимый не мог добиться такого результата. Случалось, что отпрыски и вовсе восставали против своих родителей, если с детства чувствовали зов крови. Зато в юном возрасте, при участии нескольких демонов, вошедших в полную силу над захваченным телом, удавалось сломить любого упрянца.

Леви не догадывался об истинном назначении случившегося, помнил только смятение, жесточайшую растерянность и блуждания в мутном сумраке беспомощности, из которого его вернули к жизни звуки голоса одного из одержимых, который просто шепнул: «Просыпайся...»

Это было не больно, всего лишь неприятно. Это не поселило злость в сердце мальчика. Не заставило желать кому-то другому подобных испытаний. И все же, совершенно не понимая почему, приемный наследник рода Лотт всеми силами оттягивал тот миг, когда выведет на середину танцевального зала нового ребенка, обреченного на вечное служение.

Оттянул. На свою беду.

Его не стали бы ругать или наказывать, да если бы и стали, только зря потратили бы свой гнев, ведь чувство вины било куда сильнее кнута уже сейчас: Леви не находил себе места, топча навощенный паркет и горестно заламывая руки при взгляде на груды украшений, не водруженных на положенные места. И хотя причитаниями горю было не помочь, ничего другого в голову хозяину танцевального зала не приходило. Работники давно уже разбежались по другим местам, благо умелые и сильные руки в эти дни были нарасхват, а времени отправляться на берег уже не оставалось.

Все что было в силах Леви Лотта — это вытащить гирлянды из зала, с вечера до утра сгорать от стыда перед своими покровителями, а потом весь следующий год молиться, чтобы подобное не повторилось. Если бы еще нашлось кому возносить молитвы!

Он как раз нагнулся над связкой веток, прикидывая, как поудобнее за нее ухватиться, когда серебряные колокольчики над дверью исполнили свою короткую, но весьма задорную песенку. Разгибаться не хотелось: прийти в зал могли только одержимые, неужели сбор гостей уже начался?

Хорошо было бы рухнуть в этот миг на кучу гирлянд и испустить дух, но здоровье Леви Лотта, закаленное суровым детством, обещало выдержать многое. В отличие от рассудка, который снова начал ощутимо мутиться, и не только из-за приближения демона.

— Доброго дня, хозяин.

Голос пришельца был спокоен, как предрассветная река, но в отличие от прежних гостей танцевального зала в его звуках слышалось что-то вроде дружелюбия, и Леви, отпустив ветки, поспешно выпрямился, повернувшись к двери лицом. Ведь не стоит нарочно злить того, кто изначально пребывает в добром расположении духа, верно?

Лицо одержимого оказалось незнакомым, но именно это и поразило недокровку до глубины души, потому что обычно все, кто приходил в зал, закрывали свои черты масками, хотя бы половинными, а высокий, слегка худощавый человек, переступивший порог зала, почему-то пренебрег общими правилами. Или захотел таким образом выразить слуге свое... уважение?

Леви почувствовал, что голова начинает кружиться.

Да, он слышал, что особо приближенным людям демоны позволяют некоторые вольности и послабления, но никогда не становился частью чего-то подобного. Даже не верил, что может стать. Скорее всего, пришедший — новичок, не знающий всех подробностей. Скорее всего, что...

— Вы, должно быть, потеряли свою маску? Извольте подождать, я принесу что-нибудь на замену.

— Не стоит.

— Но нынче вечером вам непременно понадобится...

— Разве вечер уже наступил?

Он улыбался почти бесстрастно, но все же его лицо выражало намного больше чувств, чем кривящиеся черты прочих одержимых. И кроме того, был совершенно прав в своем сомнении: солнце только-только вскарабкалось на середину небосвода.

— Чем могу служить, эсса?

К демонам полагалось обращаться именно так, это Леви заучил назубок. Но, кажется, незнакомца немного покорило странное свистящее слово.

— Думаю, в службе скорее нуждается вы.

В дополнение к своим словам высокий человек, несмотря на летнюю жару не снимающий капюшон плаща со своей головы, указал рукой на витки гирлянд, и хозяин танцевального зала едва не залился краской. Впрочем, то, что случилось в следующую минуту, все равно заставило его побледнеть, так что беспокоиться о румянце не пришлось.

— Позвольте вам помочь?

Леви Лотт охнул и сел прямо на пол. Первое потрясение оказалось настолько велико, что, когда одержимый помогал ему подняться, сил удивляться у недокровки уже не осталось. Даже слова с трудом сползали с языка:

— Вы... мне... помочь?

— Все это ведь должно находиться там? — Рука незнакомца указала на потолок.

Хозяин танцевального зала судорожно кивнул.

— Я могу это устроить.

— Но не полезете же вы сами... — ужаснулся Леви в первую очередь своим мыслям.

— У меня есть кому этим заняться, — успокоил одержимый. — Если, разумеется, вы разрешите.

Это было настоящим спасением. И, что гораздо важнее, это было невиданной честью.

— Да-да, конечно! Как я могу запретить?

— Наки!

На зов одержимого в дверь зала проскользнул коренастый, явно сноровистый и сильный человек. Вполне обычный человек, хотя у демонов в услужении таковых почти никогда не водилось. Но Леви Лотту было уже не до опасений: предложенная помощь обещала отсутствие стыда нынешним вечером, а это почти пьянило рассудок недокровки, и без того затуманенный близостью одержимого.

— Справишься?

Крепыш ухмыльнулся:

— На два счета!

— Не смею больше вас отвлекать, — сказал одержимый, поддерживая Леви за локоть и одновременно подталкивая к дверям, ведущим в задние комнаты. — У вас ведь наверняка имеются и более важные дела, чем возня с ветками?

— Ну да, ну да... — Согласно кивая, хозяин танцевального зала отправился туда, куда ему указали, нисколько не сомневаясь в том, что все сделал правильно.

Как только он скрылся на хозяйской половине дома, крепыш отметил:

— Получилось лучше некуда.

— А ты сомневался, — беззлобно напомнил высокий.

Его спутник подкинул на ладони опустевшую склянку:

— Всегда лучше иметь запасы.

— Не спорю. И скоро мы пополним их на всю оставшуюся жизнь.

* * *

Хозяин танцевального зала был не первым и не последним, кто нуждался в помощи в этот праздничный день. Но если большая часть горожан и гостей города точно знали, в каком деле и какая поддержка им нужна, то человек, три дня назад открывший навстречу

солнцу окна давным-давно пустующего дома, даже не предполагал, что делать дальше. И чувствовал, что начинает бездумно и безрассудно злиться.

Преследования Логр Тори не опасался. Похищение прибоженных, проведенное силами старого приятеля, прошло как по маслу, не оставив ни малейшего следа, а два бездыханных тела мирно покоились на дне реки, отягощенные достаточным количеством груза, чтобы не всплыть в ближайший месяц. Однако, несмотря на кажущееся благополучие дел, уже несколько часов кряду самого, как оказалось, верного ученика Янны Лири терзали жесточайшие сомнения.

Он ведь все сделал правильно. Следовал наставлениям и собственному здравому смыслу, исключая случайности и заведомо беспечные шаги. Тщательно подготовился и осуществил задуманное, не упуская из виду ни одной мелочи. Так почему же результат по-прежнему заставляет себя ждать?

Логр Тори поправил сбитую ветром кисею оконной занавески и повернулся к жертвам своих намерений.

Со стороны, даже внимательно приглядываясь и прислушиваясь, легко было принять эти неподвижные фигуры за статуи, вышедшие из-под резца талантливого ваятеля: ни одна пядь плоти не двигалась тем образом, который обычно выдает в человеке присутствие жизни. Впрочем, Логр точно знал, что бывшие прибоженные все еще пребывают на этом свете, ведь их тела послушно подчинялись указаниям. Не словесным, к сожалению, а молчаливым, сходным с теми, которыми понукают животных. Можно было вести их под руку, можно было усадить на стул, уложить на постель, поставить в нужном месте, словом, позабавиться, как с куклами, но требовалось-то совсем иное! Чудо. Та самая вещь, что всегда и везде традиционно находится в ведении богов.

Он пробовал обращаться с молитвой к каждому из двоих поочередно и вместе. Повышал голос, шептал, пытался просить мысленно... Тщетно. Новоявленные рукотворные боги оставались глухи к словам своего творца.

В какой-то миг Логру подумалось, что так и должно было случиться. В конце концов, много ли знаков от Всеединого он получил за всю свою жизнь? Ни одного. А разве его бог был хуже здешних? Да они оба и волоска его не стоили!

Другой смирился бы с поражением. Признал бы, что где-то допустил ошибку, где-то поступил слишком самонадеянно. Другой, но только не тот, кому всегда удавалось все задуманное. Удалось даже найти отшельницу, скрывающуюся от всего мира. Да, позднее, чем следовало, но все же удалось! Он не мог проиграть и теперь, тем более что учел все промахи своей наставницы.

Глупо было внушать человеку чужого мира мысли о Всеедином, и Логр выбрал для воплощения задуманного самые подходящие инструменты, ведь кто мог знать о Боже и Боженке больше, чем люди, волей судьбы посвященные им? Вера, впитавшаяся в кровь и усиленная могуществом демонов, должна была сделать свое дело. И что-то все-таки произошло, что-то изменилось в телах и сознаниях двух юных существ.

Что-то получилось. Но что?

Он не мог ошибиться.

Он чувствовал, что все сделал единственно правильным образом.

Он нашел «врата», ведущие в вышние чертоги, не хватало только самой малости. Ключа, который бы их открыл.

Следовало снова засесть за книги, заняться расспросами знающих людей, словом, вернуться если не к началу, то к середине пути. Логр Тори чувствовал, что разгадка тайны крылась где-то там, в скудных сведениях, показавшихся незначительными. Вот только времени не было. Он ведь торопился успеть к Большому собранию, чтобы напомнить о вере всем, ради кого пришел в этот мир. Чтобы заставить бездельников и сластолюбцев, считающих происходящее игрой, почтить память женщины, бежавшей не от скуки, а от смерти...

Улочка, на которую выходили окна дома, самовольно занятого одержимым, вела от левого берега Онны к речному рынку Аллари, поэтому заметно наполнялась прохожими только ближе к вечеру, когда покупатели из окраинных частей города возвращались домой с корзинами покупок. Днем деревянная мостовая поскрипывала от чьих-то шагов очень редко, поэтому раздавшийся топот невольно привлек внимание и заставил вновь повернуться к

окну, чтобы увидеть, как какой-то мальчишка, промчавшийся мимо, задел дородную женщину, и та выронила все что несла, прижимая к своей груди. Пока Логр пытался рассмотреть, насколько по-настоящему драгоценной была упавшая на доски ноша, пострадавшая от мальчишеской удали обернулась вслед обидчику и в сердцах воскликнула:

— Чтоб тебя Боженка побрала!

Он слышал подобные слова не однажды, из разных уст, сказанные и в шутку, и с ненавистью, но никогда не придавал им значения. Считал, что это своего рода безобидная присказка. Поговорка, не более.

Считал до этой самой минуты, а когда она подошла к концу, собственноручно зачеркнул все свои прежние знания об обоих мирах, где ему довелось побывать.

Голос рассерженной женщины еще звучал в ушах Логра, а одной из неподвижных фигур в комнате уже не было. Не колыхалась занавеска, дверь оставалась на своем месте, закрытая на засов, и все же второй прибоженный исчез. Вернее сказать, прибоженная. Та, которая должна была воплотить в себе женскую половину двуединого божества этого мира.

Логр выбежал на улицу так быстро, как только смог. Выскочил прямо из окна и, наверное, только благодаря проявленной поспешности увидел столь долгожданное чудо.

Мальчишка успел домчаться почти до перекрестка, но вынужден был остановиться, поскольку дорогу ему преградила хрупкая фигура, освещенная лучами солнца так ярко, что казалось, и сама она испускает золотое сияние. Юная девушка с безразличным лицом, невесть откуда появившаяся посередине улицы, устремила свой пугающе пустой взор на малолетнего проказника и медленно развела руки в стороны, словно приглашая в свои объятия.

Он не хотел идти. Любой бы испугался, не только ребенок, но ноги дрогнули и сделали шаг вперед помимо его воли. Еще один. И еще. Потом руки девушки коснулись узкой спины, подтолкнули, сомкнулись кольцом, прижали мальчишку к складкам небеленого полотна на едва наметившейся груди, а в следующее мгновение Логр едва не прикусил язык от изумления, потому что объятия Боженки... опустели.

Сияние, только что слепившее глаза, словно унесло прочь порывом налетевшего ветерка, и на досках мостовой осталась стоять всего лишь девушка с безвольно повисшими вдоль тела руками, невзрачная, бледная, как ткань ее собственного платья.

Крови не было, в этом Логр убедился, тщательно осмотрев все вокруг. Ни капельки. Ни клочка одежды, ни волоска, ни гвоздика из подметки. Мальчишка пропал, будто его никогда и не существовало на этом свете. Впрочем, гибель ребенка, неважно, заслуженная или нет, мало волновала одержимого. Пожалуй, его теперь неспособно было взволновать даже явление Всеединого, если бы тому вдруг захотелось спуститься с небес, чтобы поздравить своего верного последователя с великим успехом: божество было сотворено, и его творцу уже слышалось, как мир опускается на колени.

И сейчас...

Наступивший вечер разительно отличался от прошедшего. Если вчера улицы Аллари выглядели почти вымершими, когда солнце едва приблизилось к верхушкам далекого леса на берегу, то сегодня количество гуляк, казалось, прирастало с каждой новой звездочкой, зажигающейся в бледнеющем небе. И это обстоятельство не слишком-то радовало.

Я возненавидел большие скопления людей в первые же дни службы, когда следовать за Ведущим, соблюдая требуемое правилами расстояние, было еще не слишком привычно, а

наткаться на прохожих уже строжайше запрещалось. Кодекс, по которому жили сопровождатели, состоял из сотен разных наставлений и ограничений, но изложить его основную суть можно было всего несколькими словами.

Ты должен действовать только тогда, когда в твоих действиях есть потребность. Остальное время ты — тень своего Ведущего. А тени положено быть бесплотной и незаметной, не так ли?

Но даже воспоминания о том, что совершенно точно было мною пережито, не прибавляли ощущения реальности. Особенно потому, что сейчас мне вовсе не требовалось оставаться незаметным. Даже наоборот. Вовремя выставленный локоть, короткий бесстрастный взгляд — есть много способов сохранять дистанцию между собой и назойливыми зеваками, обступившими тебя со всех сторон.

Гомонящие голоса, цветастые одежды, звуки музыкальных инструментов, сливающиеся в единую мелодию, непрерывное движение, только изредка становящееся упорядоченным, блеск глаз, отсветы фонарей на разгоряченных праздником лицах...

И все это только снаружи. Где-то вовне. За прозрачной и неосязаемой, но непреодолимой стеной.

— Не любишь народные гуляния? — Голосок Лус еле-еле пробился к моим ушам сквозь шум толпы.

— Не люблю.

Потому что они всегда устраивались для народа, а не для меня. Мое дело было либо отсыпаться после нескольких суток без отдыха, либо сопровождать кого-то из чиновников, чья служба не различала между собой праздники и будни. Впрочем, демон воспринял ответ по-своему:

— Не переживай. Совсем скоро все закончится, и ты сможешь наслаждаться весельем, как все вокруг.

Да уж. С одной стороны, он почти прав: освободившись от обязанностей, я явно вздохну свободнее. А что с другой? Что дальше, как говорится? Шанс вернуться у меня вроде бы есть. Если верить Кифу. А если не верить?

Появление в Аллари человека из Цепи одушевления вряд ли случайно. Правда, действовал он, похоже, на собственный страх и риск, раз уж не попытался перечить стражникам. Хотя именно это и выглядит подозрительным. Неужели утащил смертоносные штучки из комнаты своей начальницы, чтобы самому поиграть? Тогда по всему Дарствию должны шнырять ищейки, причем половина тайно, а половина открыто, чтобы показать всем и вся, как наказывают ослушников и воришек. Но нет, вокруг тишина. Ни одного бритоголового патруля на улицах.

Или парень все-таки выполнял особый приказ, совершенно секретный? Что ж, тогда я ему не завидую: как только узнают, что попался с поличным, уничтожат. Если местная стража не успеет раньше.

— Волноваться не о чем. Верно? — Пальчики Лус сдавили мое запястье.

— Надеюсь.

— Он ведь пришел один.

— Потому что посчитал тебя легкой добычей.

— Думаешь, у него были напарники?

Понятия не имею. Если он обворовал начальство, явно действовал один. Если следовал приказу... Тоже, скорее всего, добрался до Аллари в гордом одиночестве. А других причин

случившегося вроде бы нет. По крайней мере, на поверхности не плавают. Только одно обстоятельство смущает.

— Ему очень нужен был одержимый. Срочно. А ты оказался самой подходящей жертвой, тем более когда начал убегать и тем самым показал свою незащищенность. Но почему он так торопился, это вопрос. И ответа я пока не вижу.

— Может, ему поскорее хотелось воспользоваться эссенцией и заполучить могущество? — предположил демон. — Разошелся, что называется, после того несчастного казначея. А одной попытки просто не хватило. Или что-то не получилось с ювелиром. Или просто решил, что меня опасно отпускать.

Хорошие объяснения. Главное, сразу много, и одно другому не мешает. Правда, обычно такое обилие правдоподобных версий означает, что истинный смысл происходящего намного глубже и серьезнее, чем можно предположить. А может, существенно проще.

— Или старался еще для кого-то. Как тебе такой вариант? Он же вроде был недокровкой, стало быть, не мог воспользоваться эссенцией.

Лус остановилась на полушаге, и в нее едва не воткнулись прохожие, шедшие позади нас.

— Старался для... А знаешь, это многое объясняет. То, что он погнался за мной на набережной, и то, что пришел в гостевой дом. Значит, опасность не миновала?

— Не знаю. Правда, не знаю. Шансы — половина на половину.

— Не так уж грустно, — заключил демон. — Либо сдохну, либо нет. Разве может быть расклад лучше? Главное, успеть сделать то, что нужно, а потом можно и умереть. Хотя даже если первая половина перевесит... Ты ведь сможешь все закончить один?

Он не смотрел мне в глаза, когда спрашивал. Словно боялся заметить даже тень отказа в моем взгляде.

— А что именно надо закончить?

— Я же сказал: все. Оно не должно продолжаться, это сумасшествие. Разве тебе самому не противно жить, зная, что и почему вытворяют одержимые? А ты можешь их остановить. Раз и навсегда.

— Хочешь сказать, никто в твоём мире больше не воспользуется «вратами»? С чего такая уверенность?

— Если сотни «вдохов» вдруг станут «выдохами», многие задумаются, что послужило причиной возвращения. Те, кто потрусливее, откажутся от своей задумки. Хотя бы на время. Время, за которое ты...

Обрету славу не меньшую, чем Кроволивец Горге? Заманчиво, ничего не скажешь!

— Я не собирался потратить остаток жизни на убийства.

— Но другого выхода нет. — Глаза Лус, наконец-то взглянувшие мне в лицо, сверкнули алым. — Если они не послушают меня...

— Когда они не послушают тебя, — поправил я. — Не будем торопить события.

Демон промолчал, но скорее из упрямства, чем из согласия с моими доводами. А потом снова зашагал вперед.

Двери танцевального зала, указанного в приглашении, были радушно распахнуты только для демонов: привратник без обиняков заявил, что зайти внутрь имеет право моя спутница, но не я. Впрочем, этого следовало ожидать с самого начала.

— Гляди в оба там, понял?

— Вряд ли мне что-то может угрожать среди...

— Своих? Как знать. Твое предложение может им совсем не понравиться.

Девичье лицо побледнело, но не утратило решимости. По крайней мере, пока не скрылось под маской, любезно предложенной тем же привратником.

— Что ты будешь делать? — спросил демон, особенно выделяя слово «ты».

— Пойду спать. Шучу, конечно. Поболтаюсь вокруг, пока это возможно. Но всю ночь ждать, наверное, не стану.

— Всю и не надо. Я не буду тянуть время зря.

И Лус перешагнула порог дома, которому суждено было сегодня стать судилищем для двух миров сразу.

Одержимых, прошедших вслед за девушкой в танцевальный зал, оказалось довольно много. Несколько дюжин, и каждый прятал свое лицо под маской, а многие к тому же кутались в широкие плащи, не позволяя разглядеть даже очертания своей фигуры. Вздумай они затеряться в толпе, я бы не сумел выследить ни одного, а значит, оставалось только прислониться к стене и ждать.

Ждать...

От меня снова ничего не зависело. Нет, я не обижался, оставшись за дверью важных событий. Уже не обижался. И больше не задавал миру вопрос: «Почему?» Если мне и впрямь нужно будет убить сотни или тысячи людей, пусть так все и остается. Пусть кажется, что все это что-то вроде сна, из объятий которого по какой-то странной причине не вырваться. До срока. До того, пока не сделаешь то, чего от тебя добиваются.

— Так и спину недолго застудить, — проскрипел рядом стариковский голос.

— Ничего, переживу, — ответил я, поворачиваясь к дряхлому дядюшке одного одержимого, так умело и вовремя использующему кочергу.

— Да оно, конечно, переживете, — охотно согласился тот. — Только ввечеру в четырех стенах уютнее, чем в речной сырости.

Его, судя по всему, тоже не пустили в танцевальный зал, а значит, я имел дело с человеком. И ничуть не менее настырным, чем его демон-племянник.

— Мне и тут неплохо.

— А может-то быть еще лучше! — заявил старикан и больно вцепился в мое плечо. — Ну если сам не желаешь большего, так хоть другому поможешь обрести немножко покоя?

От подобных людей проще всего отвязаться, сделав то, о чем тебя просят. Особенно когда больше все равно нечем заняться.

Дядюшка, несмотря на преклонный возраст, был тяжелой ношей: к четвертому десятку шагов я почувствовал, что рука, на которой повис мой непредвиденный спутник, начинает уставать.

— Что, молодую девушку приятнее под ручку вести?

Еще и хихикает. Весельчак, стало быть? Хотя что ему еще остается?

— Приятнее.

— Оно и понятно! Ну ничего, нам уже недолго осталось.

— За себя говорите.

— А что за себя-то? Почти пришли, вот я и говорю.

Переулок, куда мы свернули с набережной, был на удивление безлюден. Высокие стены слева и справа походили больше на ограды, чем на части домов: ни одного окна или другого отверстия по всей длине. С другой стороны, можно понять, почему здесь не стали прорубать окна. Какой смысл день и ночь пялиться в стену или на собственного соседа?

А еще в таких глухих местах очень удобно грабить и убивать. Если понадобится.

— У меня нет при себе денег, учтите.

Старик сначала вытаращил подслеповатые глаза, потом залился булькающим смехом:

— Что ж ты недоверчивый такой? Во всех и всегда дурное видишь или с постели не с той ноги сегодня встал?

— Обстоятельства настраивают.

— Ах, обстоятельства...

Седая голова качнулась так понимающе, будто мой спутник не был чужд тонкостей сопроводительской службы. Хотя почему бы и нет? Что я знаю об этом человеке? Ничего ровным счетом. Так зачем поперся вместе с ним в тихий переулок? Потому что меня попросили?

Нет, потому что приказали. Это ведь был именно приказ, а не просьба. Словно старик знал, как ко мне следует обращаться, чтобы добиться своего.

— Что вам нужно?

Он не стал отвечать. Разжал пальцы, шагнул к стене и... пропал из виду. Но испугаться или насторожиться я не успел.

— Ну же, не стой столбом! — прямо из каменной кладки, как мне показалось, высунулась рука и поманила за собой.

На самом деле это был всего лишь обман зрения, возможный благодаря хитро изгибающейся стене, в складке которой прятался проход. Очень узкий, с низким потолком, извилистый, постепенно поднимающийся вверх.

Не знаю, почему я пошел туда. Наверное, потому, что меня позвал человек, а людей я никогда не боялся. Даже тех, кто намного сильнее и опытнее, чем я. Впрочем, с недавнего времени демоны тоже перестали вызывать во мне чувство страха. Было даже странно вспоминать ту встречу в Наблюдательном доме Литто и ужас, заполнивший меня тогда с ног до головы. Наверное, это как змеиный яд: если принимать понемногу, в конце концов, он не сможет тебе навредить. Беда лишь в том, что не всегда доживаешь до того благословенного времени...

В проходе было тихо, как в склепе. Зато за дверцей, которой он закончился, явственно раздавались звуки, очень похожие на шум праздничной улицы. Неужели же мы проделали такой долгий путь, только чтобы вернуться обратно?

Старик осторожно потянул дверную створку на себя и ловко проскользнул в образовавшуюся щель. Туда, где шумели голоса и музыка. На галерею, нависающую над тем самым танцевальным залом, куда вход мне, да и моему спутнику был заказан.

Вопросов у меня к тому времени скопилось уже много, и большую часть их хотелось задать прямо сейчас же, но странный дядюшка, словно понимая, что я чувствую и о чем думаю, многозначительно прижал морщинистый палец к губам, а следующим жестом предложил смотреть и слушать то, что происходит внизу.

Люди, вернее, одержимые неспешно прогуливались по залу, собираясь группками, что-то обсуждая или просто перекидываясь ничего не значащими приветствиями. И все были в масках. Даже женщина, виртуозно перебирающая струны лютни. Впрочем, им вряд ли требовалось знать друг друга в лицо: если недокровки чувствуют демонов издалека, значит, и сами демоны легко отличают друг друга в самой плотной толпе, какая только может быть.

Но все-таки маски и праздничные одеяния были красивыми, ничего не скажешь. Как и убранство зала. Длинные гирлянды, протянутые из одного угла в другой и скрепленные в середине, под огромным светильником, подвешенным к потолку, благоухали только что распустившимися цветами, поблескивали серебром и заметно колыхались, хотя движения воздуха почти не ощущалось. Высокие перила галереи тоже были обвиты многоцветными лентами и зелеными ветками, что отлично помогало прятаться от случайных взглядов,

брошенных вверх. Можно было даже не пригибаться.

— Полагаю, все в сборе? Кто получил приглашения конечно же! — уточнил толстенький человечек в маске с красными перьями.

В ответ зал утвердительно зашумел.

— Что ж, позвольте тогда сердечно поприветствовать всех, кто счел возможным прибыть на нашу скромную встречу, и особенно тех, кто впервые присоединился к собранию!

Их оказалось двое. Лус и высокий мужчина в просторном плаще, топорщащемся во все стороны матерчатыми лепестками, напоминающими рыбу чешую. Присутствующие захлопали в ладоши вслед за местным распорядителем, кто-то охотнее, кто-то безразличнее.

— Желаете что-то сказать? Может быть, о чем-то попросить? Не стесняйтесь, здесь и сейчас возможно многое, если не все! — ободрил новичков толстяк, и его слова прозвучали вполне искренне, как будто он и впрямь был рад видеть пополнение в рядах одержимых.

Мужчина в чешуе, похоже, замешкался, а вот демон по имени Конран, как и обещал, не стал тянуть время:

— Да. У меня есть несколько слов для сего высокого собрания.

Красная маска широким жестом пригласила заявителя подняться на небольшое возвышение, находившееся как раз напротив того места, где стояли мы со стариком. Лус медленно поднялась по ступенькам, повернулась к залу и сняла свою маску.

Видимо, это было странным поступком в обществе одержимых, потому что присутствующие, до сего времени продолжающие переговариваться друг с другом, замолчали, обратив свои взгляды на нарушительницу приличий. Что той и требовалось, собственно.

— Я не займу ваше внимание надолго: время понадобится всем вам потом, чтобы принять решение, которое, надеюсь, будет правильным.

Конечно, произнеси эти слова не юная девушка, а умудренный опытом и годами мужчина, впечатление было бы куда сильнее. Да еще в выражении лица Лус сквозила, как назло, досадная неуверенность. Но выбора не было. Теперь — ни у кого.

— Я не знаю, что именно привело в этот мир каждого из вас, знаю только, что заставило остаться: возможность играть живыми куклами снова, снова и снова, пока не получишь нужный результат или просто не развлечешься как следует. А потом повторить все это еще много-много раз...

Они молчали, а значит, признавали правоту слов демона по имени Конран. Правда, еще больше в этом молчании было вызова. Мол, даже если ты говоришь известную всем правду, что с того?

— Я не собираюсь никого из вас осуждать. И не собираюсь взывать к вашему чувству долга, как верных подданных императора. Я всего лишь хочу предупредить: время пребывания в этом мире подходит к концу. Стремительно подходит.

На меня такие уговоры бы подействовали. Один тон голоса, отчасти умоляющий, отчасти скорбящий. Но я, как и Лус, очень сомневался, что сказанного хватит для тех, кто считает себя в моем мире если не богом, то полноправным властителем.

— Люди этого мира долго терпели наше присутствие, но теперь у них появился способ получать могущество демонов не раз в несколько лет, не рискуя потерять собственную душу, а когда заблагорассудится и безо всякой опасности для себя. Они могут превратить каждого из нас в жидкость, способную только на то, чтобы исполнять желания. И это будет не

смертью, которая открывает для нас путь домой либо в новое тело. Это будет окончательным забвением, потому что мы не покинем этот мир, а навсегда станем его частью. Вещью, послушной любому человеку, который сможет нас заполучить.

— Чушь! — процедил сквозь зубы кто-то из одержимых, но в тишине, наступившей после слов Лус, даже этот тихий возглас прозвучал почти криком.

— Ну почему же, — возразила женщина в маске, расшитой жемчугом. — Ходили слухи о каких-то опытах... Правда, только слухи.

— Они стали реальностью. Устройство для вытягивания из демона его силы уже существует, и я испытал его действие на собственном опыте.

— Неужели? Но вы все еще находитесь здесь и прекрасно себя чувствуете! — съязвил сосед жемчужной маски.

— Мне повезло. Человек, в теле которого я тогда находился, помог мне уцелеть.

— Человек? — переспросили многие, и почти все с ярко выраженным сомнением.

— Да, человек. А еще раньше он сделал то, о чем я его попросил. Выполнил мое желание.

Теперь загомонили все, но в общем гуле отдельных слов было почти не разобрать.

— Может быть, только поэтому я и стою сейчас перед вами. Потому что тогда случилось настоящее чудо. Не такое, которое обычно творят демоны. Чудо наоборот. И то, что оно стало возможным, лишний раз доказывает: люди не слабеют со временем, а обретают все больше и больше сил. Они уже научились побеждать нас, и очень легко. Скажу больше, в этом городе совсем недавно погибли двое одержимых, как раз отдав свою силу без остатка.

— Как? Кто? Невозможно!

— Убийцу удалось схватить, орудие убийства уничтожено, но появятся и другие. Обязательно появятся. Сражение уже началось, и нам его не выиграть. Хотя бы потому, что с каждой нашей потерей люди неизбежно будут становиться только сильнее.

— Вы нарисовали страшную картину, эсса, — заметил толстячок в красной маске. — Но разве она близка к истине? Почему мы так легко берем верх над людьми, не приходило в вашу прелестную головку? Потому, что люди всегда действуют поодиночке!

— Как и мы, — добавил девичий голос.

— Да, как и мы. Но один на один любой из нас сильнее человека, а в таком деле, как обретение могущества, нет друзей. Никто из них не приходит ловить синюю звездочку в компании приятелей, не так ли? Значит, нам ничто не грозит. Ни сейчас, ни потом. Хорошо, допустим, они вытянут эту, как вы ее называете, эссенцию. И что дальше? Да просто передерутся за право ее использовать! Это же очевидно.

— Не все люди этого мира одинаковы, — возразил демон по имени Конран.

— Возможно, — осторожно согласилась красная маска. — Но один человек не сделает того, для чего нужна объединенная сила многих. Не сможет.

— Но то, что сможет, он сделает.

Лус не подняла взгляд вверх, скорее даже опустила, но мне почему-то показалось, что она смотрит прямо мне в глаза.

— Да, упрямцы обязательно найдутся. Но других, завистливых и жадных, всегда будет намного больше.

— Завистливых и жадных? Конечно. Таких, как в этом зале, всегда будет больше, чем тех, кто исполняет свой долг, несмотря ни на что.

— Это можно считать оскорблением? — осведомился некто, прячущий лицо за синим шелком.

— Это правда, от которой вы когда-то сбежали и продолжаете бегать до сих пор, — бесстрастно произнесла Лус. — Но мне нет никакого дела до ваших пороков. Я пришел сюда предупредить об опасности, и только. Вы можете вернуться или оставаться, как пожелаете. Но, если останетесь, рано или поздно погибнете.

— Рано или поздно? Когда же? Через год? Через десять лет? А может, век спустя? Они еще долго будут оставаться беспомощными, здешние куклы, если не объединятся. Ведь если даже их собственный правитель неспособен заставить народ думать и действовать как единое целое...

— Как пожелаете, — повторил демон по имени Конран, спускаясь на ступеньку вниз. — Как пожелаете.

Но тифельки Лус так и не коснулись паркета: на пути девушки встал один из одержимых. Он небрежным движением снял свою маску, бросил на пол и брезгливо встряхнул пальцами.

Вот уж в ком уверенности точно было с избытком! Немолодой, держащийся с достоинством, которое не возникает само по себе и не нарабатывается тренировками, этот мужчина одним только видом внушал к себе почтение. И судя по тому, что в зале раздались возгласы узнавания, встречался с соотечественниками не только во время подобных собраний.

— Мы должны поклониться этой отважной девушке. Все мы.

Он произнес это совершенно серьезно, а для тех, кто мог усомниться в искренности сказанного, опустил на левое колено, склоняя голову перед ошеломленной Лус.

— Немногие на вашем месте даже подумали бы о том, что вы заявили открыто и прямо. Примите мое восхищение, эсса.

— Любезный Логр, вы, конечно, были любителем странных представлений еще дома, иначе не связались бы с теми сумасшедшими молельщиками, но, право слово... это уже переходит все границы! — возмутилась красная маска. — Мы благодарны, да. Но опасность, о которой говорилось, преувеличена. К тому же ряд высказываний...

— ...был правдив как никогда, — закончил фразу одержимый по имени Логр, поднимаясь с колена и с явным сожалением оглядывая зал, не последовавший поданному примеру.

— Мне бы не хотелось думать, что вы выжили из ума, хоть и находитесь в этом мире дольше, чем многие присутствующие здесь, — сказал толстячок, явно раздосадованный происходящим. — Мы ведь собрались, чтобы...

— Чтобы в очередной раз похвастаться своими непотребными деяниями? Извольте. Мне тоже есть о чем рассказать. Например, о том, что нынешнее собрание моими стараниями уменьшилось на двух участников. Впрочем, — одержимый вновь перевел взгляд на Лус, — их места нашлось кому занять. И пожалуй, по достоинству.

— Позвольте, позвольте! — взвилась красная маска. — Вы хотите сказать...

— Вы слышали, что я сказал. Повторять не буду.

По рядам пошел настороженный шепоток, но тому, кого называли Логром, и прежде, и теперь уж точно не было никакого дела до возмущенных гостей танцевального зала. Он поднялся на возвышение, оказавшись за спиной Лус, и окинул присутствующих взглядом, в котором странным образом уживались презрение и сочувствие.

— Я не знаю, велика ли опасность, о которой здесь говорилось. Пусть она смертельна, это не имеет значения. Теперь многое потеряло прежний смысл и ждет нового. Того, который дадим ему мы с вами.

Наверное, именно в эти минуты я окончательно убедился, что, какими бы похожими на людей пришельцы из другого мира ни были изначально, там, у себя дома, здесь между нами пролегла глубокая пропасть.

Внизу, в зале, стояли лишь призраки людей. Одна видимость. А то, что скрывалось за ней, не имело человеческого названия. Может быть, они думали теми же головами, что и мы, но думали о чем-то, чему не было места в моем мире и все же нашлось.

Они жили среди людей, но в своем собственном пространстве, отделенные не столько материей, сколько причудливой изгородью разума, извращенного то ли обстоятельствами, то ли временем. И я, несмотря на то что сейчас как будто находился с ними по одну сторону от реальности, вместо того чтобы почувствовать хоть какое-нибудь сродство, испытывал ужас. Очень похожий на ощущения, полученные во время первого путешествия по порталам.

Мы разные. Слишком. Иногда эта разница кажется неуловимой, иногда кричит о себе во весь голос, но не становится от этого ни больше, ни меньше. Потому что бесконечность не может изменить свои размеры.

И мы похожи. Все-таки похожи. Мы словно проросли из одного и того же семечка, но потянулись к разным солнцам. В какой миг жизни? Не сразу после рождения, это точно. Может быть, когда граница между мирами дала слабину? Да, скорее всего. Когда жизнь, чьи правила казались незыблемыми и вечными, вдруг показала свою новую сторону. Да, и она подчинялась определенным законам, но главное, что все старые узы рассыпались прахом.

Другой мир. Другое обличье. Свобода, бескрайним ковром лежащая под ногами.

Прошедшие через «врата мечты» должны были измениться и изменились. Стали демонами в полном смысле этого слова.

— Когда я только оказался здесь, то часто задавался вопросом: почему? Почему в этом мире мы всемогущи, а возвращаясь, хоть и сохраняем могущество, но забываем о его истинной величине и влачим жалкое существование послушных придатков природы? Каждый из вас думал об этом, не отпирайтесь. Пусть недолго, и все же думал. И никто не нашел ответа. Во время своих поисков я полагал, что здесь меня удерживает именно желание обрести понимание происходящего. Желание исправить совершенные ошибки... И это тоже было ошибкой. Нужно было отринуть сомнения и просто поверить, что этот мир подарен нам нашим богом взамен старого. Взамен того, где мы нагородили такой лабиринт условностей, что сами начали задыхаться в его ловушках. Я никуда не собираюсь возвращаться, это мое слово. А каково будет ваше?

Маски молчали. Зал замер, словно боясь даже вздохнуть. И насколько лицо оратора, обращенное к остальным одержимым, сияло, словно изнутри озаренное светом, настолько же лицо Лус выглядело мрачным. Эдакой грозовой тучей, вот-вот готовой пролиться дождем.

Нет, она не собиралась плакать, эта девушка, подарившая свою плоть демону: только сжала губы скорбной складкой и сдвинула брови, исподлобья глядя на тех, кто рано или поздно должен был ответить на заданный вопрос. И мне оставалось надеяться, что этот взгляд сможет убедить хотя бы одного из одержимых поступить по-человечески.

— Неужели вы не боитесь погибнуть? — спросил женский голос откуда-то из глубины зала. — Что, если люди и впрямь объединятся, чтобы противостоять нам? Что, если у кого-то найдется достаточно силы и ума, чтобы собрать все ручейки в единое русло?

— Такой человек может найтись, — кивнул одержимый по имени Логр. — Но что значит голос человека против голоса самого бога?

Последние слова прозвучали так торжественно, что красная маска хмыкнула:

— Вы все же сошли с ума, любезный друг, если считаете себя...

— А вы, как всегда, не слышите сказанного. Я не хочу становиться богом. Зачем мне это, если я умею творить богов?

По залу пронесся изумленный выдох, переросший в шум многочисленных путаных вопросов, и одержимый поднял руки, призывая присутствующих к спокойствию:

— Я покажу вам свое творение. Вернее, творения, хотя здешние люди почему-то считают их единым целым.

Он спустился в зал, скрылся за разноцветными спинами, а спустя минуту толпа расступилась, открывая проход обратно самому оратору и тем, кого он держал за локти.

Две тоненькие фигурки в бесформенных одеяниях. Пока они шли к возвышению, я видел только одинаковые коротко остриженные затылки, а когда, поднявшись по ступенькам, троица повернулась к залу, я увидел по правую и левую руку от оратора похожие друг на друга как две капли воды нежные лица, но одно явно принадлежало девушке, а второе юноше. И черты обоих не выражали ровным счетом никаких чувств.

— Очень интересно, — сказала красная маска. — И что дальше? Будут фокусы?

— Непременно! — заверил одержимый по имени Логр. — Только, пожалуй, не сейчас и не здесь.

— Почему же?

— Потому, что потребуется жертва, а вряд ли кто-то из вас согласится стать таковой.

— Но без доказательств ваши слова всего лишь...

— Отправьте кого-нибудь на улицу, пусть приведет первого попавшегося прохожего, и вы узрите силу Бога и Боженки!

Кажется, при звуках последних слов одинаково безжизненные лица чуть посветлели. Да нет, точно! Словно солнечные зайчики спрыгнули с витражного купола танцевального зала и растворились в тонких, будто вырезанных из полупрозрачного камня чертах.

Происходящее отдалялось от меня все больше и больше. Наверное, любого здравомыслящего человека ужаснуло бы последнее заявление оратора, а я всего лишь равнодушно ждал развязки событий: после встречи с богом чужого мира удивляться было уже нечему.

Новый талантливый безумец рискнул сделать свою фантазию реальностью, и только. Он располагал всем необходимым, так что грех было не попробовать. И он знал, чего хочет добиться.

В отличие от меня.

— Бож и Боженка? — озадаченно пробормотал старик рядом со мной. — Как же все нехорошо... Хуже некуда.

Я хотел поинтересоваться, что именно плохого видит мой спутник в происходящем,

чтобы сравнить впечатления, но снизу раздался голос, доселе не принимавший участия в беседе. И звучал он совсем иначе, чем голоса одержимых.

— Жаль, что моя наставница не дожидала до этой минуты. И жаль, что те, кто заставил ее умереть, не слышали всего этого. Один человек ничего не может сделать, так вы считаете? Очень скоро вы измените свое мнение. Не пройдет и минуты. Правда, к тому времени никого из вас уже не останется на этом свете.

— Ну вот, еще кому-то напекло голову, — сокрушенно подытожила красная маска. — Возомнивший себя богом... о, простите, творцом богов у нас уже имеется, теперь появился тот, кто называет себя человеком. Кого еще сегодня ждать на собрании? Пророков? Кудесников? Может, сам император почтит нас своим присутствием?

По толпе пролетели смешки, которые, впрочем, неуверенно смолкли, едва новый выступающий откинул полы своего взъерошенного плаща и поднял взведенные арбалеты.

Неужели он надеялся двумя такими игрушками уложить всех одержимых в танцевальном зале? Вряд ли. Но взгляд спокойный. Уверенный. На сумасшедшего этот человек похож куда меньше, чем тот, шедший под ручку с сотворенными божествами. Я бы на месте присутствующих насторожился. Или...

Ну да, или испугался.

Они расступились в разные стороны сразу, как только увидели оружие: наверняка никому не хотелось расставаться с плотью, когда поблизости нет запасной куклы. Видимо, на что-то такое у одержимого, называющего себя человеком, и был расчет. А значит, все, что происходило сейчас и должно было случиться вскоре, следовало заранее продуманному плану.

Планы хороши тем, что исключают лишнюю трату сил. В то же время достаточно нелепой случайности, чтобы цепочка заданных шагов оборвалась в самом неподходящем месте. Особенно если кому-то из участников вдруг покажется, что он в силах противостоять всему миру разом.

— О, вот и жертва нашлась! — удовлетворенно заключил боготворец.

Он принял торжественную позу, грозно простер руку по направлению к арбалетчику и, отчетливо выговаривая каждое слово, произнес:

— Чтоб тебя Боженка побрала!

Зал затаил дыхание. Я тоже. Впору было ожидать любых невероятных происшествий: раскола небес, обвала земной тверди, волну, рушащую стены, но...

Время шло, а все оставалось на своих местах. Зато, к чести человека с оружием, свое слово он сдержал: не успела истечь минута, как пронзительно взвизгнула тетива.

Вот чего никто точно не предполагал, так это направления выстрелов. Казалось бы, нужно было стрелять в толпу, но арбалетные стрелы взмыли вверх, к куполу, затерявшемуся в цветочных гирляндах. Стекло витража оказалось слишком толстым, чтобы сразу разлететься осколками: от удара по нему сначала побежали полоски трещин, и те, кто стоял прямо в середине зала, вместо того чтобы отпрянуть, зачарованно смотрели вверх, пока не обвалился первый кусочек. Потом они, конечно, бросились врассыпную, но если от битого стекла можно было увернуться, то от гирлянд, потерявших центральную точку крепления и теперь на лету распадавшихся странно поблескивающими фрагментами, укрыться оказалось почти невозможно.

Один обрывок соскользнул с бечевы прямо к моим ногам. Металлическая загогулина, обвитая...

Все будет кончено. Прямо сейчас. Каждый получит по заслугам, как и обещал арбалетчик.

Браво!

Мои ладони сами собой приготовились к хлопку, но справа, оттуда, где за странным собранием наблюдал дряхлый старик, раздался слишком хорошо знакомый мне голос:

— Он не должен уйти живым. И это твоя забота.

Когда смотришь краем глаза, картинка всегда кажется нечеткой, но тут, даже когда я повернул голову, марево, окутывающее фигуру охотника за демонами, никуда не делось. Наоборот, с каждым мгновением становилось все гуще, и Иттан со-Логарен словно раздваивался, расчленился, раздесяте...

Распадался на свои точные, но почти бесплотные копии.

— Ну, бывай.

Это было последнее, что он сказал перед тем, как сорваться с галереи. Вниз, вверх, влево, вправо. Армия призраков, не поддающихся счету, заполнила собой пространство танцевального зала, чтобы...

Боль в кулаке, которым я со всей дури стукнул по перилам, только добавила моей злости новых оттенков.

Зачем? Почему? Ради какой непонятной цели? На кой ляд он бросился их спасать?! Ведь все же складывалось таким замечательным образом! Такую глупость еще мог совершить Натти, никогда не объяснявший причин своих поступков скорее всего потому, что и сам их не понимал. Но Иттан? Расчетливый, хладнокровный, опытный и умелый Иттан?!

Конечно, он успел. Разделив свою послушную и всемогущую плоть на кусочки, наделив каждый кусочек сознанием, охотник на демонов сделал то, что должно было быть противно его природе. Стал для всех одержимых в зале щитом на пути смертельной угрозы. Надежным щитом: ни одна из убийственных безделушек не добралась до первоначальной цели, и все же...

Исполнила свое предназначение целиком.

Они рассыпались по полу, пряжки, обвитые сыто подрагивающими стеблями. Под ногами у демонов, приговоренных к смерти и чудом избежавших казни. Под ногами, которые тут же брезгливо и испуганно переступили с места на место, только бы оказаться подальше от обезвреженных орудий убийства.

Второго заряда у арбалетчика, похоже, при себе не было, и все же никто не попытался наброситься на него с кулаками или иным способом выразить свое недовольство, хотя, надо сказать, ряды одержимых медленно, но верно смыкались вокруг неудавшегося убийцы.

В кои-то веки демоны почувствовали себя единым целым? Плохо. Еще хуже, чем хуже некуда.

Он не уйдет, этот отчаянный. Ему не позволят. Теперь уж точно найдутся желающие пролить кровь, пусть и кровь своей собственной куклы. Возмездие свершится, вот только...

— Уж лучше бы тебя и впрямь Боженка побрала!

Не знаю, почему я произнес это вслух. Стоило бы промолчать, оставаясь в тени событий, чтобы потом, когда все уляжется, потихоньку убраться восвояси и наконец согласиться стать тем, кого видел во мне демон по имени Конран. Убийцей. Да, для его мира мои деяния станут благом, но убивать-то все равно придется прежде всего людей...

Золотое сияние, которому неоткуда было взяться посреди наступившего вечера, темным оком заглядывающего в разрушенный купол, проступило сквозь складки грубого одеяния

той, кого боготворец назвал Боженкой. Очертания девичьей фигуры поплыли, растворились в воздухе, чтобы вновь ступить за спиной арбалетчика. Тонкие руки простерлись, обняли, потянули человека назад, и он должен был бы рано или поздно остановиться, но почему-то все двигался и двигался, прямо в сияние, пока не пропал в нем. Полностью и навсегда.

Мне со своего места было не разглядеть выражение его лица, и потом я еще долго жалел именно об этом. О том, что не узнал, с какими чувствами ушел в небытие несостоявшийся убийца. Оставалось только надеяться, что ни страха, ни боли он не испытывал, потому что больше прочих заслужил небесный покой.

— Вот! Вы видели? Вы... все видели? — лихорадочно взмахивая руками, взвился боготворец. — Это истинные божества!

— Только вашу просьбу они не услышали, — напомнила красная маска. — Почему же?

— Потому, что боги слышат только тех, кто в них верит.

Это было легко понять, едва рукотворная Боженка сорвалась с места, получив мой приказ. Нет, даже не приказ, а всего лишь пожелание.

Это ведь были боги моего мира.

Мои боги.

— Нет, не может быть...

— Тебе надо было обращаться к своему божеству. У вас же там, в вашем гадюшнике, есть свой божок, верно? — Я двинулся по галерее в сторону лестницы, со злорадным удовлетворением наблюдая прикованные ко мне удивленные и всерьез испуганные взгляды. — А ты сам захотел создать бога... Как думаешь, может, он просто тебе отомстил, а? За святотатство?

Конечно, эти ступени не были и на сотую часть столь же величественны, как престол катральского храма, но я, пожалуй, чувствовал себя сейчас не менее возвышенно, чем прибоженный, назначенный держателем кумирни. И куда могущественнее.

— Тебе было мало того, что ты и твои приятели делают людей рабами? Или, как вы их называете, куклами? Ты покусился даже на наших богов. Захотел превратить их в бессловесных слуг? Ну что сказать, тебе удалось. Вот только хозяина они выбрали себе сами.

Спускаться ниже второй ступеньки я не стал. Именно так, чтобы их макушки не доставали мне до пяток. Только так.

— Твоему деянию нет названия в моем мире. Не придумали еще такого преступления. Представляешь, никто из людей никогда не помышлял о том, чтобы сделать бога своими руками. Только образ. Смутный, непонятный, странный. Потому что бога нельзя видеть. И тем более богу нельзя приказывать. Не положено. Мы живем по таким правилам. Наш мир. У тебя свои законы? Понимаю. И судить не берусь. Знаешь ли...

Слова возникали будто сами собой. Словно кто-то невидимый и неосязаемый вдруг подчинил мое тело своей воле. Прямо как демон, только на сей раз я не чувствовал необходимости бороться с захватчиком. Наоборот, готов был исполнять любое его повеление.

— Бож тебе судья.

Золото вспышки сверкнуло в другой стороне. Там, где стоял второй из рукотворных богов. Но никакого движения не было, все оставались на своих местах: и названный «Бож», и тот, кого следовало осудить. По лицу одержимого было видно, что он до смерти напуган, правда, когда стало ясно, что представления, подобного устроенному «Боженкой», не ожидается, черты боготворца заметно расслабились. А зря.

Праздничные одежды всегда обильны тканью и всевозможными украшениями, на них очень трудно заметить как проступающую кровь, так и сполохи света, особенно если не чувствуешь ни малейшей боли внутри и снаружи, поэтому одержимый понял, что происходит, только когда синеватые искорки затанцевали в воздухе прямо перед его лицом, сливаясь в плотный комок. Не знаю, как это вообще было возможно, оставить демона в сознании и одновременно разделить с этим самым сознанием, но на то боги и есть боги, а не простые смертные.

Боготворец, то ли уже неспособный пошевелиться, то ли оцепеневший от ужаса, смотрел не отводя глаз на звезду, которой сам и являлся, пока она медленно плыла по воздуху прямо в простертую ладонь безразлично улыбающегося «Божа». Смотрел, как хрупкие пальцы смыкаются вокруг синего сияния, сжимают, сдавливают и... стряхивают на пол горсть тусклых крупинок.

Он так и остался стоять, даже когда жизнь покинула его окончательно. Статуей, наглядно указывающей всем присутствующим в зале, что может произойти с тем, кто выступит против меня и моих богов.

Я мог пожелать, чтобы все одержимые в единый миг исчезли с лица обоих миров. Или остались. Неважно. Главное, здесь и сейчас любое мое желание могло стать исполненным. Безо всяких условий. Безо всяких жертв. Ведь истинные боги даруют свою всемогущую милость просто так. Просто потому, что могут это сделать.

Десятки глаз в прорезях разноцветных масок осторожно касались взглядом моего лица, стараясь угадать, что случится дальше, и надеясь избежать участи, уже постигшей двоих в этом зале. А я смотрел поверх голов и мучительно думал, как поступить.

Будь все хоть чуточку иначе, сомнений бы не возникло: смерть, и все. Но зачем-то, по какой-то нелепой, сумасбродной и все же веской причине Иттан со-Логарен пожертвовал собой, чтобы спасти всех этих тварей. Ведь ему было легче легкого дожидаться, пока пряжки и стебли сделают свое дело. Или боялся за свою жизнь тоже? Но тогда пусть лучше бы сбежал. Неужели не мог? Не верю.

Нет, он точно знал, что ему надо. И нарочно показал это мне. Чтобы я не отступил ни на шаг в сторону от начертанного им пути.

Вот так и заканчивается всемогущество. Разбиваясь об узы долга. Если эти одержимые должны были остаться в живых, я не мог их убить. Потому что не простил бы себе никогда преступления против последней воли, против памяти...

Были ли мы друзьями? Бож его знает. То есть Бож-то наверняка знает, только отвечать не станет.

Иттан со-Логарен не раз спасал мне жизнь. И он же убил меня, когда другого выхода не было. С ним мы точно были чужими друг другу людьми, а вот Натти...

Без него в смотрительском доме будет пусто и скучно. Теперь уже навсегда.

— Вы должны были принять одно решение, верно? И вам предъявили все необходимые доводы. Решите уйти из этого мира? Помашу вам платочком. Рискнете остаться? Что ж, тогда вас буду судить уже не я, а сами знаете кто. Думайте, но думайте скорее, потому что безгранично только божье терпение, а не человеческое. И да... Думайте за дверь. Убирайтесь отсюда. Вон!

Повышение голоса оказалось лишним: одержимые высыпали из танцевального зала быстрее, чем мои слова превратились в эхо. Впрочем, вскоре выяснилось, что не все здесь отличались завидным послушанием.

Не прошло и минуты, как из темного угла раздалось слегка растерянное и одновременно восхищенное:

— Никогда бы не подумал, что так обрадуюсь, когда мое приглашение будет принято.

Часть 8.5

Он даже ради пестрого праздника не изменил своей привычке странно одеваться, но теперь, на фоне опустевшего и полуразгромленного зала, смотрелся в своем мрачном костюме вполне уместно. Как могильщик на поле закончившегося боя.

— То письмо... запечатали вы? — срывающимся голосом спросила Лус.

— Да.

— Лично?

— Вообще-то я даже его написал, — уточнил молодой человек и добавил, криво улыбнувшись: — Лично.

— Мой принц.

Женщинам не полагается преклонять колена перед своим сюзереном. Наверное, потому, что, нося длинное платье, это довольно трудно сделать, не запутавшись в складках ткани. И все же демона по имени Конран подобное обстоятельство не только не остановило, но и не смутило. Ни на мгновение.

Девушка, опустившаяся на правое колено и почтительно склонившая голову, просто обязана была выглядеть смешной. Или нелепой. Однако смеяться мне почему-то не хотелось.

— Мой принц, — повторила Лус еще раз, словно заклиная.

— Встаньте и... представьтесь. Ведь я, назвав свое имя, так пока и не услышал вашего.

Демон поспешно выполнил сначала один приказ, поднявшись на ноги, потом другой:

— Конран Глен да-Диан.

— О, мне следовало бы догадаться! Такой выбор тела не мог быть простым совпадением.

— Я не выбирал, мой принц. Выбрала она.

Молодой человек приподнял брови, но переспрашивать не стал. А все потому, что не удивился. Ни капельки.

Я видел слишком мало одержимых, чтобы делать далеко идущие выводы. Да и, наверное, слишком мало людей. Когда не хватает наблюдений, обычно обращаешься к собственному опыту, тому, который успел накопить. Зачастую такой подход приводит к неверным решениям, непониманию, путанице, оговорам и отчаянному противостоянию, однако в нынешнем своем впечатлении я был уверен от начала и до конца.

Одержимый, стоящий напротив Лус, давно уже забыл, каково это — быть молодым.

Пожалуй, происходящие события вызывали у него интерес. Возможно, некоторый азарт. Заставляли задуматься и дать оценку случившемуся. Все что угодно, только не удивляли. А не удивляется лишь тот, кто успел многое повидать. На своем веку, как говорится. И век молодого человека в старомодной одежде, похоже, был очень долог.

А вот совесть вряд ли.

— Вы знали, кто вас сопровождает?

Я не стал делать упор на слово «кто», и правильно поступил. Расходовать зря душевные силы не требовалось: меня поняли сразу, во всех возможных подробностях.

— Да. Я просил его об этом.

Вот даже как? Весьма многозначительное дополнение. Стало быть, парень высоко летает, другого объяснения действиям Иттана нет.

Зачем ему было скрываться от друзей и знакомых? Только ради спокойствия своего

подопечного.

Зачем ему было молчать о своем решении? Затем, что на его пути не должно было оказаться препятствий.

— Вы приказали ему умереть?

Не знаю, что подтолкнуло меня к такому вопросу. В самом деле, он ведь уже не имел почти никакого значения. Прозвучи «да», и я только утвержусь в своем мнении. Прозвучи «нет»...

— Он знал достаточно, чтобы поступать по собственной воле. Любым образом.

Ну конечно. Я и не сомневался. Если Натти еще можно было попытаться заболтать, надавить на жалость и прочие человеческие чувства, то Иттан со-Логарен всегда действовал исключительно в ему одному известных интересах. Хотя и на благо людей. Вот только его последний поступок странным образом выбивается из общего ряда.

— Он хотел спасти вас. — Я понял, что угадал, когда взгляд молодого человека все-таки полыхнул алой искрой. — И ни мгновения не колебался. Интересно было бы узнать почему.

— Ревнуете?

А вот теперь мой противник нанес безошибочный удар в цель. Я бы сам не назвал ревностью терзавшее меня обиженное негодование, но в целом эти чувства весьма походили друг на друга. И мне не было стыдно признать ни первое, ни второе:

— Да, я предпочел бы, чтобы он погиб, спасая меня, а не кучку демонов, в первый раз чего-то испугавшихся по-настоящему.

— А я благодарен ему за спасение. — Он не возражал, не пытался спорить, просто всего лишь еще раз напомнил свое мнение.

Случившееся не подлежало исправлению, и изливать злость на того, кто каким-то способом вынудил охотника за демонами отдать свою жизнь ради благополучия прежних целей охоты, было бессмысленно. Я понимал это, но ничего не мог поделать со злостью, горчащей на языке.

— Посмертно?

— Мне очень жаль.

Ну да, а что еще можно сказать? Только мне-то что делать с этой жалостью?

— Надеюсь, оно того стоило. Но клянусь, если вы сейчас же не уберетесь отсюда, его жертва окажется напрасной.

— Ты не сделаешь этого.

Хрупкая девичья фигурка встала между нами. Не угрожая, нет. Просто давая понять, что если придется убивать, то не одного, а двоих.

Вообще-то это было нечестно. Меньше всего мне хотелось причинять вред девушке, единственный раз за короткую и не слишком счастливую жизнь поступившей по велению сердца. С другой стороны, вряд ли ее душу можно было вернуть обратно. Как говорил Натти? Разделение проходит успешно, пока демон и человек не срослись слишком сильно. То есть если не тянуть время. А в случае Лус...

— Ты меня не остановишь.

— Знаю. Я видел, на что ты способен. Помнишь?

Как там он обращался к одержимому? «Мой принц»?

— Уходите. — Я немного подумал и добавил: — Желательно, подальше.

— Последнее слово в любом споре остается за человеком?

Он ни к кому не обращался с этим вопросом. Скорее, напомнил самому себе о чем-то

важном и не слишком радостном, а потом взял Лус под локоть, как полагается мужчине, сопровождающему женщину. Больше не прозвучало ни слова. Ни от кого из присутствующих. Демон по имени Конран и его повелитель вышли из танцевального зала, осторожно обходя набухшие синевой стебли, рассыпанные по полу вместе с осколками стекла.

Их оказалось много, этих стеблей, сыто обвившихся вокруг серебряных пряжек: мне еле-еле удалось связать вместе концы плаща, на котором громоздилось величайшее сокровище мира. И если бы вдруг захотелось разбогатеть... Или лучше самому употребить?

Тьфу. Это походило бы на то, что я высасываю кровь прямо из вен охотника за демонами. Каплю за каплей.

Нет, никто не получит его могущество. Недостойны. Ни один человек. И я в том числе, хотя, учитывая две неподвижные фигуры, ожидающие приказа, меня можно считать...

Да, почти богом.

Я мог бы сделать все вокруг лучше и прекраснее? Еще бы, с такой-то силой! Но мне бы пришлось вечно прятать своих могущественных помощников, ведь, не дай Бож, кто-то еще рядом проронит заветные слова! И, не дай Боженка, этот кто-то поймет, что именно произошло. Куда тогда покатится мир?

Первым делом соседи поубивают друг друга, ведь у каждого человека наверняка найдется чего в сердцах пожелать ближнему своему. Те, кто выживут, конечно, будут вести себя осторожнее. Наверное, тоже спрячутся в норы. Или устроят бойню еще кровавее, так сказать, за право быть услышанным «богами». Кто-то обязательно выйдет победителем, но проигравших, как обычно, будет больше. Собственно, проиграют все остальные, и будет уже неважно, насколько благороден тот единственный возвысившийся человек.

Да, есть лишь два пути. Либо пожелать, чтобы весь этот мир побрали воплощенные божества, от греха подальше. Либо...

В танцевальном зале не было окон, зато нашлись задние двери, ведущие в узкий коридор, опоясывающий здание и выходящий к крохотному балкону над рекой. Должно быть, его использовали для пополнения питьевых запасов. А может, для обратных целей. Главное, что под моими ногами монотонно шумела вода, ни на мгновение не останавливающая свой бег.

Растения-пиявки отдавали свою добычу неохотно: пальцы начали уставать уже на половине пряжек. Зато, пустея, стебли становились податливыми и легко позволяли снять себя с серебряных загогулин. Капли мерцающей синевы летели вниз светлячками посреди ночной темноты, судорожно подмигивали, касаясь воды, расплывались лужицами и, не успевал я моргнуть, меркли. Навсегда.

Не знаю, хотел ли Иттан такого упокоения. Я бы на его месте не отказался. Жаль только, что сказать над водной могилой мне было нечего. Да и вообще не хотелось ничего говорить, пока дела не будут закончены.

Два дела, если быть точным. Пусть одинаковые, но все же два.

Они стояли на том же месте, где я их поставил, в укромном закутке за дверью, и вряд ли подозревали о своей дальнейшей участи. Истуканы. Статуи, почти такие же, как изваяния в кумирнях, только чьим-то капризом разделенные пополам. Идеальные слуги: молчаливые, могущественные и безгранично послушные. Вот только лучший мир явно надежнее строить с друзьями, чем со слугами. Да и приятнее.

Лучший...

Мои пальцы дрожали, зачерпывая из плаща горсть стеблей, заметно оживившихся при приближении к «богам». Мои ноги подкашивались, когда я заходил истуканам за спину. Заходил с тыла, потому что мне было больно смотреть на их лица. Лица несчастных детей, искалеченных в угоду чужой воле.

Нельзя убить тех, кто и так уже мертв, можно только отпустить их души на свободу...

Я повторял это себе снова и снова, обнимая «богов» и прижимая стебли к их шеям. Насытившиеся пиявки скатывались на пол и сыто замирали под ногами одна за другой, но их должно было хватить, чтобы забрать божественную силу.

И их хватило.

Когда последние посиневшие стебли лениво повисли на моих пальцах, я понял, что сжимаю в объятиях воздух. Да, пока еще плотный, густой, вязкий, пока еще обманывающий зрение призрачными линиями и красками, но уже бесплотный. Боги, лишённые могущества, превратились в туман, рваными клочками разлетевшийся от моего усталого выдоха.

Второй раз выливать эссенцию в реку оказалось еще труднее: руки почти не слушались. В конце концов я просто кинул пиявок на дощатый настил и начал топтать ногами. Наверное, со стороны мои движения походили на что-то вроде танца на раскаленных углях с той лишь разницей, что каждый шаг взметал в воздух не алые, а пронзительно-синие искры, бросавшие пугающие отсветы на все вокруг. И только когда последняя из них погасла, наступила ночь. Настоящая. Снаружи и внутри.

Конечно, так должно было случиться. Обязательно должно было.

Разве я собирался всю оставшуюся жизнь странствовать по миру в компании одержимого? Да ни за что!

Разве мог я всерьез рассчитывать, что Натти будет опекать меня до самой могилы? Конечно нет. Только надеяться — в перерывах между приступами злости и обиды.

Так стоило ли огорчаться тому, что развилка, которая рано или поздно должна была оказаться у меня на пути, лишь чуть-чуть поторопилась подвернуться под ноги?

Стекло, хрустящее на каждом шагу. Рваные гирлянды, превратившие танцевальный зал в подобие неухоженной лужайки. Созвездия свечных огоньков на стенах...

Осколки мира.

Прошлое.

Мое прошлое.

А где-то там, на улице, жизнь идет своим чередом, и нужно только шагнуть за порог, чтобы попасть в настоящее, неотвратимо и неуклонно стремящееся к будущему.

Своему будущему.

— Да что же это такое... Да как же так...

Он не выглядел огорченным, этот лысоватый мужчина, растерянно уставившийся на учиненный в зале разгром: он выглядел убитым. По крайней мере, я ни разу еще не видел, чтобы на человеческом лице мелко тряслась каждая черточка, причем в своем собственном особенном ритме.

— Да чем же я все это заслужил... — Он не спрашивал. Не причитал. Не удивлялся. Скорее, повторял одни и те же слова для того, чтобы хоть что-то связывало его сейчас с реальностью. — Да почему же...

— Вы здешний хозяин?

Вопрос не очень-то помог вывести незнакомца из оцепенения: мужчина повернул голову в мою сторону, но остановившийся взгляд проясниться не пожелал. Впрочем,

заученный ответ все же последовал, пусть и в прежнем бесстрастно-безжизненном тоне:

— Леви Лотт, к вашим услугам.

— Значит, украшение зала — ваших рук дело?

— Как же иначе, разумеется, мо... — Тут до него, видимо, дошло, о чем идет речь, и хозяин танцевального зала чуть ли не взвизгнул: — Нет! Я их не вешал!

Вообще-то, посмотрев на полноватую фигуру, мало приспособленную к тяжелому труду, а тем паче к труду, требующему определенной ловкости, можно было уверенно исключить эрте Лотта из исполнителей грязного дела. Но не из заказчиков.

— Но вы их поручили кому-то, эти работы, и оплатили?

Вот теперь мой собеседник не спешил что-то признавать или отрицать:

— На яра-мари принято приносить в дом цветущие ветви.

— И вплетать в них серебро?

— Нет, о серебре никто даже не заикался, — признал Леви Лотт, настороженно разглядывая металлические изгибы пряжки в моих пальцах. — По крайней мере, я ни слова садовнику не говорил.

— Так откуда же все это вдруг взялось? — Я откинул край плаща.

По глазам хозяина танцевального зала было понятно, что ювелирно-цветочные безделушки он видит впервые, а об истинном назначении даже вряд ли догадывается. Потому и молчит пока? Что ж, растолкую поподробнее:

— Некий злоумышленник, знающий, что сегодня вечером в танцевальном зале соберутся одержимые, пытался их убить, для чего и использовал эти штуки. А спрятаны они были как раз среди ваших цветущих ветвей. Так как считаете, нам есть о чем поговорить?

Леви Лотт напряженно сглотнул, не отрывая взгляда от серебряной груды.

— Либо вам было известно, что затевается, либо...

— Я виноват. Я во всем этом виноват.

Он по-прежнему не смотрел на меня, и это мешало понять, какой смысл вложен в неожиданное признание, потому что ни раскаяния, ни отчаяния в голосе хозяина зала по-прежнему не слышалось, одна лишь покорность судьбе.

— Скажете, что сами ползали по потолку, крепя гирлянды?

Леви Лотт невольно поднял голову:

— Нет, конечно же нет... Я бы упал и разбился раньше, чем поднялся туда.

— Тогда кто это сделал?

— Их было двое. Один... он был одержимый, как вы это называете. А второй нет. Второй был обычным человеком. Совсем обычным.

Вот, значит, как. Остался еще кто-то? Надеюсь, последний, иначе охота вслепую может продолжаться вечно, а мне уже порядком надоело чувствовать себя добычей.

— Как они выглядели? Особенно тот, который был человеком?

Хозяин танцевального зала потер виски кончиками пальцев.

— Как и все мы... Две руки, две ноги, одна голова.

— Безволосая?

Глаза Леви Лотта дружно моргнули:

— С чего вы взяли? Обычная голова. Только повязанная платком...

Дальше можно было не спрашивать. Тоже бритоголовый, как и следовало ожидать. Цепь одушевления во всей своей красе. Однако если учесть сегодняшнюю выходку побранного Боженкой, возникает сомнение, что эти три Звена орудуют в Аллари по приказу свыше.

Самодетельность. Чистейшей воды. Иначе откуда бы взялись все те чувства, обуявшие несостоявшегося убийцу? Впрочем, неизвестно, что опаснее: строгое следование указаниям или праведный гнев человека, потерявшего своих напарников, а может, и того хуже, друзей. Если же второе хоть на шаг ближе к истине, чем первое, бритоголовый точно не уйдет восвояси просто так, без отмщения.

— Он всего лишь предложил помочь, а мне так нужна была помощь... Я должен был отказаться. Конечно, я должен был отказаться! Но разве я мог? Демонам ведь не отказывают. А он сам предложил мне...

Это верно. Демоны приходят и берут все, что им понадобится. Не спрашивая и не принимая отказа.

— Тогда не стоит себя винить.

— Винить себя? — Хозяин танцевального зала грустно улыбнулся. — Больше некого. Что бы я ни сделал, отвечать придется мне, а не кому-то другому.

Да, скорее всего. Когда понадобится виноватый, лучше выбора не придумаешь. Хотя и жаль беднягу. По-человечески жаль.

— Вас попросту обманули. Такое случается хотя бы однажды с любым из нас.

Часть 8.6

— Обманули? — на мгновение задумался Леви Лотт. — Да, пожалуй. Но меня никто не заставлял обманываться.

Тон его голоса постепенно креп, только не в самую лучшую сторону: с подобным выражением обычно говорят и чувствуют себя люди, принявшие окончательное решение. Окончательное, главным образом, для своего личного будущего.

— Вас не станут обвинять. Никто из гостей зала в ближайшее время даже не вспомнит о вас, поверьте. У них появился другой, куда более важный повод для размышлений.

— Но когда-нибудь они вспомнят.

— Так уезжайте. Сегодня же. Найдите лодку. Украдите, если понадобится. С веслами сумеете справиться?

— Я должен бежать? — Кажется, он искренне удивился.

— Тот человек, второй, который вешал гирлянды. Он вернется сюда, чтобы узнать, что случилось. И он не будет любезен в расспросах.

— Пусть приходит, — простодушно разрешил Леви Лотт. — Мне все равно нечего ему сказать.

— Боюсь, в это он не поверит. А даже если и поверит... Вы не переживете этот разговор.

— Пусть.

Он наконец-то посмотрел мне прямо в глаза, посмотрел так светло и спокойно, что можно было больше не тратить время и силы на предупреждения. Ввиду полной бессмысленности.

— Хотите умереть?

— Моя жизнь была посвящена служению. Не знаю, поймете ли вы... Ну неважно. Я не вижу себя в другом месте, при других хозяевах. И не вижу себя свободным. Если нить, привязывающая меня к залу, порвется, я не обрету свободу. Это... это больше чувств и всего прочего. Я должен был исправно служить и служил, а потом вдруг невинный поступок обернулся чуть ли не преступлением против всего, что составляет меня с ног до головы. Я предал не своих хозяев. Я предал себя. И... я не чувствую себя живым. Больше не чувствую.

Он был уверен в том, что говорит. Для меня его слова могли звучать как угодно, но достаточно было прислушаться к интонациям, чтобы поверить и принять решение Леви Лотта вместе с ним самим. Безоговорочно.

— Вы умрете, как только он доберется до вас.

— Повторю: мне не страшно умирать, эрте. Я уже мертв. Или умру в самом скором времени.

— Что ж, тогда... Окажете мне услугу напоследок? Вам она ничего не будет стоить.

— А вам?

А для меня это будет подарком. Самым роскошным на свете.

— Так окажете?

— Почему бы и нет? — согласился хозяин танцевального зала.

— Когда тот человек придет к вам... Не знаю, насколько быстро это случится, но случится обязательно. Так вот, он непременно спросит о том, кто убил его товарища. И вы должны указать на меня.

Он попробовал улыбнуться:

— Тоже торопитесь покинуть этот мир?

— Наоборот. Опишите ему мою внешность, скажите, что я остановился в гостевом доме у Западной арки и что... — Ну да, об этом непременно нужно упомянуть, чтобы убийца закусил удила. — Что я пришел сюда вместе с красивой белокурой девушкой, но приглашена на праздник была только она одна. Справитесь?

Леви Лотт понимающе кивнул:

— Хотите устроить ему ловушку?

— Самую надежную из всех.

— Я сделаю все, как вы сказали. Это и в самом деле не будет мне ничего стоить, — улыбнулся хозяин танцевального зала. — Надеюсь, у вас получится то, что вы задумали.

— И у вас, надеюсь, тоже.

* * *

Наверное, более дурацкого пожелания человеку, идущему на смерть, придумать было невозможно, но мой собеседник принял его как должное. Нет, даже как некую особую честь, потому и церемонно поклонился на прощание. Я же раскланиваться не стал, чтобы не терять время зря.

Хозяйка гостевого дома открыла на мой стук сама, и, судя по совершенно свежему и слегка разгоряченному лицу, в эту ночь не то что еще не ложилась спать, но вовсе не собиралась смыкать глаз.

— Старшина Сепп сейчас в городе или на службе?

— Малыш Рино? Должно быть, гуляет. Порт с полудня закрыт, ведь яра-мари — праздник для всех!

— Как скоро вы можете его найти?

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросила женщина.

— Еще нет. Но обязательно случится. И я буду весьма благодарен, если вы передадите старшине Сеппу несколько слов.

— О, разумеется! Я как раз собиралась выйти в город.

— Когда найдете его, скажете: как только станет известно о том, что хозяин танцевального зала, некий Леви Лотт, убит или бесследно пропал, это значит, что на постояльца, которого старшина привел в ваш дом, скоро будет совершено нападение. Или уже совершается. Запомнили?

Она кивнула, правда, чуть неуверенно, и я повторил:

— Когда убийца закончит с Леви Лотом, он придет сюда. За мной. И я не откажусь от чьей-нибудь помощи.

— Сейчас же побегу его искать! — пообещала женщина.

— Не торопитесь слишком сильно, эрте. Время еще есть.

— Все вы обычно так говорите! — пожурила она меня, выпархивая за дверь.

Но времени и вправду оставалось еще достаточно. Если тот бритоголовый не ворвался в зал сразу же, как одержимые бросились врассыпную, значит, он либо осторожнее, либо умнее своих товарищей. Он конечно же выждет, пока все вокруг не стихнет, только тогда прижмет Лотта к стенке в глухом углу. А смертник не станет откровенничать сразу, потому что не собирается жить и не боится умирать. Получив желанный ответ, убийца отправится сюда, чтобы долго ходить около гостевого дома, наблюдая за прохожими, светом в окнах и прочими подобными штуками, помогающими понять, насколько свободен путь к цели. И

только потом, когда сто раз все проверит, бросится в атаку.

А я не буду прятаться.

Темнота и тишина — лучшие собеседники, когда надо поразмышлять о чем-нибудь. О серьезном или пустячном, неважно. А вот когда думать не хочется вовсе, тишина начинает звенеть в ушах почище комариного зуда. Так громко и пронзительно, что почти заглушает звук шагов.

— Я думал, ты уже не вернешься.

Лус молча прошла в комнату и присела на кровать, подобрав юбки.

— Только не говори, что тебя прогнали прочь. Хотя хозяева любят так поступать со слугами, особенно когда сами не в духе.

— Меня не прогоняли.

— А чего же тогда ушел?

Карие глаза сверкнули угольками.

— Похоже, ты не слишком-то рад моему возвращению.

— Просто не вижу в нем смысла. Там, в танцевальном зале, по-моему, и слепому стало бы ясно, что нам больше не по пути.

Демон вздохнул.

— Или ты принял желаемое за действительное? Решил, что обрел нового союзника, вернее, покровителя, и ошибся?

— Я... — Лус оперлась локтями о колени, выгнув спину дугой, хотя в жестком корсете платья это наверняка было неудобно, а может, и болезненно делать. — Я не ошибся. И я нашел того, кого искал. Наконец-то нашел.

Что-то новенькое. Секрет, в который меня не посвящали? Он самый. Только сейчас все это уже не имеет значения.

— Я думал, что случайно оказался здесь, в вашем мире. Думал, что после смерти мне вот так странно повезло... Только в этом я и ошибся. Его высочество кое-что рассказал мне о методах своего отца, и стоило лишь припомнить нашу с ним последнюю беседу, как все окончательно прояснилось.

Своего отца, нашу с ним беседу...

О ком это он говорит? Неужели о...

— Ты беседовал со своим императором?

— Да. За несколько часов до смерти. Он предлагал мне отправиться сюда по доброй воле.

— А ты отказался?

— Не совсем, — чуть виновато признал демон. — Скорее, многозначительно промолчал. Императору ведь не принято говорить «нет».

Это я понимаю. Единственное из всего услышанного.

— Я думал, что смогу улизнуть от службы. Как раньше. Но император не хотел ждать и... принял жесткие меры.

Ага, казнил. Куда уж жестче! Но что же его так торопило?

— Неужели у него не нашлось бы других желающих? Зачем потребовалось убивать? Пусть ты был не самым послушным подданным, но все-таки смерть... Как-то чересчур. Не находишь?

Лус рассеянно качнула головой:

— Это была... не совсем смерть.

— Как так?

— Его высочество немного рассказал мне о «крыльях бабочки». Они... Они вовсе не казнь.

Было видно, что разговор с принцем, пусть и недолгий, привел демона в замешательство. Но, хотя сгорбившаяся фигурка почти вызывала жалость, ободрять, сочувствовать или помогать не хотелось, потому что происходящее касалось уже совсем другого мира. И только его одного.

— А что же они такое?

— Еще один способ путешествия из мира в мир.

— Не слишком ли кровавый?

— Самый быстрый, по словам его высочества. Те, кто нюхают пыльцу, могут годами блуждать меж мирами. Или вовсе потеряться: зависит от того, сколько вдохов сделано и достаточно ли глубоких. Каждому нужны «врата» своей особенной ширины, чтобы проделать весь путь, от начала до конца. А тут... Никаких трудностей. Раз, и готово!

Последние слова он чуть ли не выплюнул. С презрением и болью. Но его расстроенные чувства ничего не объясняли.

— Ты говорил, что ушедших в другой мир не слишком-то любят дома. Считают предателями. Так какого... зачем императору насильно отправлять кого-то сюда? В наказание, что ли?

Лус улыбнулась, если улыбкой можно было назвать гримасу, перекосившую девичье лицо.

— Это высшее доверие. И высшая честь.

— Умереть по прихоти повелителя?

— Отправиться исполнять его личный приказ.

Личный, значит, тайный. И конечно, важный, даже если конечная цель состоит в том, чтобы всего лишь перекинуться парой слов с...

— Ты должен был встретиться со своим принцем?

— Я должен был уговорить его вернуться.

Вот как. Папенька скучает по сыну, а потому не жалеет сил и средств, особенно чужих? Понятная картина. Очень-таки человеческая.

— И как? Уговорил?

Лус ненадолго спрятала лицо в ладонях, но, конечно, вовсе не для того, чтобы всплакнуть.

— Это было самым простым. Тем более и уговаривать не пришлось: ты все сделал за меня, и намного убедительнее.

— Тогда по какому поводу траур?

Демон печально фыркнул:

— Траур — это точно сказано. Ты когда-нибудь оказывался между двух огней?

Я подумал и честно сказал:

— Не припомню. Но даже если и оказывался, то почти сразу же принимал чью-то сторону.

— Значит, тебе не приходилось разрываться на части.

Он произнес это вполголоса, размышляя вслух, а значит, не приглашая продолжить тему. Хотя у меня как раз было бы что ответить.

Это я-то не разрывался на части? Да по твоей же милости, неужели не помнишь? Не тс

что на части, трухой и пеплом летел по сторонам! Но, конечно, своя беда всегда кажется куда сильнее чужой.

— В чем трудность? Ты же выполнил то, что тебе поручили.

— И теперь должен вернуться. — Он произнес это как приговор.

— Куда, в мертвое тело? Кто тебя заставит?

— Новый приказ. И тело... Оно вовсе не мертвое. Как только сознание пересекает границу мира, плоть становится подвластна любой возможной магии, так что там, дома, я все еще жив. И, скорее всего, давно уже здоров. Только лежу в беспомощности, под присмотром лучших императорских магов.

Хм. Похоже на правду. Очень похоже. Да и принц вряд ли стал бы лгать. Зачем? Демон по имени Конран и так не собирался задерживаться в этом мире по собственному желанию. Ушел бы, как только посчитал, что выполнил свою задачу. Он не нуждался в обмане, даже таком сладком, значит...

— Рад за тебя.

Губы Лус дрогнули в новой гримасе-улыбке.

— Неожиданно было слышать об этом. Как-то странно. Проще было думать, что меня казнили за мнимое преступление, чем вот так, во благо императора и отечества... Но да, наверное, здорово, что я все еще жив.

— И вернешься домой победителем.

— Угу.

— Не понимаю. Судя по твоим словам, все просто замечательно, а у тебя, того и гляди, слезы из глаз польются!

— Слезы тут не помогут, — вздохнул демон. — А то давно бы уже рыдал.

— Случилось что-то еще?

— Новый приказ, я же говорил.

Да, точно. Говорил.

— Еще хуже, чем предыдущий?

— Это как посмотреть. Главное... — Лус посмотрела на меня. — Я хочу его выполнить. Понимаешь? Хочу. Тот не хотел, а этот...

— Тогда тем более не понимаю. Что за приказ-то? Или снова будешь секретничать?

— Его высочество вернется домой. Дал слово чести. Как только сможет. Но он не хочет возвращаться в прежнюю жизнь.

— А куда же еще?

— Император... Его высочеству не нравятся многие действия отца. Собственно, и здесь он оказался после очередной «семейной» ссоры. Устал доказывать, что имеет право на собственное мнение. И право на мнение в управлении страной.

— Ну когда-нибудь он сам стал бы императором, нужно было только набраться терпения и подождать.

— Да. Всего лишь подождать.

— В ожидании есть что-то плохое?

— Для тебя нет. Для его высочества... Да и для меня тоже есть. Знаешь, это как костер: он горит, пока в него подбрасываешь дрова. Но так можно в конце концов вырубить весь лес, а потом только и останется, что самому лечь на угли.

Странные рассуждения, особенно для молодого парня.

— Не всякий костер нуждается в такой поддержке.

— Наверное. Тебе, может, виднее. А мой почти уже догорел.

— Скажи прямо, в чем дело. Хватит юлить! Тебе дали приказ. Какой?

Он ответил. Не сразу, конечно, и почти нехотя:

— Его высочество поручил мне подготовить встречу.

И только-то? Какая ерунда!

— И о чем тут переживать?

— О чем, о чем... — Лус выпрямила спину, поднимая страдальческий взгляд к потолку. — Как я смогу это сделать?! Ведь, вернувшись, я все забуду. Через минуту или чуть позже, но в моей памяти не останется ничего. Ничего, понимаешь? А значит, приказ я не выполню.

— Твой принц это знает?

— Должен знать. Так происходит со всеми, кто возвращается.

— Но он все-таки приказал?

— Что ты хочешь этим сказать? — озадаченно переспросил демон.

— Он не стал бы тебя обманывать, верно? Зачем? Решил воодушевить тебя, чтобы поскорее убрать с глаз долой? Испугался, что ты «поможешь» ему вернуться против его воли? Так в этом деле стоит опасаться совсем не тебя. Ему нужно, чтобы ты вернулся. Нужно сообщить о том, что он тоже скоро будет дома. Хватит для такого сообщения нескольких минут, пока ты еще будешь все помнить?

— Должно хватить.

— Не беспокойся, приказ ты выполнишь. Наверняка рядом с твоей постелью при пробуждении будет находиться тот, кто должен получить необходимые сведения. Принц ведь не был совсем уж одиноким там, в своем мире?

Лус кивнула:

— Ходили слухи, что его высочество собирает свой двор.

— Ну вот видишь! Все продумано. Тебе нужно всего лишь шагнуть туда, куда велели.

— Да. Шагнуть. — В словах демона вновь послышалась боль.

Что может быть проще и приятнее, чем выполнить приказ? Какое может быть горе в том, чтобы осуществить действия, просчитанные за тебя от начала и до конца? Разве что...

— Ты хочешь большего.

Белокурая голова качнулась, но за вынужденным согласием все-таки последовало возражение:

— Не такого уж и большего! Я не хочу быть исполнителем, которого выкинут за ненужностью. Разве это много?

Как посмотреть. Тебе участие в продолжении истории кажется заслуженным и закономерным. А твоему повелителю? Кто знает, вдруг у него под рукой столько послушных и преданных слуг, что он легко может ими разбрасываться направо и налево? Принц отвел тебе роль в своем плане. И судя по всему, достаточно важную. А ты желаешь...

Или не желаешь?

— Погоди-ка. Повтори еще раз, чего ты хочешь?

Карие глаза взглянули на меня с недоумением.

— Я не хочу оказаться простым посыльным во всем этом деле.

Да. Вот оно. «Не хочу». Не желание, а его полная противоположность. Казалось бы, какая разница, хотеть стать полноправным участником событий или не хотеть быть выброшенным на обочину? Но это ведь не одно и то же, а значит...

Нельзя допускать такую глупую ошибку.

— А чего ты хочешь?

Лус приоткрыла рот, собираясь ответить, но слова так и не сорвались с ее языка. Вместо того светлые брови напряженно придвинулись друг к другу, будто это могло хоть на сколько-нибудь облегчить возникшие раздумья.

Демон молчал долго. И как бы мне ни хотелось его поторопить, памятуя о том, что третье оторванное Звено Цепи одушевления вот-вот встанет на след, я сидел и ждал, пока нужный ответ будет найден.

— Я хочу быть там, где мои решения и поступки могут изменить мир. Хочу быть там, где сам смогу написать и исполнить свою роль. Я хочу... домой. Но разве мое желание что-то меняет?

И это говорит тот, кто успел стать исполнителем пары-тройки заветных мечтаний?! Как же он до сих пор не понял...

Часть 8.7

— Помни свое желание, когда будешь возвращаться. Повторяй слово в слово, если понадобится. Оно сбудется. Должно сбыться.

— Но зачем? Я ведь все равно вернусь. Только забуду, что случилось со мной в чужом мире.

— А если не захочешь забывать? Если захочешь помнить? Если захочешь оставаться тем, кто ты есть?

Он не мог поверить. По крайней мере, сразу. И я бы не смог. Поверить. Вот если бы приказали, не усомнился бы ни на мгновение в самой сумасбродной и нелепой идее. Но мне проще, я живу, чтобы служить, а этот парень...

— Даже если затея глупая, другого шанса рискнуть все равно не будет. Или попробуешь поверить в то, что твое желание имеет силу, или... Тебя ждет спокойная размеренная жизнь без воспоминаний. Ты ничего не потеряешь. Это даже не выбор. Это... маленький приз от судьбы. Можно его и не брать, если не хочется. А можно оказаться немножечко жадиной и...

— Погнаться за двумя зайцами сразу?

— Они бегут след в след.

Демон снова замолчал. Отвел взгляд, перебирая шнуры плетеного пояска.

Какие мысли пронеслись в эти минуты в белокурой голове? Я мог только гадать. Но просьба, эхом зазвеневшая в разорванной тишине, оказалась не похожа ни на одно из моих предположений.

— Научи меня.

— Чему?

— Желать.

Это можно было счесть оскорблением, если бы демон по имени Конран знал обо мне чуть меньше нынешнего.

— А сам разве не умеешь?

— Я... не знаю. Не пробовал, — виновато улыбнулась Лус. — Дома мне желать было нечего, здесь и подавно.

— Можно подумать, я — великий умелец желать!

— Ты умеешь, — проникновенно-серьезно заявил демон. — Уж в этом я мог убедиться на собственном опыте.

В ту злополучную ночь? Ну да, тогда мне просто-напросто пришлось желать что есть сил. Но ведь это был один-единственный раз, и безвозвратно погибло столько всего, что попробовать снова я бы, наверное, не решился. Да и хотелось ли мне?

Я был должен, и только-то.

Я следовал долгу, который согласился на себя принять.

Меня не волновали собственные чувства, какая-либо выгода или жажда мести. В том решении не было воли, лишь полное подчинение обстоятельствам. Полное растворение в мире, всегда и повсюду текущем по ему одному известному руслу.

Но, может быть, и не стоит барахтаться, стремясь выплыть против течения? Может, нужно, наоборот, подтолкнуть струи своими гребками, чтобы добраться до цели впереди все размывающих волн?

— Не сопротивляйся.

— Мм?... — приподняла брови Лус.

— Помогай происходящему. Если все вокруг складывается именно так, а не иначе, значит, мир все равно сделает то, что задумал. И все твои попытки улизнуть от его воли не помогут. Так ведь и случилось в тот раз, да? Ты пробовал обмануть обстоятельства, но они оказались сильнее. А если бы согласился с ними...

— Это было слишком трудно, — признался демон.

— Верю. Следовать приказам поначалу вообще очень трудно. Особенно если не доверяешь своему командиру. Но сейчас все по-другому. Да, твой принц что-то там велел тебе сделать. Ну и на здоровье! Ты не обязан торопиться. И если захочешь задержаться в этом мире подольше, я позабочусь о том, чтобы никто не вмешивался в твои решения. Есть одно тихое и спокойное местечко, где последнее слово в любом споре остается за мной. И принцу останется только кусать локти, если ты не побежишь исполнять его приказ сейчас же и сломя голову.

— Правда?

— Чистейшая.

— Но тогда... Тогда ведь придется ждать следующих обстоятельств, как ты говоришь? Ну таких, чтобы можно было двигаться вперед вместе с ними.

Я пожал плечами.

— А если они не возникнут? Ведь они могут не возникнуть? — срывающимся голосом предположил демон.

— Всякое бывает.

Лус снова наморщила лоб, задумываясь, а потом решительно подняла подбородок:

— Вот это уже точно слишком рискованно!

— Как знаешь. Я просто хотел сказать, что по меньшей мере половина твоего будущего зависит от тебя одного.

— Половина работы... — переиначил мои слова демон. — Ее же легче сделать, чем целую?

— Конечно.

— Ну тогда... — Лус поднялась на ноги и подошла ко мне. — Не будем медлить, пока обстоятельства не передумали.

А до меня только теперь дошло, что должно случиться дальше.

Ну да, без помощи охотника на демонов другого способа рассоединить человеческое тело и демонический дух не существует. Пиявки были в этом смысле хороши всем, только на выходе давали два трупа вместо...

Вместо одного, которого, похоже, не избежать.

— Она умрет.

— Давай верить в обратное? — предложил демон. — В конце концов, чего она тогда пожелала, помнишь?

О да, эти несколько слов невозможно забыть.

— Она пожелала жить для нас.

— Именно! Жить ради наших желаний. А разве мы хотим ее смерти? Девушка все еще где-то здесь. — Лус положила ладонь на грудь. — Я чувствую. И когда уйду, она просто займет прежнее место. Обещаю, я буду желать и этого тоже. Так сильно, как только смогу!

— Еще сильнее, чем сможешь, — попросил я, покидая кресло.

— Если все получится... Когда все получится, я найду способ прислать тебе весточку.

— Зачем?

— Чтобы сказать спасибо.

— А чем плоха эта самая минута?

Лус улыбнулась, сверкнув угольками глаз:

— Тем, что благодарность окажется заслуженной только наполовину.

* * *

Девичьи черты были настолько мелкими, что моя ладонь легко накрыла большую часть лица, плотно закрывая и рот, и нос. К чести демона, он не терял самообладания до последних мгновений. Только когда воздуха в легких совсем не осталось, тонкая фигурка встрепенулась, потянулась, словно собираясь побороться за жизнь, но в следующее мгновение обмякла, повиснув на моей руке.

Наверное, не надо было позволять ему уходить вот так: легко, быстро, оставляя незавершенным... А собственно почему? Он ведь сделал свое дело. Достиг цели, к которой его вынуждали стремиться. Пыль остальных забот осела на его сапогах лишь по дороге к тому единственному заданию, что тяжким грузом висело на совести.

Он все равно не мог окончательно решить, уничтожать ли человеческие тела своих соотечественников насильно или положиться на то, что демоны смогут поступить разумно и рассудительно. Впрочем, оно и понятно. Все-таки соседи. Знакомые. Почти родственники. Чтобы резать глотки своим, надо иметь привычку. А вернее, раз и навсегда разделить мир на себя и всех остальных.

Пусть уходит. Бож ему в помощь. И Боженка, конечно. Тесный строй плечом к плечу хорош для защиты, нападению же требуется как можно больше простора, и теперь он у меня есть. Так много, что сердце в груди захлебывается...

Я не знал точно, сколько ударов пульса нужно выждать. Для помутнения сознания требовалось немного, но вот для того, чтобы демон смог беспрепятственно покинуть тело... От меня не зависело ничего. Всю работу должен был выполнить тот, кто хотел вернуться домой. И когда, для верности добавив к ожиданию еще одно мгновение, я отнял ладонь от лица девушки, можно было только надеяться, что дело сделано.

Заставить Лус снова дышать оказалось несложно. Она ведь вообще была очень послушной девочкой благодаря стараниям названного отца. Я уложил ее на постель, а сам вернулся в кресло, откуда наблюдать за мерно приподнимающейся и опадающей грудью было несравнимо удобнее, чем с края постели.

Я не хотел спать, наоборот, чувствовал, что каждая пядь моего тела звенит струной нетерпения, но, когда на улице забрезжил рассвет, а из окна пахнуло лавандой, веки вдруг неудержимо потянулись друг к другу.

Чего-то похожего и следовало ожидать, учитывая многообразие и изобретательность рецептов, по которым варились зелья в глубоких подвалах Цепи одушевления. При мне не было ничего из необходимых противоядий, зато имелась свеча, толстая, с жирным фитилем, пламя которой жадно лизнуло мою ладонь, соскользнувшую с подлокотника кресла. Боль ожога вкупе с отвратительным запахом паленых волос прогнала дурман насильственного сна быстрее, чем можно было надеяться, но убийца все-таки успел за эти мгновения пробраться в комнату.

Он стоял возле кровати, чуть склонившись над Лус, все еще дремлющей в беспамятстве. Молодой, бритоголовый, как и его товарищи, только в отличие от них выглядящий чуть

более приспособленным к драке, и последнее обстоятельство меня крайне обрадовало.

— А ты не прост, — заключил пришелец, оценив мою свечную предусмотрительность. — Знаком с нашими уловками?

— Было время изучить.

— Только тебе это не слишком помогло. Вернее, тебе-то помогло, а вот твоей подруге... — Он многозначительным кивком указал на девушку.

Я перевел взгляд в указанном направлении. Снова посмотрел в глаза бритоголовому:

— А разве ей что-то угрожает?

— Хочешь сказать, у меня нет оружия? Зато есть кое-что получше! Узнаешь?

Скрученные стебли, вынутые из-за пазухи? Конечно. Не поручусь, что это те самые пиявки, но вряд ли пришелец явился бы сводить счеты, вооружившись подделкой, а не оригиналом.

— И что с того?

— Видел, как они действуют? Всего лишь минута, и твоя подруга будет годиться только на чучело. Если хочешь, могу подсказать, чем его лучше набить.

Смешно. Правда смешно. Хотя... Либо это оторванное Звено не умеет видеть различия между человеком и одержимым, либо намерения демона по имени Конран провалились. Впрочем, мне-то какая разница? Меня заботит совсем другое.

— Чего скалишься?

А я-то тешил себя надеждой, что улыбаюсь!

— В этой девушке больше нет демона.

Мое заявление смутило бритоголового, отчасти подтвердив первую версию. Но он поступил так, как и собирался. Разве что пожертвовал впечатлением, которое хотел произвести, подольше мучая меня угрозами.

— А вот сейчас посмотрим!

Стебли-пиявки шлепнулись на грудь Лус. Пришелец даже придавил их ладонью. Для надежности.

Это был момент истины, что называется. Момент, определяющий дальнейшие обстоятельства. Обычно такие развилки событий заставляли меня испытывать определенное волнение в предвкушении действий. А еще нетерпение и желание поскорее узнать, верную ли ставку я сделал. Но сегодня все происходило иначе.

Не имело значения, найдут пиявки себе добычу или нет: мы сделали все, что смогли придумать, и старались на совесть, так что, если что-то не получилось, значит, таков Промысел божий. А главное, на сцене больше не оставалось других актеров, кроме меня. Не было других воинов на поле боя.

Один перед миром — это нехорошо. Наверное, даже очень плохо. Но, Боженка меня подери, иногда это так удобно!

Они не двигались. Стебли. Лежали там же, сохраняя форму, которую им придала ладонь бритоголового. Горстка скошенной травы, не более.

— Я же говорил.

Конечно, он не обрадовался. И конечно, вместо того чтобы убежать, пока есть возможность, заявил:

— Не думай, что неудача меня остановит!

— Надеюсь, что нет.

Я никогда не любил убивать. Наверное, потому, что во время обучения наставники

прилагали все усилия, чтобы отвратить будущих сопровождаемых от каких-либо чувств по поводу смерти, и своей и чужой. Вот человек живет, вот он умер — таков мир. И только мир решает, чей путь закончится в срок, а чей до срока. Но наступающее утро вместе с рассветом разжигало во мне прежде ни разу не испытанное желание.

— Очень надеюсь...

Я слишком тяжел, чтобы двигаться быстро. Более того, сделать подобный вывод, глядя на меня, не составило бы труда даже не очень наблюдательному человеку. Вот и бритоголовый конечно же не особенно опасался внезапной атаки, ведь мне нужно было для начала покинуть кресло, а такая задержка давала моему противнику достаточную фору. Правда, преимущество — слишком хрупкая вещь, если не упрочивать его каждое мгновение подряд.

В темноте это выглядело бы куда более пугающим, но стодились и серые сумерки. Важно было проделать все одновременно, и тут я не оплошал: пришелец метнулся в сторону, уходя от широкой дуги, по которой летела горящая свеча, а кресло проехало по полу, перекрывая проход к двери. Теперь между мной и моим противником было расстояние едва ли не большее, чем между самим бритоголовым и окном, а значит, шансы сравнялись.

Шанс спастись и шанс добраться кулаком до лица человека, еще не испугавшегося по-настоящему лишь из-за того, что осознание всегда опаздывает, пытаюсь угнаться за событиями.

— Очень надеюсь, что ты не остановишься.

В подобии драки желанный итог меньше походил бы на убийство, и пришелец должен был понять, к чему я клоню. Правда, понимание пришло бы слишком поздно, чтобы успеть поменять образ действий.

— Это не то, что тебе нужно.

Я стоял к окну вполборота, но, даже если бы пялился в проем, окаймленный подрагивающими от утреннего ветра занавесями, вряд ли уловил бы мгновение, когда вместо троих в комнате оказалось четверо...

Хотелось бы сказать «людей», но разве люди могут возвращаться с того света?

Трехцветные пряди, словно бы стали короче, чем мне помнилось. Рубашка повисла на все еще широких, но заметно подсохших плечах. Вены взбороздили кисти рук и запястья, намекая на то, что их хозяин совсем недавно тяжело потрудился.

Его невозможно было не узнать, последнего охотника на демонов, тем более что казался он именно последним: изможденным, усталым, поизносившимся. Правда, лишь до подбородка, потому что, взглянув на надменно изогнутую складку губ, на полуприкрытые, как будто сонные глаза, на лоб, никогда не знавший морщин раздумий и сомнений, я понял, что мне и в самом деле настоятельно требовалось кого-то убить. Для пробуждения чувств.

Но вовсе не врага, а...

— Тебе-то почему знать?

— Помнишь, я сам предлагал? Одним жарким утром? Тогда ты отказался.

— Сглупил. Надо было соглашаться.

— Ты сетовал, что потерял важную для себя вещь. Помнишь?

— Да, и так пока не нашел. Может, сейчас получится. Если, конечно, мне не станут мешать.

— Мешать не собираюсь. А как насчет помощи? Примешь? Или тоже откажешься?

Бритоголовый, рассудив, что нас с охотником куда больше занимают личные дела, чем

преследование убийцы, начал медленно сдвигаться назад, стараясь обойти моего собеседника с тыла и добраться до оконного проема. А как только до вождя пути спасения осталось примерно два шага, метнулся навстречу рассветному солнцу, взлетел над перилами балкона и...

Рухнул вниз подстреленной птицей.

— Он был слишком неуклюжим, — притворно посетовал Иттан, возвращаясь в комнату уже не в своем обычном, а человеческом ритме.

Я посмотрел на небо над крышами, розовеющее то ли от стыда по событиям прошедшей ночи, то ли от предвкушения новых развлечений, подвинул кресло назад, освобождая входную дверь, поднял обломки потухшей свечи.

— Будешь молчать?

Почему бы и нет? У меня не нашлось слов для прощания над могилой, так откуда им взяться теперь, при встрече, на которую я не мог даже надеяться?

— Дуешься?

Слабо сказано. Конечно, и раньше мой странный приятель обожал всевозможные подставы и весьма жестокие шутки, но в этот раз, пожалуй, он не просто перешел границы, а стер их. До основания.

— Если это тебя утешит, я не был уверен, что выживу.

А еще наконец-то вспомнилось, как меня бесит его вечное всезнание. Пусть по моему лицу легко понять, о чем я думаю, но разве трудно сделать вид, будто ничего не замечаешь? Разве трудно притвориться, хотя бы разок?

— Я никогда не пробовал так делать. Это было опасно.

И безответственно: невнятно попрощаться и тут же разлететься на кусочки, оставляя без ответа сотни вопросов.

— Но это был последний возможный шанс.

— Для кого? Для описавшейся со страха стайки демонов? Какого хрена ты вообще вдруг ринулся их защищать?! Пусть превратились бы в синий кисель, глядишь, хоть на что-то сгодились бы!

— Кстати, о киселе, — щелкнул пальцами Иттан. — Куда ты его дел?

— Выбросил. Вылил в реку.

— Весь? До капельки?

— Почему спрашиваешь? А, думаешь, я оставил себе записку? Даже если так, тебе не верну, не надейся!

— А ты оставил? — Охотник на демонов шагнул в мою сторону, и в следующее мгновение уже смотрел мне прямо в глаза. — Оставил?

Это был обидный вопрос. Оскорбительный. После него следовало бы съездить кулаком по самодовольной роже вопрошающего. И если бы я был хоть немного уверен, что моя рука встретит на своем пути не только воздух, ударил бы непременно.

— Догадайся сам.

Он долго не отрывал взгляд от моего лица, человек, по собственной воле раз за разом превращающий себя в чудовище, мыслящее и действующее по ему одному известным законам и правилам. Напряженно вглядывался, чтобы потом резко отвернуться и вновь оказаться на другом конце комнаты, удовлетворенно заявив:

— Так я и думал.

Словесное снисходительное похлопывание по плечу тоже обжигает кожу. И все, что находится под ней.

— Что ты думал?

Он не ответил, лишь еще надменнее улыбнулся.

Наверное, я никогда не смог бы стать командиром. Правильно, что меня выперли из Сопроводительного крыла, жаль, что слишком долго тянули. Это никогда не было моим: приказывать, а потом ждать исполнения приказа и ставить галочки напротив имен солдат, отмечая справившихся с заданием и оплошавших.

Люди похожи друг на друга своими решениями. Можно успешно предугадать, как поступит тот или иной человек, если попадет в некие известные обстоятельства. Я умею это делать. А если умею я, значит, не такая это большая наука. Но Боженка меня подери...

Даже точно зная, как тот, кто находится рядом, поступит в следующий момент, я ни за что не смогу понять, почему он так поступает!

Катрала. Руаннас. Ганна-Ди. Теперь вот Аллари. Почему случилось то, что случилось? Они ведь могли передумать, могли принять другое решение, пропустить мои слова мимо ушей. Почему же прислушались? Я не приказывал. Не заставлял. Не настаивал. Всего лишь говорил вслух то, что они молча день за днем твердили себе сами.

Главное, я ни мгновения не был уверен в исходе событий. А тот, кто стоял сейчас напротив меня, наоборот, почти сиял уверенностью.

— Что ты думал?

— Что ты самый предсказуемый человек во всем Логарене. И я постараюсь сделать все, что будет в моих силах, лишь бы ты всегда оставался таким.

Еще один длинный шаг, и Иттан со-Логарен уже сидит на балконных перилах, перекинув ноги на уличную сторону, а в неровно постриженной шевелюре становится все больше и больше рыжих прядей.

— Извини, я снова ненадолго сбегу. И так уж припозднился с делами... Но я вернусь, — пообещал он, ухмыляясь во весь рот. — Теперь уж вернусь обязательно!

Я не услышал звука его приземления на мостовую. Отчасти потому, что Натти, как и его разноцветная ипостась, умел двигаться, не производя лишнего шума, а отчасти потому, что как раз в эти минуты тяжелые сапоги по меньшей мере трех человек застучали коваными подметками по лестнице, ведущей на второй этаж гостевого дома.

Хорошо, что кресло уже было убрано из прохода, иначе полетело бы в сторону вместе с дверью, искалеченно повисшей на одной петле. Старшина Рино Сепп, переступивший порог

первым, перевел дыхание, только найдя меня взглядом и убедившись, что я спокойно и уверенно стою на своих ногах.

— Как вы меня напугали своими словами, эрте... До смерти напугали! — сообщил он, оглядывая каждый закуток комнаты. — Вы точно целы?

— И даже невредим.

— Слава Богу! Их было много?

— Всего один.

— Тот, что лежит внизу?

— Да, он. Наверное, услышал вас и предпочел сбежать, пока не поздно.

Я сказал это безо всякого умысла, просто предлагая правдоподобное объяснение случившегося, но старшина охотно принял мои слова на свой счет. В качестве признания заслуг конечно же.

— Я боялся не успеть, эрте. Можно было сразу отправиться сюда, но привести городскую стражу не удалось бы, не случись беда с тем, чье имя вы назвали. Вот тогда уж они поверили!

— Вы все сделали наилучшим образом. И я вам благодарен.

— А уж я-то как вам благодарен! — воскликнул блондин и продолжил, понизив голос до шепота: — Есть шанс, что мое следующее место службы будет вовсе не в порту.

— Поздравляю, — шепотом сказал я.

— Ну еще рано говорить... — зарделся от смущения старшина. — Но все идет к тому. — Он повернулся к стражникам, топчущимся у двери, и махнул рукой. — Здесь закончено! Нападавший был один, и он, благодарение Боженке, сделал нашу работу за нас. — На пороге Рино Сепп обернулся и, кивая в сторону Лус, спросил: — С вашей супругой, надеюсь, тоже все хорошо?

— Да, не беспокойтесь! Она немного устала от ночных гуляний и прилегла вздремнуть.

— Набраться сил на следующую ночь? — подмигнул старшина. — И правильно, праздник еще как следует не разошелся!

— О нет, завтра нас уже не будет в вашем благословенном городе. Дела, знаете ли. Пора двигаться к дому.

— Жаль. Правда жаль. Ну, если будете в наших краях снова, милости просим! И конечно, всегда можете в этом доме остановиться. Безо всякой платы, — еще раз подмигнул мне блондин и снова захохотал подметками по лестнице, только теперь уже спускаясь.

Остаться я и в самом деле не мог. Хотя бы потому, что минутой позже, когда в комнате наступила прежняя тишина, с кровати раздался тихий, но глубокий и протяжный вздох. Такой, каким обычно возвещает о себе пробуждение.

Распахнувшиеся карие глаза уставились в потолок, долго изучали кривизну деревянных балок, а потом Лус, теперь уже она самая, единственная хозяйка собственного тела, заключила, причем, как мне показалось, с искренним удовлетворением:

— Это не мой дом.

Шаг девятый

Где-то...

Я не верю в удачу. Призрачных помощников придумывают себе те, кто не готов добиваться поставленной цели всеми силами, своими и заемными. Не бывает ничего случайного, если твердо следуешь выбранному пути. И даже если пытаешься скользнуть на обочину и затеряться в придорожной траве, тебя все равно вернут обратно. В проложенную волей судьбы колею.

Темнота обступает со всех сторон, сгущается, обволакивает сознание. Вот я еще чувствую прикосновение руки, лишаящей меня моей «чужой» жизни, а вот ощущения пропадают вовсе. Хорошо, что мысли остаются при мне. Хвала Всеединному, кем бы он ни был, богом или все-таки человеком!

Кольцо света не торопится проступить в черноте вечной ночи, и тогда я начинаю первым. Зову. Здесь нет слов, нет звуков, нет ничего, во что можно было бы облечь желание вернуться, но чем горячее и отчаяннее оно становится, тем заметнее светлеет пустота вокруг меня.

Я не могу ждать вечно. Вернее, могу, но... Не хочу. Только главным сейчас является другое. Не то, от чего бегут. Конечно, и оно имеет не меньшую силу, только это копьё бьет не вперед, а назад. Выворачивается из рук, чтобы воткнуться в твою же собственную грудь. Я ведь не хотел служить императору, но разве «не-хотение» уберегло меня от странного путешествия, похожего на сон, и в то же время куда более реального, чем домашняя скука? Теперь точно стоило попробовать действовать наоборот, хотя бы из чувства противоречия.

Попробовать желать всеми силами.

Густые сумерки тают, наполняясь мерцанием. Так мог бы дрожать утренний воздух, провожая рассеивающийся туман, но здесь нет ни того ни другого. И все же свет прибывает.

Я жду приближения невыносимо яркого кольца, тороплю его, ругаю, как только могу, словно суровая отповедь способна заставить шевелиться то, что вряд ли понимает слова и мысли. А чувства...

Все мои чувства собраны воедино. В тугой комок, норовящий выскользнуть из несуществующих пальцев. Нет времени размениваться по мелочам. Сейчас или никогда!

Вспышка, накрывающая мое сознание, ослепительно-бела. Как снег, по которому совсем недавно, а может быть, вечность назад мы с Герто шли к очередной компании беспечных бездельников, вознамерившихся позабавиться с диковинной бабочкой.

Снег...

Это и вправду он. Снег на ветвях деревьев. Там, за высоким окном.

— Просыпается!

Наверное, кто-то, неизвестный мне, кричит, но в мои уши слово, отмеченное тревогой и удовлетворением одновременно, втекает, булькая, как будто проходит не сквозь воздух, а через толщу воды.

— Он в сознании?

Я узнаю этот голос. И впервые с тех пор, как когда-то услышал его, не чувствую трепета. Привычка, призывающая к покорности, еще остается где-то там, внутри меня, я знаю, только почему-то молчит, скромно стоя в темном углу.

— Он может говорить?

Надо мной склоняются. Несколько лиц вливаются в поле моего зрения, дрожа, сливаясь очертаниями, заслоняя друг друга. Нет, так не пойдет. Так я ничего не увижу.

— Я... Мне надо подняться...

Мой собственный голос звучит тихо, не оставляя эха даже внутри родной головы, но его слышат. И выполняют высказанное пожелание сразу же, подхватывая меня под мышки, таща вверх и прислоняя к подушкам, наспех сложенным горкой.

Вот так-то лучше. Теперь все, кто находится в комнате, передо мной как на ладони.

Император, куда же без него. Человек, очень похожий на дознавателя, провожавшего меня за границу мира. Юноша в черно-белой лекарской мантии, бесстрастно, но внимательно прислушивающийся к биению моего пульса. И кто-то еще, совершенно незнакомый, но, пожалуй, вглядывающийся в мое лицо с не меньшим напряжением, чем владыка Дайи.

— Сколько у нас есть времени?

— Пара минут, — предполагает лекарь, явно призванный из «выдыхов». — У всех по-разному, но меньше не бывает.

— Ты нашел его? — Одно из лиц вновь приближается, оказываясь со мной почти нос к носу. — Ты видел его?

— Да, ваше величество.

Я произношу слова, с детства внушавшие почтение, и еле сдерживаю улыбку. Понять страсть отца, потерявшего родного сына, нетрудно. Но разве этот ребенок единственный у императора? Ведь мы все его дети. Все без исключения. Вот только теперь на одного послушного точно стало меньше.

— Ты говорил с ним?

Его дыхание едва не заставляет меня задохнуться, но я не отшатываюсь, хотя подушки позволяют это сделать.

— Да.

— И он...

Выдерживаю паузу, но не столько для того, чтобы хоть чуточку больше заставить императора страдать, сколько для сбора воедино всего внимания, которое имеется в моем распоряжении. Люди, находящиеся в этой комнате, разумеется, доверенные лица, допущенные к строжайшим тайнам государства и государя. Но кто-то из них должен играть еще и в свою игру, а не только в общую.

— Он вернется. В скором времени.

Растягиваю слова, будто бы рассеянно переводя взгляд с одного лица на другое, жду необходимых мне знаков и... Получаю их с лихвой.

Никто не остается равнодушным, даже «выдох»: его пальцы стискивают мое запястье сильнее, чем это необходимо, и тут же хватка снова ослабевает. Дознаватель чуть сдвигает брови, слыша доставленное мной сообщение, и, судя по короткому шевелению губ, не приходит в восторг от новости. А вот тот третий, совсем незнакомый, явно рад: его взгляд вспыхивает ярче свечных огоньков, но, конечно, сразу же поспешно прячется за сощуренными веками.

Кажется, первые цели намечены. Теперь надо набраться сил и...

Комната вдруг начинает кружиться как заведенная, и я соскальзываю с подушек. На постель. Носом в покрывала.

— Ему нужно отдохнуть, — равнодушно заключает лекарь.

Наверное, он прав, потому что какое-то время я не чувствую рук и ног. Совсем. И вообще ничего не чувствую, кроме страха. Нет, даже ужаса, ведь две минуты прошли, а это значит...

Что я помню?

Нет, что я еще могу помнить?

«Половина твоего будущего зависит от тебя одного».

А другая? От кого зависит она? От кого-то свыше? Но он ведь сам сказал мне, что Всеединый вовсе не бог, а человек, некогда открывший дверь в другой мир, только не успевший выдернуть ключ из замка. Что он имел в виду? Свои любимые обстоятельства, каждый раз складывающиеся причудливым образом?

Он...

Ханнер Мори со-Веента. Сонная гладь моря, способная в любой миг взорваться смертоносной бурей. Я помню его. То, как он говорит, как редко улыбается, как часто задумывается, как меняется его лицо, словно надевая маску, когда этого требуют... Ну да, обстоятельства!

Я помню.

И я буду помнить.

Восторг, взорвавшийся где-то внутри меня, больно ударяется об ребра, словно ища выход, но выхода нет, и ему не остается ничего другого, как копиться в грудной клетке, надуваясь рыбьим пузырем, пока...

Пока воздуха во мне не становится намного больше, чем снаружи. Иначе чем можно объяснить то, что я парю над кроватью, отталкиваясь ладонями от пустоты?

— С прибытием!

Женский голос, раздающийся от дверей, смущает меня и сталкивает с высоты обратно. На пол, которого я, впрочем, так и не успеваю коснуться, поскольку нежные объятия Каны ловят меня на полпути к лакированному паркету.

Она не произносит больше ни слова, но кажется, что я продолжаю... Слышать? Слушать?

Что-то звенит в моем сознании. Не в глубине, а на самой поверхности, почти снаружи, касаясь невесомо, как ветерок. Голоса. Много голосов. Они похожи друг на друга, и все-таки их можно уверенно различать, потому что за каждым тянется образ. Лицо. Манера поворачивать голову. Осанка. Движение пальцев.

Сотни приветствий. Искренних? О нет, я не настолько легковверен!

— Ты слышишь? — спрашивает Кана, обнимая меня.

— Да...

— Поначалу ты будешь путаться, но это скоро пройдет, поверь. Семья ждет тебя.

Вот как это называется? Незримая связь с каждым из «выдыхов», однажды открывших глаза. Нерушимая связь?

— Они... они всегда будут со мной?

— Конечно, всегда.

Она улыбается, но ее взгляд остается отрешенным, как будто и сама Кана все это время прислушивается к...

Ну да. Теперь понятно, почему Либбет уделяет так мало внимания окружающему миру: у нее в голове вечно звучит другой. Неужели и я стану таким? Неужели и мне придется непрестанно внимать тысячам чужих голосов?

— Они никогда тебя не оставят.

Глаза Каны затуманиваются еще больше, видно, многосторонняя беседа набирает силу.

Я могу присоединиться к ней, знаю и чувствую, что могу, но... Не хочу?

Нет, надо обязательно сказать иначе: я хочу побыть без надзора.

И как только желание вспыхивает в моем сознании, наступает благословенная тишина.

— Я могу уйти отсюда?

Она отвечает не сразу, ведь ей требуется время стряхнуть с себя невидимую паутину собеседников.

— Конечно. Предупредить об этом?

— Кого?

— Тех, кто не с нами.

Непривычно звучит. И не слишком-то приятно.

— Да, пожалуйста.

Кана кивает, ослабляя объятия, бережно ставит меня на пол, и только теперь я понимаю, что все это время мы парили в воздухе.

— Будь осторожен с новыми силами. Люди... они так хрупки. Но это не их вина.

Люди? А вы-то кто такие? Мните себя выше прочих лишь потому, что правдами и неправдами, а главное, огромными жертвами нашли способ дотянуться до могущества? Почему же я раньше не замечал в «выдыхах» этого снисходительного великодушия?

Потому, что не видел угрозы.

Я считал их несчастными, лишенными желаний и потерявшими вкус к жизни, а они, оказывается, живут вполне припеваючи! И с высокого высока смотрят на всех остальных.

Я ошибался. Впрочем, мою наивность можно простить, но ошибся-то не я один.

Лекарь встречает меня в коридоре:

— Уже уходите?

— Хочу посмотреть на свой дом.

— В последний раз?

Он не шутит, не ехидничает, а всего лишь скучно предлагает мне объяснение моих же действий. И я не спорю:

— Пожалуй.

— Не стоит. Сестра Либбет уже закрыла его двери.

Сестра? А, ну да, они же все — одна большая семья!

— Тогда куда мне идти?

— Есть много мест, где вас будут рады видеть отныне и навсегда. Но сначала требуется завершить оставшиеся дела.

— А что-то осталось?

— Вас ждет эсса Имарр. Она наверняка спросит, хотите ли вы остаться в Крыле. Вольнонаемным служителем, разумеется.

— А я хочу?

— Есть много других мест, — повторяет лекарь, кладя ладони мне на плечи.

— Да, есть много других мест, — соглашаюсь я.

— Они ждут вас. Все мы ждем еще одного шага к великой цели.

— К великой цели?

— Первых из нас отправили в чужой мир против нашей воли. Но те, кто вернулся, старались уже не допускать насилия. Мы не держим зла на людей. Мы дарим им исполнение

мечты. И не принуждаем к возвращению: каждый волен выбирать свою дорогу.

«Дарим исполнение мечты»?! Уж не в закрытых ли поселениях «выдохов» выращиваются разноцветные коконы?

— А нам выбор уже не нужен. Потому что у нас есть цель.

— У нас есть цель... — Я повторяю его слова только для того, чтобы выровнять дыхание.

Может, это все мне только снится? Может, я сейчас открою глаза и снова почувствую под пальцами женское тело?

— Скажете, как только будете готовы. Вам укажут путь.

Киваю. Мы расходимся, и я молюсь изо всех сил, чтобы этот голос подольше не раздавался в моей голове.

Эсса Имарр стоит у окна своего кабинета, глядя на зимний наряд города. При звуке шагов она оборачивается, встречает меня долгим взглядом и наконец предлагает:

— Присядете?

— Нет, благодарю вас.

— Чувствуете себя лучше?

— Пожалуй.

Ее великолепные ноги все так же стройны и гладки, но сейчас края голенищ изящных сапог прячутся под длинными полами форменного камзола.

— Я должна задать вам вопрос.

— Слушаю.

Имарр смотрит на меня так, как никогда не смотрела раньше. Словно пытается что-то найти в моем лице, а когда ее усилия оказываются тщетными, оливковый взгляд гаснет. Уныло и немножко разочарованно.

— После своего... возвращения желаете ли вы продолжить прежнюю службу?

— Возможно.

Светлые брови удивленно приподнимаются.

— Возможно?

— Не исключаю, что это будет уместно. Но не теперь. Мне нужно... Есть дела, которые требуют моего участия.

— Разумеется, — кивает Имарр. — Но вы можете в любой момент...

— Я запомню ваше предложение.

Ее глаза чуть удивленно расширяются, впрочем, она тут же списывает мои слова на обычную вежливость и снова поворачивается к окну.

— Доброй дороги, эсса.

— До встречи, эсса.

Больше всего сейчас мне хочется подойти к ней поближе, сказать, что я обязательно вернусь, может быть, скорее, чем можно предположить, и вернусь уж точно истомленный желаньями, которые, к счастью, никуда не делись.

Хочется.

Но игра, начавшаяся сразу же после моего пробуждения, если еще не до того, как я в последний раз закрыл глаза в чужом мире, требует соблюдения правил. Хотя бы поначалу.

Трактир, который должен бы быть закрыт и опечатан давным-давно, приветливо распахивает свои двери. Я сажусь за тот самый стол, касаюсь губами того самого эля. Ну, может, не точно того же, но не менее вкусного. И даже за одно это, за то, что вкусы тоже остались при мне, стоило бы вознести хвалу Всеединому.

— Празднуешь возвращение или оплакиваешь?

Герто по своему обыкновению бесстрастен и бесцеремонен, усаживаясь на лавку

напротив.

— А есть чему радоваться или о чем плакать?

— Тебе виднее.

Он получает свою кружку эля и надолго припадает к ней, как будто утоляет жажду, копившуюся не один год.

— Ничего не изменилось.

— А ты сам? Неужели не научился новым фокусам?

Я не могу понять, спрашивает он всерьез или шутит, поэтому небрежно роняю:

— Всеединый вовсе не бог.

— Я знаю, — все так же спокойно сообщает Герто.

— Тогда почему...

Он заглядывает мне в глаза, глубоко-глубоко, намного глубже, чем это делала Имарр, и, похоже, находит то, что искал, потому что облегченно выдыхает и устало опирается локтями о стол.

— И все же я молился ему, чтобы у тебя получилось.

— Что получилось?

Вместо ответов и объяснений Герто отводит мизинец в сторону, словно предлагая моему взгляду последовать туда же, и я вижу крохотный пылевой вихрь, крутящий кольца на полу. В самом тихом уголке трактирного зала, там, где нет и не может быть даже намека на сквозняк. А как только начинаю приглядываться внимательнее, ураганчик рисует в воздухе улыбающуюся рожицу и мгновенно оседает на струганные доски прежним недвижимым мусором.

Наверное, надо задать кучу вопросов. Или хотя бы один, для начала. Но я всего лишь подношу кружку к губам. Герто поступает точно так же, и мы оба знаем, что прячем улыбки.

Не друг от друга конечно же. Только и исключительно от врагов.

Я не знаю, сколько их будет, уверен лишь, что они найдутся обязательно. И еще я уверен как никогда в жизни, что скучать мне больше уже не придется.

По крайней мере, в ближайшую вечность!

Здесь...

Когда почти опального чиновника вызывают к высшему лицу Дарствия дважды за один месяц, это должно не просто наводить на размышления, а настораживать. Вот и Керр Кронсо-Логарен, подходя к залу, где щели между плитами пола перекладывают шелковыми шнурами, чувствовал себя неудобно. Нет, разумеется, настоящей тревоги не было: с оступившимися слугами Дарохранитель, а вернее, его доверенные стражи сводили счета быстро и без малейшего шума. Куда больше золотозвенника беспокоило то, что он вынесет, выходя обратно. В прошлый раз вопросов и ответов оказалось примерно поровну, хотя составить из них пары удалось лишь частично. Сегодняшняя же встреча...

Керр невольно вознес мольбу Богу, а заодно и Боженке, так, на всякий случай, и шагнул в услужливо распахнувшиеся двери.

Лишних людей в зале не было. Ни дремлющего кователя Цепей, ни охраны. В присутствии первого, для острастки, явно уже не нуждались, а за сохранность своей жизни Дарохранитель, как видно, не слишком переживал. Скорее всего, сказывался юный возраст, бравший свое, но золотозвеннику хотелось верить, что причина иная. В самом деле, возможно ли стоять во главе огромной страны, если не доверяешь даже самым преданным

слугам?

Длинный стол был, что называется, завален бумагами. Смятые и вновь разглаженные листки покрывали лакированное дерево почти беспросветным слоем. Исключение составлял лишь кусок столешницы под локтями серьезного молодого человека: даже громоздкая чернильница была завалена бумагами по самое горлышко. Пол у ножек кресла был усеян отслужившими гусиными перьями, свидетельствовавшими о долгой и напряженной работе, от которой, судя по всему, невозможно было оторваться, поскольку ни стук захлопнувшихся за спиной золотозвенника дверных створок, ни звук шагов не заставили Дарохранителя Логарена поднять взгляд от своих записей.

Впрочем, он все же не настолько был погружен в писанину, потому что махнул свободной от пера рукой, когда Керр остановился на середине пути от дверей к письменному столу:

— Идите, идите сюда!

Он еще несколько минут пачкал чернилами бумагу, этот молодой человек, одетый в костюм, словно снятый с плеча прадеда, потом бросил очередное отслужившее перо себе под ноги и сцепил пальцы в замок над головой, блаженно потягиваясь.

— Вы хотели меня видеть, эрте?

— Ну разумеется. Иначе не позвал бы. Хотя... — Дарохранитель окинул взглядом горки, горушки и горы своих трудов. — Можно было обойтись и без этого. Но я действительно хотел вас увидеть.

Бывалый придворный тут же рассыпался бы в льстивых благодарностях. У Керра богатого опыта общения с вышестоящими чинами не имелось: сам давным-давно поднялся на недостижимую для многих вершину, поэтому золотозвенник предпочел промолчать, изобразив на лице внимательное ожидание.

— События, в которых вы принимали участие и устройтеlem которых стали, заставляют задуматься.

— Я действовал во благо...

— Да-да, — оборвал попытку оправдания молодой человек. — Это мы уже выяснили и не будем возвращаться в прошлое. Некогда это делать. Да, некогда.

Он умолк почти на минуту, но наступившая тишина не заставила Керра беспокоиться: по лицу Дарохранителя было понятно, что он думает о чем-то вовсе не связанном со своим собеседником.

— Причины могут быть разные, — наконец продолжил Дарохранитель. — Кто-то где-то недоглядел, поленился, дал слабину, захотел удовлетворить собственные нужды... Мы не сможем найти то звено, которое сгнило первым. И не будем искать. — Он выудил из-под бумаг серебряную загогулину, похожую на пряжку для плаща. — Если металл рано или поздно рассыпается трухой, следует ли ждать непреклонности и твердости от людей, чей век во много раз короче?

— Ну сколько-то ударов человек может выдержать не хуже стали.

— А если ударят еще раз? Сломается?

Керр кивнул:

— Да. Поэтому хороший командир всегда знает, когда вахтенных пора менять.

— И когда ему пора сменяться самому...

Бесстрастное бормотание прозвучало так тихо, что золотозвенник решил: послышалось. По крайней мере, ему очень хотелось в это верить.

— Смена. Да, это именно то, что необходимо! — Молодой человек хлопнул ладонями по подлокотникам. — Но менять нужно не только людей. Правила и законы тоже должны меняться.

Керр собрался было возразить, напомнить, что далеко не все следует выбрасывать прочь за ненадобностью, но вовремя понял: к обсуждению его не приглашали. И как только эта мысль добралась до сознания окончательно, золотозвенник пожалел, что во всем зале имелось только одно место для сидения.

— Не сразу. Разумеется, не сразу, иначе это вызовет ненужные волнения. Постепенно. День за днем, маленькими шажочками. Главное, не отступить назад. Там, позади, есть много хорошего, но есть и много такого, что не должно вернуться. Ни при каких условиях!

Это была напутственная речь. Почему она звучала именно для него, Керр не мог предположить. И даже не пытался. В любом случае, все, что он имел право сказать в ответ, это «как прикажете», а потом отправиться выполнять. Со всем возможным старанием.

И как ни странно, он чувствовал, что поступить так будет единственно правильным. Только так. Время споров прошло, уступив место времени действий.

— Я не старался заглянуть в будущее. Это неблагоприятное занятие, пусть уж все идет своим чередом. — Дарохранитель начал складывать разрозненные листки в кипу. — Я изложил свои впечатления о прошлом. О тех изменениях, что происходили когда-то давно и в последние годы. Вряд ли их будет достаточно, чтобы ясно увидеть, куда двигаться дальше, но как отправная точка они, смею надеяться, довольно хороши.

— Вы... вы уходите? — наконец решился спросить Керр.

— Я? — смешливо вскинул брови молодой человек. — Ну не так быстро, как вам, наверное, этого хочется! Просто в ближайшее время... годы, возможно, я буду немного занят не совсем дарственными делами. И мне нужен кто-то, чтобы взять часть работы на себя. Как думаете, я смогу найти такого человека?

— Несомненно.

— И мне даже не придется ходить далеко?

Золотозвенник никогда не понимал причин подобной игры. Казалось бы, чего проще: прикажи, и все. Особенно если уверен, что твой приказ будет исправно выполнен. Но нет же, надо намекать, подводить к согласию, вынуждать сказать «да» прежде, чем на тебя укажут.

— Молчите. В самом деле, не надо ничего говорить, все и так уже написано на вашем лице. Каюсь, заигрался. Немножко. Но мне простительно. Вы ведь простите? — Он поднялся с кресла, взял кипу бумаги в охапку и торжественно вручил ее Керру. — Сообщите итоги своих размышлений, как только будете готовы. Но не старайтесь делать выводы по частям, прочтите сначала все, прошу вас. А потом позвольте прочитанному улечься в голове. Вы ведь сможете не торопиться?

— Но и медлить, похоже, особо не получится, — заметил золотозвенник, оценивая высоту стопки бумаг в своих руках.

— Ну это уже на ваше усмотрение, — улыбнулся Дарохранитель, возвращаясь за письменный стол.

— Вы сказали, что будете заняты...

— Да. И? — Он поднял на Керра вопросительный взгляд.

— Ваши дела. Они...

— Любопытствуете? — догадался молодой человек.

— Мм... да.

Конечно, подобное заявление выглядело наглостью с его стороны, но, получив знак небывалого доверия, золотозвенник почувствовал себя не столько возвысившимся, сколько ответственным. В том числе и за любое намерение своего повелителя, неважно, дарственное или нет.

И Дарохранитель это понял, потому что легко и охотно ответил:

— Я собираюсь позаботиться о наследнике.

Вот теперь Керр смутился по-настоящему. Хотя может ли быть что-то более естественное, чем стремление продлить собственный род?

— Позвольте пожелать вам удачи?

— Не откажусь. Правда, не знаю, нужна ли она в таком деле.

— Удача нужна всегда.

Дарохранитель рассеянно сдвинул брови, потом перевел взгляд на бумаги в руках золотозвенника и усмехнулся:

— Пожалуй. Всегда и всем. Идите уже... Пока вы здесь, время одно для нас обоих, а наши дела требуют по меньшей мере вдвое больше!

С этим трудно было спорить. Особенно если учесть, что спор как раз истратил бы имеющиеся в запасе минуты. Да, небольшую часть, но все же...

Строчек на бумажных листках виднелось много, и не каждая выглядела разборчиво. Керр тяжело вздохнул, взгромоздил ношу на свой письменный стол, еще раз оценил размеры предстоящей работы и подумал, что неплохо бы разбить поблизости полевую кухню. А еще поставить походную кровать. Прямо в кабинете.

И сейчас...

— Повсюду столько зелени! Кажется, у меня начинают болеть глаза.

— Тогда постарайся открывать их не слишком широко.

— И голова кружится. Но если я закрою глаза, как тогда смогу рассмотреть все это?

Лус взмахнула обеими руками, словно стараясь обнять изумрудные просторы. Те, что виднелись в просветах изгороди, успевшей изрядно подрасти, пока меня не было дома.

Дома?

Детство уверяло в том, что «дом» можно впитать только с молоком матери. Юность и вовсе лишила привязанностей, расширив границы территории, которую мне полагалось защищать. Потом все снова перевернулось с ног на голову, и мир сомкнулся вокруг меня во второй раз. Конечно, не так тесно и туго, как в минуты моего рождения: Блаженный Дол при первом же внимательном взгляде оказался вовсе не крохотным глухим углом, где ничего и никогда не случается. Месяц назад пределы снова исчезли, вот только... Свободы не прибавилось.

Неважно, за что приходится быть ответственным, за судьбу одного человека или за целый мир. Когда наступает время решать, решение принимаешь все то же самое. Во благо. Исключительно во благо, как учат мудрецы. Правда, они почему-то всегда забывают добавить, что имеют в виду личное благо того, кто делает выбор.

Наверное, это правильно. Разве возможно заглянуть в голову каждому и понять, что будет хорошим именно для него? Не стоит и пытаться. Ведь даже «плохое» не для всех выглядит одинаково.

Передо мной лежали любые дороги мира. Ключи от всех дверей были у меня в руках, оставалось только подойти поближе к замочной скважине...

Было ли страхом то чувство, что остановило меня на перекрестке? Возможно. Но лишь наполовину. Ту половину, которая еще в детстве замирала то ли от ужаса, то ли от восторга на верхней площадке высокой городской башни при взгляде вниз, когда казалось, что видишь весь мир сразу и у своих ног. А вот вторая половина, заявившая о себе намного позже, на излете моей юности, всего лишь скучно шепнула: «Что, если за тобой в дверь могущества проскользнет кто-то еще?»

В такие мгновения я всегда остро и отчаянно хотел стать таким же беспечным, как все вокруг. Не задумываться о последствиях, не входить в обстоятельства, а просто сделать первое, что заблагорассудится. Какую-нибудь ерунду. Или глупость. Или сумасбродство. Дать волю желаниям, как говорится, тем, о которых обычно даже не подозреваешь. Но на то они и мгновения, чтобы заканчиваться раньше, чем начались: успеть за ними способен только кто-то настолько же стремительный и телом и духом.

— Еще успеешь.

Лус вопросительно хлопнула ресницами, и я пояснил:

— Насмотришься. Торопиться некуда.

На лице девушки отразилось недоумение. А может, растерянность.

— Тебя что-то смущает?

— Здесь очень красиво. Очень, — с нажимом повторила Лус. — Но это же не мой дом?

— Станет твоим, если захочешь.

Моя спутница, и до того не слишком быстро шагавшая по цветной каменной дорожке, окончательно остановилась.

— Что-то случилось?

— Вы сказали... Я смогу здесь остаться?

— Думаю, это можно устроить.

— Здесь, среди цветов и зелени?

— Зимой будет снег. Много снега, как говорят.

— Снег... — Лус сначала мечтательно зажмурилась, а потом спросила: — А что это такое?

— Увидишь. Если, конечно, согласишься ос...

Она прильнула ко мне, крепко-крепко прижалась к груди и прошептала куда-то в подмышку:

— Спасибо!

Уместным было ли выражение благодарности подобным образом или нет, я не успел даже предположить, потому что в следующее мгновение из-за моего правого плеча прозвучала фраза, своим тоном больше всего походившая на обвинение:

— Вы вернулись раньше, чем обещали.

А потом к ней добавился приговор:

— И вернулись не с пустыми руками.

Следовало ожидать, что завсегдатаи граничной заставы не будут хранить молчание относительно моего приезда и не обойдут сплетнями такую подробность, как девушка, явившаяся в Блаженный Дол рука об руку со Смотрителем. И все же прием оказался чересчур холоден. Настолько, что оборачиваться не очень-то и хотелось. Впрочем, какой бы суровой ни казалась сейчас хозяйка здешних мест, и безопаснее, и гораздо приятнее разговаривать с ней было все же лицом к лицу.

Я полагал, что Нери проявит чуть больше радушия, ну или лицемерия, встречая незнакомку, но лисичка почему-то не стала тратить силы на притворство, разом забыв о всех правилах приличия. Особенно угрожающе выглядели скрещенные на груди руки и слегка опущенный подбородок.

— И я рад приветствовать вас, эрте.

Мои слова остались без внимания: зеленый взгляд, сияющий то ли огнем недовольства, то ли льдом раздражения, устремился к Лус, чуть испуганно отпрянувшей в сторону и теперь спрятавшейся за моей спиной.

— Вы представите нас друг другу?

Ну да, конечно. Самый надежный способ избежать расспросов о своих делах — это приволочь с собой нечто, представляющее либо интерес, либо угрозу для всех вокруг. Вот только чего больше в беспокойстве лисички?

— Лус Кавалено со-Катрала, женщина, которую ты видишь перед собой, управляет здешними землями. Ее зовут Нери.

Я не нарочно обошелся одним лишь именем: просто не знал всех регалий и титулов хозяйки Блаженного Дола. Но прозвучало дерзко. Даже вызывающе. И ответный выпад не заставил себя ждать:

— А хозяйка, хоть и рада добрым гостям, для начала должна убедиться в их доброте.

— Побудь здесь, милая, — велел я Лус, а сам взял лисичку под руку и протащил за собой с десятков шагов.

— Милая? — ехидным шепотом переспросила Нери, впрочем не стараясь освободиться от моей хватки.

— И весьма. По крайней мере, она явно не заслуживает резкости, с которой ее встретили.

— И почему же? — Светло-зеленые глаза немигающе уставились на меня.

— Эта девушка...

Что можно было сказать? Надавить на жалость? Попытаться расписать во всех подробностях несчастную судьбу Лус? Наверное, это дало бы приемлемый результат. Заодно отдалило бы рассказ о главной причине происходящего. Дало бы немного времени на...

А зачем, собственно? Чего мне ждать? Лучшей погоды? Так и нынешняя достаточно

хороша для откровенности.

— Я обязан ей жизнью.

Взгляд Нери мигнул, потеряв прежнюю ясность.

— Ваша жизнь была в опасности?

И не однажды. Только не думаю, что у меня когда-нибудь появится настроение перечислить лисичке хотя бы вкратце все свои приключения.

— Сейчас это уже не имеет значения. Важно, что Лус помогла мне уцелеть там, где я оказался бессилён защитить себя сам.

Зелень глаз помутнела ещё заметнее.

— Если вы так говорите...

— Так оно и есть.

Нери неловко потянула руку к себе, и я разжал пальцы.

— Это достойный поступок.

— И она очень достойная девушка.

— Она... останется с вами?

— Останется в Блаженном Доле. Если вы разрешите.

— Зачем нужно мое разрешение? У вас здесь власти не меньше.

— Затем, что если Лус останется здесь, то не как гостя. Как подданная, если хотите. У нее нет семьи, нет дома, и я надеялся, что дольинцы примут ее... И что вы примете. Но я не стану спорить, если услышу отказ.

На последнем слове мне показалось, что щеки лисички вспыхнули. А может, виной всему был ветер, разметавший вдруг ветки деревьев, нависших над дорожкой, и устроивший чехарду теней и бликов света на лице Нери.

— Не станете спорить? — шепнула хозяйка Блаженного Дола.

— Я никогда не спорю с женщинами.

А теперь лисичка будто бы побледнела. И поспешно отвела взгляд.

— Она может остаться. Конечно, может. В вашем доме ей вряд ли будет удобно, так что...

— Я думал попросить Ньяну о гостеприимстве. И о том, чтобы чуточку присматривать за Лус, пока та научится жить, как принято в здешних краях.

— Я тоже могу помочь. Если пожелаете.

— Не смею возлагать на ваши плечи еще одну ношу. Тем более не слишком приятную, насколько я мог заметить.

— Я должна быть, по крайней мере, благодарна тому, кто вернул Блаженному Долу его Смотрителя, — отчеканила Нери с вернувшейся в голос холодностью.

Что ж, на первое время и это неплохо. Потом, глядишь, еще и подругами станут. Лисичка явно насыдет с расспросами, не сейчас, так позже, а пока будет слушать всю историю из первых уст...

Лус невесомо тронула меня за рукав:

— Голова снова кружится. И... не сглотнуть.

— Тебя тошнит?

Она не ответила, но заметно посеревшее лицо говорило само за себя.

— Я отведу тебя к лекарю.

— Я покажу, как пройти быстрее. — Нери подобрала подол, шагнула с дорожки и скользнула в просвет изгороди.

Я подхватил Лус на руки, следуя за лисичкой. Путь и в самом деле оказался коротким: южанку не успело укачать настолько, чтобы испачкать мою одежду. Правда, как только я поставил свою ношу на землю, признаки недомогания проявились во всей красе. Прямо перед Элсой, как будто нарочно вышедшей нас встречать. Впрочем, лекарицу вряд ли можно было хоть чем-то удивить или обескуражить: она лишь ласково обняла распрямившуюся Лус за плечи.

— Что с тобой стряслось, девочка?

— Ей нездоровится.

— У нее нет своего языка? — сурово посмотрела на меня Элса.

— Если позволите, объясню. Вам нужно это знать.

Лус не прислушивалась к разговору в силу того, что ее сейчас заботил беспокойный желудок, а вот от любопытных ушей Нери пришлось уйти в дом. Слава Богу, лекарица поняла мой намек с полуслова и попросила лисичку приглядеть за порядком на дворе.

— И что же я должна знать? — спросила Элса, прикрывая дверь за моей спиной.

— Девушке нездоровится уже давно. Тошнота случается довольно часто. Я думал, что она появилась из-за путешествия по реке, но тогда сейчас все должно было быть уже в порядке, и значит...

Лекарица не стала ждать, пока я решусь признать очевидное.

— У нее была близость с мужчиной?

— Да.

— Однократная?

— Не уверен.

Взгляд Элсы стал не просто суровым, а укоризненным.

— Страдаете провалами в памяти?

— Какими провалами? Я не знаю, сколько раз ее изнасиловали.

— Изна... Ох, — только и выдохнула женщина, а потом присела на лавку. — Я-то подумала, что это ваша... Не хотелось бы расспрашивать бедняжку, ей ведь и без того несладко.

— Расспрашивать нет смысла. Она не помнит ничего о тех днях.

— Была без сознания?

— Можно и так сказать. Ее тело занимал демон.

Элса приоткрыла рот, но тут же вновь сурово сжала губы.

— Больше не говорите ничего. Я хочу спокойно спать по ночам, а чужие секреты к крепкому сну не располагают. И... да, расспрашивать в самом деле нет смысла. Достаточно, если был даже один раз. — Должно быть, в моем взгляде отразился закономерный вопрос, потому что она продолжила: — Когда демон получает человеческое тело в свое распоряжение, он не всегда способен научиться им управлять. Требуется либо продолжительное время, либо большой опыт, чтобы срачивание прошло успешно. А пока оно не завершено, многие телесные свойства остаются без присмотра и... часто не работают вовсе. К примеру, та особенность, что позволяет женщине в определенные дни вступать в близость с мужчиной без боязни забеременеть. У вашего демона было достаточно опыта?

— Боюсь, что нет.

— Тогда все ясно. Я, конечно, еще взгляну на нее, но думаю, этот вывод только подтвердится.

— И если это правда...

— То что? — поинтересовалась Элса, глядя на меня снизу вверх.

— Вы можете избавить ее от ребенка?

— Так-так-так, — простучали пальцы лекарицы по столу. — Могу. Но должна ли?

— Я не знаю, как женщины относятся к жизни, которую носят в своем чреве. И никогда не смогу узнать. Но вряд ли девочка будет рада родить ребенка от неизвестного отца. Тем более даже не помня близости с ним.

— Всякое бывает. Поверьте, всякое. И нежеланное дитя иногда становится даром судьбы.

— Не в этот раз.

— Вы хотите убить его... Почему?

Я ждал этого вопроса. Правда, даже время ожидания не помогло найти ответ.

Потому, что Лус слишком юна и беспомощна, чтобы становиться матерью? Это не помешает. Никогда не мешало. К тому же она доверчиво примет любое мое объяснение по поводу непонятно как и когда состоявшегося зачатия. А еще вероятнее, решит, что отец — я, просто по каким-то, непременно серьезным, причинам не могу признаться. И будет счастливо хранить придуманный «секрет», о котором, разумеется, довольно скоро станет известно всем и каждому, и тогда мне уж точно придется лгать. До конца жизни. Хочу ли я становиться лжецом ради чужого блага?

— Человек, который изнасиловал ее, не заслуживает продолжения своего рода.

— Согласна, это причина, — кивнула Элса. — Единственная?

— Я не защитил ее. Не сдержал свое обещание.

Лекарица поднялась на ноги, прошла к двери и остановилась ровно за шаг до порога. Где-то у меня за спиной.

— Тогда это стало бы достойным искуплением вины. Не находите?

Да, конечно. Наверное, так мне и надо.

— Как пожелаете. В любом случае, лучшей заботы, чем из ваших рук, она нигде не получит. Всей необходимой заботы.

Руки, удивительно сильные для телосложения Элсы, развернули меня лицом к лекарице.

— Признаю, иногда я задаюсь вопросом, почему вас назначили Смотрителем. Но только не в такие минуты! — Она больше не была суровой или растерянной. Она улыбалась. — Вы бы выкарабкались из этой ямы. Нашли бы способ. Но с такой же легкостью нырнули бы и вниз, на самое дно. Просто потому, что можете сделать и то и другое.

Если бы я не знал кое-какие подробности о прежней жизни Элсы Квери и не догадывался о чем-то большем, я бы решил, что на меня смотрит влюбленная женщина.

— Это очень редкое свойство, берегите его в себе. А я потакать не буду, а то еще решите вдруг заделаться спасителем всего мира... Вот тогда моей помощи не хватит. Все будет хорошо, — взъерошила мои волосы лекарица. — У девочки еще будет столько детей, сколько она решится выносить. И будет... одно туманное воспоминание о легком недомогании, которое так свойственно женщинам после долгой дороги. Ведите ее сюда!

* * *

Когда я вернулся во двор, сдав больную с рук на руки, лисички поблизости уже не было. И это, признаться, выглядело странным, потому что другая на ее месте попыталась бы выяснить, чем именно занедужила новоприбывшая девица. Тем не менее ни одна живая душа не составила мне компанию, пока я ждал окончания лекарского действия. И к лучшему.

Оно не заняло много времени, как и любое убийство. Безмятежно спящая Лус вряд ли

почувствовала хоть что-то из происходящего, а Элса заверила меня, что после пробуждения девушка даже не догадается о случившихся изменениях в ее теле. На этом все неотложные дела закончились, и можно было отправляться восвояси.

Разноцветные каменные дорожки не сразу согласились признаться, какая из них ведет в нужном мне направлении, но, поплутав с полчаса и воспользовавшись помощью встреченных по пути дольинцев, я все же добрался до смотрительского дома. Снаружи он был все тот же: чуточку заброшенный и ощутимо необжитый. Внутри же...

Гибкий силуэт в простом полотняном платье с поясом, сползшим на бедра: светлый, почти светящийся даже посреди сумеречной сырости давно не проветривавшейся кухни.

Подол, все же не убеженный полностью от капель травяного сока.

Рыжий локон, выбившийся из-под ленты и змейкой скользнувший между остренькими лопатками.

— Добро пожаловать, — сказал я, хотя приглашение и запоздало.

Она не ответила, не обернулась. И это показалось мне еще более странным, чем давешнее отсутствие любопытства.

— Что-то случилось, эрте?

— Случилось? — пересмешником повторила мой вопрос Нери и издала звук, отдаленно похожий на фыркание. — Вам виднее. Хотя для вас это, должно быть, суцая безделица. Не стоящая упоминания, если вы о ней умолчали.

Тон ее голоса мне не понравился: он колебался от обиженного до оскорбленного, а каких-либо видимых причин вроде бы...

Тонкие пальцы коснулись предмета, лежащего на столе. Раздалось шуршание. Бумажное.

— Вы солгали.

Да что с ней такое, Боженка меня задери?!

— Зачем вы солгали?

Лист бумаги сорвался с края стола и закружился в воздухе, падая под ноги Нери Соанн. Знакомый такой лист, слегка помятый из-за пребывания то в одних, то в других руках. Немного отсыревший за время путешествия на речном кораблике. Я сам ни за что не вспомнил бы точное содержание нескольких строк, выведенных рукой Натти, но здесь и сейчас нашлось кому освежить мою память.

— Супруги Мори со-Литто.

Она произнесла эти несколько слов как приговор целому миру. То ли своему, то ли моему, то ли...

— Это и есть безделица.

— Супружеские узы? — горько уточнила лисичка, продолжая смотреть куда-то в закрытое окно.

— Нет никаких уз. Только на бумаге. Мужчина и женщина, путешествующие вдвоем, вызывают меньше вопросов, если именуются для всех супругами.

— И еще меньше вопросов, если ведут себя как супруги?

— Мы не пускали наблюдателей в свою постель.

— Ах, так постель все же была?

Со стороны наверняка могло показаться, что она ревнует. Но мне, глядящему на все изнутри обстоятельств, пока никак не удавалось понять, что происходит.

Да, когда я испрашивал дозволения уехать, хозяйка Блаженного Дола уже вела себя

немного странно. Невнятные разговоры о сватовстве, назначенной свадьбе и прочих глупостях, вспышки гнева безо всяких объяснений. Ей определенно что-то требовалось от меня, но вроде бы только осенью. Или обстоятельства изменились?

— Вас что-то тревожит?

— Да. — Рыжая голова утвердительно качнулась. — Меня тревожит, когда мне лгут.

— Эта бумага и правда не имеет значения. — Я присел, чтобы поднять злополучную подорожную, но туфля Нери плотно прижала листок к полу.

— Тогда почему же вы так держитесь за нее?

Снизу очень хорошо были видны раздраженно раздутые ноздри. И дрожащий, скорее всего от ярости, подбородок.

— Потому, что любая бумага требует к себе уважения. Даже потерявшая свою силу.

— Вы уже получили развод?

— Нет. И не собираюсь получать.

Нери торжествующе фыркнула, но ногу с подорожной не убрала.

— Потому что свадьбы не было.

— Неужели?

— Именно так.

— Тогда вы не только лжец, но и грешник! — заявила лисичка. — Если свадьбы не было, зачем же вы привели свою спутницу к Элсе? Конечно, чтобы она позаботилась о ребенке! Я не настолько слепа, как вы думаете. Ту девушку тошнило вовсе не с дороги.

Ну да, конечно. Догадалась. Не стоило надеяться на сохранение тайны. Но если один секрет она разгадала сама, со вторым лучше поторопиться мне.

— Вы правы. Я в самом деле просил Элсу позаботиться о ребенке. О том, чтобы он не увидел свет.

Нери содрогнулась всем телом. И упала бы, если бы я не подхватил ее за бедра.

— Вы отказались от собственного ребенка?!

Она произнесла это совсем без голоса. Одними губами, глядя мне в лицо глазами круглыми, как тарелки. А потом снова покачнулась. Пришлось поднять ее и посадить на стол.

— Вы отказались...

В ней не было ужаса. Ни капли. В конце концов, сельская местность обычно располагает к более простому восприятию жизни и смерти, нежели перегруженные искусственными условностями города. Нет, лисичка смотрела на меня так, будто я совершил поступок не то чтобы дурной, но тот, которого от меня не ожидали. Или, вернее, тот, который я не имел права совершать. По мнению Нери, разумеется. Потому сейчас светлые глаза были наполнены даже не удивлением, а чем-то вроде отчаяния, словно мне предписали сделать то-то и то-то, а я грубо и бессовестно нарушил устав собственной службы. Но главным было все-таки не мое преступление, а то, что оно каким-то образом могло повлиять на чужие жизни.

По крайней мере на одну.

— Отец этого ребенка был плохим человеком. И зачал его не в мире и согласии.

Кажется, она меня не слушала. Или не слышала. Но продолжала смотреть глаза в глаза. Не отрываясь.

В моем прошлом вспоминался всего один такой взгляд. И хотя грешно сравнивать приبلудную собаку с человеком, в зеленых озерцах плескался очень похожий вопрос. Но если Корка безмолвно и робко просила о помощи, то Нери нужно было узнать лишь одно.

«Ты же не такой, как другие? Ты все-таки не такой? Ты не можешь быть таким же, я хочу в это верить, но... Только ты можешь дать ответ. Да или нет? Да или...»

Откуда я знаю? Может, все намного хуже. Может, мне стоило бы даже быть чуточку больше похожим на остальных, иначе почему все вечно смотрят на меня с подозрением? Чувствуют подвох, вот почему. Чуют не хуже собак, что во мне есть какой-то изъян. Непонятный. Опасный. Трещина, которую никак и ничем не заделать и которая становится только глубже с каждым прожитым днем.

Что хорошего в том, чтобы быть «не таким»? Лисичка не сумеет объяснить, можно даже не спрашивать. Но будет искать что-то в моем взгляде, пока не найдет. Или пока я не произнесу те единственно верные слова, способные стать хотя бы подобием ответа.

А мне ведь нечего сказать, кроме...

— От собственного ребенка я не откажусь никогда.

Зелень глаз вспыхнула огнем. Осенним таким, загорающимся золотой каймой на умирающих листьях. Каким потом стал взгляд Нери, мне не удалось разобрать, потому что ее лицо вдруг придвинулось близко-близко к моему. А умела лисичка целоваться или нет, перестало иметь значение, как только наши губы соприкоснулись.

Это не напоминало спокойную привычку Лодии, моей скучной аленны, и не несло в себе отголоски надменной властности Эвины Фьерде, благороднейшей из благородных.

Горьковатый аромат травы, свежей, росяной, сочной и одновременно подвялившейся на солнце, обжигающей кожу острыми краями. Жизнь и смерть, идущие рука об руку в любое мгновение нашего существования...

Просто жизнь и смерть.

Просто мир. Сумасбродный, расчетливый, юный, дряхлый, не перестающий удивлять нас и искренне удивляться сам.

Есть ли смысл спорить с миром? Не знаю. Но еще меньше смысла спорить с женщиной. Вообще никакого. И все-таки я немного отодвинулся назад, чтобы заглянуть в ее глаза снова.

Я помнил, какова из себя покорность. Я помнил, как выглядит желание. Но тому, что встретилось мне во взгляде Нери, нашел подходящее слово не сразу. Не с первого вдоха. Потому и переспросил, слыша взволнованную хрипотцу в собственном голосе:

— Тебе это нужно?

Ее губы улыбнулись. А вот глаза остались совершенно серьезны. Даже слишком серьезны для такой молодой девушки в такой ответственный...

Этот миг что-то решал для нее. Что-то очень важное. И когда я понял, что все равно не приближусь к истине ни на шаг, пока не исполню еще одно чужое желание, вопросы и ответы разлетелись в стороны, как опавшие листья, подхваченные ветром.

* * *

— У тебя было много женщин?

Пожалуй, мне впервые задавали такой вопрос. Нет, точно впервые. Лодия вовсе не позволяла себе ничего лишнего в наших разговорах, а Эвину ничуть не волновали те, кто находился у подножия ее престола.

— Много, мало... Другие женщины — это другие женщины. А ты — это ты.

Она прижималась к моей груди, сползая почти на самый край стола, и наверняка чувствовала себя не слишком уютно, опираясь на деревянные грани, но не пыталась покинуть мои объятия. Скорее наоборот, готова была полностью раствориться в них. Но этого, конечно, нельзя было допускать. Хотя бы потому, что у каждого из нас помимо права любить имелись еще и обязанности.

— Как думаешь, тебя еще не хватились дома?

Нери покачала головой:

— Если и так... Они не станут мешать нам. Никто не станет.

— Потому что твой гнев настолько страшен?

Она лишь усмехнулась.

— Я бы с удовольствием вылил на себя сейчас ведро воды.

— Я тоже... А еще лучше, если это ведро будет таким большим, чтобы забраться в него целиком.

— У меня ничего похожего нет.

— У меня есть, — заманчиво мигнули светло-зеленые глаза. — И оно очень большое. Такое, что его вполне может хватить на двоих.

Впрочем, смелости Нери хватило лишь на этот намек: как только где-то за окном раздались шаги, лисичка выскользнула из моих рук, торопливо поправляя платье.

— Мне все-таки нужно вернуться.

— Конечно.

— Иначе домашние и впрямь будут волноваться.

— Непременно будут. Да и я... тоже буду.

— Волноваться?

— Думать о тебе.

Ее щеки тронул румянец, но шаги прозвучали еще ближе, и Нери легким ветерком выскочила в заднюю дверь, а я наконец смог поднять с пола клочок бумаги, беспечно перевернувший мой мир с ног на голову, и задуматься, откуда он мог взяться в смотрительском доме раньше, чем моя нога перешагнула этот порог. Впрочем, много времени на размышления тратить не понадобилось, потому что в окне, чьи створки вдруг поползли в стороны, раздвигаясь, показалась до боли знакомая рыжая голова.

Я поднял подорожную на уровень глаз лукавого проходимца и спросил:

— Твоя работа?

— Ну да. Я ведь ее написал. Или ты запомнил?

— Я спросил о другом.

Натти принял обиженно-недоуменный вид, но тут же довольно ухмыльнулся.

— Ты понимаешь, сколько бед натворила твоя идиотская шутка?

— Ну если это и беды, то очень даже счастливые. — Улыбка рыжего стала еще шире.

— Этого не должно было случиться. Так не полагается. В конце концов, это просто запрещено!

— Запрещено? — Натти подтянулся и сел на подоконник. — Это кто тебе сказал? Братец Керр?

А я-то уже начал забывать, как хорошо рыжий умеет находить уязвимое место и насколько безжалостно тут же тычет в него пальцем!

Да, золотозвенник за все наши разговоры о том, что мне полагается делать и не делать в обыденной жизни, ни словом не обмолвился об отношениях с женщинами. Отдельные подробности я узнал уже намного позже, правда, от людей, подозревать которых в заведомой лжи вроде бы не было причин. Но, конечно, только на этом основании принимать обрывочные сведения за непреложный закон...

— Вообще-то да, семейные узы в таких случаях не поощряются, — равнодушно подтвердил Натти, заметив мое замешательство.

— Вот видишь!

— А особенно не поощряется гласность. Сам понимаешь, Смотритель — персона высокопоставленная, подающая пример своим подопечным. И если он будет дурным...

— Я могу на ней жениться?

Рыжая голова качнулась.

— Нет.

Так я и думал. Впрочем, пока наше баловство остается в тайне, беспокоиться не о чем. А единственный свидетель...

— Я ничего не видел! — замахал руками Натти, словно прочитав мои мысли. — Только слышал. А слух очень часто обманывается. Почти всегда.

Ну и хорошо. Нери явно не будет болтать лишнего о своем визите в смотрительский дом. Значит, можно ни о чем не беспокоиться?

— О, кстати, чуть не забыл! — Запечатанный футляр для писем пролетел через кухню и приземлился на столе, ровно посередине. — Это тебе.

— Что за штука?

— Сам увидишь, — многозначительно пообещал рыжий.

Тройной витой шнур с вплетенными металлическими нитями. Похоже на золото. Что ж, можно заключить, что отправитель не трясется над каждой монетой. И никакого воска: футляр опутан коконом, который, единожды разорвав, восстановить уже невозможно. Защита надежная, а главное, слишком тонкая и кропотливая, чтобы использоваться для обычных посланий. Такие изыски не припоминаются мне даже в переписке Сопроводительного крыла, не говоря уже о прочих дарственных службах, куда доводилось заглядывать.

— Чего медлишь? Страшно?

Вот чего нет, того нет. Если секретное послание дошло до моих рук, значит, я получил бы его в любом случае. И вне зависимости от своего желания.

Шнуры подались на удивление легко, как будто только и ждали моего прикосновения. Внутри обнаружился плотно скрученный лист бумаги, слишком просторный для написанных на нем слов.

«Получателю сего прибыть в указанное гонцом место, дабы засвидетельствовать свое почтение».

— Почтение кому?

— Посмотри ниже, — посоветовал Натти.

Я перевел взгляд на нижнюю часть листа, где прямо из бумаги аккуратными шрамами поднимался рисунок, неприметный, только если смотреть прямо сверху вниз. Стоило чуть повертеть послание из стороны в сторону, как белизна наполнилась красками, являя на свет

божий замысловатый узор, в котором можно было различить цепные звенья. Очень много звеньев. И чем дальше я вглядывался, тем больше их становилось.

Примерно на второй сотне глаза начали уставать, и завораживающее занятие прекратилось само собой, породив закономерный вопрос:

— А гонец, по всей видимости, ты?

— Ага.

— И давно ты на побегушках у...

Оно не захотело срываться с моего языка. Слово, означающее все и ничего одновременно.

— Да так, подвернулся под руку. Надо было отказаться?

Я положил бумагу на стол, еще раз посмотрел на печать Дарохранителя Логарена и, от греха подальше, снова свернул послание и спрятал в футляр.

— Его полагается сжечь, — напомнил рыжий.

— Сожгу. Непременно. И так?

— Что?

— Место. Куда я должен прибыть?

— Ах, место... — лениво протянул Натти. — Тут неподалеку. Прямо за заставой, миля по правую руку. Уединенная такая полянка... Увидишь.

— И как скоро я должен там оказаться?

— На вечерней заре.

— Не поздновато ли для торжественных приемов?

— Не я выбирал время.

— И мне, конечно, нужно подготовиться?

— Ну-у-у, — пожал плечами рыжий. — Тебе виднее. Меня ко двору еще не приглашали.

За оставшееся время можно было переделать кучу разных дел. Или не делать ничего вообще. Но ни одна из этих крайностей не показалась мне достаточно приятной и полезной, а вот их золотая середина...

— Разбудишь, когда нужно будет выходить.

* * *

Он разбудил. Правда, не своими руками: из объятий сна меня вырвал оживленный стрекот жука, устроившего приветственные танцы прямо на моей груди. Нелепое и загадочное создание словно радовалось возвращению хозяина и угомонилось не сразу. Впрочем, медовая вода все же подарила мне несколько свободных минут, которые я потратил...

На умывание, и только. Я, так же как и Натти, понятия не имел, что полагается сделать с собой перед столь важной встречей. Форменной одежды у меня не было, значит, сойти могла любая, даже та, в которой я прилег вздремнуть. Оружие Смотрителю не полагалось, какие-то особые регалии — тоже, один только жук, привычно и удобно устроившийся у меня на плече.

По мере приближения к указанному месту становилось все темнее. Конечно, до настоящего ночного мрака надо было еще дожить, но зыбкая серая взвесь, с каждой минутой крадущая все больше и больше чистоты дневного воздуха, постепенно превращала окружающий мир в его искаженное подобие, заодно туманя и сознание. Словно, шагая по тропинке от граничной заставы, я в какой-то миг пересек границы привычного и углубился во что-то неизведанное.

Впрочем, треск веток под неловкими ногами всегда и всюду, даже среди призраков, возникает только по вине человека.

— А ты что здесь делаешь? — спросил я, поворачиваясь к фигуре в мутно-сером платье.

— Мне было велено прийти сюда, — тихо ответила Нери, осторожно оглядываясь по сторонам.

— Кем велено?

— Принесли письмо. Странное такое... Но гонец сказал, что написанный в нем приказ обязателен к исполнению.

Гонец? Уверен, что никто, кроме Нагги, не мог им быть: зачем отправлять двух разных людей туда, где легко справится и один? Но почему она не назвала его по имени?

— Как он выглядел? Тот, кто вручил тебе послание?

— Я никогда прежде его не видела. Человек как человек, только...

— Только?

— Волосы у него были странные. Разноцветные. Но, наверное, так и положено?

Значит, мой рыжий приятель явился в дом Нери под другой своей личиной. Осторожный, гад. А главное, располагает кучей возможностей, которыми пользуется, не сомневаясь и не раздумывая подолгу.

— Да, наверное.

— А тебе... Тебе тоже приказали быть здесь?

Нет, я просто отправился погулять. На сон грядущий.

Впрочем, причину своего присутствия на поляне я еще мог предположить: в конце концов, у меня и как у дарственного чиновника, должны были иметься какие-то особые обязанности, в том числе отчет перед Дарохранителем. А вот зачем ему понадобилась хозяйка Блаженного Дола?

Воздух в нескольких шагах от нас вдруг наполнился звоном. Тихим, но достаточно тревожным, чтобы привлечь внимание. А потом пространство, к этому времени уже похожее на плотный серый полог, разъехалось в стороны, открывая проход целой процессии.

Это был очень большой портал. Я привык думать, что путешествовать с помощью демонических сил можно только поодиночке, но здесь либо действовал совсем другой принцип, либо в месте отправления орудовали не три, а по меньшей мере тридцать три Звена Цепи одушевления.

Сначала поляну заполонили стражники: высокие дюжие молодцы не могли быть никем другим. Они быстро и четко заняли места по периметру, и, как только последний завершил движение, в руках каждого крохотным факелом вспыхнуло наверху бражка. Большого освещения, пожалуй, не требовалось: внушительная искра, плавающая в воздухе вокруг одного из концов боевого посоха, вполне могла заменить собой целый канделябр со свечами.

Следом за стражниками из портала выступили фигуры в длинных мантиях. Их оказалось несколько меньше, чем я предполагал, всего дюжина. Бритоголовые женщины с бесстрастными лицами образовали второй круг охраны, чуть более разреженный, чем первый, но самым важным и самым пугающим было то, что обе цепи сомкнулись за нашими спинами, то ли лишая возможности сбежать, то ли беря под свою защиту.

Только потом, спустя долгую, пронзительно-тихую минуту, из портала вышел тот, с кем я и не мечтал, и не видел необходимости когда-либо встречаться. Среднего роста, стройный, может быть, даже излишне худощавый мужчина казался немного выше, чем был, из-за шляпы, с полей которой, закрывая лицо, спускалась густая кисея.

Он остановился, сделав всего несколько шагов, и воздух тоже застыл.

Я не знал, как подобает приветствовать первое лицо Логаренского Дарствия, поэтому лишь склонил голову, а Нери и вовсе не шевельнулась, с удивлением и чем-то вроде ужаса продолжая смотреть на высокого гостя. Впрочем, тот не стал обращать внимания на такие мелочи.

— Подойдите ближе, дорогая моя.

Лисичка подчинилась приглашению, которое прозвучало хоть и ласковым, но все-таки приказом.

— Вы и в самом деле прекрасны. Все именно так, как мне и рассказывали.

— Вы очень добры, эрте, — прошептала Нери, и мне почему-то показалось, что она старается убедить в сказанном и себя, и своего собеседника.

— О доброте поговорим после, дорогая моя. Когда появится необходимость. А пока скажите, как скоро вы сможете найти себе замену?

— 3-замену? — заикаясь, переспросила хозяйка Блаженного Дола.

— Да. Человека, который сможет принять ваши обязанности по управлению здешними землями.

— Если это потребуется... Трех дней должно хватить. Но зачем я должна передать кому-то...

— Затем, что обязанности у вас появятся новые.

Нери заметно покачнулась, но сейчас поддержать ее было некому, и девушка устояла на ногах самостоятельно. Хотя трудно было представить, чего ей стоило и это, и следующий вопрос, произнесенный по-прежнему негромко, но намного тверже, чем все предыдущие слова:

— Какие обязанности?

— А не слишком ли вы любопытны? — пожурил лисичку Дарохранитель. — Впрочем, таинственность и впрямь более не уместна. Мне нужен наследник, дорогая моя. Ребенок, рожденный красивой, здоровой женщиной и воспитанный хорошей матерью. Выбор пал на вас.

«Безымянный жених, перед чарами которого не может устоять ни одна невеста...» Кажется, так рассказывала Элса Квери, улыбаясь наивности страшных легенд, передающихся из уст в уста в здешних краях? Что ж, теперь я знаю: все это самая настоящая правда. И жених, и чары, которые он накладывает на свою избранницу. Ибо кто может в здравом уме отказать Дарохранителю Логарена в любом его желании?

— Это честь для меня. — Она подняла голову, задирая подбородок высоко-высоко, хотя следовало бы, наверное, наоборот, покорно склониться перед явленной волей. — Это честь для женщины.

Да, покорностью здесь и не пахнет. Хорошо еще, если Нери не обвинят в излишней дерзости.

— Но я этой чести не заслуживаю.

Кисея на шляпе качнулась.

— Не нужно скромничать, дорогая моя! Право стать матерью наследника Дарствия имеет любая подданная. Ну разве что кроме...

— Кроме меня, — упрямо повторила лисичка.

— Объясните, — велел Дарохранитель, подпуская в голос прохлады.

— Я преступила закон.

— Каким же образом?

Кажется, он все еще не верил в серьезность намерений хозяйки Блаженного Дола, а вот я уже не сомневался. И смутное предчувствие беды струйкой пота пробежало между моими лопатками.

— Я соблазнила и склонила к запретной близости дарственного чиновника.

Жаль, что земля не умеет разверзаться под ногами, когда это так необходимо!

— И ношу под сердцем его ребенка.

Вот это, конечно, уже была ложь. Наглая. Но зато все остальное...

— Это веская причина, — признал Дарохранитель и, помолчав, задал вопрос, которого я ждал, но не хотел услышать: — И вы можете назвать имя и чин этого человека?

Даже если она не собиралась идти до самого конца, то теперь ей не оставалось ничего другого, кроме как произнести:

— Ханнер Мори со-Веента. Смотритель Блаженного Дола.

* * *

Самым нелепым было то, что я не чувствовал себя преданным. Когда Натти подсунул мне «мокрую глотку», тогда да, праведное возмущение бушевало во мне вовсю. А сейчас сознание ощущалось на редкость ясным и спокойным, словно случилось не просто нечто закономерное, а то, что не могло не случиться. Так, к примеру, за летом всегда приходит жестокая насмешница осень.

Правда, не слишком ли рано в этом году?

Дарохранитель молчал недолго:

— Подите прочь, дорогая моя. Следуйте судьбе, которую выбрали.

Не знаю, на какое развитие событий рассчитывала Нери, но вряд ли надеялась так легко и просто избежать цепкой хватки Безымянного жениха, потому помедлила уходить. Сдвинулась с места, только когда рука человека в странной шляпе скучным жестом повторила прозвучавшее ранее приказание. А вот следующее короткое движение пальцев, указавшее на место рядом с Дарохранителем, предназначалось уже для меня.

— Отчаянная женщина.

Или отчаявшаяся, что явно вернее. И еще неизвестно, что страшнее, первое или второе.

— Слишком отчаянная для меня. А для вас?

— Она добилась исполнения своего желания, — сказал я, делая последний шаг.

— И весьма успешно, — согласно качнулась кисея на шляпе. — Но платить за него придется кому-то другому.

Я знал. О цене. О том, что ее все равно назначат. Но меня давным-давно приучили делать то, что в моих силах, ни мгновения не сомневаясь в исходе событий. Если можешь, зачем отказываться? Разве не для того боги наделяют человека частичкой своего могущества, чтобы он исправлял огрехи, пропущенные усталым божественным оком?

— Впрочем, подобные шалости все же простительны, особенно молодому человеку. В отличие от того, что трудно счесть шуткой или капризом.

Он переступил с ноги на ногу, чуть сместившись в сторону.

— Мне представляли вас как человека, всегда действующего по правилам. Но либо наблюдатели жестоко ошиблись, либо... вы уже не тот человек, каким были прежде.

Если бы!

«Не тем» я чувствовал себя на юге и поначалу в Руаннасе, пока чрезмерно нежный горошек, порожденный желанием упорного садовника и могуществом незадачливого демона, не выпил из моего тела последние капли чужого присутствия. А потом все вернулось обратно. В прошлое. В те дни, когда я еще не помышлял о новой жизни.

— Ваши деяния на посту Смотрителя Блаженного Дола вполне укладывались в границы дозволенного. Но далее... Ладно, оставим в покое Катралу. В конце концов, этот город и раньше жил по собственным законам, и теперь счастливо исполняет их, разве что с другой стороны. А как насчет всего остального? Что это была за выходка с низвержением исконного хозяина его же слугами, да еще при непосредственном участии чиновников Наблюдательного дома? А выступление против поборников веры? Да, прибоженные пользуются определенной самостоятельностью, но они такая же часть дарственного устройства, как и прочие. Вы же решились поколебать сначала одну опору, потом другую, не думая о том, что вслед за ними непременно пошатнется и все строение целиком!

Занятно. Так я еще не пробовал смотреть на свои поступки. И ведь получается, что его недовольство вполне справедливо. Ну да, где-то фактом больше, где-то меньше, но в целом...

— Вы наделали много странных вещей. Их можно уложить в пределы существующих законов и правил, но... Каждое из ваших деяний, внешне безобидное и вполне законопослушное, почему-то приводило к крушению устоявшихся основ!

Он говорил горячо и вместе с тем не столько злился, сколько удивлялся. Словно я каким-то чудом ухитрился проделать то, о чем подумывал на досуге и сам Дарохранитель, а главное, успел опередить высочайшую волю.

— Я не нарушил закон.

— Да! Именно! Ни на волосок не переступили черту. Если бы дела обстояли иначе, сейчас никакого разговора не было бы. Вообще не было бы никаких разговоров. Думаю, вы это понимаете.

Еще бы. Скорее всего, я уже несколько суток кряду обживал бы маленькую скромную камеру в Паучьем гнезде. Или мой труп гнил бы где-нибудь в сточной канаве.

— Вы изменили будущее, не меняя прошлого. Как?

— Мой отец... Он был чиновником Цепи градоустройства. Так вот, мой отец любил повторять: незачем рушить фундамент, способный вынести на себе еще не одно новое здание. То, что отжило свой срок, все равно рассыплется прахом, как ни старайся его подновить. Можно протянуть лишний десяток лет с прохудившейся крышей, но если стропила начали гнить, новая черепица только успешнее их обрушит. А если остов крепок, на нем можно возвести все что душе угодно. По крайней мере, дом, в котором можно жить, пока поблизости не расчищено место под новое строительство.

— Мудрые слова.

Мудрые, глупые... Я помню много разных слов, зато совсем не помню произносившего их человека. Но моим личным фундаментом стали именно они. Летучие скопления звуков, способные...

Нет, не изменить мир конечно же. Лишь подтолкнуть к действиям кого-то, кому такие перемены подвластны. А еще вернее, того, кто и понятия не имеет, что возможно, а что нет, и потому беспечно совершает истинные чудеса.

— С законами все точно так же. Пока основание твердо и незыблемо, можно подниматься все выше и выше, строя ступеньки правил. Но если пошли трещины... Стоит

подумать о новой лестнице.

— И как, по-вашему, нынешняя лестница уже шатается?

За такой вопрос любого подданного Логаренского Дарствия упекли бы в Паучье гнездо в считанные минуты. За ответ, каким бы он ни был, — тем более.

— Я не знаю, что лежит в ее основе. Отец предписал бы для начала внимательно осмотреть фундамент, а уже потом делать выводы.

— В основе, говорите... Что ж, я покажу. Смотрите внимательно.

Он щелкнул пальцами, и обе цепи охранения развернулись в нашу сторону затылками. А потом Дарохранитель снял шляпу.

Я давно уже устал удивляться, и все же лицо, освобожденное от пелены кружев, заставило меня приподнять бровь. Кажется, левую.

Наверное, самым правильным поступком стало бы свернуть ему шею, этому молодому насмешнику из Аллари, принцу чужого мира. Но законы запрещали поднимать руку на высшую власть Логарена, а я никогда не нарушал правил, придуманных не мной.

— Что скажете теперь?

Ему и правда было интересно мое мнение. Уж не знаю почему, из упрямства, каприза, желая лишней раз поехидничать или в надежде услышать что-то полезное, но Дарохранитель внимательно смотрел на меня красноватыми угольками своих демонических глаз.

— Неожиданно.

— Это понятно, — махнул рукой он. — А остальное? Насчет фундамента?

— Как долго вы...

Я не закончил фразу, потому что вспомнил вдруг Катралу и ее богов-демонов, путешествующих из тела в тело с легкостью мотыльков. Он ведь выглядит старым, даже несмотря на юное обличье, значит...

— Семьсот тридцать пять лет назад. По здешнему летосчислению. Мне тогда особенно опостытели препирания с собственным отцом, рамки, в которые он меня вечно загонял, требуя подчинения и следования древним традициям. Хотелось свободы. Хотелось простора. У меня не было мечты как таковой, зато лежал в тайнике некий цветастый кокон.

Как все просто. Но, наверное, если бы жизнь вершилась по более сложным законам, она давным-давно предпочла бы закончиться навсегда.

— Я знал, что за «вратами» возможно все. Не догадывался только, что это «все» складывается из двух половин. Моей и человека, в теле которого я окажусь. Он был молод, как и я, но не бежал от чьей-то опеки, а сам должен был вот-вот стать опекуном маленького государства. Он боялся, что не справится. Он мучительно перебирал в мыслях сотни различных вариантов, не решаясь остановиться на чем-то одном. Но к моменту моего появления главное решение уже было принято. Лионн Вьере со-Логарен хотел стать достойным правителем. И... стал.

— Сразу? — спросил я, невольно вспомнив собственное соглашение с демоном.

— Я недолго упирался, — признал Дарохранитель. — Это ведь было так заманчиво — получить в свои руки долгожданную власть и не быть скованным никакими ограничениями! Правда, так казалось только поначалу. Пока не выяснилось, что государство — это вовсе не одни только поля, леса и реки, а еще и люди. И чтобы этих людей становилось все больше и больше, недостаточно каждой женщине найти своего мужчину. Нужно много разных вещей, особенно уверенности. Уверенности в том, что через год, дюжину лет, столетие внуки и

правнуки нынешних молодых супругов смогут жить и думать о будущем собственных потомков. В итоге я...

Он был стар, как мир. Как мой мир, ведь именно этот демон и стоял у истоков всего того, что я знаю. И одновременно он был все еще невообразимо юн. Как тот же мир, каждую весну освобождающийся из-под снега. А юность обычно принимает в самых сложных обстоятельствах самые простые решения.

— Вы не смогли их оставить на произвол судьбы.

Он кивнул:

— Потому что я мог и дальше заботиться о теперь уже своей стране. По-настоящему своей. О своем Дарствии. Я мог, а значит, должен был это сделать.

И колесо закрутилось. Сначала ритм наверняка был рваный, чересчур торопливый, захлебывающийся, а потом все выровнялось, успокоилось, вошло в колею... Пока на горизонте вдруг не возникло новое бездорожье.

— Сначала мне было любопытно строить государство так, как виделось лучшим. Еще дома виделось. И казалось, начало получаться. Но мои соратники ведь не могли жить вечно, а те, кто приходил им на смену... Они уже не помнили истоков. Да и откуда могли помнить? Они же тогда еще даже не были рождены!

А потому волей-неволей пришлось думать о том, как воспитать новых? Так вот откуда пошли все эти Цепи!

— И я тоже не мог править вечно. Не в изначальном теле, по крайней мере. Нужен был надежный способ сохранения власти, не вызывающий у народа сомнений и возражений.

— Как в Катрале?

Он на мгновение нахмурился, видимо пытаясь понять, что я имею в виду.

— Да, что-то вроде того. Поначалу это был жребий. Простой и честный. Но, пару раз промучившись с исполнением желаний случайно выбранных людей, я понял: в лучшем случае это напрасная трата времени. Тогда будущих Дарохранителей стали нарочно готовить к принятию титула.

— Праведным примером?

Демон усмехнулся:

— Каким было, тем и готовили... Кстати, иногда получалось весьма неплохо.

— Но и этот способ забросили, верно?

— Слишком много сил и времени требовалось, — развел руками Дарохранитель. — Непозволительно много. Взять власть над чужой волей и сразу сделать то, что нужно, оказалось лучшим решением.

— И много было желающих?

— Их желания уже не имели значения.

— И сколько жизней вы прожили за их истинных владельцев?

Он посмотрел на меня исподлобья:

— Это обвинение?

— Нет, всего лишь неуместное любопытство. Вы должны были часто менять тела, потому что, насколько мне известно, по мере проникновения демона душа хозяина становится все слабее. Пока вовсе не умрет, а следом за ней не начнет умирать и плоть.

— Вы многое знаете, — заметил Дарохранитель.

— Пришлось узнать.

— Да, мне рассказывали вашу историю... — рассеянно подтвердил он и продолжил: —

Я не считал их нарочно, поверьте. Но я помню, как убивал каждого из них. В самом конце, пока руки еще меня слушались. Никаких помощников. Только я и будущая жертва.

Сам лишал себя жизни? После полного срачивания? Даже трудно представить, каково это. Раз за разом причинять себе боль и молиться, чтобы очередное страдание не оказалось напрасным, ведь одна-единственная ошибка, допущенная хоть кем-то вокруг, и...

Прощай, мир чужой, здравствуй, дом!

— И никто никогда не принимал вас добровольно?

— Только тот, первый. Но он и не подозревал о моем существовании, — улыбнулся

Дарохранитель.

Это было естественным. Простым. Понятным. Свойственным миру, окружавшему меня с рождения. Но почему тогда я вдруг почувствовал что-то, подозрительно похожее на стыд? Стыд за всех людей на свете.

— Неужели на протяжении стольких лет не могло найтись человека, который искренне пожелал бы того же, что и вы?

Уголки его губ поднялись еще выше, правда, веселья в лице стало меньше, чем прежде.

— Должно быть, такой я невезучий. То, что случилось с Да-Дианом, честно говоря, вызывает у меня зависть. И еще какую!

— Жаль, что вам не удалось этого испытать.

— А вы могли бы помочь? Получилось один раз, может, получится и второй?

Пустить в свое тело нового демона? Причем не простого, а...

Да, я мог бы. Но одно дело — побыть гостевым домом, пусть даже для Дарохранителя, и совсем другое — носить до конца жизни в себе его след. Я уже немного думал о судьбах всего мира и, надо сказать, нашел это занятие скорее утомительным, чем вдохновляющим и приятным. А все время думать как глава Дарствия, но при этом не иметь ни малейшей возможности воплотить свои мысли в реальность...

Нет уж, спасибо! Для меня во всем этом точно не будет блага.

— Ну так как? Попробуете? — настойчиво повторил он.

— Нет.

— Даже если это станет приказом?

Ага, теперь ясно, кто именно рассказывал ему мою «историю»! Натти, кто же еще. Рыжий пройдоха, прекрасно изучивший все уязвимые места Смотрителя Блаженного Дола.

— А вам это нужно? На самом деле?

— Возможно, — уклончиво ответил Дарохранитель.

— Только потому, что кто-то оказался чуточку удачливее вас? Или есть причина важнее?

Он промолчал, впрочем не спуская с меня взгляда. А я все отчетливее понимал, что не смогу отказать, если снова услышу ту отчаянную просьбу.

— Хорошо. Если вам так сильно этого хочется... Давайте. Я пожелаю всего, что потребуется. Буду стараться изо всех сил. Но обещаю: домой вы вернетесь нескоро. Я не слишком хорошо знаю, как нужно управлять землями и народами, зато умею обращаться с демонами внутри себя. И не отпущу вас, пока мне самому не наскучит править Дарствием. А мне не наскучит, потому что приказы я всегда исполняю в точности. Со тщанием и прилежанием.

— Вы умеете пугать, — признал Дарохранитель. — И будем считать, что я испугался. Пусть так. Забудем обо всей этой ерунде. Мне и в самом деле пора возвращаться домой.

Совсем скоро.

— Когда подрастет замена?

— Да, замена... Наследник.

— Кровный наследник?

— Вас что-то удивило? — поинтересовался он, заметив мое недоумение.

— Ребенок, рожденный от союза человека и одержимого...

— ...рождается недокровкой. Он неспособен оставить потомство и неспособен отдать свое тело демону. Чего еще можно желать? Я оставлю наследника, на котором династия завершится. Окончательно. Или...

— Или?

— Или он придумает какой-нибудь другой способ изменить мир, — улыбнулся Дарохранитель. — Но это почти невероятно, не так ли?

Я тоже так думал. Совсем недавно. Однако после встречи с чужим богом, после того как собственными руками уничтожил своих богов, после того как узнал, что самый совершенный человек Дарствия оказался демоном...

Почему бы миру не измениться снова?

— Вы сомневаетесь.

В том, что чудеса происходят? Нет. Уже нет.

— Я оцениваю возможности.

— Их много?

— Две всегда есть. Как и полагается. Либо все останется неизменным, либо наоборот.

— А что-нибудь третье точно не получится? — спросил он, куснув губу.

— Монета жребия может встать на ребро. Но пока она все еще летит.

— Летит...

Дарохранитель поднял взгляд к небу, словно надеялся рассмотреть в неотвратимо густеющих сумерках тусклый отблеск неведь кем подброшенного металлического кругляшка.

— Вы сказали, что не добились самоотверженности от людей. А ваши соотечественники? Ваши... настоящие подданные?

— Подданные все там. — Рука со шляпой указала куда-то в пространство, уже расставшееся со всеми цветами, кроме серого и черного. — Не здесь.

— Они не поддержали вас?

— Сначала им не выпало такого шанса. А потом они уже не смогли воспользоваться своими шансами. Я не позволил. — Было видно, что ему не слишком приятна эта тема, но беседа продолжилась: — Они нанесли удар первыми. Даже не желая узнать, кто я такой. Для них это была игра, соревнование, азартная проверка сил, а мне к тому времени уже приходилось отвечать не только за себя одного. Я... Будем считать, опечалился. И принял меры, чтобы перекрыть атаки хотя бы с этого фланга.

— Создали...

— Охотников, да. Обычных убийц, которых отправил по известным мне следам. Обычных, разве только умеющих не желать ничего. Однако вскоре стало ясно, что далеко не всех демонов удастся легко прогнать. Охотникам понадобилась сила, по крайней мере сравнимая с силой преследуемых, и они... Начали изменяться.

— По доброй воле?

— Можете верить, можете не верить, но да. По собственной доброй воле. А заодно

научились ловить демонов и держать в заключении.

— Как Сосуды? — предположил я.

— Сосуды появились уже намного позже! Да и надежности в них, как оказалось, не особенно много. Нет, охотники куда ловчее управлялись со своими жертвами. И уносили с собой в могилу, когда приходило время умирать.

— Возвращали домой...

— Да. На родину, которую вряд ли хотел снова увидеть хотя бы один из пойманных.

— Но если все было так хорошо, что же случилось? Почему не оказались выловлены все демоны? За семь веков ведь вполне можно...

— Время и оказалось врагом. Самым коварным из возможных. Границы Дарствия расплзались все шире и шире, но чем больше становилось подданных, тем больше защиты и помощи им требовалось. И не какой-то недоступно вышней, а местной. Соседской, так сказать.

— И вы начали ковать Цепи?

— В те дни я не видел другого способа сохранить благополучие страны, — признал Дарохранитель. — Людей вокруг оказалось так много, и каждый со своими надеждами и чаяниями... Огромная паутина кружащих тропинок. Нужно было проложить тракт, подходящий для всех. Или хотя бы для многих.

— У вас получилось.

— Надеюсь. Но, как вижу сейчас, Цепи — не последний этаж в доме, который я строил. Нужно было больше доверять другим. Верить в людей, как сказал один достойный человек. Тогда все может получиться иначе. Вернее, должно получиться.

— Вы еще сможете это проверить.

— Не уверен, — грустно улыбнулся он, надевая шляпу и расправляя кисею. — Вам, должно быть, рассказывали, что по возвращении мы теряем память о прожитых здесь жизнях. Так что любой опыт, дурной и хороший... Мне придется все начинать сначала. С чистого листа.

А может, и нет. Если демону по имени Конран удалось то, чего он желал, хотя бы наполовину... Впрочем, об этом его принц узнает всяко раньше меня.

— Получилось один раз, получится и другой.

— Я тоже так думаю, — кивнул Дарохранитель, снова щелкнул пальцами и возвестил на всю поляну: — Нам пора!

Пропустив меня, цепи охранения сомкнулись, но теперь в обратном порядке: сначала стражники, потом женщины в синих мантиях, простершие руки друг к другу. Факелы бражков, направленные в середину, освещали молодого человека в старомодной одежде ярче, чем солнечные лучи, и я ясно видел, как он поднял руку к полям шляпы, словно салютуя.

На прощанье.

— Это были славные жизни! — крикнул я.

Он улыбнулся. По крайней мере, мне хотелось верить, что он улыбается. И шагнул в зыбкое марево портала. За ним, выдержав паузу, двинулись сопровождающие, строго соблюдая какую-то свою очередь. А когда погасли искры огонька последнего бражка, я мог только гадать, все ли синие мантии одновременно нырнули в развернутое пространство.

Со щелчка пальцев не прошло и минуты, а поляна уже погрузилась в обычную ночную тишину. Очень темную. Пока я добрал до граничной заставы, где мне любезно позволили разжиться фонарем, на моей коже появилось несколько свежих царапин и ссадин, а жук

недовольно переместился с плеча на грудь, под защиту рубашечного полотна, где наконец и задремал, время от времени щекотно шевеля усиками.

А вот дома было светло, потому что дома были гости. Много гостей, сосредоточенных в одном-единственном человеке.

— Больше не сердисься? — спросил Натти, наливая в мою кружку подогретое вино.

— Нет.

— Ну и слава Богу! — облегченно заключил рыжий, присаживаясь на лавку.

— Божа нет. И Боженки тоже, — вспомнил я.

— Ну что-то все-таки есть. Обязательно должно быть, иначе почему молитвы иногда сбываются?

— А может, нам так только кажется? Может, люди сами добиваются того, что им нужно?

Натти сунул в рот соломинку и через нее выдул в своей кружке много радужных пузырей:

— Ты как знаешь, а я буду верить.

— Верь на здоровье.

Пузырей стало еще чуточку больше, и я невольно позавидовал рыжему, способному беспечно развлекаться даже на пороге неизвестности. А чтобы хоть немного приструнить весельчака, заметил:

— Мир скоро изменится.

— Угу.

— Дарохранитель уйдет. Демоны... Многие тоже уйдут. Сами.

— А другим мы поможем, — пообещал Натти.

— И не останется ни чудес, ни надежды на кого-то, кроме самих себя.

— Мы справимся.

— Конечно. Разве у нас есть выбор?

Наши кружки поднялись вверх словно по команде. И были осушены до дна в полном молчании, вполне соответствующем торжественности момента. А вдох спустя рыжий уже стоял за окном, и очертания его фигуры плыли, растворяясь в ночной темноте.

— Надо сбегать кое-куда, — туманно объяснил он.

— Беги, — благодушно разрешил я, хотя в чем, в чем, а в моем разрешении охотник на демонов никогда не нуждался. — Только скажи...

— Мм?...

— Там, в Аллари. В танцевальном зале. Ты ведь защищал только одного демона из всех?

Он не ответил, а широко и чуть виновато улыбнулся.

— Почему?

— Потому, что, каким бы он ни был, Дарствие родилось и выжило лишь благодаря ему. И мы тоже.

С этим было трудно спорить. Да и не нужно. Как не нужно было спорить с женщиной, робко застывшей на пороге смотрительского дома вместе с рассветом.

— Пришли взглянуть, освободилось ли место?

— Я не хотела причинить вам неприятности, — сказала лисичка, правда, тон ее голоса ни на волосок не был близок к оправдывающемуся.

— Это точно! Если бы хотели, меня бы здесь уже не было.

Она промолчала, поджимая губы.

Сильная, решительная, дерзкая. Почти как Эвина. Но у благороднейшей из благородных никогда не возникало сожаления об использованных игрушках, а девушка... нет, женщина, глядящая на меня, отчетливо сознавала толщину и прочность стены, возведенной между нами прошедшей ночью.

Но я-то смотрел на эту стену с другой стороны. Сверху. И то, что видел, вполне подходило для строительства нового... Дома или мира? Неважно. Мне не дожить до его завершения, а моим потомкам будет виднее, что получилось в итоге.

— Я должна была защитить себя.

— Вам удалось.

Со стороны могло показаться, что гордая хозяйка Блаженного Дола вот-вот расплчется, а слезы не вытекали из запавших от бессонной ночи глаз только потому, что уже были израсходованы. Полностью.

— И я не стану извиняться.

— Помните, я говорил, что не спорю с женщинами?

Она осторожно кивнула.

— А другие мои слова помните?

В светло-зеленых глазах отразилась растерянность.

До двери было всего несколько шагов, и их вполне хватило, чтобы произнести:

— Я сказал, что никогда не откажусь от собственного ребенка.

— Которого нет, — осторожно напомнила Нери.

Я потянул ее к себе и шепнул в розовое ушко, уточняя:

— Которого пока еще нет.

Последний шаг к перекрестку

Где-то здесь и сейчас...

На пороге она и забеременела. На пороге осени.

Нельзя сказать, чтобы я плохо старался, но обстоятельства требовали от меня то одного, то другого занятия, не способствующего тихим мирским радостям, и так получилось, что к Элсе мы пришли лишь по первым золотым листьям.

Лекарица встретила нас широкой улыбкой и не прекращала шутить все время, которое потребовалось для осмотра будущей матери. Только в самом конце по гладкому лбу к переносице пробежала тоненькая морщинка, но скорее недоумения, чем тревоги.

— Все хорошо? — спросил я, помогая Нери подняться.

— Да, хорошо. С ребенком все хорошо.

— А со мной? — ехидно спросила лисичка.

— И с тобой, дорогая моя, все просто замечательно!

— А вы знаете... Это ведь можно узнать, правда?

— Что именно?

— Кто родится. Вы ведь знаете?

Элса Квери, самая мудрая женщина, которую я знал, щелкнула Нери по загорелому носику:

— Рано говорить! Все станет ясно в свой срок.

— Ну пожалуйста!

Перед таким умилительным напором не смогла устоять даже суровая лекарица:

— Мальчик. У вас родится мальчик.

В ее голосе было еще что-то, кроме искренней радости. Что-то вроде сомнения. Но мне было совершенно все равно, какого пола будет первенец, потому что я не собирался останавливаться на достигнутом, а чрево любимой женщины и Блаженный Дол легко могли вынести дюжину детей. Переспрашивать не стал. Хоть мальчик, хоть девочка, хоть оба вместе — на все воля божья.

Божья?

Верхний слой памяти вздрогнул, приподнимаясь. Где-то под ним, совсем близко, прятались странный человек на полуразрушенной крепостной стене, река, в ночной темноте мерцающая синими искрами, но...

Насущные дела увесисто плюхнулись на крышку сундука воспоминаний прежде, чем я решился ее открыть. И мы с Нери торопливо переступили порог, слушая друг друга, а не мир вокруг.

Мир, в котором лекарица, перебирая связки сушеных трав, все еще долго шептала, то ли удивляясь, то ли замирая на каждом вдохе от тревожного волнения:

— Мальчик... Или все-таки девочка?

Больше книг на сайте - Knigoed.net